ТИТЪ ЛИВІЙ.

РИМСКАЯ ИСТОРІЯ ОТЪ ОСНОВАНІЯ ГОРОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО

подъ редакціей

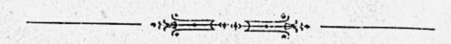
П. Адріанова.

ТОМЪ II.

Книги VI—X.

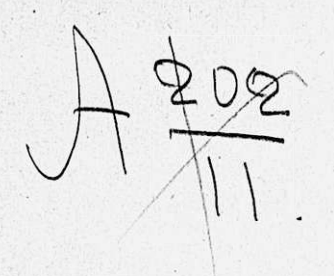
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ Е. К. ГЕРБЕКЪ.

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. рекомендовано для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимн. и реальныхъ училищъ и для фундамент. библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.



Первая женская типографія Е. К. Гербекъ, Москва, 2-я Мѣщанская, 26.

1901.



Приступая ко второму изданію II тома, въ составъ котораго вошли VI и VII кн., переведенныя редакторомъ, VIII—бывшимъ преподавателемъ Пермской гимн. Ф. Ф. Круковскимъ, IX и X—преподав. Уфимской гимн. К. В. Соколовскимъ, мы воспользовались, насколько намъ представлялось необходимымъ, тѣми замѣчаніями, которыя сдѣланы были въ спеціальныхъ журналахъ на I изданіе.

Покорнѣйше просимъ читателей исправить слѣдующія мѣста:

Стрн. 10, стр. 7/8 св. вм. „это возбудило въ воинахъ первой шеренги"—„въ воинахъ первой шеренги возгорѣлось"...

„ 13 „ 22/21 сн. вм. „Львиная доля... должна принадлежать воинамъ"—„Въ томъ славномъ подвигѣ по мѣрѣ силъ своихъ принимали участіе воины"... стр. 16 сн. вм. „равныхъ"—„отцовъ".

„ 15 „ 1 св. вм. „щитами"—„мечами".

„ 20 „ 5 „ послѣ сл. „одежда" прибавить „какъ", и опустить стр. 6 „ихъ"; примѣч. 2 замѣнить ссылкой на нач. 16 гл.

„ 24 „ 12/13 св. вм. „знакомыхъ и родственниковъ"—„родственниковъ и свойственниковъ".

„ 26 „ 19 св. послѣ „Велитръ" прибавить „такъ долго"; стр. 11 сн. послѣ „была" прибавить „какъ это обыкновенно бываетъ".

„ 28 „ 1/2 св. вм. „мысли его отличались свѣжестью"—„чувства его не были притуплены".

„ 36 „ 12 св. предъ сл. „Квинктію" прибавить „диктатору"; стр. 22 св. послѣ сл. „отцы" прибавить „которые поручили"; стр. 9/10 сн. вм. „остальное спасло счастіе рим. нар. и..."—„оставшуюся малую долю счастія рим. нар. спасла доблесть"...

„ 38 „ 16 сн. послѣ „доблесть" прибавить „счастіе".

„ 39 „ 13 „ вм. „натискѣ“—„крикѣ“.
„ 40 „ 16 св. вм. „тѣхъ лѣтъ“—„того года“.
„ 41 „ 7 сн. вм. „назначить нар. тр.“—„сдѣлаться нар. трибунами“.
„ 43 „ 13/11 сн. вм. „вынуждали татриціевъ... и надоѣдали отдѣльнымъ лицамъ вопросами относительно вносимыхъ къ народу предложеній“—„вынуждали старѣйшихъ изъ отцовъ и... надоѣдали имъ вопросами относительно отдѣльныхъ предложеній, вносимыхъ къ народу“.
„ 57 „ 3/4 св. „переводятся изъ своей трибы въ низшую“—„исключаются изъ трибы“.

Октябрь 1900 г.

Оренбургъ. *П. Адріановъ.*

КНИГА VI.

1. Въ пяти книгахъ я изложилъ внѣшнія войны и внутреннія усобицы, словомъ все, что совершили римляне отъ основанія города до взятія его галлами, находясь сперва подъ властью царей, затѣмъ консуловъ и диктаторовъ, децемвировъ и трибуновъ съ консульской властью. События эти затемняетъ отдаленная древность, подобно тому какъ предметы, находящіеся на большомъ разстояніи, едва видны; кромѣ того, въ тѣ времена мало была развита и рѣдко примѣнялась письменность—этотъ единственный надежный способъ сохранить воспоминаніе о событіяхъ,—а если что и было занесено въ комментаріи понтификовъ и иные государственные и частные письменные памятники, то большая часть ихъ погибла при пожарѣ города. Съ большею ясностью и достовѣрностью будутъ изложены послѣдующія событія изъ гражданской и военной жизни государства, возродившагося при вторичномъ устроеніи его подобно болѣе пышнымъ и живучимъ молодымъ побѣгамъ, которые пускаетъ древесный пень. Въ началѣ поддерживалъ государство тотъ же мужъ, который помогъ ему подняться—М. Фурій; раньше истеченія года ему не позволили сложить диктатуру. Не хотѣли, чтобы трибуны, во время управленія которыхъ взятъ былъ городъ, предсѣдательствовали въ комиціяхъ для избранія магистратовъ на слѣдующій годъ. Управленіе перешло къ междуцарю. Граждане неустанно были заняты постройками и работами по возобновленію города, а тѣмъ временемъ народный трибунъ Гн. Марцій привлекъ къ суду Кв. Фабія непосредственно послѣ того, какъ тотъ сложилъ въ себя должность; обвиненіе состояло въ томъ, что онъ, будучи отправленъ для переговоровъ съ галлами, несмотря 365 г.

на званіе посла, вступилъ съ ними въ сраженіе вопреки международному праву. Отъ этого суда его освободила смерть, приключившаяся такъ благовременно, что большинство считало ее добровольною. Началось междуцарствіе; сперва между царемъ былъ П. Корнелій Сципіонъ, послѣ него М. Фурій Камиллъ. Этотъ избираетъ военныхъ трибуновъ съ консульской властью—Л. Валерія Публиколу во второй разъ, Л. Вергинія, П. Корнелія, А. Манлія, Л. Эмилія, Л. Постумія.

Вступивъ въ управленіе немедленно за междуцарствіемъ, они прежде всего совѣщались съ сенатомъ по религіознымъ вопросамъ. Сперва издано было распоряженіе объ отысканіи утраченныхъ договоровъ и законовъ—то были законы XII таблицъ и нѣкоторые „царскіе законы." Кое-что изъ нихъ было обнародовано, законы же, касавшіеся священнодѣйствій, были утаены понтификами главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы при помощи суевѣрія держать массу населенія въ зависимости. Затѣмъ возбужденъ былъ вопросъ о „тяжелыхъ" дняхъ [1]); при этомъ 15-ый день до секстильскихъ календъ [2]), ознаменованный двойнымъ бѣдствіемъ,—въ этотъ день были перебиты у Кремеры Фабіи, а затѣмъ произошла позорная битва при Алліи, погубившая городъ [3]),—названъ былъ отъ послѣдняго пораженія „Аллійскимъ" и отмѣченъ запрещеніемъ заниматься какимъ-нибудь общественнымъ или частнымъ дѣломъ. Нѣкоторые полагаютъ, что запрещено было совершать священнодѣйствія и на другой день послѣ идъ, такъ какъ военный трибунъ Сульпицій на другой день послѣ квинктильскихъ идъ неудачно приносилъ жертву [4]), и черезъ три дня римское войско, не испросивъ мира у боговъ, встрѣчалось съ врагомъ. Поэтому, нѣкоторые думаютъ, что то же суевѣріе распространялось и на дни, слѣдующіе за календами и нонами.

2. Но не долго можно было спокойно думать о возстановленіи государства послѣ такого тяжелаго несчастія: съ одной стороны старинные враги, вольски, взялись за оружіе съ цѣлью уничтожить римское имя; съ другой стороны, купцы извѣщали, что старѣйшины всѣхъ народовъ Этруріи,

1) „Dies religiosi" назывались дни, ознаменовавшіеся какимъ-нибудь печальнымъ событіемъ, вслѣдствіе чего въ нихъ не позволялось приносить жертвъ и начинать какое-нибудь дѣло; дней этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ называемыми dies nefasti (праздничные дни), когда нельзя было производить судъ. 2) 18-ое Іюля. 3) См. V 37, 38. 4) Правильнѣе здѣсь думать, что жертва, повидимому, была удачна, и только послѣдствія показали, что это не такъ; дѣло въ томъ, что, если бы жертва была неблагопріятна, то ее слѣдовало бы продолжать до появленія благопріятныхъ знаменій.

собравшись у капища Волтумны [1]), согласились начать войну; а тутъ еще присоединилась новая гроза—отпаденіе латинянъ и герниковъ, которые въ теченіе почти 100 лѣтъ послѣ битвы при Регилльскомъ озерѣ [2]) съ непоколебимой вѣрностью оставались въ дружбѣ съ римскимъ народомъ. И вотъ, когда со всѣхъ сторонъ поднимались такіе ужасы, и всѣмъ становилось яснымъ, что не только враги ненавидятъ римлянъ, но даже союзники презираютъ ихъ, рѣшено было защищать государство подъ предводительствомъ того же мужа, который возстановилъ его, и избрать въ диктаторы М. Фурія Камилла. Онъ назначилъ начальникомъ конницы Г. Сервилія Агалу и, объявивъ суды закрытыми, произвелъ наборъ изъ молодыхъ людей; однако и стариковъ, которые были еще не совсѣмъ дряхлы, онъ привелъ къ присягѣ и раздѣлилъ на центуріи. Собравъ и вооруживъ войско, онъ раздѣлилъ его на три части: первую выставилъ противъ Этруріи на поляхъ вейентовъ; второй приказалъ расположиться лагеремъ передъ городомъ. Начальниками были военные трибуны—надъ второю арміей А. Манлій, а надъ первою, посланною противъ Этруріи, Л. Эмилій; третью онъ повелъ самъ противъ вольсковъ и приступилъ къ осадѣ лагеря недалеко отъ Ланувія—мѣстность эта называется *ad Mecium*. Презирая римлянъ въ томъ предположеніи, что галлы истребили почти всю римскую молодежь, вольски начали войну, но слухъ объ избраніи вождемъ Камилла такъ напугалъ ихъ, что они, не желая допустить врага къ укрѣпленіямъ, защитили себя валомъ, а валъ оградили собранными отовсюду деревьями. Замѣтивъ это, Камиллъ приказалъ бросить огонь на находившуюся передъ нимъ преграду; случайно въ сторону враговъ дулъ чрезвычайно сильный вѣтеръ; такимъ образомъ не только былъ открытъ путь для распространенія пожара, но, такъ какъ пламя тянуло въ лагерь, то удушливый запахъ, дымъ и трескъ горѣвшихъ свѣжихъ дровъ до такой степени смутилъ враговъ, что римлянамъ легче было перебраться въ вольсскій лагерь черезъ валъ, защищенный воинами, чѣмъ пройти черезъ изгородь, истребленную огнемъ. Разсѣявъ и истребивъ враговъ и взявъ штурмомъ лагерь, диктаторъ отдалъ добычу воинамъ, которая была имъ тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ меньше они надѣялись получить ее отъ вождя, не отличавшагося щедростью.

1) См. примѣч. къ IV 23. 2) См. II 19, ср. 21.

Затѣмъ, преслѣдуя бѣгущихъ и опустошивъ всѣ поля вольсковъ, на 70-ый годъ войны онъ принудилъ ихъ наконецъ къ сдачѣ. Изъ земли вольсковъ Камиллъ побѣдоносно вступилъ въ страну эквовъ, которые тоже готовились къ войнѣ; онъ разбилъ ихъ войско около Болъ и при первомъ же нападеніи взялъ не только ихъ лагерь, но и городъ.

3. Такъ шли дѣла тамъ, гдѣ находился первый человѣкъ въ римскомъ государствѣ—Камиллъ; но съ другой стороны въ это время надвигалась огромная опасность: этруски, вооружившись чуть не поголовно, начали осаду Сутрія, находившагося въ союзѣ съ римскимъ народомъ. Послы ихъ, обратившіеся въ сенатъ съ просьбою пособить имъ въ бѣдѣ, вернулись съ постановленіемъ, повелѣвавшимъ диктатору возможно скорѣе двинуться на помощь сутрійцамъ. Положеніе осажденныхъ однако не позволяло имъ ждать осуществленія этой надежды: граждане, вслѣдствіе ихъ немногочисленности изнуренные работою, караулами и ранами, тяжесть которыхъ обрушивалась все на однихъ и тѣхъ же лицъ, согласно условію передали городъ врагамъ и безоружные въ одной одеждѣ печальною толпою покидали своихъ пенатовъ; въ это время подошелъ Камиллъ съ римскимъ войскомъ. Въ отчаяніи толпа повалилась ему въ ноги; словамъ старѣйшинъ, вызваннымъ ихъ крайне печальнымъ положеніемъ, вторилъ плачъ женщинъ и дѣтей, которыя тащились за ними въ изгнаніе. Диктаторъ приказалъ перестать плакать, говоря, что вопль и слезы несетъ онъ этрускамъ. Затѣмъ онъ велѣлъ сутрійцамъ остановиться подъ прикрытіемъ небольшого отряда, воинамъ же, сложивъ ранцы, взять съ собой только оружіе. Отправившись такимъ образомъ съ войскомъ налегкѣ къ Сутрію, онъ, согласно ожиданію, находитъ тамъ полную безпечность, вызываемую обыкновенно удачей: карауловъ передъ стѣнами не было, ворота были открыты, побѣдители врасыпную выносили добычу изъ непріятельскихъ домовъ. Такимъ образомъ вторично въ одинъ и тотъ же день Сутрій былъ взятъ; новый врагъ повсюду билъ побѣдителей этрусковъ, не давая имъ времени ни сомкнуться, ни собраться, ни взяться за оружіе. Каждый поодиночкѣ бѣжалъ къ воротамъ, пытаясь, нельзя ли будетъ какъ-нибудь выскочить въ поле, но ворота оказывались запертыми—таково было первое распоряженіе диктатора. Затѣмъ одни стали хватать оружіе, другіе, которыхъ суматоха случайно застала вооруженными, созывали своихъ начинать сраженіе;

и оно возгорѣлось бы вслѣдствіе отчаянія враговъ[1]), если бы глашатаи, разосланные по городу, не приказали складывать оружіе, щадить безоружныхъ и бить только вооруженныхъ. Тогда, получивъ надежду остаться въ живыхъ, даже тѣ, которые твердо рѣшили сражаться, въ виду своего отчаяннаго положенія, стали толпами бросать оружіе и безоружными предаваться врагу, что представлялось болѣе безопаснымъ. Большое число было отдано подъ стражу; до наступленія ночи городъ былъ возвращенъ сутрійцамъ невредимымъ и не подвергшимся никакимъ бѣдствіямъ войны, такъ какъ онъ не былъ взятъ штурмомъ, а переданъ этрускамъ согласно договору.

4. Побѣдоносно окончивъ заразъ три войны, Камиллъ съ тріумфомъ вернулся въ Римъ. Громадное большинство этрусскихъ плѣнниковъ велъ онъ предъ колесницей; продавъ ихъ подъ копьемъ[2]), онъ выручилъ столько денегъ, что заплатилъ матронамъ за золото[3]), а изъ остатка сдѣлалъ три золотыхъ чаши, которыя, какъ извѣстно, до пожара на Капитоліи[4]) лежали въ святилищѣ Юпитера у подножія Юноны[5]) съ посвященіемъ отъ имени Камилла.

Въ этомъ году получили право гражданства тѣ изъ вейентовъ, капенатовъ и фалисковъ, которые перебѣжали въ теченіе послѣднихъ войнъ къ римлянамъ, и этимъ новымъ гражданамъ отмежованы были поля. Вызваны также обратно изъ Вей въ городъ сенатскимъ постановленіемъ тѣ, которые ушли туда, лѣнясь принимать участіе въ постройкахъ въ Римѣ, и поселились тамъ въ покинутыхъ жилищахъ [6]). Сперва они подняли шумъ, презрительно относясь къ этому распоряженію; но затѣмъ, когда былъ назначенъ день, и опредѣлено уголовное наказаніе тѣмъ, кто къ этому дню не вернется въ Римъ, каждый испугался за себя, а это заставило отдѣльныхъ лицъ повиноваться, хотя въ толпѣ они были свирѣпы. Между тѣмъ въ Римѣ и населеніе увеличивалось, и одновременно росли дома по всему городу; покрывать издержки помогало государство, эдилы работали, точно дѣло шло объ общественныхъ сооруженіяхъ,

---

[1]) Т. е. этрусковъ. [2]) При продажѣ военной добычи выставлялось обыкновенно копье, символъ силы, при помощи которой добыча была захвачена; позже это служило знакомъ всякой продажи или сдачи въ аренду отъ имени государства. [3]) См. V 50. [4]) Въ 83 г. до Р. Хр. [5]) Святилище Юпитера находилось влѣво отъ капища Юноны и вправо отъ святилища Минервы; они были отдѣлены другъ отъ друга стѣнами, такъ что не ясно, какъ это чаши могли находиться у подножія Юноны въ святилищѣ Юпитера. [6]) См. V 55.

частныя лица сами спѣшили окончить постройки, къ чему склоняла необходимость имѣть жилье; такъ въ теченіе одного года выросъ новый городъ.

Въ концѣ года созваны были комиціи для выбора военныхъ трибуновъ съ консульской властью. Выбраны были Т. Квинктій Цинциннатъ, Кв. Сервилій Фиденатъ въ пятый разъ, Л. Юлій Юлъ, Л. Аквилій Корвъ, Л. Лукрецій Трицинитинъ, Сер. Сульпицій Руфъ. Одну армію они двинули въ страну эквовъ, не съ цѣлью вести войну—они признали себя побѣжденными,—но изъ ненависти, для опустошенія полей, чтобы не оставалось силъ для какихъ-нибудь новыхъ затѣй; другую армію повели въ страну тарквинійцевъ. Тамъ были взяты этрусскіе города Кортуоза и Контенебра. У Кортуозы вовсе не было битвы; напавъ внезапно, римляне взяли городъ при первомъ крикѣ и при первомъ натискѣ; онъ былъ разграбленъ и сожженъ. Контенебра выдерживала осаду лишь немного дней; безпрерывное напряженіе—и днемъ и ночью—доканало жителей. Римское войско раздѣлено было на шесть частей, и каждая по очереди шла въ битву на шесть часовъ, а утомленные граждане вслѣдствіе своей малочисленности дрались безъ отдыха; наконецъ они вынуждены были отступить и дали римлянамъ напасть на городъ. Трибуны хотѣли продать добычу съ аукціона, но распоряженіемъ замедлили, а тѣмъ временемъ воины овладѣли ею, и отнять ее было невозможно, не возбуждая негодованія. Въ томъ же году, чтобы не одни частныя сооруженія увеличивали городъ, и Капи-
366 г. толій былъ укрѣпленъ квадратными плитами, сооруженіе, заслуживающее вниманія даже при нынѣшнемъ великолѣпіи.

5. Хотя граждане были заняты постройками, но народные трибуны стали пытаться оживить сходки, собираемыя ими для обсужденія аграрныхъ законовъ. Указывали на возможность получить Помптинское поле, только тогда впервые несомнѣнно присоединенное, послѣ того какъ Камиллъ сокрушилъ могущество вольсковъ. Жаловались, что полю этому гораздо больше грозитъ знать, чѣмъ грозили вольски: тѣ дѣлали нападенія только до тѣхъ поръ, пока имѣли силы и оружіе; знатные же люди стремятся завладѣть общественнымъ полемъ, и не будетъ тамъ мѣста плебеямъ, если раздѣлъ не опередитъ захвата. Произвести этимъ сильнаго движенія въ средѣ плебеевъ не удалось, такъ какъ ихъ было мало на форумѣ вслѣдствіе хлопотъ по постройкамъ;

кромѣ того, они были истощены издержками и не думали о землѣ, снабдить которую всѣмъ необходимымъ для обработки у нихъ не хватало силъ.

Государство вообще было объято религіознымъ страхомъ, а тогда вслѣдствіе недавняго пораженія и люди знатные впали въ суевѣріе; и вотъ, съ цѣлью возстановленія авспицій, назначено было междуцарствіе. Одинъ за другимъ слѣ- 367 г.
довали междуцари—М. Манлій Капитолійскій, Сер. Сульпицій Камеринъ и Л. Валерій Потитъ. Только этотъ созвалъ комиціи для избранія военныхъ трибуновъ съ консульской властью; избраны были Л. Папирій, Г. Корнелій, Г. Сергій, Л. Эмилій во второй разъ, Л. Мененій, Л. Валерій Публикола въ третій разъ. Они вступили въ управленіе непосредственно послѣ междуцарствія. Въ тотъ годъ Т. Квинктій, духовный дуумвиръ, освятилъ храмъ Марса, обѣщанный во время войны съ галлами. Изъ новыхъ гражданъ образовано было четыре трибы: Stellatina, Tromentina, Sabatina, Arniensis, и онѣ дополнили число трибъ 25. **6.** Народный трибунъ Л. Сициній завелъ рѣчь о Помптинскомъ полѣ предъ толпой народа уже болѣе многочисленной и болѣе склонной овладѣть имъ, чѣмъ то было до сихъ поръ. Сужденіе въ сенатѣ о войнѣ съ латинянами и герниками было отложено вслѣдствіе заботы о болѣе серіозной войнѣ, такъ какъ Этрурія взялась за оружіе.

Управленіе перешло къ военному трибуну съ консульской властью—Камиллу; товарищами его были пять человѣкъ: Сер. Корнелій Малугинскій, Кв. Сервилій Фиденатъ въ шестой разъ, Л. Квинктій Цинциннатъ, Л. Горацій Пульвиллъ, П. Валерій. Но въ началѣ года пришлось забыть объ этрусской войнѣ, такъ какъ внезапно появившаяся въ городѣ толпа бѣглецовъ изъ Помптинской области принесла извѣстіе, что антіаты взялись за оружіе, и что латинскія племена послали на эту войну своихъ юношей, хотя и отрицали участіе государства въ этомъ предпріятіи, такъ какъ, по ихъ словамъ, они только не запрещали добровольцамъ служить тамъ, гдѣ они хотятъ. Перестали уже небрежно относиться къ какимъ бы то ни было войнамъ. Итакъ сенатъ возблагодарилъ боговъ, что Камиллъ находится въ должности, такъ какъ, если бы онъ былъ частнымъ человѣкомъ, то его пришлось бы избрать диктаторомъ. И товарищи его соглашались, что, если грозитъ какая нибудь война, то власть должна быть въ рукахъ одно-

го, и заявляли о своемъ рѣшеніи подчиняться Камиллу, нисколько не считая для себя унизительнымъ преклониться предъ величіемъ этого мужа. Сенатъ похвалилъ трибуновъ, и самъ Камиллъ въ смущеніи благодарилъ ихъ; онъ говорилъ, что римскій народъ, избравъ его уже въ четвертый разъ диктаторомъ [1]), возлагаетъ на него великое бремя; великое же бремя возлагаетъ на него сенатъ, выразивъ такое мнѣніе о немъ, а еще величайшее—товарищи своимъ столь почетнымъ для него подчиненіемъ. Итакъ, если можно увеличить еще сколько нибудь трудъ и бдительность, то онъ постарается превзойти себя съ тою цѣлью, чтобы такъ единодушно выраженное всѣмъ государствомъ высокое мнѣніе о немъ стало и постояннымъ. Что касается войны съ антіатами, то тутъ больше угрозъ, чѣмъ опасности; тѣмъ не менѣе, онъ столько же совѣтуетъ ничего не бояться, сколько ничѣмъ не пренебрегать. Римъ окруженъ проникнутыми завистью и ненавистью сосѣдями; поэтому на помощь государству должно быть готово много вождей и много армій. „Я хочу“, сказалъ онъ, „чтобы ты, П. Валерій, велъ легіоны вмѣстѣ со мною противъ антіатовъ, раздѣляя со мною власть и планы; чтобы ты, Кв. Сервилій, снарядивъ и приготовивъ другую армію, расположился лагеремъ у города, внимательно слѣдя, не вздумаетъ ли тѣмъ временемъ подняться Этрурія, какъ это было недавно, или эти новые враги, латиняне и герники; я увѣренъ, что ты будешь дѣйствовать, какъ это достойно твоего отца и дѣда, тебя самого и шести твоихъ трибунатовъ. Третью армію для защиты городскихъ стѣнъ наберетъ Л. Квинктій изъ уволенныхъ отъ службы по болѣзни и изъ стариковъ; Л. Горацій будетъ заботиться объ оружіи, стрѣлахъ, хлѣбѣ и иномъ, что потребуется по ходу войны; тебѣ, Сервій Корнелій, мы товарищи поручаемъ предсѣдательство въ этомъ государственномъ совѣтѣ, охрану религіи, комицій, законовъ и всѣхъ городскихъ учрежденій“. Всѣ охотно обѣщали свое содѣйствіе въ предѣлахъ даннаго имъ порученія, а П. Валерій, выбранный участникомъ власти, прибавилъ, что М. Фурій будетъ для него диктаторомъ, а онъ его начальникомъ конницы; поэтому присутствующіе должны надѣяться, что исходъ войны будетъ соотвѣтствовать ихъ мнѣнію объ этомъ единственномъ вождѣ. Обрадованные сенато-

[1]) Тутъ, очевидно, ошибка, такъ какъ Камиллъ остается военнымъ трибуномъ, а не избранъ диктаторомъ.

ры громко заявли, что они ждутъ всего лучшаго и для войны, и для мира, и для всего государства; никогда непонадобится государству диктаторъ, если власть будетъ находиться въ рукахъ такихъ мужей, обнаруживающихъ такое великое единодушіе, одинаково готовыхъ повиноваться и повелѣвать, которые скорѣе принесутъ въ жертву общимъ интересамъ свою славу, чѣмъ станутъ присвоивать себѣ общую славу.

7. Объявивъ суды закрытыми и произведши наборъ, Фурій и Валерій отправились къ Сатрику, куда антіаты собрали не только вольсскихъ юношей послѣдняго поколѣнія, но огромное количество латинянъ и герниковъ, пользуясь тѣмъ, что вслѣдствіе продолжительнаго мира племена эти не были ослаблены. Итакъ присоединеніе новаго врага къ старому повліяло на мужество римскихъ воиновъ. Камиллъ строилъ уже войско, когда центуріоны возвѣстили ему, что воины смущены, что они вяло взялись за оружіе, медленно и съ остановками вышли изъ лагеря, слышны были даже заявленія, что каждому воину придется сражаться съ сотней враговъ, что трудно устоять противъ такой массы даже безоружной, не говоря уже о вооруженной; тогда вождь вскочилъ на коня и, обратившись къ строю предъ знаменами и объѣзжая слѣдующіе ряды, говорилъ: „что это за уныніе, воины, что это за необычная медлительность? врага вы не знаете, меня или себя? врагъ все тотъ же, который всегда служилъ предметомъ для обнаруженія вашей доблести и славы; вы же подъ моимъ начальствомъ только-что отпраздновали тройной тріумфъ за тройную побѣду надъ этими самыми вольсками и эквами и надъ Этруріей,—я не говорю уже о взятіи Фалерій и Вей и объ избіеніи гальскихъ легіоновъ въ плѣненномъ родномъ городѣ; или вы не узнаете во мнѣ вождя, такъ какъ знакъ вамъ подалъ не диктаторъ, а трибунъ? Не хочу я чрезвычайной власти надъ вами, и вамъ слѣдуетъ видѣть во мнѣ только меня, такъ какъ диктатура никогда не придавала мнѣ мужества, равно какъ даже изгнаніе никогда не отнимало его у меня. Итакъ всѣ мы тѣ же самые, и такъ какъ мы идемъ на эту войну со всѣми тѣми же качествами, съ какими шли въ предыдущія войны, то и исхода войны должны ожидать того же самаго. При первомъ же столкновеніи каждый сдѣлаетъ то, что умѣетъ и къ чему привыкъ: вы побѣдите, а они побѣгутъ“.

8. Затѣмъ когда былъ поданъ знакъ, Камиллъ соскакиваетъ съ коня и, схвативъ ближайшаго знаменосца за руку, увле-

кастъ его за собой на непріятеля, крича: „неси впередъ знамя, воинъ“! Видя, что самъ вождь, который вслѣдствіе старческой слабости уже не годенъ былъ для исполненія обязанностей, требующихъ тѣлесной силы, идетъ на врага, воины разомъ устремляются впередъ, взывая: „не отставай отъ вождя“! Разсказываютъ даже, что по приказанію Камилла знамя было брошено въ ряды непріятелей, и это возбудило въ воинахъ первой шеренги желаніе вернуть его. Здѣсь былъ нанесенъ первый ударъ антіатамъ, и ужасъ объялъ не только передовыхъ воиновъ, но и резервы. Не только сила воиновъ, воспламененная присутствіемъ вождя, пугала вольсковъ; для нихъ ничего не было ужаснѣе случайной встрѣчи съ самимъ Камилломъ: гдѣ онъ ни показывался, несомнѣнная побѣда слѣдовала за нимъ. Особенно это ясно стало, когда, прискакавъ на конѣ со щитомъ пѣхотинца на лѣвый флангъ, почти уже обращенный въ бѣгство, онъ однимъ своимъ появленіемъ возстановилъ битву, указывая на побѣду остального войска. Успѣхъ клонился уже на сторону римлянъ, но съ одной стороны многочисленность приведенныхъ въ замѣшательство враговъ мѣшала имъ бѣжать, съ другой—утомленнымъ воинамъ приходилось избивать такое множество людей; въ это время неожиданно разразившійся ливень, сопровождаемый страшной бурей, остановилъ скорѣе вѣрную побѣду, чѣмъ сраженіе. Данъ былъ знакъ отступить, а послѣдовавшая за симъ ночь, безъ всякаго труда со стороны римлянъ, положила конецъ войнѣ, такъ какъ латиняне и герники, покинувъ вольсковъ, ушли по домамъ; такимъ образомъ злые планы привели къ соотвѣтствующему имъ концу. Вольски, видя себя покинутыми тѣми самыми, въ надеждѣ на кого было поднято возстаніе, бросивъ лагерь, заперлись въ стѣнахъ Сатрика. Камиллъ сперва принялся окружать ихъ валомъ и тѣснить землянымы и иными сооруженіями; но, видя, что ему не пытаются мѣшать, сдѣлавъ вылазку, и полагая, что врагъ сильно палъ духомъ, чтобы такъ долго ждать побѣды надъ нимъ, онъ увѣщавалъ воиновъ не утруждать себя продолжительными работами, точно при осадѣ Вей, такъ какъ побѣда у нихъ въ рукахъ; при огромномъ воодушевленіи воиновъ онъ напалъ со всѣхъ сторонъ на стѣны и, придвинувъ лѣстницы, взялъ городъ. Вольски, бросивъ оружіе, сдались.

9. Но мысли вождя были направлены на болѣе важное предпріятіе—осаду Антія, такъ какъ, думалъ онъ, это столица вольсковъ, тамъ зародилась послѣдняя война. Но такъ какъ такой сильный городъ нельзя было взять безъ большихъ приготовленій, безъ метательныхъ орудій и иныхъ машинъ, то онъ, оставивъ при войскѣ товарища, отправился въ Римъ убѣждать сенатъ разрушить Антій. Но, я полагаю, боги желали продлить существованіе антіатской общины, такъ какъ во время этой рѣчи явились изъ Непете и Сутрія послы, прося помощи противъ этрусковъ и заявляя, что возможность подать ее не продолжительна. Сюда-то судьба обратила отъ Антія силы Камилла. Такъ какъ эти мѣстности лежали передъ Этруріей и представляли собою, такъ сказать, ключъ и ворота для выхода изъ нея, то и этруски при всякомъ новомъ предпріятіи старались захватить ихъ, и римляне—отнять и защитить. Итакъ сенатъ рѣшилъ просить Камилла, оставивъ Антій, взяться за этрусскую войну. Городскіе легіоны, находившіеся подъ начальствомъ Квинктія, назначены были ему. Хотя Камиллъ предпочиталъ имѣть испытанное и привыкшее къ его начальству войско, которое находилось въ землѣ вольсковъ, но онъ не протестовалъ и только выпросилъ, чтобы товарищемъ его былъ Валерій. Квинктій и Горацій были посланы въ землю вольсковъ на мѣсто Валерія. Фурій и Валерій, отправившись изъ города въ Сутрій, нашли, что часть его уже захвачена этрусками, а въ другой, перегородивъ дороги, горожане едва сдерживали напоръ враговъ. Прибытіе римской помощи, равно какъ и имя Камилла, славное среди враговъ и союзниковъ, не только остановили въ данную минуту пораженіе, но и дали время прійти на помощь. Раздѣливъ войско, Камиллъ приказалъ товарищу отвести отрядъ въ ту сторону, которая была въ рукахъ враговъ, и напасть на стѣны, не столько въ надеждѣ, что городъ можно взять, придвинувъ лѣстницы, сколько съ цѣлью отвлечь врага и тѣмъ облегчить трудъ утомленныхъ уже битвою горожанъ, а самому выиграть время для того, чтобы безъ боя вступить въ городъ. То и другое было исполнено одновременно, и опасность представилась этрускамъ съ обѣихъ сторонъ: видя, что и стѣны усиленно штурмуются, и непріятель находится въ городѣ, они въ ужасѣ кучею бросились въ ворота, которыя случайно не были осаждены. И въ городѣ, и въ полѣ произошла страшная рѣзня бѣгущихъ. Большее число избили воины Фурія въ стѣнахъ города, воины же Валерія, которые были легче вооружены для того, чтобы

преслѣдовать, прекратили избіеніе только съ наступленіемъ ночи, лишившей возможности видѣть. Отнявъ Сутрій и отдавъ его союзникамъ, войско отправилось къ Непете, которое сдалось и уже всецѣло находилось во власти этрусковъ.

10. Казалось, что возвращеніе этого города потребуетъ больше труда не только потому, что онъ весь былъ въ рукахъ непріятелей, но и потому, что сдача послѣдовала вслѣдствіе измѣны части непезинцевъ. Однако, рѣшено было отправить къ старѣйшинамъ требованіе отдѣлиться отъ этрусковъ и явить ту добросовѣстность, о которой они умоляли римлянъ. Когда оттуда принесенъ былъ отвѣтъ, что они ни въ чемъ не властны, что этруски знали стѣны и держатъ караулы у воротъ, то прежде всего горожане были напуганы опустошеніемъ полей; затѣмъ, когда оказалось, что они болѣе вѣрны сдачѣ, чѣмъ союзу, придвинуто было къ стѣнамъ войско; наносивъ съ полей вязанки хворосту и наполнивъ ими рвы, воины подставили лѣстницы и при первомъ крикѣ, сопровождавшемъ нападеніе, взяли городъ. Затѣмъ непезинцамъ дано было распоряженіе положить оружіе, и приказано щадить безоружныхъ; этруски же какъ вооруженные, такъ и безоружные были перебиты. Равнымъ образомъ непезинцамъ, виновнымъ въ сдачѣ, отрублены были головы; ни въ чемъ неповинному населенію возвращено были имущество, въ городѣ же оставленъ гарнизонъ. Такимъ образомъ, отнявъ у враговъ два союзныхъ города, трибуны съ великою славою привели назадъ въ Римъ побѣдоносное войско. Въ томъ же году потребовано было удовлетвореніе отъ латинянъ и герниковъ, и сдѣлавъ запросъ, почему въ теченіе этихъ лѣтъ они не представляли, согласно уговору, воиновъ. Многочисленное собраніе обоихъ племенъ отвѣтило, что община не виновата въ томъ, что нѣкоторые изъ юношей служили у вольсковъ, и что не было на то общественнаго рѣшенія; что всѣ они наказаны за свой злой умыселъ, и никто изъ нихъ не вернулся; причиной же неприсылки воиновъ былъ постоянный страхъ передъ вольсками, этой язвой, поселившейся у нихъ по сосѣдству, которой не могли искоренить многочисленныя войны, слѣдовавшія непосредственно одна за другой. Получивъ такой отвѣтъ, сенаторы усмотрѣли основаніе начинать войну, но нашли ее несвоевременной.

369 г. **11**. Въ слѣдующемъ году, при военныхъ трибунахъ съ консульской властью А. Манліи, П. Корнеліи, Т. и Л. Квинктіяхъ Капитолійскихъ, Л. Папиріи Курсорѣ во второй разъ, Г. Сергіи во второй разъ, возникла тяжелая внѣшняя война и еще болѣе тяжелый внутренній мятежъ: войну начали вольски, и къ ней присоединилось возстаніе латинянъ и герниковъ, мятежу же положилъ начало—чего меньше всего можно было бояться,—славный мужъ патриціанскаго рода, М. Манлій Капитолійскій. Будучи чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія, онъ презиралъ всѣхъ другихъ лицъ, стоящихъ во главѣ государства, а одному, выдававшемуся и почетнымъ положеніемъ, и доблестью, М. Фурію, завидовалъ, огорчаясь, что онъ одинъ пользуется властью, одинъ находится при войскѣ и до того уже возвысился, что избранныхъ одними съ нимъ авспиціями считаетъ не товарищами, а слугами своими, а между тѣмъ, если кто пожелаетъ судить по справедливости, М. Фурій не могъ бы освободить отечество отъ вражеской осады, если бы предварительно онъ, Манлій, не спасъ Капитолія и кремля; и Фурій напалъ на галловъ, когда они получали золото и въ надеждѣ на миръ были не внимательны, тогда какъ онъ, Манлій, прогналъ ихъ, когда они съ оружіемъ въ рукахъ хотѣли взять кремль. Львиная доля того славнаго подвига должна принадлежать воинамъ, которые вмѣстѣ съ нимъ, Фуріемъ, побѣдили; его, Манлія, побѣду не дѣлитъ съ нимъ никто изъ смертныхъ. Возгордившись отъ такого самомнѣнія будучи къ тому же по характеру своему человѣкомъ пылкимъ и несдержаннымъ, и видя, что могущество его среди равныхъ не выдается въ такой мѣрѣ, какъ онъ считалъ бы справедливымъ, онъ первый изъ патриція сдѣлался сторонникомъ народа и началъ дѣлиться своими планами съ плебейскими магистратами; обвиняя патриціевъ и приманивая къ себѣ плебеевъ, онъ уже сталъ руководиться болѣе народнымъ расположеніемъ, чѣмъ разсудительностью, предпочиталъ пользоваться широкой извѣстностью, а не доброй славой. Не довольствуясь аграрными законами, которые всегда служили для народныхъ трибуновъ поводомъ къ смутамъ, онъ началъ колебать кредитъ: большія-де бѣдствія соединены съ долговыми обязательствами, которыя не только грозятъ нищетой и позоромъ, но даже пугаютъ свободнаго человѣка кандалами и оковами. И дѣйствительно, бремя долговыхъ обязательствъ было очень велико и возникло оно изъ-за построекъ, дѣла въ высшей степени обременительнаго даже для богатыхъ. Поэтому война съ вольсками, тяжелая

сама по себѣ, осложненная еще отпаденіемъ латинянъ и герниковъ, выставляется для вида, какъ основаніе требовать болѣе сильной власти; главнымъ же образомъ новые планы Манлія побудили сената избрать диктатора. Избранъ былъ А. Корнелій Коссъ, который назначилъ начальникомъ конницы Т. Квинктія Капитолійскаго.

12. Хотя диктаторъ видѣлъ, что внутри государства предстоитъ болѣе ожесточенная борьба, чѣмъ внѣ его, однако, или въ виду быстроты, требуемой военными операціями, или въ томъ предположеніи, что побѣда и тріумфъ усилятъ и самую диктатуру, онъ, произведя наборъ, устремился въ Помптинскую область, куда, по слухамъ, вошли войска вольсковъ. Я не сомниваюсь, что читатели, до пресыщенія читая въ столькихъ книгахъ о постоянныхъ войнахъ съ вольсками, тоже подумаютъ о томъ, что удивило и меня при просмотрѣ историковъ, болѣе близкихъ къ тому времени, именно — откуда брались воины у вольсковъ и эквовъ послѣ столькихъ пораженій? Если древніе писатели обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ, то что же могу высказать я, кромѣ гадательнаго мнѣнія, которое у каждаго можетъ быть свое? Правдоподобно, что вслѣдствіе промежутковъ между войнами они всякій разъ, возобновляя войны, пользовались новымъ поколѣніемъ юношей, какъ это теперь бываетъ при римскихъ наборахъ, или арміи набирались не всегда изъ однихъ племенъ, хотя войну затѣвалъ всегда одинъ и тотъ же народъ, или же безчисленное множество свободныхъ людей было тогда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ настоящее время едва остается небольшой разсадникъ воиновъ, и которыя только римскіе рабы спасаютъ отъ безлюдья. Во всякомъ случаѣ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ авторовъ, армія вольсковъ была огромная, несмотря на недавнее пораженіе ихъ подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ Камилла. Къ нимъ присоединились латиняне и герники, а также нѣкоторые граждане Цирцей и даже римскіе колонисты изъ Велитръ. Разбивъ въ этотъ день лагерь, диктаторъ на слѣдующій день совершилъ гаданія и, принесши жертвы, испросилъ благоволенія боговъ; послѣ этого онъ бодро вышелъ къ воинамъ, которые на разсвѣтѣ уже, согласно приказанію, брались за оружіе, такъ какъ выставлено было знамя, служившее сигналомъ къ битвѣ. „Побѣда наша, воины,“ сказалъ онъ, „если только боги и ихъ прорицатели могутъ видѣть будущее. Итакъ, положивъ

дротики у ногъ, вооружимся только щитами, какъ приличествуетъ увѣреннымъ въ себѣ и идущимъ на бой съ неравнымъ противникомъ. Я хочу даже, чтобы вы не выступали впередъ изъ рядовъ, а встрѣтили нападеніе враговъ, твердо стоя на мѣстѣ. Когда они безполезно бросятъ въ васъ свои дротики и вразсыпную нападутъ на стройные ряды ваши, тогда должны блеснуть мечи, и каждый пусть помнитъ, что боги помогаютъ римлянамъ, что боги, даровавъ счастливыя предзнаменованія, послали ихъ въ бой. Ты, Т. Квинктій, съ напряженымъ вниманіемъ держи конницу наготовѣ при началѣ боя; какъ только увидишь, что войска уже сошлись и битва идетъ, сдѣлай нападеніе и разсѣй ряды сражающихся; такъ ты напугаешь своими всадниками врага, видящаго предъ собою другую опасность.“ И конница и пѣхота сражалась, какъ было приказано; и вождь не обманулъ войска, и счастіе не измѣнило вождю.

13. Масса враговъ, надѣясь исключительно на свое численное превосходство и измѣряя взорами обѣ арміи, безразсудно начала бой, безразсудно и прекратила его: ихъ стремительность проявилась лишь въ крикѣ, метаніи дротиковъ и вообще въ началѣ боя; но битвы мечами лицомъ къ лицу съ врагомъ и сверкающихъ воинскимъ воодушевленіемъ взоровъ противниковъ они не могли вынести. Первый рядъ дрогнулъ, и смятеніе перешло на резервы; въ то же время ужасъ навели всадники; такимъ образомъ ряды во многихъ мѣстахъ были прорваны, все пришло въ движеніе и войско походило на волнующееся море. Первые бойцы пали, всякій видѣлъ, что опасность приближается къ нему, и тогда враги обратились въ бѣгство. Римляне перешли въ наступленіе; и пока враги бѣжали съ оружіемъ и толпою, ихъ преслѣдовала пѣхота; когда же увидали, что повсюду бросаютъ оружіе, и непріятельскій строй разсѣевается по полямъ, тогда по данному знаку выпущены были эскадроны конницы, чтобы избіеніе отдѣльныхъ лицъ не дало массѣ возможности убѣжать: довольно, если они помѣшаютъ бѣгству, пугая дротиками, и задержатъ строй, перерѣзывая путь, а тѣмъ временемъ подоспѣетъ пѣхота, и произведетъ настоящее избіеніе врага. Бѣгство и преслѣдованіе окончилось лишь съ наступленіемъ ночи. Въ тотъ же день былъ взятъ и разграбленъ лагерь вольсковъ, и вся добыча, кромѣ свободныхъ людей, отдана воинамъ. Огромное большинство плѣнниковъ были латиняне и герники, и при томъ не плебеи, что по-

зволяло бы думать, что они служили по найму,—по оказались тутъ и нѣкоторые знатные юноши—очевидное доказательство, что помощь врагамъ вольскамъ была оказана отъ лица общины. Узнали также нѣкоторыхъ изъ гражданъ Цирцей и колонистовъ изъ Велитръ. Всѣ они были отосланы въ Римъ и на допросѣ у старѣйшихъ отцовъ не обинуясь показали то же, что и диктатору—именно каждый засвидѣтельствовалъ объ отпаденіи своего племени отъ Рима.

14. Диктаторъ оставался съ войскомъ въ лагерѣ, ни мало не сомнѣваясь, что отцы предпишутъ начать войну съ этими народами, но усилившіяся затрудненія внутри государства потребовали вызова его въ Римъ, такъ какъ мятежъ разростался со дня на день, а личность виновника его внушала необыкновенный страхъ передъ нимъ. Внимательный наблюдатель настроенія видѣлъ уже не рѣчи только М. Манлія, но и дѣйствія, на взглядъ, угодныя народу, но въ то же время мятежныя. Увидавъ, что ведутъ извѣстнаго своими военными подвигами центуріона, приговореннаго за долгъ, онъ выбѣжалъ со своей шайкой на средину форума, положилъ на осужденнаго руку [1]) и сталъ громко кричать о гордости патриціевъ, жестокости ростовщиковъ, страданіяхъ плебеевъ, доблести и судьбѣ этого мужа: „въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ, напрасно я спасалъ вотъ этой рукой Капитолій и кремль, если я долженъ видѣть, какъ ведутъ въ рабство и въ оковы моего соотечественника и сослуживца, точно будто побѣдители галлы взяли его въ плѣнъ“. Затѣмъ, заплативъ въ глазахъ народа кредитору долгъ, онъ отпустилъ должника на волю libra et aere [2]), а тотъ заклиналъ боговъ и людей отблагодарить М. Манлія, его освободителя, отца римскихъ плебеевъ. Окруженный сразу шумной толпою, онъ увеличивалъ шумъ самъ, указывая на раны, полученныя въ вейентскую, галльскую и другія послѣдующія войны; служа въ войскѣ, возстановляя разрушенный кровъ, онъ подавленъ тяжестью долга, такъ какъ, хотя уже неоднакратно выпла-

1) Такъ какъ осужденный поступалъ въ полное распоряженіе кредитора, то его могъ освободить лишь тотъ, кто уплатитъ слѣдующую съ него сумму; такимъ поручителемъ въ данномъ случаѣ является Манлій, и въ знакъ того онъ кладетъ на осужденнаго руку. 2) Такъ какъ первоначально монеты не было, то употреблявшіеся при покупкѣ мѣдные слитки (aes) приходилось взвѣшивать (libra—вѣсы); приводимый здѣсь юридическій терминъ обозначаетъ, что Манлій, уплативъ кредитору за должника, отказывался въ присутствіи свидѣтелей отъ всѣхъ правъ на послѣдняго, которыя по закону переходили къ нему и состояли въ томъ, что черезъ 30 дней, въ случаѣ неуплаты внесенной суммы, онъ могъ привлечь должника къ суду и требовать передачи его въ рабство.

тилъ капиталъ, но проценты всегда поглощали взносы; дневной свѣтъ, форумъ и своихъ согражданъ онъ видитъ благодаря только М. Манлію; всѣ благодѣянія, получаемыя отъ родителей, получилъ онъ отъ него; ему посвящаетъ онъ остатокъ своего тѣла, жизни и крови; всѣ обязательства, связывавшія его съ отечествомъ, общественными и частными пенатами, связываютъ его теперь съ однимъ человѣкомъ. Возбужденные такими рѣчами плебеи всѣ уже стали на сторону этого одного человѣка, какъ вдругъ явилось новое обстоятельство, которое еще болѣе должно было взволновать умы. Помѣстье въ вейентскомъ полѣ, главную часть отцовскаго наслѣдства, Манлій передалъ глашатаю для продажи, объяснивъ: „я дѣлаю это, квириты, не желая видѣть, какъ кого-нибудь изъ васъ ведутъ по произнесеніи обвинительнаго приговора въ рабство, пока у меня есть что-нибудь“. Это такъ воспламенило сердца, что очевидно стало, законно или незаконно, но плебеи послѣдуютъ за защитникомъ ихъ свободы. Къ тому же и дома, совсѣмъ какъ народный ораторъ, онъ держалъ рѣчи, переполненныя обвиненіями противъ патриціевъ; между прочимъ, забывъ о различіи между правдой и ложью, онъ бросилъ упрекъ, что предназначенное галламъ золото утаено отцами, и они не удовлетворяются уже обладаніемъ общественнымъ полемъ, если не присвоятъ себѣ еще и общественныхъ денегъ; если это разоблачится, то плебеи могутъ освободиться отъ долговъ. Въ виду этой надежды, дѣйствительно возмутительнымъ казалось, что, когда для выкупа государства отъ галловъ приходилось собирать золото, то назначенъ былъ поголовный налогъ, а когда это золото было отнято у враговъ, оно досталось лишь немногимъ. И вотъ путемъ разспросовъ хотѣли узнать у него, гдѣ скрывается это громадное похищенное сокровище; онъ же сталъ отнѣкиваться и говорилъ, что въ свое время укажетъ; тогда, бросивъ все остальное, всѣ стали думать только объ одномъ этомъ, и было очевидно, что благодарность за справедливое указаніе и оскорбленіе за ложное не будутъ обыкновенными.

15. Въ виду такого напряженнаго положенія государства диктаторъ отозванъ былъ отъ войска и явился въ городъ. Созвавъ на слѣдующій день сенатъ и достаточно ознакомившись съ настроеніемъ членовъ его, онъ запретилъ сенаторамъ расходиться, окруженный ими поставилъ свое кресло на комиціи и послалъ курьера къ М. Манлію. Приглашен-

ный по приказанію диктатора, онъ далъ знакъ своимъ, что наступаетъ бой, и явился къ трибуналу въ сопровожденіи огромной толпы. Точно войско, стали съ одной стороны сенаторы, съ другой—плебеи, взирая на своихъ вождей. Здѣсь, когда воцарилась тишина, диктаторъ сказалъ: „о если бы я и римскіе отцы были по всѣмъ другимъ вопросамъ такъ согласны съ плебеями, какъ согласны мы — въ этомъ я увѣренъ—относительно тебя и того дѣла, о которомъ я намѣренъ допросить тебя! Я вижу, ты внушилъ гражданамъ надежду, что, не подрывая кредита, долги можно уплатить изъ галльскихъ сокровищъ, которыя скрываютъ старѣйшіе отцы. Я не только не мѣшаю осуществленію этой надежды, но даже прошу тебя, М. Манлій, освободи отъ долговъ римскихъ плебеевъ и исторгни тайную добычу изъ рукъ похитителей общественныхъ сокровищъ. Если же ты этого не сдѣлаешь, съ цѣлью-ли получить тоже часть добычи, или потому, что доносъ твой ложенъ, я прикажу заковать тебя и не позволю тебѣ долѣе волновать населеніе ложными надеждами!“ На это Манлій отвѣчалъ, что не ускользнулъ отъ его вниманія, фактъ выбора диктатора не противъ вольсковъ, которые столько разъ являлись врагами, сколько это было нужно патриціямъ, и не противъ латинянъ съ герниками, которыхъ они вынуждаютъ къ войнѣ ложными обвиненіями, а противъ него, Манлія, и римскихъ плебеевъ; но вотъ уже, оставивъ вымышленную войну, нападаютъ на него, вотъ уже диктаторъ обѣщаетъ ростовщикамъ защиту противъ плебеевъ, уже въ расположеніи къ нему населенія ищутъ основанія, чтобы обвинить и погубить его. „Если тебѣ, А. Корнелій,“ сказалъ онъ, „и вамъ, сенаторы, обидно, что меня окружаетъ толпа, то старайтесь каждый поодиночкѣ отвлечь ее отъ меня своими благодѣяніями, вступаясь за своихъ согражданъ, освобождая ихъ отъ оковъ, не позволяя уводить ихъ послѣ произнесенія обвинительнаго приговора, облегчая нужду другихъ отъ преизбытка своего. Но къ чему я прошу васъ пожертвовать что-нибудь изъ вашего состоянія? Будьте довольны хоть какой-нибудь суммой, исключите изъ капитала полученные вами проценты,—и окружающая меня толпа не будетъ обращать на себя большаго вниманія, чѣмъ та, которая окружитъ любого изъ васъ. Но вы спрашиваете, почему это я одинъ такъ забочусь о гражданахъ; на это я могу дать такой же отвѣтъ, какъ если бы ты спросилъ, почему это я одинъ спасъ Капитолій и кремль;

тогда я по мѣрѣ силъ своихъ помогъ всѣмъ, теперь буду помогать отдѣльнымъ лицамъ. А что касается галльскихъ сокровищъ, то допросъ дѣлаетъ затруднительнымъ дѣло, само по себѣ легкое: почему вы спрашиваете о томъ, что знаете? если тутъ нѣтъ какого-нибудь коварнаго замысла, то почему вы приказываете вытряхнуть то, что у васъ за пазухой, а не выкладываете его сами? Чѣмъ болѣе вы настаиваете на томъ, чтобы уличить ваши продѣлки, тѣмъ болѣе я опасаюсь, чтобы вы не лишили наблюдателей даже зрѣнія. Итакъ не вамъ слѣдуетъ заставлять меня указать вашу добычу, а мнѣ васъ—выложить ее“.

16. Предлагая оставить намеки, диктаторъ сталъ принуждать его или доказать основательность своего доноса, или сознаться въ покушеніи путемъ ложнаго обвиненія возбудить подозрѣніе противъ сената и вызвать раздраженіе противъ него за мнимую кражу; когда же тотъ заявилъ, что онъ не станетъ давать показаній по желанію своихъ враговъ, онъ приказалъ свести его въ тюрьму. Арестованный курьеромъ, Манлій воскликнулъ: „всеблагой и всемогущій Юпитеръ, Юнона царица, Минерва и прочіе боги и богини, обитающіе въ Капитоліи и кремлѣ! вы ли позволяете такъ терзать врагамъ вашего воина и защитника? или эта десница, которой я отразилъ отъ вашихъ капищъ галловъ, будетъ уже скована кандалами?“ Никто не въ силахъ былъ видѣть или слышать о такомъ возмутительномъ дѣлѣ, но величайшее уваженіе гражданъ къ законной власти сдѣлало нѣкоторыя распоряженія ея ненарушимыми, и противъ мощи диктатора не дерзали ни взглядомъ, ни словомъ протестовать ни плебейскіе трибуны, ни сами плебеи. Достовѣрно извѣстно, что, когда Манлій былъ заключенъ въ темницу, то большая часть плебеевъ облачилась въ трауръ, многіе запустили волосы и бороду, и унылая толпа бродила у преддверія темницы.

Диктаторъ праздновалъ тріумфъ надъ вольсками, но тріумфъ этотъ послужилъ скорѣе къ возбужденію ненависти противъ него, чѣмъ къ его прославленію, такъ какъ плебеи роптали, что онъ пріобрѣтенъ дома, а не на войнѣ и отпразднованъ надъ согражданиномъ, а не надъ врагомъ; не доставало одного только проявленія надменности, что М. Манлія не вели предъ колесницей. И уже дѣло близилось къ мятежу. Чтобы успокоить его, сенатъ добровольно, безъ предложенія съ чьей-либо стороны, неожиданно проявилъ щедрость, приказавъ вывести въ Сатрикъ колонію въ 2000 рим-

скихъ гражданъ; каждому назначено было по 2 ½ югера [1]) земли. Но эта мѣра, которая должна была успокоить мятежъ, обострила его, такъ какъ плебеи говорили, что дано мало и немногимъ, и объясняли ее, какъ плату за преданіе М. Манлія. И уже траурная одежда подсудимыхъ [2]) и выраженіе лицъ ихъ дѣлали толпу приверженцевъ М. Манлія все болѣе и болѣе замѣтной, а послѣдовавшее за тріумфомъ сложеніе диктатуры уничтожило страхъ, развязало языки и освободило мысли. **17.** И вотъ стали раздаваться громкія заявленія людей, порицавшихъ толпу, что расположеніемъ своимъ она ставитъ своихъ защитниковъ въ критическое положеніе, а затѣмъ въ минуту рѣшительной опасности покидаетъ ихъ: такъ погибъ Сп. Кассій, звавшій плебеевъ на поля [3]), такъ погибъ Сп. Мелій [4]), освобождавшій на свой счетъ гражданъ отъ голода, такъ преданъ врагамъ М. Манлій, который хотѣлъ возвратить свободу и вернуть на божій свѣтъ часть гражданъ, окончательно подавленную ростовщическими процентами. Плебеи откармливаютъ своихъ радѣтелей на закланіе [5]). Развѣ такому наказанію подлежалъ мужъ, бывшій консуломъ, если онъ не далъ отвѣта по мановенію диктатора? Предположимъ, что онъ ранѣе солгалъ, и потому въ данную минуту ему нечего было отвѣчать; но какой же рабъ когда нибудь за ложь былъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ? Не возстала въ памяти та ночь, которая едва не сдѣлалась послѣднею и вѣчною для римскаго имени? не предсталъ воображенію видъ галльскаго отряда, взбиравшагося по Тарпейской скалѣ? не вспомнили о самомъ Манліи, какимъ его видѣли, когда онъ, съ оружіемъ въ рукахъ, покрытый потомъ и кровью, исторгъ изъ рукъ непріятелей почти самого Юпитера? или полфунтомъ муки отблагодарили спасителя отечества [5])? И вы позволяете, чтобы тотъ, котораго вы почти причислили къ небожителямъ, по крайней мѣрѣ по прозвищу приравняли къ Капитолійскому Юпитеру [6]), влачилъ жизнь связаннымъ въ темницѣ, во мракѣ, находясь въ зависимости отъ произвола палача? Итакъ одного человѣка было достаточно, чтобы помочь всѣмъ, а такая толпа вовсе не въ силахъ помочь одному человѣку? Уже и съ наступленіемъ ночи толпа не расходилась оттуда и грозила раз-

[1]) Югеръ=240 фут. въ длину и 120 фут. въ ширину. [2]) Рѣчь идетъ о должникахъ, которые привлекались къ суду. [3]) См. II 41. [4]) См. IV 13—15. [5]) Ливій заимствуетъ сравненіе изъ жизни животныхъ, которыхъ откармливаютъ передъ тѣмъ, какъ заколоть, или гладіаторовъ, готовящихся къ играмъ. [6]) См. V 47. [7]) Манлій за свой подвигъ получилъ наименованіе „Капитолійскій“.

рушить тюрьму, какъ вдругъ Манлій былъ освобожденъ сенатскимъ постановленіемъ: такъ плебеи получили то, что были готовы исторгнуть силою. Однако это обстоятельство не положило конца мятежу, а только дало ему вождя.

Въ тѣ же дни данъ былъ суровый отвѣтъ латинянамъ и герникамъ, а вмѣстѣ съ ними и колонистамъ изъ Цирцей и Велитръ, желавшимъ оправдаться отъ обвиненія въ участіи въ вольсской войнѣ и требовавшимъ выдачи плѣнниковъ, чтобъ наказать ихъ по своимъ законамъ; отвѣтъ колонистамъ былъ еще суровѣе, такъ какъ они, будучи римскими гражданами, составили преступный планъ осадить родной городъ. Итакъ не только было отказано въ выдачи плѣнныхъ, но было приказано отъ имени сената, чтобъ они поспѣшили убраться изъ города съ глазъ римскаго народа, подъ угрозою, что ихъ не защититъ право пословъ, учрежденное для чужеземцевъ, а не для гражданъ; къ союзникамъ, однако, эта мѣра примѣнена не была.

18. Когда мятежъ Манлія снова разгорался, подъ конецъ года были созваны комиціи, и избраны военными трибунами съ консульской властью Сер. Корнелій Малугинскій во второй разъ, П. Валерій Потитъ во второй разъ, М. Фурій Камиллъ въ пятый разъ, Сер. Сульпицій Руфъ во второй разъ, Г. Папирій Крассъ, Т. Квинктій Цинциннатъ во второй разъ. Въ началѣ этого года, какъ нельзя болѣе кстати 370г.
для патриціевъ и для плебеевъ, извнѣ господствовалъ миръ; плебеи, не отвлекаемые наборомъ, надѣялись при помощи такого сильнаго вождя отбиться отъ ростовщиковъ; патриціи радовались, что никакой страхъ извнѣ не отвлекаетъ ихъ вниманія отъ усмиренія внутреннихъ несогласій. Итакъ, въ виду сильнаго ожесточенія обѣихъ партій, въ близкомъ будущемъ предстоялъ бой, и Манлій, приглашая плебеевъ къ себѣ на домъ, днемъ и ночью совѣщался съ главарями относительно переворота, при чемъ его рѣшимость и раздраженіе значительно усилились сравнительно съ прежнимъ. Раздраженіе воспламенялъ недавній позоръ, такъ какъ духъ Манлія не привыкъ къ оскорбленіямъ; рѣшимость давало ему то обстоятельство, что диктаторъ не дерзнулъ примѣнить къ нему ту же мѣру, какую примѣнилъ Цинциннатъ Квинктій къ Спурію Мелію [1]), ненависти же, вызванной заключеніемъ его въ оковы, не только убоялся диктаторъ, сложившій власть,

[1]) См. IV 14.

но не могъ выдержать даже сенатъ. Ободренный и раздраженный всѣмъ этимъ, онъ волновалъ такими рѣчами и безъ того уже возбужденные умы плебеевъ: „докуда же наконецъ вы будете оставаться въ невѣдѣніи относительно силъ своихъ, тогда какъ природа не пожелала допустить этого даже у животныхъ? сосчитайте, по крайней мѣрѣ, сколько васъ и сколько противниковъ. Если бы вамъ предстояло идти одному на одного, то я все-же думалъ бы, что вы будете храбрѣе биться за свободу, чѣмъ они за господство; но вѣдь теперь противъ каждаго патриція будетъ столько противниковъ, сколько кліентовъ окружало его. Объявите только войну, и вы получите миръ. Пусть только они увидятъ, что вы готовы прибѣгнуть къ насилію, и они сами сократятъ свои права. Всѣмъ вамъ сообща необходимо рѣшиться на что-нибудь, или же вы поодиночкѣ должны будете выносить всѣ притѣсненія. Докуда вы будете оглядываться на меня? Я не покину никого изъ васъ, но смотрите, какъ бы не покинуло васъ мое счастіе! Защищая васъ, я самъ вдругъ обратился въ ничто, какъ только враги пожелали этого! И вы всѣ видѣли, какъ ведутъ въ тюрьму того, который отдѣльныхъ лицъ изъ васъ освободилъ отъ оковъ! На что надѣяться мнѣ, если враги рѣшатся прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ? или мнѣ ждать того же конца, какъ Кассій и Меллій? Вы хорошо дѣлаете, что выражаете негодованіе: боги не допустятъ этого! Но ради меня они никогда не сойдутъ съ неба; пусть они дадутъ вамъ духъ сопротивленія, какъ давали мнѣ въ военное и мирное время, чтобы я защищалъ васъ отъ враговъ-варваровъ и отъ высокомѣрныхъ согражданъ! Или мужество такого великаго народа столь ничтожно, что вы всегда довольствуетесь тѣмъ, что вамъ помогли противъ враговъ, и не знаете иной борьбы противъ патриціевъ, какъ изъ-за того только, чтобы положить предѣлъ власти надъ вами [1])? И не природа установила такъ, а въ силу привычки вы стали предметомъ собственности. Почему, въ самомъ дѣлѣ, противъ иноземцевъ вы настолько рѣшительны, что считаете справедливымъ господствовать надъ ними? Потому, что вы привыкли бороться съ ними за господство, а противъ этихъ вы только пытаетесь защищать свободу, а не отстаиваете ее на самомъ дѣлѣ. И тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ или силою, или благодаря счастію вы добивались вы-

[1]) Т.-е. вы довольствуетесь тѣмъ, что власть патриціевъ надъ вами ограничивается (при помощи трибуновъ), а вовсе не стараетесь добиться самой власти.

полненія всѣхъ вашихъ требованій, каковы ни были ваши вожди, каковы ни были вы сами. Пора уже сдѣлать болѣе серіозную попытку. Испробуйте только свое счастіе и меня, котораго, надѣюсь, вы достаточно извѣдали къ вашему же благу. Вамъ легче будетъ поставить господина надъ патриціями, чѣмъ было поставить лицъ, сопротивляющихся ихъ власти. Съ землей сравнять слѣдуетъ диктатуры и консульства, чтобы римскіе плебеи могли поднять голову. Итакъ будьте готовы, не допускайте разбирать денежныя дѣла; я обѣщаю быть защитникомъ плебеевъ,—это имя дала мнѣ моя заботливость и моя вѣрность [1]) вашимъ интересамъ; чѣмъ болѣе блестящимъ титуломъ власти или должности назовете вы вашего вождя, тѣмъ болѣе у него будетъ силъ осуществить ваши желанія“. По преданію, это послужило началомъ разговоровъ о царской власти; но не ясны свидѣтельства, съ кѣмъ обсуждались и до какого предѣла дошли эти планы.

19. Съ другой стороны сенатъ совѣщается объ удаленіи плебеевъ въ частный домъ, который случайно находился въ кремлѣ, и объ опасности, угрожающей свободѣ. Большая часть громко заявляетъ, что нуженъ Сервилій Агала, который не станетъ раздражать врага государства распоряженіемъ свести его въ тюрьму, а, пожертвовавъ однимъ гражданиномъ, окончитъ междуусобную войну. Прибѣгаютъ къ рѣшенію, болѣе мягкому на словахъ, но имѣющему ту же силу, „чтобы должностныя лица слѣдили, какъ бы отъ пагубныхъ замысловъ М. Манлія государство не понесло какого нибудь ущерба“. Тогда трибуны съ консульской властью и плебейскіе трибуны—и они подчинялись волѣ сената, такъ какъ видѣли, что конецъ свободы будетъ концомъ и ихъ власти,—всѣ совѣщаются о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Никому не приходило въ голову ничего дурного, кромѣ насилія и убійства, но всѣ понимали, что это вызоветъ жестокую борьбу; тогда М. Мененій и Кв. Публилій, плебейскіе трибуны, сказали: „зачѣмъ мы превращаемъ въ борьбу патриціевъ съ плебеями то, что должно быть борьбою государства противъ одного преступнаго гражданина? зачѣмъ мы преслѣдуемъ этого человѣка, отожествляя его съ плебеями, тогда какъ безопаснѣе преслѣдовать его при помощи самихъ же плебеевъ, чтобы онъ палъ подъ ударами собственной силы? Мы намѣрены привлечь его къ суду.

[1]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ историковъ, Манлій послѣ спасенія Капитолія названъ былъ „защитникомъ“ (patronus).

Нѣтъ ничего менѣе популярнаго, чѣмъ царская власть. Какъ только толпа пойметъ, что борьба ведется не противъ нея, какъ только плебеи изъ защитниковъ превратятся въ судей и увидятъ обвинителей изъ плебеевъ же, подсудимаго патриція и обвиненіе въ домогательствѣ царской власти, они будутъ заботиться о своей свободѣ болѣе, чѣмъ о какомъ бы то ни было человѣкѣ."

20. При всеобщемъ одобреніи они назначаютъ Манлію день явиться на судъ. Послѣ этого плебеи сперва взволновались, особенно послѣ того, какъ увидѣли, что подсудимый въ траурной одеждѣ, а между тѣмъ ея не надѣлъ никто не только изъ патриціевъ, но даже изъ знакомыхъ и родственниковъ, наконецъ даже братья его Авлъ и Титъ Манліи; никогда доселѣ не бывало, чтобы при такомъ критическомъ положеніи и всѣ родственники не надѣвали траура: когда увели въ тюрьму Ап. Клавдія, облачился въ трауръ врагъ его Г. Клавдій и весь родъ Клавдіевъ; значитъ-де согласились погубить угоднаго народу мужа за то, что онъ первый изъ патриціевъ перешелъ на сторону плебеевъ. Ни у одного автора я не нахожу указаній на то, какія обстоятельства, кромѣ созыванія плебеевъ, его мятежныхъ рѣчей, щедрыхъ раздачъ и ложнаго показанія, относящіяся собственно до обвиненія въ домогательствѣ царской власти, выставлены были обвинителями, когда наступилъ день суда; но я увѣренъ, что улики были очень вѣски, такъ какъ не сущность дѣла, а только мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, помѣшало плебеямъ произнести обвинительный приговоръ [1]). Я считаю нужнымъ отмѣтить это, чтобы люди знали, какія и сколь важныя заслуги позорная жажда царской власти сдѣлала не только непріятными, но и ненавистными. Разсказываютъ, что Манлій выставилъ около 400 человѣкъ, которымъ онъ далъ денегъ безъ процентовъ, не допустивъ ихъ такимъ образомъ до продажи имущества и отдачи по суду въ рабство; кромѣ того, онъ не только упомянулъ о своихъ военныхъ отличіяхъ, но и предъявилъ ихъ—до тридцати доспѣховъ, снятыхъ съ убитыхъ враговъ, до 40 подарковъ главнокомандующихъ, въ числѣ которыхъ замѣчательны 2 „стѣнныхъ" вѣнка и 8 „гражданскихъ" [2]), вывелъ гражданъ, спасенныхъ имъ отъ враговъ, въ томъ числѣ по имени назвалъ отсутствовавшаго Г. Сервилія, начальника конницы; упомянувъ и о своихъ военныхъ подвигахъ въ блестящей рѣчи, соотвѣтствовавшей значенію самыхъ дѣяній, и воспользовавшись словомъ приличнымъ дѣлу, онъ обнажилъ грудь, испещренную ранами, полученными на войнѣ; неоднократно взирая на Капитолій, онъ призывалъ Юпитера и другихъ боговъ на помощь своей судьбѣ и молилъ ихъ, въ виду грозящей ему опасности, такъ же воодушевить римскій народъ, какъ воодушевленъ былъ онъ, когда защищалъ Капитолійскій кремль на благо римскаго народа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ всѣхъ и каждаго произносить приговоръ о немъ, взирая на Капитолій и кремль и обратясь къ безсмертнымъ богамъ. Когда на Марсовомъ полѣ спрашивали народъ по центуріямъ, а подсудимый, простирая руки къ Капитолію, обратилъ свои мольбы отъ людей къ богамъ, трибуны ясно увидѣли, что подкупленные благодѣяніями люди не допустятъ справедливаго обвиненія, если и взоры ихъ не будутъ отвлечены отъ предметовъ, напоминающихъ о такой великой заслугѣ. Итакъ судъ былъ отсроченъ, и народное собраніе назначено въ Петелинской рощѣ за Флументанскими воротами, откуда не видно было Капитолія [1]). Здѣсь обвиненіе восторжествовало, и, скрѣпя сердце, судьи произнесли имъ самимъ ненавистный суровый приговоръ. Нѣкоторые свидѣтельствуютъ, что Манлій осужденъ былъ дуумвирами, которые разслѣдуютъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ [2]). Трибуны свергли его съ Тарпейской скалы, и такимъ образомъ одно и то же мѣсто стало памятникомъ величайшей славы и послѣдней кары одного и того же человѣка. Имя погибшаго было заклеймено двумя безчестіями: однимъ общественнымъ, такъ какъ внесено было предложеніе въ народное собраніе, чтобы ни одинъ патрицій не жилъ въ кремлѣ или на Капитоліи (домъ Манлія находился тамъ, гдѣ теперь храмъ Монеты и монетный дворъ); другимъ родовымъ, такъ какъ постановленіемъ рода Манліевъ запрещено было именоваться кому-либо изъ нихъ М. Манліемъ. Таковъ былъ конецъ мужа, который былъ бы знаменитъ, если бы не родился въ свободномъ государствѣ. Вскорѣ народъ, освободившись отъ опасности, пожалѣлъ о немъ, такъ какъ вспоминалъ объ однѣхъ его доблестяхъ; а послѣдовавшая вскорѣ моровая язва, за отсутствіемъ другихъ видимыхъ причинъ бѣдствія, была признана большинствомъ,

[1]) См. конецъ главы. [2]) См. изображеніе въ Словарѣ Любкера, стр. 463 (изд. общ. класс. фил. и пед. С.-Пб. 1883).

[1]) Гдѣ находились упоминаемыя Ливіемъ мѣста, ученые не могутъ рѣшить съ достовѣрностью. [2]) См. I 26 и примѣч.

какъ наказаніе за казнь Манлія: считали, что Капитолій осквернен кровью его спасителя, и богамъ не понравилось, что почти предъ ихъ взорами казнили того, кто исторгъ ихъ храмы изъ рукъ враговъ.

21. За моровой язвой послѣдовалъ неурожай, а вслѣдствіе распространенія извѣстій объ этихъ бѣдствіяхъ съ разныхъ сторонъ возникли войны въ слѣдующемъ году, когда военными трибунами съ консульской властью были Л. Валерій въ четвертый разъ, А. Манлій—въ третій разъ, Сер. Сульпицій—въ третій, Л. Лукреців, Л. Эмилій въ тре-
371 г. тій разъ, М. Требоній. Кромѣ вольсковъ, которые, какъ бы волею рока, предназначены были почти постоянно держать римскихъ воиновъ въ напряженномъ состояніи, кромѣ колоній Цирцей и Велитръ, уже давно замышлявшихъ отпасть, и Лаціа, находившагося въ подозрѣніи, внезапно появились еще новые враги—ланувинцы, остававшіеся до сихъ поръ вполнѣ вѣрными. Будучи убѣждены, что это происходитъ вслѣдствіе презрѣнія, такъ какъ ихъ соотечественники, граждане Велитръ, не были наказаны за отпаденіе, отцы рѣшили какъ можно скорѣе войти съ предложеніемъ къ народу объ объявленіи имъ войны, а чтобы плебеи тѣмъ охотнѣе шли на эту службу, избрали 5 мужей для раздѣленія между ними Помптинскаго поля и 3 мужей для выведенія колоніи въ Непете. Затѣмъ народу предложено было приказать быть войнѣ, и несмотря на противодѣйствіе плебейскихъ трибуновъ всѣ трибы высказались за предложеніе. Приготовленія къ войнѣ были сдѣланы въ этомъ году, но войска не выступали вслѣдствіе моровой язвы; это замедленіе дало возможность колонистамъ просить пощады у сената; и большинство населенія склонялось къ тому, чтобы отправить посольство въ Римъ просить прощенія, если бы съ опасностью общественной не соединена была опасность отдѣльныхъ лицъ, и если бы виновники отпаденія отъ римлянъ не отклонили колонистовъ отъ намѣренія помириться, опасаясь, какъ бы не были выданы для утоленія раздраженныхъ римлямъ одни виноватые. И не только въ сенатѣ они остановили рѣшеніе объ отправкѣ посольства, но склонили большую часть плебеевъ напасть на римскія поля съ цѣлью грабежа. Эта новая обида уничтожила всякую надежду на миръ. Въ томъ году впервые пришло извѣстіе и объ отпаденіи пренестинцевъ; несмотря на обвиненія ихъ со стороны тускуланцевъ, габиніянъ и лабиканцевъ, предѣлы кото-

рыхъ подверглись нападенію, сенатъ далъ мягкій отвѣтъ, и очевидно было, что обвиненіямъ не вполнѣ довѣряютъ, не желая знать правду.

22. Въ слѣдующемъ году новые военные трибуны съ 372 г.
консульской властью Сп. и Л. Папиріи повели войска на Велитры, оставивъ для защиты города и на случай полученія извѣстій о движеніи въ Этруріи, возбуждавшей сильное подозрѣніе, четырехъ товарищей—Сер. Корнелія Малугинскаго, бывшаго военнымъ трибуномъ въ третій разъ, Кв. Сервилія, Г. Сульпиція, Л. Эмилія—въ четвертый разъ. Подъ Велитрами дана была удачная битва едва-ли не болѣе многочисленнымъ вспомогательнымъ силамъ изъ пренестинцевъ, чѣмъ было самихъ колонистовъ. Близость города побудила врага скорѣе обратиться въ бѣгство и дала ему единственное возможное убѣжище. Трибуны воздержались отъ осады города, потому что взятіе его было сомнительно, и они думали, что не слѣдуетъ доводить войну до гибели колоніи. Письменное донесеніе, отправленное въ Римъ сенату съ извѣстіемъ о побѣдѣ, указывало на пренестинцевъ, какъ на бо́льшихъ враговъ, чѣмъ жители Велитръ. Вслѣдствіе этого на основаніи сенатскаго постановленія и по волѣ народа объявлена была война пренестинцамъ, которые, соединившись въ слѣдующемъ году съ вольсками, завоевали ко- 373 г.
лонію римскаго народа Сатрикъ, несмотря на упорную защиту ея колонистами, и гнусно воспользовались побѣдой по отношенію къ плѣнникамъ. Огорченные этимъ римляне избрали въ шестой разъ военнымъ трибуномъ М. Фурія Камилла. Товарищами его были А. и Л. Постуміи Регилльскіе и Л. Фурій съ Л. Лукреціемъ и М. Фабіемъ Амбустомъ.

Война съ вольсками внѣ порядка [1]) была поручена М. Фурію; помощникомъ ему изъ трибуновъ былъ назначенъ по жребію Л. Фурій, не столько въ интересахъ государства, сколько съ цѣлью содѣйствовать всесторонней славѣ товарища: предъ государствомъ, поправивъ дѣло, погибшее вслѣдствіе его, Луція, безразсудства, и частнымъ образомъ, такъ какъ, исправляя ошибку товарища, онъ искалъ не столько своего прославленія, сколько его благодарности. Камиллъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ и хотѣлъ отказаться по причинѣ своей слабости, подтвердивъ это показаніе обычной клятвой, но народъ единогласно воспротивился этому: бод-

---

[1]) См. III 2 примѣч. 3.

рый духъ еще крѣпокъ былъ въ мощной груди, и мысли отличались свѣжестью. Тогда какъ онъ почти уже не занимался гражданскими дѣлами, войны увлекли его; и вотъ, набравъ 4 легіона по 4000 человѣкъ и приказавъ войску на слѣдующій день собраться къ Эсквилійскимъ воротамъ, онъ отправился къ Сатрику. Здѣсь его ожидали завоеватели колоніи, ни мало не смущаясь и полагаясь на значительное численное превосходство своихъ силъ. Замѣтивъ приближеніе римлянъ, они быстро выстроились, не желая откладывать рѣшеніе дѣла и расчитывая, что такимъ образомъ малочисленному непріятелю нисколько не поможетъ искусство рѣдкаго вождя, на которое онъ только и надѣется.

23. Такъ же точно воодушевлены были римскіе воины и другой вождь, и рѣшеніе настоящаго боя задерживала только разумная власть одного мужа, который, замедляя войну, ждалъ случая помочь силѣ разсудительностью. Тѣмъ сильнѣе наступали враги и не только развертывали строй передъ своимъ лагеремъ, но выходили на средину равнины и, приближаясь почти къ самому непріятельскому валу, надменно величались увѣренностью въ своей силѣ. Тяжело было выносить это римскимъ воинамъ, еще тяжелѣе военному трибуну, Л. Фурію, который, будучи стремительнымъ вслѣдствіе своей молодости и по характеру, воодушевленъ былъ надеждою толпы, черпающей мужество изъ самыхъ невѣрныхъ соображеній. Онъ раздражалъ и безъ того уже возбужденныхъ воиновъ, пытаясь поколебать авторитетъ товарища единственнымъ возможнымъ для него средствомъ—указаніемъ на его возрастъ; онъ говорилъ, что войны предназначены для юношей, что вмѣстѣ съ тѣломъ бодръ и немощенъ духъ; изъ самаго храбраго воителя онъ сталъ медлителемъ, и тотъ, который обыкновенно бралъ лагери и города при первомъ же натискѣ, однимъ своимъ прибытіемъ, тратитъ время, сидя за валомъ; на какое приращеніе своихъ силъ или убыль непріятельскихъ расчитываетъ онъ? на какой случай, на какой моментъ, на какое мѣсто для того, чтобы сдѣлать засаду, надѣется онъ? вялъ и медлителенъ старецъ въ своихъ рѣшеніяхъ! Но Камиллъ достаточно пожилъ и прославился; зачѣмъ же позволять, чтобы съ тѣломъ одного смертнаго состарились и силы всего государства, которому приличествуетъ безсмертіе? Такими рѣчами онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всего лагеря, и когда со всѣхъ сторонъ требовали битвы, онъ сказалъ: „М. Фурій! мы не можемъ сдержать увлеченіе воиновъ, и врагъ, мужество котораго мы увеличили своей медлительностью, нападаетъ съ совершенно уже невыносимою наглостью; сдѣлай ты одинъ уступку всѣмъ и позволь убѣдить себя для того, чтобы ускорить побѣду“. Но это Камиллъ возразилъ, что до сихъ поръ во всѣ войны, веденныя подъ его единоличнымъ начальствомъ, ни онъ самъ, ни римскій народъ не жаловались на его распоряженія или счастіе; теперь ему извѣстно, что товарищъ равноправенъ съ нимъ и имѣетъ одинаковую власть, а юношескою бодростью превосходитъ его; итакъ, хотя войскомъ онъ привыкъ повелѣвать, а не быть въ повиновеніи у него, но парализовать власть товарища онъ не можетъ. Пусть съ божьей помощью онъ дѣлаетъ то, что считаетъ полезнымъ для государства; для себя же онъ проситъ снисхожденія къ своей старости и позволенія не быть въ первомъ ряду; но онъ не уклонится отъ тѣхъ военныхъ обязанностей, исполненіе которыхъ возможно для старика. Объ одномъ молитъ онъ безсмертныхъ боговъ, чтобы какой-нибудь случай не оправдалъ его плана. Но ни люди не послушались благого совѣта, ни боги не вняли такой смиренной мольбѣ. Передніе ряды войска строилъ виновникъ битвы, Камиллъ позаботился о резервахъ и поставилъ крѣпкій отрядъ передъ лагеремъ, самъ же оставался зрителемъ на возвышенномъ мѣстѣ, внимательно слѣдя за исходомъ чужого предпріятія.

24. Какъ только при первой стычкѣ зазвучало оружіе, враги отступили вслѣдствіе коварства, а не изъ страха. Съ тылу между строемъ и лагеремъ находился отлогій холмъ; пользуясь многочисленностью войска, они оставили въ лагерѣ нѣсколько сильныхъ когортъ, вооруженныхъ и выстроившихся, которыя должны были броситься, когда бой уже завяжется и врагъ приблизится къ валу. Римляне, вразсыпную преслѣдуя отступавшаго непріятеля, завлечены были въ неудобное мѣсто, что̀ было весьма кстати для этой вылазки. Вслѣдствіе этого страхъ перешелъ на побѣдителя, и появленіе новаго врага и покатость долины заставили дрогнуть римскій строй. Вольски, напавъ изъ лагеря, со свѣжими силами наступаютъ; возобновляютъ битву и тѣ, которые притворно отступили. Уже римскіе воины не отступали, а, забывъ о недавнемъ мужествѣ и древней славѣ, повсюду обращали тылъ и въ безпорядочномъ бѣгствѣ стремились въ лагерь, какъ вдругъ Камиллъ, посаженный окружавшими его на коня, быстро выдвинулъ резервы и вос-

кликнулъ: „такъ вотъ какой битвы, воины, требовали вы? кто тотъ человѣкъ, кто тотъ богъ, котораго вы можете обвинять? То было ваше безразсудство, а это ваша трусость. Вы слѣдовали за другимъ вождемъ, слѣдуйте теперь за Камилломъ и побѣдите, какъ вы это обыкновенно дѣлаете подъ моимъ предводительствомъ! Зачѣмъ вы смотрите на валъ и лагерь? туда не попадетъ никто изъ васъ, кромѣ побѣдителей!“ Сперва стыдъ остановилъ разсѣявшихся римлянъ; затѣмъ, видя, что знамена поворачиваются, и войско направляется противъ врага, а вождь, не только прославленный многими тріумфами, но почтенный и по своему возрасту, находится у передовыхъ знаменъ, въ самомъ трудномъ и опасномъ мѣстѣ, воины начали поодиночкѣ бранить себя и другихъ, и весь строй огласился крикомъ взаимнаго ободренія. Не остался безучастнымъ и другой трибунъ, но посланный товарищемъ, приводившимъ въ порядокъ строй пѣхотинцевъ, къ всадникамъ, не бранился, на что не давало ему права его участіе въ винѣ, но замѣнилъ приказанія мольбами, прося каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ освободить отъ обвиненія его, виновника несчастія того дня; „несмотря на отказъ и запрещеніе товарища“, говорилъ онъ, „я предпочелъ быть участникомъ общаго безразсудства, чѣмъ благоразумія одного; въ какомъ бы положеніи вы ни были, Камиллъ видитъ свою славу, а я, если битва не будетъ возстановлена, что всего печальнѣе, подвергнусь общей со всѣми участи, позоръ же понесу одинъ“. Въ виду разстройства рядовъ признано было за лучшее передать лошадей конюхамъ и пѣшими напасть на врага. Сверкая оружіемъ, въ бодромъ настроеніи, они идутъ туда, гдѣ видятъ пѣхотинцевъ наиболѣе стѣсненными. И вожди и воины соперничаютъ другъ съ другомъ въ неослабѣвающемъ мужествѣ. Усердная помощь доблести повліяла на исходъ битвы: тамъ, гдѣ вольски только-что отступали притворно, они были обращены въ настоящее бѣгство; большая часть ихъ была избита во время самаго сраженія и послѣ, во время бѣгства, остальные—въ лагерѣ, который былъ взятъ тѣмъ же натискомъ; но больше было плѣнниковъ, чѣмъ убитыхъ.

25. Когда при счетѣ плѣнниковъ узнано было нѣсколько тускуланцевъ, они были отдѣлены отъ другихъ, приведены къ трибунамъ и на допросѣ сознались, что поступили на службу по рѣшенію общины. Подъ вліяніемъ страха передъ войной съ такими близкими сосѣдями, Камиллъ заявилъ, что онъ сейчасъ-же отведетъ плѣнниковъ въ Римъ, чтобы отпаденіе тускуланцевъ не осталось неизвѣстнымъ отцамъ; временное начальство надъ лагеремъ и войскомъ онъ предлагаетъ принять товарищу. Одинъ этотъ день послужилъ для него предупрежденіемъ не предпочитать своихъ плановъ лучшимъ; но ни самъ онъ, ни въ войскѣ никто не думалъ, что Камиллъ отнесется достаточно кротко къ его винѣ, изъ-за которой государство могло очутиться въ такомъ опасномъ положеніи; и въ Римѣ, и въ арміи въ одинъ голосъ говорили, что въ землѣ вольсковъ дѣло велось съ перемѣннымъ счастіемъ, что въ пораженіи и бѣгствѣ виноватъ Л. Фурій, а слава побѣды всецѣло принадлежитъ М. Фурію. Когда послы были введены въ сенатъ, и отцы, рѣшивъ преслѣдовать тускуланцевъ войной, поручили вести ее Камиллу, онъ потребовалъ себѣ одного помощника; когда же ему предоставлено было выбрать изъ товарищей, кого онъ захочетъ, вопреки всеобщему ожиданію, онъ пожелалъ Л. Фурія. Этой скромностью онъ ослабилъ позоръ товарища и пріобрѣлъ себѣ огромную славу. Но съ тускуланцами войны не было: рѣшительнымъ миролюбіемъ они остановили ту римскую силу, которой не могли остановить оружіемъ. При вступленіи римлянъ въ ихъ предѣлы они не покинули мѣстъ, лежащихъ по пути, не прервали обработки полей; открывъ городскія ворота, мирные граждане толпою вышли на встрѣчу вождямъ, предупредительно подвозя войску въ лагерь съѣстные припасы изъ города и съ полей. Разбивши лагерь передъ воротами и желая знать, то ли же миролюбіе, которое было видно въ деревняхъ, господствуетъ и за городскими стѣнами, Камиллъ вступилъ въ городъ; видя, что двери отперты, что въ открытыхъ лавкахъ всѣ товары разложены на виду, что ремесленники заняты каждый своимъ дѣломъ, школы оглашаются голосами учащихся, улицы наполнены мальчиками и женщинами, идущими среди прочей толпы туда и сюда, куда требовали дѣла каждаго, что нигдѣ нѣтъ ничего похожаго не только на страхъ, но и на удивленіе, онъ смотрѣлъ кругомъ, ища глазами, гдѣ же война; до такой степени не было никакого признака, чтобы что-нибудь было скрыто или подготовлено сообразно обстоятельствамъ; всюду царилъ такой прочный миръ, что, казалось, туда едва ли могъ дойти даже слухъ о войнѣ.

26. Итакъ, побѣжденный покорностью враговъ, онъ приказалъ созвать ихъ сенатъ. „До сихъ поръ одни вы, тус-

куланцы," сказалъ онъ, „нашли настоящее оружіе и настоящія силы защитить себя отъ гнѣва римлянъ. Идите въ Римъ къ сенату; отцы разсудятъ, заслужили ли вы ранѣе больше наказанія, чѣмъ теперь милости; я не предвосхищу вашей благодарности за государственное благодѣяніе; отъ меня вы получите разрѣшеніе просить пощады, а успѣхъ вашихъ просьбъ будетъ зависѣть отъ воли сената." Когда тускуланцы прибыли въ Римъ, и печальный сенатъ еще недавно вѣрныхъ союзниковъ показался въ преддверіи куріи, отцы сразу были тронуты и уже тогда приказали пригласить ихъ скорѣе какъ друзей, чѣмъ какъ враговъ. Тускуланскій диктаторъ держалъ такую рѣчь: „сенаторы! мы, которымъ вы объявили и нанесли войну, выступили на встрѣчу вашимъ вождямъ и легіонамъ въ такомъ же вооруженіи и съ такими же приготовленіями, съ какими вы видите насъ теперь стоящими въ преддверіи вашей куріи. Таковъ былъ и всегда будетъ видъ нашъ и нашихъ плебеевъ, исключая того случая, когда мы получимъ оружіе отъ васъ и для защиты васъ. Благодаримъ и вашихъ вождей, и ваши войска за то, что они больше повѣрили своимъ глазамъ, чѣмъ ушамъ, и не поступили по-вражески тамъ, гдѣ не было ничего враждебнаго. Мы просимъ у васъ того мира, который доказали сами, а войну молимъ обратить туда, гдѣ она есть; если же мы должны испытать на дѣлѣ силу вашего оружія, то мы испытаемъ ее безоружными. Таковъ нашъ образъ мыслей, и пусть безсмертные боги сдѣлаютъ, чтобы онъ былъ настолько же благопріятенъ для насъ, насколько онъ благочестивъ. Что касается до обвиненій, которыя побудили васъ объявить войну, то хотя вовсе нѣтъ надобности опровергать словами то, что опровергнуто дѣломъ, однако, если бы они и были справедливы, въ виду такого очевиднаго раскаянія, мы считаемъ безопаснымъ даже сознаться въ нихъ; пусть мы будемъ виноваты передъ вами, лишь бы вы всегда были достойны такого удовлетворенія!" Только это приблизительно сказали тускуланцы. Въ настоящее время они получили миръ, а немного спустя и право гражданства. Легіоны были отведены отъ Тускула.

27. Прославившись разсудительностью и доблестью въ вольсской войнѣ, счастіемъ въ тускуланской экспедиціи, въ обоихъ мѣстахъ замѣчательной терпимостью и скромностью по отношенію къ товарищу Камиллъ сложилъ должность, послѣ того какъ на слѣдующій годъ военными трибунами 374 г.

были избраны Л. и П. Валеріи—Л. въ пятый, П. въ третій разъ, и Г. Сергій въ третій разъ, Л. Мененій во второй разъ, П. Папирій, Сер. Корнелій Малугинскій. Понадобились въ этомъ году и цензоры, преимущественно вслѣдствіе неопредѣленныхъ слуховъ о долгахъ, при чемъ народные трибуны злонамѣренно еще увеличивали сумму ихъ, а тѣ, которымъ выгодно было убѣжденіе, что кредитъ въ безпорядкѣ вслѣдствіе недостатка добросовѣстности, а не вслѣдствіе матеріальнаго положенія должниковъ, уменьшали ее. Цензорами были выбраны Г. Сульпицій Камеринъ и Сп. Постумій Регилльскій; но начатое уже дѣло было прервано вслѣдствіе смерти Постумія, такъ какъ назначать замѣстителя товарищу цензора было несогласно съ волею боговъ. Итакъ, когда Сульпицій отказался отъ должности, другіе цензоры, какъ не надлежащее выбранные [1]), не вступили въ нее; выбирать третьихъ побоялись, такъ какъ казалось, что боги не принимаютъ цензуру на этотъ годъ. Трибуны между тѣмъ утверждали, что такого издѣвательства надъ плебеями нельзя терпѣть; сенатъ-де избѣгаетъ свидѣтельства государственной росписи относительно состоянія каждаго, такъ какъ не желаетъ, чтобы выяснилась сумма долга, которая должна показать, что одна часть государства подавлена другою, а между тѣмъ задолжавшіе плебеи приносятся въ жертву все новымъ и новымъ врагамъ. Уже повсюду безъ всякаго разбора ищутъ войнъ; изъ Антія легіоны ведутъ въ Сатрикъ, изъ Сатрика въ Велитры, оттуда въ Тускулъ, уже противъ латинянъ, герниковъ, пренестинцевъ направляютъ войска скорѣе изъ ненависти къ гражданамъ, чѣмъ къ врагамъ, чтобы измучить плебеевъ подъ оружіемъ, чтобы не позволить имъ передохнуть въ городѣ, или вспомнить на досугѣ о свободѣ, или побыть въ собраніи, гдѣ они наконецъ-то услышатъ голосъ трибуна, говорящаго объ облегченіи процентовъ и о прекращеніи другихъ обидъ. Итакъ, если въ умахъ плебеевъ сохранилось воспоминаніе о свободѣ отцовъ, то они, трибуны, не позволятъ, чтобы какой-нибудь римскій гражданинъ былъ присуждаемъ въ рабство за данныя ему взаймы деньги или чтобы производился наборъ, пока, взглянувъ на сумму долга и обсудивъ, какъ уменьшить ее, каждый не будетъ знать, что свое и что чужое, остается ли у

[1]) Должностныя лица, при избраніи которыхъ произошло какое-нибудь нарушеніе обрядности, или явилось дурное предзнаменованіе, считалось vitio creati (не надлежаще избранными) и не могли вступить въ должность.

него свободнымъ хоть тѣло, или и оно подлежитъ оковамъ. Обѣщаніе награды за мятежъ немедленно вызвало его; ибо многіе были присуждаемы на рабство, а вмѣстѣ съ тѣмъ отцы высказались за необходимость набрать новые легіоны въ виду слуховъ о пренестинской войнѣ. Содѣйствіе трибуновъ и единодушіе плебеевъ стало мѣшать одновременно и тому и другому: ни трибуны не позволяли уводить присужденныхъ, ни молодежь не записывалась въ войско. Въ то время какъ отцы при настоящемъ положеніи не столько заботились объ исполненіи судебныхъ приговоровъ относительно данныхъ въ долгъ денегъ, сколько о наборѣ, приходили извѣстія, что враги, вышедши изъ Пренесте, остановились на Габинской территоріи; эти самые слухи скорѣе поощряли трибуновъ продолжать начатую борьбу, чѣмъ внушали опасеніе вести ее; и только появленіе войны почти у самыхъ городскихъ стѣнъ могло прекратить мятежъ въ городѣ.

28. Ибо, когда пренестинцамъ было возвѣщено, что въ Римѣ не набрано никакого войска, что нѣтъ опредѣленнаго вождя, что патриціи и плебеи обратились другъ противъ друга, вожди ихъ, усматривая въ этомъ удобный случай, быстро двинулись и, опустошивъ по пути поля, подступили къ Коллинскимъ воротамъ. Въ городѣ господствовало страшное смятеніе. Раздался призывъ „къ оружію!“ сбѣжались на стѣны и къ воротамъ и наконецъ-то, смѣнивъ мятежъ на войну, избрали диктаторомъ Т. Квинтія Цинцинната. Онъ назначилъ въ начальники конницы А. Семпронія Атратина. Какъ только слухъ объ этомъ распространился, одновременно враги отступили отъ стѣнъ, а молодые римляне безъ возраженій сошлись по приказу—такой страхъ внушала эта должность! Пока въ Римѣ набиралось войско, непріятели расположились лагеремъ не вдалекѣ отъ рѣки Алліи; опустошая отсюда на обширномъ пространствѣ поля, они похвалялись другъ передъ другомъ, что заняли роковое для Рима мѣсто, что поэтому паника и бѣгство будутъ похожи на тѣ, которыя были въ галльскую войну; въ самомъ дѣлѣ, если римляне боятся дня, получившаго наименованіе отъ этой мѣстности, считая его тяжелымъ [1]), то насколько гораздо больше, чѣмъ аллійскаго дня, устрашатся они самой Алліи, этого памятника ужаснаго пораженія? они, ко-

[1]) См. VI 1 и примѣч.

нечно, будутъ видѣть предъ собой суровыя лица галловъ и слышать звуки ихъ голоса. Предаваясь такимъ пустымъ мечтамъ о вещахъ, не имѣющихъ никакого значенія, они возложили свои надежды на судьбу мѣста. Напротивъ, римляне хорошо знали, что латинскіе враги, гдѣ бы они ни были, все тѣ же, которыхъ они побѣдили у Региллъскаго озера и въ теченіе ста лѣтъ заставили хранить миръ; мѣсто, ознаменованное воспоминаніемъ о пораженіи, скорѣе должно поощрить ихъ уничтожить память объ этомъ позорѣ, чѣмъ внушить опасеніе, что есть какая-нибудь мѣстность, гдѣ боги не позволяютъ римлянамъ побѣдить; мало того, если даже сами галлы повстрѣчаются съ ними на томъ мѣстѣ, то они будутъ такъ сражаться, какъ сражались въ Римѣ, возвращая отечество, какъ на слѣдующій день сражались при Габіяхъ, когда ни одному врагу, вступившему за стѣны Рима, не позволили принести домой извѣстія о побѣдѣ или пораженіи.

29. При такомъ настроеніи обѣихъ армій римляне пришли къ Алліи. Когда выстроившіеся и готовые къ бою враги стали видны, римскій диктаторъ сказалъ: „видишь-ли, А. Семпроній, что они стали у Алліи въ надеждѣ на судьбу, связанную съ этимъ мѣстомъ? и пусть безсмертные боги не даютъ имъ болѣе твердой увѣренности и иной, большей помощи, кромѣ этой! Ты же, надѣясь на оружіе и мужество, напади во весь опоръ на ихъ центръ; а когда они будутъ приведены въ безпорядокъ и замѣшательство, я двинусь на нихъ съ легіонами. Помогите, боги, свидѣтели договора, и накажите должнымъ образомъ пренестинцевъ за то, что они оскорбили васъ и вашимъ именемъ обманули насъ!“ Пренестинцы не устояли ни противъ конницы, ни противъ пѣхоты. При первомъ натискѣ и крикѣ ряды смѣшались; когда же строй вездѣ былъ нарушенъ, они обратили тылъ и въ страшномъ смятеніи, миновавъ даже лагерь, остановили безпорядочное бѣгство только тогда, когда увидали Пренесте. Разсѣянные во время бѣгства, они заняли позицію, имѣя въ виду поспѣшно укрѣпить ее, чтобы, въ случаѣ отступленія за городскія стѣны, не были сразу выжжены поля и послѣ всеобщаго опустошенія осада не была перенесена на городъ. Но когда побѣдоносные римляне, разграбивъ лагерь у Алліи, подступили, то они покинули и это укрѣпленіе и, едва считая безопасными стѣны, заперлись въ Пренесте. Въ подчиненіи у пренестинцевъ было еще 8 городовъ. На нихъ обращена была

война; когда же они одинъ за другимъ были взяты безъ особеннаго сопротивленія, войско было направлено въ Велитры; по взятіи ихъ, подступили къ Пренесте, главному оплоту войны, и онъ былъ сданъ, а не взятъ силою. Побѣдивъ разъ въ сраженіи, взявъ силою два лагеря и 8 городовъ, принявъ сдачу Пренесте, Т. Квинктій вернулся въ Римъ и съ тріумфомъ принесъ въ Капитолій вывезенную изъ Пренесте статую Юпитера Вождя. Она была освящена между святилищами Юпитера и Минервы, и подъ ней прибита доска, на которой, въ память о событіи, вырѣзана приблизительно слѣдующая надпись: „Юпитеръ и всѣ боги даровали Квинктію взять восемь городовъ". На двадцатый день послѣ избранія онъ сложилъ диктатуру.

375 г. **30**. Затѣмъ происходили комиціи для выбора военныхъ трибуновъ съ консульской властью, при чемъ число патриціевъ и плебеевъ было уравнено: изъ патриціевъ были избраны П. и Г. Манліи съ Л. Юліемъ; плебеи выставили Г. Секстилія, М. Альбинія, Л. Антистія. Манліямъ, превосходившимъ плебеевъ родовитостью, а Юлія популярностью, поручена была война съ вольсками безъ жребія, безъ соглашенія, внѣ порядка, о чемъ однако послѣ жалѣли и сами они, и отцы. Не произведя рекогносцировки, Манліи послали когорты на фуражировку; получивъ ложное извѣстіе, будто бы онѣ окружены, и несясь во весь опоръ къ нимъ на помощь, они сами попали въ засаду, а между тѣмъ доносчикъ, который, будучи латиняниномъ, подъ видомъ римскаго воина обманулъ ихъ, не былъ задержанъ. Въ то время какъ здѣсь, на невыгодной позиціи, опираясь исключительно на доблесть воиновъ, они избивали противниковъ и гибли сами, на другой сторонѣ римскій лагерь, лежавшій на равнинѣ, подвергся нападенію враговъ. По безразсудству и неопытности вожди въ обоихъ мѣстахъ погубили дѣло; остальное спасло счастіе римскаго народа и доблесть воиновъ, несокрушимая даже тогда, когда они оставались безъ вождя. По полученіи донесенія объ этомъ, въ Римѣ на первыхъ порахъ рѣшено было назначить диктатора; затѣмъ, когда изъ земли вольсковъ принесены были болѣе успокоительныя вѣсти, и стало ясно, что они не умѣютъ пользоваться побѣдой и обстоятельствами, армія и вожди были отозваны оттуда, и, насколько это зависѣло отъ вольсковъ, наступилъ миръ; только конецъ года былъ омраченъ возстаніемъ пренестинцевъ, которые подняли латинскія племена. Въ томъ же году

прибавлено было число колонистовъ въ Сетію, жители которой сами жаловались на недостатокъ населенія. При неудачахъ на войнѣ утѣшеніемъ служилъ внутренній миръ, который сохранялся благодаря популярности и значенію плебейскихъ военныхъ трибуновъ въ своей средѣ.

31. Въ самомъ началѣ слѣдующаго года, при воен- 376 г.
ныхъ трибунахъ съ консульской властью Сп. Фуріи, Кв. Сервиліи во второй разъ, Л. Мененіи въ третій разъ, П. Клеліи, М. Гораціи, Л. Геганіи, вспыхнулъ страшный мятежъ. Основаніемъ и поводомъ къ нему послужили долговыя обязательства. Чтобы опредѣлить сумму ихъ, выбраны были цензоры — Сп. Сервилій Прискъ и Кв. Клелій Сицилiецъ, но война помѣшала имъ выполнить свою задачу; ибо сперва перепуганные вѣстники, а затѣмъ бѣглецы изъ деревень сообщили, что вольскія войска перешли границу и повсюду опустошаютъ римскія поля. При этомъ смятеніи страхъ предъ внѣшнимъ врагомъ не только не остановилъ внутренней борьбы, но даже, напротивъ того, трибуны проявили тѣмъ большее ожесточеніе, мѣшая набору, пока отцы не приняли условія, чтобы до окончанія войны никто не вносилъ налога, и не разбирались дѣла о долгахъ. Когда плебеямъ дано было это облегченіе, перестали мѣшать набору. Набравъ новые легіоны, рѣшили направить въ вольскіе предѣлы двѣ арміи, раздѣливъ легіоны: Сп. Фурій и М. Горацій пошли вправо, по морскому берегу и къ Антію, Кв. Сервилій и Л. Геганій влѣво, къ горамъ по направленію къ Эцетрѣ. Ни одинъ отрядъ не повстрѣчалъ врага; поэтому опустошеніе не походило на тѣ набѣги, которые дѣлали вольски второпяхъ, подобно разбойникамъ, пользуясь раздорами враговъ и боясь доблести, а производилось настоящей арміей въ законномъ раздраженіи и было тяжелѣе еще и вслѣдствіе своей продолжительности; ибо вольски нападали на пограничныя поля, опасаясь, чтобы тѣмъ временемъ не выступило войско изъ Рима; напротивъ того, римляне имѣли основаніе долѣе оставаться на вражеской землѣ, чтобы вызвать врага на бой. Итакъ обѣ арміи вернулись въ Римъ, предавъ огню повсюду всѣ усадьбы и даже нѣкоторыя деревни, не оставивъ ни плодовыхъ деревьевъ, ни посѣвовъ, съ которыхъ можно было расчитывать получить жатву, взявъ въ добычу всѣхъ людей и весь скотъ, которые находились внѣ городскихъ стѣнъ.

32. Не надолго должники получили возможность передохнуть: какъ только враги успокоились, снова начались

многочисленные процессы, и не только не осуществилась надежда на облегченіе старыхъ долговъ, но возникъ еще новый долгъ вслѣдствіе налога, такъ какъ цензоры сдали съ подряда постройку стѣнъ изъ квадратныхъ плитъ [1]). Плебеи вынуждены были подчиниться этому бремени, такъ какъ не было набора, которому бы могли воспротивиться народные трибуны. Вліяніе же знатныхъ людей заставило плебеевъ
377 г. выбрать въ военные трибуны всѣхъ патриціевъ — Л. Эмилія, П. Валерія въ четвертый разъ, Г. Ветурія, Сер. Сульпиція, Л. и Г. Квинктіевъ Цинциннатовъ. Благодаря тому же вліянію они добились, что привели къ присягѣ безъ всякой помѣхи всѣхъ людей и противъ латинянъ и вольсковъ, которые, соединивъ свои силы, расположились лагеремъ у Сатрика, были набраны три арміи: одна для охраны города, другая, которую можно было бы послать на неожиданную войну, въ случаѣ возникновенія движенія гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; а третью — самую сильную — повели къ Сатрику П. Валерій и Л. Эмилій. Найдя непріятельскую армію выстроившейся на равнинѣ, они немедленно дали сраженіе; хотя побѣда не достаточно еще выяснилась, однако можно было надѣяться на удачу, но проливной дождь, сопровождавшійся страшной бурей, розниялъ сражавшихся. На слѣдующій день битва возобновилась; и нѣкоторое время оказывали сопротивленіе главнымъ образомъ латинскіе легіоны, которые, оставаясь долгое время союзниками римлянъ, изучили ихъ службу и обнаруживали одинаковую съ ними доблесть. Но нападеніе всадниковъ разстроило ряды; затѣмъ двинулись впередъ знамена пѣхотинцевъ и, насколько римляне наступали, настолько враги пятились назадъ, а какъ только успѣхъ склонился на сторону римлянъ, ихъ натиска уже нельзя было выдержать. Разсѣянные враги, устремившіеся не въ лагерь, а въ Сатрикъ, который находился въ двухъ миляхъ оттуда, были избиты преимущественно всадниками, лагерь же взятъ и разграбленъ. Отъ Старика въ ночь, слѣдовавшую за сраженіемъ, они устремились въ Антій, но ихъ маршъ скорѣе походилъ на бѣгство, и хотя римское войско гналось почти по пятамъ, но страхъ гналъ быстрѣе, чѣмъ раздраженіе. Такимъ образомъ враги скорѣе вступили въ городъ, чѣмъ римляне могли напасть на ихъ аріергардъ или задержать его. Затѣмъ нѣсколько дней ушло на опустошеніе полей; ни римляне не были достаточно снабжены осадными снарядами, чтобы напасть на стѣны, ни враги достаточно вооружены, чтобы искать случая сразиться.

1) Рѣчь идетъ о поправкѣ стѣнъ, часть которыхъ была разрушена во время галльскаго погрома.

33. Затѣмъ между антіатами и латинянами возникъ раз- 378 г.
доръ, такъ какъ антіаты, истощенные бѣдствіями и сокрушенные войной, во время которой родились и состарились, думали о сдачѣ, тогда какъ латиняне, пользовавшіеся долго миромъ и недавно отпавшіе, были еще со свѣжими силами и ожесточенно настаивали на продолженіи войны; но раздоры окончились, когда обѣ стороны увидѣли, что онѣ не могутъ помѣшать другъ другу выполнить задуманное: латиняне отступили, уклонившись отъ мира, который они считали позорнымъ; антіаты, по удаленіи неудобныхъ судей ихъ благоразумныхъ намѣреній, передали римлянамъ городъ и земли. Ярость и озлобленіе латинянъ, за невозможностью напасть на римлянъ и удержать подъ оружіемъ вольсковъ, разразились тѣмъ, что они сожгли городъ Сатрикъ, который былъ первымъ ихъ убѣжищемъ послѣ пораженія; такъ какъ зажигали безъ различія священныя и частныя зданія, то въ городѣ не осталось ни одного крова, кромѣ храма матери Матуты; здѣсь, говорятъ, удержало ихъ не собственное религіозное чувство, не уваженіе къ богамъ, а раздавшійся изъ храма страшный голосъ, грозившій всѣми ужасами, если только они безбожно допустятъ пламя до святилища. Подъ вліяніемъ той же ярости они напали и на Тускулъ; причиною ихъ раздраженія было то обстоятельство, что жители, отказавшись учавствовать въ общемъ возстаніи латинянъ, приняли не только союзъ съ римлянами, но и ихъ гражданство. Напавъ неожиданно на городъ, когда ворота были отперты, они при первомъ же натискѣ захватили его, кромѣ кремля. Тамъ укрылись граждане съ женами и дѣтьми и послали въ Римъ вѣстниковъ увѣдомить сенатъ о постигшемъ ихъ несчастіи. Немедленно было отправлено въ Тускулъ войско, что вполнѣ соотвѣтствовало добросовѣстности римскаго народа; предводителями были военные трибуны Л. Квинктій и Сер. Сульпицій. Ворота Тускула они находятъ запертыми и видятъ, что латиняне, въ одно время и осаждая, и будучи осаждены, съ одной стороны стараются защитить стѣны Тускула, съ другой пытаются осадить кремль, наводятъ страхъ и въ то же время боятся. Прибытіе римлянъ измѣнило настроеніе обѣихъ сторонъ: тускуланцы отъ величайшей паники перешли къ величайшей бодрости, лати-

ныне отъ почти полной увѣренности въ скоромъ занятіи кремля, такъ какъ городъ былъ въ ихъ рукахъ, къ слабой надеждѣ на свое собственное спасеніе. Тускуланцы изъ кремля поднимаютъ крикъ; гораздо болѣе сильнымъ крикомъ отвѣчаетъ имъ римское войско. Латинянъ тѣснятъ съ обѣихъ сторонъ; они не выдерживаютъ натиска тускуланцевъ, сбѣгающихъ съ болѣе возвышеннаго мѣста, и не могутъ остановить приступовъ римлянъ къ стѣнамъ и попытокъ ихъ сокрушить запоры воротъ. Сперва при помощи лѣстницъ были взяты стѣны, а затѣмъ были сломаны запоры воротъ; тѣснимые двойной арміей врага съ фронта и съ тылу и, не имѣя ни силъ для битвы, ни мѣста, куда бѣжать, очутившись въ серединѣ, они были избиты всѣ до единаго. Отнявъ отъ враговъ Тускулъ, римское войско было уведено назадъ.

34. Чѣмъ больше удачныя войны тѣхъ лѣтъ способствовали усмиренію всѣхъ внѣшнихъ враговъ, тѣмъ болѣе въ городѣ со дня на день увеличивалось могущество патриціевъ и бѣдственное положеніе плебеевъ, которые не въ состояніи были платить долги именно вслѣдствіе безусловной необходимости платить въ срокъ. И вотъ, не имѣя уже возможности дать что-нибудь изъ имущества, привлеченные къ суду и осужденные должники удовлетворяли кредиторовъ потерею добраго имени и тѣлесными страданіями, и наказаніе заступило мѣсто выполненія обязательствъ. Даже выдающіеся плебеи, не говоря уже о низшихъ, до того пали духомъ, что ни у одного энергичнаго и опытнаго человѣка не хватало мужества не только искать вмѣстѣ съ патриціями военнаго трибуната,—а этого права они добивались съ такими усиліями,—но даже занимать и стремиться къ занятію плебейскихъ должностей, и казалось, что патриціи невсегда вернули обладаніе должностью, которой плебеи пользовались лишь немного лѣтъ. Но чтобы эта радость одной партіи не была чрезмѣрной, приключилось маловажное, какъ это обыкновенно бываетъ, обстоятельство, поведшее къ серіознымъ послѣдствіямъ.

У М. Фабія Амбуста, человѣка сильнаго не только среди людей своего сословія, но и среди плебеевъ, которые вовсе не считали его врагомъ своимъ, старшая дочь была замужемъ за Сер. Сульпиціемъ, а младшая—за Г. Лициніемъ Столономъ, человѣкомъ, хотя и извѣстнымъ, но плебеемъ; и то самое обстоятельство, что Фабій не уклонился отъ этого родства, пріобрѣло ему расположеніе у плебеевъ. Случайно сестры Фабіи проводили, по обыкновенію, время въ разговорахъ въ домѣ военнаго трибуна Сер. Сульпиція, и когда тотъ возвращался съ форума, ликторъ, согласно обычаю, постучалъ розгой въ дверь. Непривычная къ этому обычаю младшая Фабія испугалась, чѣмъ насмѣшила сестру, которая удивилась, что она не знаетъ этого. Но смѣхъ этотъ огорчилъ женское сердце, легко поддающееся впечатлѣнію отъ маловажныхъ обстоятельствъ. Многочисленная толпа сопровождавшихъ трибуна и спрашивавшихъ, не угодно ли ему чего-либо, внушила ей, вѣроятно, мысль, что бракъ ея сестры счастливъ, и она пожалѣла о своемъ, руководясь превратнымъ убѣжденіемъ, которое рѣшительно не терпитъ преимущества кого-нибудь изъ близкихъ. Увидавъ ее въ смущеніи отъ недавняго огорченія, отецъ спросилъ, все ли благополучно, но она хотѣла скрыть причину недовольства, считая ее не достаточно любезной по отношенію къ сестрѣ и не достаточно почтенной для мужа; однако путемъ деликатныхъ разспросовъ отецъ заставилъ ее признаться, что она огорчена союзомъ съ неравнымъ, замужествомъ въ домѣ, для котораго не доступенъ ни почетъ, ни вліяніе. Утѣшая дочь, Амбустъ велѣ ей ободриться: скоро-де она увидитъ у себя дома тѣ же почести, какія видитъ у сестры. Затѣмъ онъ началъ совѣщаться съ зятемъ, пригласивъ Л. Сестія, юношу энергичнаго, осуществленію надеждъ котораго недоставало только патриціанскаго рода.

35. Огромная сумма долговыхъ обязательствъ, казалось, представляла удобный случай произвести переворотъ, такъ какъ на облегченіе этого бѣдственнаго положенія плебеи могли надѣяться, лишь поставивъ своихъ людей во главѣ управленія; къ этой-де мысли [1]) слѣдуетъ подготовиться; попытки и мѣропріятія уже поставили плебеевъ на такую ступень, откуда, при дальнѣйшихъ усиліяхъ, можно достичь верха власти и сравняться съ патриціями какъ доблестью, такъ и почетнымъ положеніемъ. Въ настоящій моментъ рѣшено было назначить народныхъ трибуновъ, чтобы, находясь въ этой должности, они могли сами открыть себѣ путь къ остальнымъ должностямъ. И вотъ выбранные въ трибуны Г. Лициній и Л. Секстій обнародовали законопроекты, направленные всецѣло противъ силы патриціевъ и въ пользу плебеевъ,—одинъ относительно долговыхъ обязательствъ, чтобы,

[1]) Т.-е. къ мысли добиться консульства.

по вычетѣ изъ капитала уплаченныхъ процентовъ, остатокъ былъ внесенъ въ теченіе трехъ лѣтъ равными частями; другой — относительно размѣровъ поля, чтобы никто не владѣлъ болѣе, чѣмъ 500 югеровъ [1]); третій—чтобы не созывались комиціи для выбора военныхъ трибуновъ, и чтобы однимъ изъ консуловъ былъ непремѣнно плебей; всѣ эти права были очень важны, и безъ ожесточенной борьбы ихъ нельзя было добиться. Итакъ на карту поставлено было заразъ все, до чего люди непомѣрно жадны, — земли, деньги, почести; напуганные этимъ, патриціи на общественныхъ и частныхъ совѣщаніяхъ обнаруживали лишь смущеніе и, не найдя другого средства, кромѣ испытаннаго уже во многихъ предшествовавшихъ спорахъ протеста, вооружили противъ предложеній трибуновъ ихъ товарищей. Увидѣвъ, что Лициній и Секстій приглашаютъ трибы подавать голоса, они, сопровождаемые отрядомъ патриціевъ, не позволили ни прочесть предложенія, ни совершить другое какое-нибудь дѣйствіе, обычное при постановленіи рѣшенія плебеевъ [2]). И уже много разъ напрасно созывалось собраніе, и предложенія считались отвергнутыми, тогда Секстій сказалъ: „хорошо; такъ какъ протестъ долженъ имѣть такое большое значеніе, то этимъ самымъ оружіемъ мы будемъ защищать плебеевъ. Объявите-ка, отцы, комиціи для избранія военныхъ трибуновъ, и я сдѣлаю такъ, что не будетъ вамъ пріятно это „veto", которое вы теперь съ такимъ удовольствіемъ слышите изъ устъ нашихъ товарищей". Не напрасными оказались эти угрозы: не состоялись ни однѣ комиціи, кромѣ тѣхъ, на которыхъ избирались плебейскіе эдилы и трибуны; выбранные вторично въ народные трибуны Лициній и Секстій не допустили выборовъ никакихъ курульныхъ магистратовъ; и пять лѣтъ не было въ городѣ магистратовъ [3]), такъ
378-843 гг. какъ плебеи выбирали вновь двухъ трибуновъ, а эти не допускали комицій для выбора военныхъ трибуновъ.

36. Весьма кстати другихъ войнъ не было: только колонисты Велитръ, ободрившись вслѣдствіе мира и пользуясь отсутствіемъ римскаго войска, неоднократно нападали на римскія поля и приступили къ осадѣ Тускула; такъ какъ тускуланцы, старинные союзники, недавно принятые въ число гражданъ, просили помощи, то не только патриціямъ, но и плебеямъ стало стыдно. Народные трибуны уступили, и междуцарь созвалъ комиціи; выбранные въ военные трибу- 384 г.
ны Л. Фурій, А. Манлій, Сер. Сульпицій, Сер. Корнелій, П. и Г. Валеріи далеко не встрѣтили въ плебеяхъ той же покорности при наборѣ, какъ то было на комиціяхъ; набравъ съ огромными усиліями армію, они выступили и не только оттѣснили врага отъ Тускула, но даже загнали его въ его собственныя стѣны и съ гораздо большею силою осадили Велитры, чѣмъ былъ осажденъ Тускулъ. Но однако тѣ, которые начали осаду, не могли взять города; ранѣе того были выбраны новые военные трибуны Кв. Сервилій, Г. Ветурій, А. и М. Корнеліи, Кв. Квинктій, М. Фабій. Но 385 г.
и эти трибуны не сдѣлали подъ Велитрами ничего достопамятнаго.

Болѣе критическое положеніе было дома. Ибо кромѣ внесшихъ законопроектовъ Секстія и Лицинія, выбранныхъ уже въ восьмой разъ народными трибунами, и военный трибунъ Фабій, тесть Столона, открыто объявилъ, что онъ будетъ ратовать за составленные имъ законопроекты; а изъ восьми протестовавшихъ противъ нихъ народныхъ трибуновъ осталось всего пять; они, какъ это обыкновенно бываетъ съ отщепенцами, всецѣло находясь подъ вліяніемъ чужихъ рѣчей, выставляли только тѣ основанія для своего протеста, которыя имъ были продиктованы дома: большая-де часть плебеевъ находится въ арміи подъ Велитрами; комиціи слѣдуетъ отложить до прибытія воиновъ, чтобы всѣ плебеи подали голоса за свои интересы. Секстъ и Лициній съ частью коллегъ и военнымъ трибуномъ Фабіемъ, многолѣтней практикой уже изощрившіеся вліять на настроеніе плебеевъ, вынуждали патриціевъ являться предъ народомъ и надоѣдали отдѣльнымъ лицамъ вопросами относительно вносимыхъ къ народу предложеній: рѣшатся-ли они требовать права владѣть болѣе, чѣмъ 500 югеровъ, тогда какъ плебеямъ даютъ по два югера, такъ что каждый патрицій владѣетъ землей чуть не 300 гражданъ, а плебею едва дается достаточно мѣста для необходимыхъ построекъ или для могилы? угодно-ли имъ, чтобы плебеи, опутанные ростовщичествомъ, вмѣсто уплаты капитала безъ процентовъ, предавали свои тѣла въ оковы и на истязанія, чтобы ежедневно толпы присужденныхъ были уводимы съ форума и наполняли узниками дома знатныхъ, чтобы при жилищѣ всякаго патриція находилась частная тюрь-

[1]) См. примѣч. къ гл. 16. [2]) Такъ называемый plebiscitum; см. III 55. [3]) Такое продолжительное отсутствіе магистратовъ является мало вѣроятнымъ; приводимое Ливіемъ показаніе есть результатъ стремленія восполнить пробѣлы, которые образовывались при сличеніи списковъ ежегодныхъ магистратовъ съ числомъ годовъ каждаго столѣтія.

ма? **37**. Дѣлая такія заявленія, возмущавшія и вызывавшія состраданіе слушателей, боявшихся за свою собственную участь, не столько испытывая негодованіе, сколько возбуждая его, они утверждали, что нельзя иначе ограничить право патриціевъ на обладаніе землей и угнетеніе плебеевъ ростовщичествомъ, если плебеи не выберутъ изъ своей среды одного консула, стража ихъ свободы. Уже на народныхъ трибуновъ смотрятъ съ призрѣніемъ, такъ какъ они сами сокрушаютъ силу своей власти протестами. Не можетъ быть равноправности тамъ, гдѣ одна часть пользуется властью, а другая лишь защитой [1]); если власть не будетъ общею, то никогда плебеи не будутъ равноправными въ государствѣ. И нельзя довольствоваться тѣмъ, если на консульскихъ комиціяхъ плебеевъ будутъ принимать въ соображеніе [2]); если не будетъ обязательно выбирать въ консулы непремѣнно одного плебея, то никто не будетъ выбранъ. Или забыто уже, что, когда рѣшено было вмѣсто консуловъ выбирать военныхъ трибуновъ, именно съ цѣлью открыть плебеямъ доступъ къ высшей должности, въ теченіе 44 лѣтъ не былъ выбранъ въ военные трибуны ни одинъ плебей [3])? что они думаютъ? что при двухъ мѣстахъ патриціи уступятъ добровольно почетъ плебеямъ, когда они обыкновенно занимали восемь мѣстъ военныхъ трибуновъ, и дадутъ доступъ къ консульству, когда такъ долго не допускали къ трибунату? При помощи закона слѣдуетъ добиваться того, чего нельзя добиться на комиціяхъ при помощи вліянія, и чтобы открыть плебеямъ доступъ къ одной консульской должности, ее слѣдуетъ поставить внѣ конкурса, такъ какъ, оставаясь въ конкурсѣ, она всегда будетъ трофеемъ болѣе сильнаго. И уже нельзя сказать того, что ставили обыкновенно въ упрекъ прежде, что нѣтъ среди плебеевъ людей, годныхъ для курульныхъ должностей: развѣ въ самомъ дѣлѣ глупѣе или бездѣятельнѣе стало государственное управленіе послѣ трибуната П. Лицинія Кальва, который былъ выбранъ первымъ изъ плеебевъ, чѣмъ оно было въ тѣ годы, когда военными трибунами были исключительно одни патриціи? Даже напротивъ того, послѣ трибуната было осуждено нѣсколько патриціевъ и ни одного плебея. Немного лѣтъ тому назадъ

[1]) Имѣются въ виду народные трибуны, не имѣвшіе положительной власти, а лишь право защищать интересы плебеевъ и право протеста. [2]) Т.-е. плебеи будутъ имѣть право выступать кандидатами на консульство. [3])Съ 310 г. (см. IV 7) до 354 г. (см. V 12).

стали выбирать изъ плебеевъ наравнѣ съ военными трибунами и квесторомъ [1]), и ни въ одномъ случаѣ римскій народъ не пожалѣлъ объ этомъ. Плебеямъ остается получить консульство; это защита, это оплотъ свободы. Если они этого достигнутъ, то тогда римскій народъ будетъ думать, что цари дѣйствительно изгнаны, и свобода упрочена; ибо съ того дня плебеи получатъ все, чѣмъ выдаются патриціи,—власть и почести, военную славу, родовитость, знатность, большія выгоды для себя, возможность еще большія преимущества оставить дѣтямъ. Видя, что такія рѣчи выслушиваются, они обнародываютъ новое предложеніе, чтобы вмѣсто духовныхъ дуумвировъ [2]) были избираемы децемвиры, и чтобы часть ихъ была изъ плебеевъ, часть изъ патриціевъ; комиціи для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ они отлагаютъ до возвращенія арміи, осаждавшей Велитры.

38. Годъ закончился прежде, чѣмъ легіоны были приведены изъ-подъ Велитръ. Такимъ образомъ вопросъ о законопроектахъ, оставшійся открытымъ, былъ отложенъ до новыхъ военныхъ трибуновъ, народными же трибунами плебеи снова хотѣли выбрать тѣхъ же лицъ, и во всякомъ случаѣ, чтобы среди ихъ непремѣнно были тѣ два, которые предлагали законопроекты. Въ военные трибуны были выбраны Т. Квинктій, Сер. Корнелій, Сер. Сульпицій, Сп. Сервилій, Л. Папирій, Л. Ветурій. Въ самомъ же началѣ года дѣло до- 386 г.
шло до рѣшительной схватки изъ-за законопроектовъ: когда были приглашаемы трибы, и протестъ товарищей не останавливалъ предлагавшихъ законопроекты, испуганные патриціи прибѣгали къ двумъ крайнимъ средствамъ—къ чрезвычайной власти и къ самому выдающемуся мужу. Рѣшено было выбрать диктатора; выбранъ былъ М. Фурій Камиллъ, пригласившій въ начальники конницы Л. Эмилія. Равнымъ образомъ предлагавшіе законопроекты противъ такихъ мѣропріятій противниковъ вооружаются на защиту интересовъ плебеевъ крайней рѣшимостью и, назначивъ собраніе плебеевъ, приглашаютъ трибы подавать голоса. Въ гнѣвѣ и съ угрозами возсѣлъ диктаторъ, сопровождаемый толпою патриціевъ; сперва началась обычная борьба между трибунами, предлагавшими законопроектъ и протестовавшими противъ него; насколько юридически протестъ былъ сильнѣе, настолько онъ уступалъ въ популярности законопроекту и тѣмъ, которые внес-

[1]) См. IV 54. [2]) См. III 10 и примѣч. 2.

ли его, и когда первыя трибы сказали: „какъ предлагаешь“, тогда диктаторъ Камиллъ держалъ такую рѣчь: „такъ какъ вы, квириты, подчиняетесь уже страсти трибуновъ, а не власти ихъ, и пріобрѣтенное нѣкогда удаленіемъ плебеевъ право протеста уничтожаете при помощи того же насилія, при помощи котораго вы пріобрѣли его, то я, какъ диктаторъ, буду защищать его не столько въ интересахъ всего государства, сколько въ вашихъ интересахъ, и силою своей власти огражу ниспровергнутое вами право защиты. Итакъ, если Г. Лициній и Л. Секстій уступятъ протесту товарищей, то не послѣдуетъ вмѣшательства патриціанской власти въ собраніе плебеевъ; если же, вопреки протесту, они будутъ стремиться навязать государству, точно попавшему въ плѣнъ, законы, то я не допущу, чтобы сила трибуновъ погубила сама себя“. Когда трибуны въ отвѣтъ на это, не обращая никакого вниманія, продолжали дѣло съ неменьшимъ усердіемъ, раздраженный диктаторъ послалъ ликторовъ удалить плебеевъ и пригрозилъ, что, если они будутъ упорствовать, то онъ приведетъ всю молодежь къ присягѣ и немедленно выведетъ армію изъ города. Это навело ужасъ на плебеевъ, но въ вождяхъ ихъ не убавило, а усилило воодушевленіе къ борьбѣ. Дѣло однако не склонялось еще ни въ ту, ни въ другую сторону, между тѣмъ М. Фурій сложилъ съ себя диктатуру, потому-ли, что, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые писатели, онъ былъ не надлежаще выбранъ [1]), или потому, что народные трибуны вошли съ предложеніемъ, принятымъ плебеями, о наложеніи на него пени въ 500 тысячъ ассовъ [2]), въ томъ случаѣ, если онъ приметъ какую-нибудь мѣру, какъ диктаторъ. Но какъ характеръ самого мужа, такъ и немедленное избраніе диктаторомъ на его мѣсто П. Манлія заставляетъ меня болѣе вѣрить, что онъ испугался азспицій, а не небывалаго предложенія; къ чему въ самомъ дѣлѣ было выбирать диктатора для той борьбы, въ которой былъ побѣжденъ Фурій? сверхъ того, тотъ же М. Фурій былъ диктаторомъ въ слѣдующемъ году, а эту должность, униженную въ предыдущемъ году, онъ конечно не принялъ бы; вмѣстѣ съ тѣмъ въ то время, когда, по преданію, обнародованъ былъ законопроектъ о штрафѣ, онъ или могъ воспротивиться предложенію, призывавшему его къ порядку, или же онъ безсиленъ былъ побороть и тѣ

1) См. примѣч. къ гл. 27. 2) См. примѣч. къ I. 43.

законопроекты, которые вызвали внесеніе этого; наконецъ до нашихъ дней борьба происходила между трибунами и консулами, престижъ же диктатуры всегда былъ выше.

39. Между отказомъ перваго диктатора и вступленіемъ въ должность новаго, Манлія, трибуны, какъ бы пользуясь междуцарствіемъ, созвали собраніе плебеевъ, при чемъ выяснилось, какая часть предложеній болѣе пріятна плебеямъ, какая—ихъ авторамъ: предложенія относительно процентовъ и владѣнія землей народъ утверждалъ, а относительно плебейскаго консула отстранялъ; то и другое было бы принято, если бы трибуны не заявили, что они спрашиваютъ плебеевъ обо всѣхъ пунктахъ вмѣстѣ. Затѣмъ диктаторъ П. Манлій, назначивъ начальникомъ конницы плебея Г. Лицинія, бывшаго военнымъ трибуномъ, далъ перевѣсъ дѣлу плебеевъ. По свидѣтельству историковъ, это очень огорчило патриціевъ; диктаторъ оправдывался предъ патриціями близкимъ родствомъ съ Г. Лициніемъ и утверждалъ, что власть начальника конницы не выше власти консульскаго трибуна.

Когда объявлены были комиціи для избранія народныхъ трибуновъ, Лициній и Секстій вели себя такъ, что, отказываясь уже отъ продленія должности, возбудили въ плебеяхъ желаніе того, чего сами искали путемъ притворства: девятый-де уже годъ они находятся точно на военномъ положеніи противъ патриціевъ, подвергаясь величайшимъ личнымъ опасностямъ и ничего не выигрывая для общаго блага. Уже и внесенныя ими предложенія, и вся сила трибунской власти состарилась вмѣстѣ съ ними. Сперва боролись противъ предложенныхъ ими законопроектовъ при помощи протеста товарищей, затѣмъ услали молодыхъ людей на войну противъ Велитръ, наконецъ противъ нихъ направлены перуны диктатуры. Но уже ни товарищи, ни война, ни диктаторъ не стоятъ на дорогѣ, такъ какъ послѣдній, назначая плебея начальникомъ конницы, далъ даже благопріятное предзнаменованіе плебейскому консулу; сами плебеи служатъ помѣхою себѣ и своимъ интересамъ. Они сразу могутъ, если пожелаютъ, освободить городъ и форумъ отъ кредиторовъ, поля—отъ незаконныхъ владѣльцевъ. Когда же наконецъ они будутъ съ достаточной благодарностью цѣнить услуги, если, принимая предложенія, касающіяся своихъ выгодъ, лишаютъ вносящихъ ихъ надежды на высшую должность? Скромность римскаго народа не допускаетъ требовать того, чтобы его освободили отъ ростовщичества и ввели въ земли, незакон-

но занятыя сильными людьми, а тѣхъ, благодаря кому онъ получилъ все это, оставлять состариться трибунами, не давая имъ не только почестей, но даже надежды на почести. И такъ пусть сперва они сами рѣшатъ, чего хотятъ, а затѣмъ выразятъ свою волю на трибунскихъ комиціяхъ. Если они желаютъ, чтобы были внесены вмѣстѣ всѣ опубликованные ими законопроекты, то могутъ выбрать тѣхъ же народныхъ трибуновъ; они проведутъ то, что внесли; если же они желаютъ принять лишь то, что необходимо каждому въ отдѣльности, то имъ вовсе не нужно вызывающаго ненависть продленія власти: ни они не примутъ трибуната, ни плебеи не получатъ опубликованныхъ ими законопроектовъ.

40. Такая настойчивая рѣчь трибуновъ повергла всѣхъ патриціевъ, возмущенныхъ содержаніемъ ея, въ изумленіе, и они потому хранили молчаніе; выступилъ одинъ только Ап. Клавдій Крассъ, внукъ децемвира, по разсказамъ, скорѣе подъ вліяніемъ озлобленія и раздраженія, чѣмъ въ надеждѣ разубѣдить, и говорилъ приблизительно въ такомъ смыслѣ: „не ново и не удивительно будетъ мнѣ, квириты, если я и теперь услышу тотъ единственный упрекъ, который мятежные трибуны всегда бросали нашей фамиліи,—что родъ Клавдіевъ уже съ самаго начала считалъ важнѣе всего въ государствѣ величіе патриціевъ и всегда стоялъ противъ интересовъ плебеевъ. Перваго я не отрицаю и признаю, что, будучи приняты одновременно въ число гражданъ и отцовъ, мы усердно старались оправдать мнѣніе, что мы не уменьшили, а увеличили значеніе тѣхъ родовъ, къ которымъ вамъ угодно было причислить насъ; что же касается второго, квириты, то я позволилъ бы себѣ утверждать относительно себя и своихъ предковъ, что мы, ни оставаясь частными людьми, ни занимая государственныя должности, завѣдомо не сдѣлали ничего, противнаго интересамъ плебеевъ, развѣ только если кто-нибудь думаетъ, что полезное всему государству вредно плебеямъ, которые живутъ какъ-бы въ другомъ городѣ: нельзя, не нарушая истины, указать ни одного нашего поступка или слова, направленнаго противъ вашей пользы, хотя кое-что и не соотвѣтствовало вашимъ желаніямъ. Или, если бы я не принадлежалъ къ фамиліи Клавдіевъ и не былъ патриціанской крови, а былъ любимымъ изъ квиритовъ, знающимъ только, что онъ сынъ двухъ свободнорожденныхъ и живетъ въ свободномъ государствѣ, развѣ я не могъ бы умолчать, что тотъ Л. Секстій и Г. Лициній, безсмѣнные,

если богамъ угодно, трибуны въ теченіе девяти лѣтъ своего царствованія набрались такого своеволія, что грозятъ лишить васъ права свободной подачи голоса въ комиціяхъ и при утвержденіи законовъ? „Только подъ этимъ условіемъ,“ говоритъ онъ [1]), „вы выберете насъ въ десятый разъ трибунами!“ Развѣ это не то же, что сказать: „то, чего желаютъ другіе, мы настолько презираемъ, что примемъ его только подъ условіемъ полученія большой награды!“ Но что это за награда, цѣною которой мы можемъ всегда имѣть васъ народными трибунами? „Чтобы вы принимали въ совокупности всѣ наши предложенія,“ отвѣчаетъ онъ, „угодны они вамъ, или нѣтъ, полезны, или вредны.“ Заклинаю васъ, народные трибуны Тарквиніи, думайте, что я, единственный гражданинъ, кричу изъ средины собранія: „позвольте, не оскорбляя васъ, выбирать изъ вашихъ предложеній тѣ, которыя мы считаемъ полезными, и отклонять остальныя!“ „Нельзя!“ говоритъ онъ, „ты установишь законъ о ростовщичествѣ и о владѣніи землей, какъ касающійся интересовъ всѣхъ васъ, и ужели ты не допустишь совершиться въ городѣ Римѣ такому чуду, чтобы ты видѣлъ консулами того Л. Секстія и этого Г. Лицинія, противъ чего ты такъ возмущаешься и что ты такъ проклинаешь? Или все принимай, или я ничего не предлагаю!“ Это совершенно такъ, какъ если бы кто нибудь предложилъ терзаемому голодомъ вмѣстѣ съ пищей ядъ и приказалъ бы или не трогать того, что даетъ жизнь, или смѣшать съ животворнымъ смертоносное! Итакъ, если бы наше государство было свободно, то развѣ многочисленные голоса не закричали бы тебѣ: „уходи отсюда съ своими трибунатами и предложеніями!“ что-же? если ты не предложишь того, что народу выгодно принять, то развѣ некому будетъ предложить? Если бы какой-нибудь патрицій, если бы какой-нибудь Клавдій, что имъ представляется болѣе возмутительнымъ, сказалъ: „или все принимай, или я ничего не предлагаю,“ то кто изъ васъ, квириты, стерпѣлъ бы это? или вы никогда не будете смотрѣть болѣе на дѣло, чѣмъ на лица, а все, что скажетъ это должностное лицо, будете слушать съ сочувствіемъ, что скажетъ кто нибудь изъ насъ,—съ отвращеніемъ? А вѣдь, клянусь Геркулесомъ, рѣчь его вовсе не прилична гражданину; какого же рода то предложеніе, отклоненіе котораго возмущаетъ ихъ? Оно, квири-

[1]) Одинъ изъ нихъ; авторъ переходитъ отъ множ. числа къ единственному.

ты, совершенно похоже на рѣчь его: „я предлагаю,“ говоритъ онъ, „чтобы вамъ нельзя было выбирать въ консулы того, кого вы хотите!“ Развѣ иное что предлагаетъ тотъ, кто требуетъ, чтобы одинъ консулъ былъ непремѣнно плебей, и лишаетъ васъ права выбрать двухъ патриціевъ? Если бы теперь были войны, подобныя этрусской, когда Порсена занялъ Яникулъ, подобныя недавней, галльской, когда, кромѣ Капитолія и кремля, все принадлежало врагамъ, и вмѣстѣ съ этимъ М. Фуріемъ или любымъ изъ патриціевъ требовалъ консульства тотъ же Л. Секстій, могли-ли бы вы стерпѣть, чтобы Секстій былъ несомнѣннымъ консуломъ, а Камиллъ сомнѣвался въ своемъ избраніи? Это ли значитъ дѣлать почести общими, чтобы двухъ плебейскихъ консуловъ можно было избрать, а двухъ патриціанскихъ нельзя? и одного плебея необходимо выбрать, а обоихъ патриціевъ можно обойти? что это за союзъ, что это за равенство? Мало, если ты получаешь часть того, что теперь вовсе не принадлежитъ тебѣ? требуя часть, ты хочешь захватить все? „Боюсь,“ говоритъ онъ, „что вы не выберете ни одного плебея, если можно будетъ выбрать двухъ патриціевъ.“ Развѣ это не значитъ говорить: „такъ какъ добровольно вы не выберете недостойныхъ, то я поставлю васъ въ необходимость выбирать тѣхъ, кого вы не хотите.“ Не слѣдуетъ-ли отсюда, что плебей даже не считаетъ себя обязаннымъ народу, если, ища консульства вмѣстѣ съ двумя патриціями, онъ можетъ сказать, что выбранъ на основаніи закона, а не на основаніи голосованія? **41.** Они ищутъ способа исторгать должности, а не просить ихъ! И они хотятъ такъ получить высшія почести, чтобы не быть обязанными за нихъ, даже какъ за самыя ничтожныя; они предпочитаютъ получать должности благодаря случаю, а не благодаря доблести. Есть нѣкто, кто оскорбляется, что на него смотрятъ и его оцѣниваютъ, кто считаетъ справедливымъ, чтобы почести безспорно принадлежали ему одному среди соперничающихъ соискателей, кто желаетъ изъять себя изъ вашей оцѣнки, кто дѣлаетъ ваши голоса обязательными, а не добровольными, рабскими, а не свободными. Я оставляю въ сторонѣ Лицинія и Секстія; годы ихъ безсмѣнной власти вы считаете, какъ годы царей въ Капитоліи; кто въ настоящее время такъ низокъ въ государствѣ, чтобы этотъ законъ не дѣлалъ для него доступъ къ консульству болѣе легкимъ, чѣмъ намъ и дѣтямъ нашимъ, если насъ даже при желаніи вы не можете вы-

бирать иногда, а этихъ должны выбирать, если даже не хотите.

„О возмутительности сказано достаточно. Но это не важно, ибо достоинство относится до людей; а что сказать мнѣ о презрѣніи къ религіознымъ вѣрованіямъ и о нарушеніи авспицій, что всецѣло касается безсмертныхъ боговъ? Кто не знаетъ, что при авспиціяхъ основанъ этотъ городъ, что на войнѣ и въ мирѣ, дома и на полѣ брани все дѣлается при авспиціяхъ? Кому же по обычаю предковъ принадлежитъ право авспицій? Разумѣется, патриціямъ, ибо ни одинъ плебейскій чиновникъ не выбирается при гаданіяхъ. Намъ же авспиціи до того близки, что не только избираемыя народомъ патриціанскія должностныя лица избираются не иначе, какъ при гаданіяхъ, но даже мы сами, безъ народнаго голосованія, назначаемъ междуцаря при авспиціяхъ, и въ частной жизни имѣемъ авспиціи, которыхъ плебеи не имѣютъ, даже занимая должности. Итакъ, развѣ тотъ, кто выбираетъ плебейскихъ консуловъ, не уничтожаетъ авспиціи въ государствѣ, отнимая ихъ у патриціевъ, которые одни только имѣютъ право совершать ихъ? Пусть они теперь издѣваются надъ религіей: что-де въ самомъ дѣлѣ значитъ, если куры не станутъ ѣсть, если онѣ позже выйдутъ изъ клѣтки [1]), если птица запоетъ, предвѣщая бѣду? это пустяки! но отцы наши, не пренебрегая этими самыми пустяками, сдѣлали наше государство величайшимъ; и мы теперь, какъ будто миръ съ богами больше не нуженъ, оскверняемъ всѣ обряды. Итакъ пусть жрецы, авгуры, цари—жрецы [2]) выбираются изъ плебеевъ; на кого угодно будемъ возлагать шапку фламина Юпитера [3]), лишь бы то былъ человѣкъ; передадимъ священные щиты [4]), капища, боговъ и заботы о богахъ тѣмъ, кому это не дозволено; пусть законы не вносятся, должностныя лица не избираются при авспиціяхъ, отцы не утверждаютъ рѣшеній ни центуріатскихъ, ни куріатскихъ комицій; подобно Ромулу и Тацію, пусть царствуютъ въ римскомъ городѣ Секстій и Лициній, такъ какъ они дарятъ чужія деньги, дарятъ земли; до того пріятно поживиться на чужой счетъ, и не приходитъ на мысль, что одинъ законъ, изгоняя хозяевъ изъ ихъ владѣній, превращаетъ поля въ обширные пустыри, а другой, уничтожая кредитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ губитъ все человѣческое общество. Въ виду всего это-

---

[1]) См. VIII 30 пр. [2]) См. II 2. [3]) См. I 20. [4]) См. I 20 и примѣч. 5.

го, я полагаю, вамъ слѣдуетъ отклонить эти предложенія. Да благословятъ боги ваше рѣшеніе!“

42. Рѣчь Аппія повліяла лишь настолько, что отложено было время принятія предложеній. Избранные въ десятый разъ трибунами Секстій и Лициній провели законъ объ избраніи изъ плебеевъ части духовныхъ децемвировъ. Пять было выбрано изъ патриціевъ, пять изъ плебеевъ; и казалось, что этотъ шагъ открылъ уже доступъ къ консульству. Удовольствовавшись этой побѣдой, плебеи уступили патриціямъ, чтобы, не упоминая даже о консулахъ, въ насто- 387г.
ящее время были выбраны военные трибуны. Выбраны были А. и М. Корнеліи вторично, М. Геганій, П. Манлій, Л. Ветурій и П. Валерій въ шестой разъ. Въ то время какъ, кромѣ осады Велитръ,—исходъ этого дѣла не столько былъ сомнителенъ, сколько замедлился,—внѣ Рима царилъ миръ, внезапное извѣстіе о галльской войнѣ потрясло государство, и М. Фурій въ пятый разъ былъ назначенъ диктаторомъ. Онъ выбралъ въ начальники конницы Т. Квинктія Пена. Клавдій свидѣтельствуетъ, что въ этомъ году война съ галлами велась около Аніена, и что тогда была дана знаменитая битва на мосту, въ которой Т. Манлій въ виду двухъ войскъ убилъ галла, вызвавшаго его на поединокъ, и снялъ съ него ожерелье. Но большинство авторовъ склоняетъ меня вѣрить, что это случилось по крайней мѣрѣ десять лѣтъ позже, въ этомъ же году диктаторъ М. Фурій сразился съ галлами на альбанской территоріи. Побѣда римлянъ была несомнѣнна и досталась имъ безъ труда, хотя воспоминаніе о прежнемъ пораженіи внушало великій страхъ передъ галлами. Много тысячъ варваровъ было убито въ сраженіи, много—по взятіи лагеря; другіе, устремившіеся преимущественно въ Апулію, разбрелись и скрылись отъ врага, частію потому, что далеко убѣжали, частію потому, что страшная паника разсѣяла ихъ въ разныя стороны. Съ согласія патриціевъ и плебеевъ диктатору назначенъ былъ тріумфъ.

Едва успѣлъ онъ справиться съ этой войной, какъ дома послѣдовалъ страшный мятежъ; упорная борьба заставила диктатора и сенатъ принять предложенія трибуновъ; несмотря на нежеланіе патриціевъ, состоялись консульскія комиціи, на которыхъ Л. Секстій былъ избранъ первымъ плебейскимъ консуломъ. Но и на этомъ борьба не окончилась. Такъ какъ отцы отказывались утвердить избраніе, то дѣло дошло почти до удаленія плебеевъ и до другихъ угрозъ, обычныхъ въ гражданскихъ распряхъ, но наконецъ диктаторъ, предложивъ условія, примирилъ распрю: патриціи сдѣлали уступку плебеямъ относительно избранія плебейскаго консула, а плебеи патриціямъ—относительно избранія изъ среды знати одного претора, который долженъ былъ творить судъ въ городѣ. Такъ послѣ продолжительнаго озлобленія водворилось наконецъ согласіе между сословіями, и сенатъ призналъ это дѣло заслуживающимъ того, чтобы были устроены Великія игры,—если когда-либо въ другихъ случаяхъ, то особенно теперь безсмертные боги заслужили этого,—и къ тремъ днямъ прибавленъ былъ еще одинъ; когда же плебейскіе эдилы стали отказываться отъ исполненія этого порученія, то патриціанскіе юноши воскликнули, что ради прославленія безсмертныхъ боговъ они охотно примутъ должности эдиловъ. Всѣ выразили имъ признательность, и сенатскимъ постановленіемъ поручено было диктатору предложить народу, чтобы онъ избралъ двухъ патриціанскихъ эдиловъ, а за это отцы утвердятъ всѣ рѣшенія комицій того года.

КНИГА VII.

---

1. Этотъ годъ замѣчателенъ консульствомъ „новаго человѣка“ [1]) и учрежденіемъ двухъ новыхъ должностей — претуры и курильнаго эдильства. Должности эти выговорили себѣ патриціи за уступку плебеямъ одного консульскаго мѣста. Плебеи вручили консульство Л. Секстію, по закону котораго они пріобрѣли право на него; патриціи, благодаря вліянію на Марсовомъ полѣ, выхлопотали претуру Сп. Фурію Камиллу, сыну Марка, а эдильство Гн. Квинктію Капитолійскому и П. Корнелію Сципіону — людямъ ихъ сословія. Въ товарищи Л. Секстію данъ патрицій Л. Эмилій Мамеркъ. Въ началѣ года были толки и о галлахъ, которые, по разсказамъ, сперва блуждали по Апуліи и уже начали собираться, и объ отпаденіи герниковъ. Но такъ какъ всякія предпріятія нарочито откладывались, съ цѣлью не дать плебейскому консулу возможности что-либо совершить, то во всемъ царили застой и тишина, напоминавшіе то время, когда суды объявляются закрытыми [2]); только трибуны не утерпѣли, чтобы не заявить, что вмѣсто одного плебейскаго консула знать получила трехъ патриціанскихъ должностныхъ лицъ, возсѣдающихъ, подобно консуламъ, на курульныхъ креслахъ и облеченныхъ въ претексту, а преторъ даже творитъ судъ, является какъ бы товарищемъ консуловъ и избранъ при тѣхъ же ауспиціяхъ; эти заявленія заставили сенатъ устыдиться назначать выборы курульныхъ эдиловъ изъ патриціевъ; сначала согласились выбирать черезъ годичный промежутокъ плебеевъ, а затѣмъ уничтожено было при этомъ всякое различіе [3]) сословій.

388г.

389г.

---

[1]) См. примѣч. къ I 34. [2]) См. III 3. примѣч. 1. [3]) Т.-е. стали выбирать безъ различія патриціевъ и плебеевъ.

Затѣмъ, въ консульство Л. Генуція и Кв. Сервилія, не было ни смутъ, ни войнъ, но для того, чтобы не прекращалась паника и опасности, появилась страшная моровая язва. Разсказываютъ, что умеръ цензоръ, курульный эдилъ, три народныхъ трибуна, соотвѣтственно похоронено было и много людей изъ остальнаго населенія; но особенно памятною стала эта язва вслѣдствіе смерти М. Фурія, хотя и не преждевременной, но вызвавшей много сожалѣній. Ибо это былъ по истинѣ единственный мужъ во всѣхъ положеніяхъ, первый во время мира и войны, до изгнанія, еще болѣе прославившійся въ изгнаніи, какъ вслѣдствіе тоски по немъ государства, которое, попавъ въ плѣнъ, умоляло отсутствующаго о помощи, такъ и вслѣдствіе счастія, съ которымъ онъ, будучи возвращенъ отечеству, одновременно возстановилъ и его вмѣстѣ съ собой; затѣмъ въ теченіе 25 лѣтъ — столько лѣтъ прожилъ онъ еще послѣ того — М. Фурій оставался на высотѣ такой великой славы и признанъ былъ достойнымъ считаться вторымъ послѣ Ромула основателемъ города Рима.

2. Въ этомъ и въ слѣдующемъ году, въ консульство Г. Сульпиція Петика и Г. Лицинія Столона, продолжалась моровая язва. За это время не случилось ничего, достойнаго упоминанія, развѣ только то, что для испрошенія примиренія съ богами совершено было въ третій разъ отъ основанія города лектистерніе [1]). Но такъ какъ ни человѣческія соображенія, ни помощь боговъ не ослабляли силы болѣзни, то суевѣріе объяло умы и заставило, какъ говорятъ, въ числѣ другихъ мѣръ къ умилостивленію небеснаго гнѣва прибѣгнуть къ учрежденію сценическихъ игръ, дѣлу новому для воинственнаго народа, такъ какъ до этого времени зрѣлища ограничивались только конскими бѣгами. Но, какъ почти всегда бываетъ въ началѣ, игры эти ничего особеннаго не представляли, да и тѣ были иноземнаго происхожденія: приглашенные изъ Этруріи [2]) актеры, танцуя подъ аккомпаниментъ флейты, исполняли по этрусскому обычаю довольно красивыя тѣлодвиженія, не сопровождая ихъ ни текстомъ, ни жестами, соотвѣтствующими содержанію текста. Затѣмъ имъ начали подражать молодые люди, перекидываясь шутками въ нескладныхъ стихахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестикулируя со-

390г.

---

[1]) См. V 13, примѣч. 3. [2]) Въ Этруріи сценическое искусство было развито въ древнѣйшія времена, и, должно быть, существовали актеры по профессіи, которые за извѣстную плату были приглашаемы давать представленія; ср. напр. V 1.

отвѣтственно тому, что они говорили. Такимъ образомъ сценическія представленія были введены и, благодаря частому повторенію, усовершенствовались. Доморощеные артисты получили названіе гистріоновъ, такъ какъ актеръ по-этрусски называется ister; теперь актеры уже не перекидывались другъ съ другомъ попеременно, какъ ранѣе, нескладными и грубыми стихами-экспромптами, подобными фесценнинскимъ [1]), но исполняли сатуры [2]), положенныя на музыку, при чемъ пѣніе сопровождалось уже игрой на флейтѣ и соотвѣтствующими жестами. По преданію, нѣсколько лѣтъ спустя, Ливій первый рѣшился вмѣсто сатуры поставить драму съ опредѣленнымъ заранѣе содержаніемъ; будучи, какъ всѣ поэты того времени, и актеромъ для собственныхъ произведеній и потерявъ отъ частыхъ повтореній голосъ, онъ выпросилъ себѣ позволеніе ставить передъ флейтистомъ мальчика для пѣнія, самъ же сопровождалъ его пѣніе [3]) гораздо болѣе сильными тѣлодвиженіями, такъ какъ напряженіе голоса при этомъ не мѣшало ему. Затѣмъ жесты гистріоновъ [4]) стали сопровождаться пѣніемъ, а для нихъ самихъ оставленъ былъ только діалогъ. Послѣ того какъ это правило стало лишать драматическія представленія комическаго и разнузданнаго характера, и шутка мало-по-малу начала превращаться въ искусство, молодые люди, предоставивъ гистріонамъ играть піесы, стали между собой перекидываться, по древнему обычаю, шутками въ стихотворной формѣ; эти представленія впослѣдствіи названы были „exodia“ [5]) и соединялись преимущественно съ ателланскими піесами [6]). Этотъ родъ сценическихъ пред-

1) Производить названіе „versus fescennini“ отъ имени этрусскаго городка Fescennia и пріурочивать этотъ родъ шутливыхъ стиховъ, весьма распространенныхъ во всей Италіи, къ одной мѣстности едва ли правильно; вѣроятнѣе сопоставлять съ гл. fari (собств. „говорить“), или fascinum (амулетъ); въ такомъ случаѣ versus fescennini суть собственно заклинанія, а затѣмъ этимъ именемъ называются всякіе стихи насмѣшливаго содержанія; при этомъ объясненіи они не теряютъ своего общелатинскаго характера и значенія. 2) Первоначально, вѣроятно, этимъ именемъ назывались пѣсни, которыя пѣлись на сельскихъ праздникахъ во время жатвы; но Ливій говоритъ не объ этихъ простыхъ пѣсняхъ, а объ искусственныхъ, положенныхъ на музыку стихотвореніяхъ. Послѣдующее показываетъ, что содержаніе сатуры опредѣлялось заранѣе лишь въ общихъ чертахъ, но что все-же тутъ оставалось мѣсто для экспромита. 3) Здѣсь уже весь текстъ составлялся заранѣе. 4) Новая ступень въ развитіи сценическаго искусства. У римлянъ, какъ вообще у южныхъ народовъ, жестикуляція играла весьма важную роль; чтобы пѣніе не отвлекало вниманія актера, ему на помощь данъ былъ такъ называемый cantor (пѣвецъ). 5) Exodia называются эти піесы потому, что онѣ даются въ концѣ представленія, послѣ серіозной драмы, какъ въ греческомъ театрѣ давалась „сатирическая драма“, а у насъ водевили. 6) Названіе этихъ піесокъ пріурочиваютъ къ имени осскаго города Atella'но это не значитъ, что ателланы возникли въ этомъ городѣ; вѣроятно онѣ названы были такъ въ насмѣшку надъ жителями Ателлы, нѣкогда цвѣ-

ставленій, принятый отъ осковъ, молодежь удержала за собой, не дозволяя гистріонамъ осквернять его: отсюда осталось правило, что актеры, играющіе ателланы, не переводятся изъ своей трибы въ низшую [1]) и несутъ военную службу, какъ бы непричастные сценическому искусству. Я счелъ нужнымъ среди ничтожныхъ зачатковъ всего другого изложить и возникновеніе игръ, чтобы ясно было, отъ какого здраваго начала дѣло дошло до настоящаго безумія, едва терпимаго даже въ могущественныхъ царствахъ [2]).

3. И однако начало игръ, предназначавшееся для религіозныхъ цѣлей, не облегчило ни суевѣрнаго страха умовъ, ни физическихъ недуговъ; напротивъ того, паника достигла страшныхъ размѣровъ, когда разлитіе Тибра затопило циркъ и прервало представленіе на самой срединѣ, какъ будто боги отвратились уже отъ людей и пренебрегали ихъ умилостивленіями. И вотъ во второе консульство Г. Генуція и Л. Эмилія Мамерка, когда уже не столько болѣзни угнетали 391г.
тѣла, сколько изысканія умилостивительныхъ средствъ занимали умы, изъ воспоминаній старожиловъ узнали [3]), что нѣкогда моровая язва прекратилась, когда диктаторъ вбилъ гвоздь. Подъ вліяніемъ этого религіознаго соображенія сенатъ повелѣлъ назначить диктатора для вбитія гвоздя [4]). Избранъ былъ Л. Манлій, по прозванію Imperiosus, который назначилъ начальникомъ конницы Л. Пинарія. Существуетъ старинный законъ, начертанный древними письменами и выраженный древнимъ языкомъ, чтобы тотъ, кто будетъ высшимъ преторомъ [5]), въ сентябрьскія иды [6]) вколачивалъ гвоздь; этотъ законъ былъ прибитъ на правой сторонѣ храма всеблагого и всемогущаго Юпитера [7]), со стороны храма Минервы. Разсказываютъ, что, вслѣдствіе малаго распространенія письменности въ тѣ времена, гвоздь этотъ служилъ показателемъ числа лѣтъ, и что законъ о вбиваніи гвоздя былъ

тущаго города, но обратившагося въ жалкую деревню вслѣдствіе жестокаго наказанія, понесеннаго за измѣну римлянамъ во II пунич. войну; ср. примѣч. 1 стр. 56. Упомянутыя выше шутливыя піесы перешли, вѣроятно, въ ателланы, когда ихъ стали писать поэты (ок. VII в.), а не существовали рядомъ съ ними, какъ можно бы заключать изъ словъ Ливія. 1) См. примѣч. къ IV 24. 2) Ливій разумѣетъ роскошную обстановку піесъ уже въ концѣ республики и особенно при императорахъ, когда расходы на театры достигали баснословныхъ размѣровъ. 3) Какъ видно изъ замѣчанія, дѣлаемаго нѣсколько строкъ ниже, старики не знали первоначальнаго смысла вбиванія гвоздя и пріурочили его совсѣмъ къ другой цѣли. 4) Какъ вбиванію гвоздя, такъ и самому гвоздю древніе приписывали чудодѣйственную силу отгонять зло. 5) „Преторъ“ въ смыслѣ „высшее должностное лицо“; ср. I 60 примѣчаніе 3. 6) 15 сентября. 7) Во время Ливія этой доски уже не было.

посвященъ Минервѣ въ ея храмѣ [1]) потому, что она изобрѣтательница числа. Цинцій [2]), тщательный изслѣдователь такихъ памятниковъ, говоритъ, что видны гвозди, показывающіе число лѣтъ и въ Вольсиніяхъ, въ храмѣ этрусской богини Нортіи. На основаніи этого же закона консулъ Горацій, годъ спустя по изгнаніи царей, посвятилъ храмъ всеблагому и всемогущему Юпитеру [3]); впослѣдствіи торжественное вбиваніе гвоздя отъ консуловъ было передано диктаторамъ, такъ какъ власть ихъ выше. Затѣмъ, когда обычай этотъ былъ оставленъ, церемонія и сама по себѣ признана была достаточно важной для того, чтобы ради ея избрать диктатора [4]). Выбранный для этой цѣли диктаторомъ Л. Манлій, точно будто онъ былъ избранъ для совершенія подвиговъ, а не для одного только исполненія религіознаго обряда, желая затѣять войну съ герниками, сталъ безпощадно производить наборъ, чѣмъ вызвалъ волненіе среди молодыхъ людей, и только когда на него поднялись всѣ народные трибуны, онъ сложилъ съ себя диктатуру, или уступая насилію, или изъ чувства стыда.

392 г. **4.** Тѣмъ не менѣе, въ началѣ слѣдующаго года, въ консульство Кв. Сервилія Агалы и Л. Генуція, народный трибунъ М. Помпоній привлекъ Манлія къ суду. Ненависть къ себѣ Манлій возбудилъ суровостью набора, произведеннаго не только съ матеріальнымъ ущербомъ для гражданъ, но даже сопровождавшагося тѣлеснымъ насиліемъ, такъ какъ однихъ, которые не отвѣчали на вызовъ, сѣкли розгами, другихъ заключали въ оковы; но особенно ненавистенъ былъ его суровый нравъ и тяжкое для свободнаго государства прозваніе Imperiosus, данное ему за то, что онъ кичился своей жестокостью, проявляя ее столько же на постороннихъ, сколько и на своихъ кровныхъ родныхъ. Между прочимъ трибунъ ставилъ ему въ вину, что онъ послалъ на рабскую работу, чуть не въ тюрьму и на каторгу, своего юнаго сына, не уличеннаго ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ, изгнавъ его

---

[1]) Т.-е. поставленъ былъ подъ покровительство храма Минервы. [2]) Цинцій, грамматикъ и изслѣдователь древностей, жилъ въ концѣ республики и, вѣроятно, еще при Августѣ. [3]) Мѣсто не ясно; смыслъ его, вѣроятно, тотъ, что Горацій первый вбилъ гвоздь при посвященіи храма Юпитера и провелъ законъ объ исполненіи этого обряда въ сентябрьскія иды. [4]) Смыслъ всего этого мѣста признаютъ такой: первоначально гвоздь вбивали консулы, затѣмъ, когда стали выбирать диктаторовъ, это дѣло было передано имъ, какъ старшимъ; еще позже, когда смыслъ обычая измѣнился, въ случаяхъ, когда признавалось необходимымъ выполнить его, избирался особый „диктаторъ для вбиванія гвоздя“ (dictator clavi figendi causa), какъ здѣсь.

изъ города, изъ дома, отъ пенатовъ, лишивъ форума, свѣта божьяго, общества сверстниковъ; тамъ знатнаго рода юноша, сынъ диктатора, ежедневно страдая, убѣждался, что онъ дѣйствительно сынъ деспота—отца. Но за какую же вину? за то, что онъ не краснорѣчивъ и имѣетъ недостатокъ въ произношеніи. Развѣ отецъ, если въ немъ есть хоть сколько-нибудь человѣчности, не долженъ былъ заботиться объ устраненіи этого недостатка, а не карать за него и тѣмъ выставлять его на видъ? Даже безсловесныя животныя не менѣе кормятъ и заботятся о тѣхъ своихъ дѣтенышахъ, которые не вполнѣ нормально развиты; а Л. Манлій, клянусь Геркулесомъ, злобой увеличиваетъ несчастіе сына, усиливаетъ его умственную тупость и уничтожаетъ въ немъ ту малую долю душевной бодрости, какая есть, заставляя его жить въ деревнѣ, какъ крестьянина, среди животныхъ. **5.** Эти обвиненія озлобили всѣхъ болѣе, чѣмъ самого юношу; напротивъ того, огорченный тѣмъ, что и онъ является причиною ненависти и обвиненій противъ отца, съ цѣлью доказать всѣмъ богамъ и людямъ свою готовность скорѣе быть на сторонѣ отца, чѣмъ его враговъ, онъ составляетъ планъ, доказывающій правда грубость и невѣжество, недостойныя гражданина, но похвальный вслѣдствіе обнаружившейся въ немъ сыновней почтительности: тайно отъ всѣхъ, препоясавшись ножемъ, онъ спѣшитъ рано утромъ въ городъ, а отъ воротъ немедленно въ домъ къ трибуну М. Помпонію, объявляетъ привратнику, что ему сейчасъ-же нужно видѣться съ его господиномъ; пусть онъ скажетъ, что онъ Т. Манлій, сынъ Луція. Немедленно его впустили (можно было расчитывать, что онъ раздраженъ противъ отца и хочетъ сообщить какое-нибудь новое обвиненіе или подать какой-нибудь новый совѣтъ для веденія дѣла); обмѣнявшись привѣтствіями, онъ заявляетъ, что желаетъ поговорить безъ свидѣтелей. Когда всѣмъ велѣно было уйти подальше, онъ обнажаетъ ножъ и, стоя надъ ложемъ съ оружіемъ, грозитъ немедленно убить трибуна, если онъ не повторитъ за нимъ слова клятвы никогда не созывать собранія плебеевъ для обвиненія его отца. Испуганный трибунъ, видя сверкающее предъ глазами оружіе, сознавая, что онъ безоруженъ, а тотъ сильный юноша и, что особенно было страшно, тупо увѣренъ въ своей силѣ, клянется, какъ ему было приказано. Потомъ онъ публично заявилъ, что подъ давленіемъ такого насилія отказался отъ своего намѣ-

ренія. Хотя плебеи очень желали имѣть возможность подать свои голоса относительно такого жестокаго и гордаго подсудимаго, но имъ понравилось, что сынъ рѣшился на такое дѣло въ пользу отца; и это было тѣмъ похвальнѣе, что даже такая страшная суровость отца не заставила его забыть о сыновней преданности. Итакъ этотъ поступокъ не только освободилъ отца отъ суда, но послужилъ и къ возвеличенію сына: когда впервые въ томъ году было постановлено, чтобы военные трибуны при легіонахъ были выбираемы подачею голосовъ (и раньше, какъ теперь, такъ называемыхъ Руфуловъ выбирали для себя сами вожди [1]), юноша получилъ изъ 6 мѣстъ второе, хотя, какъ человѣкъ, проведшій свою молодость въ деревнѣ, вдали отъ людского общества, онъ не имѣлъ никакихъ заслугъ ни гражданскихъ, ни военныхъ, чтобы заручиться популярностью.

6. Разсказываютъ, что въ томъ же году отъ землетрясенія, или отъ какой другой силы среди форума образовался огромной глубины провалъ, въ родѣ обширной пещеры; и эту пропасть нельзя было наполнить землей, которую приносилъ туда каждый, прежде, чѣмъ, по совѣту боговъ, стали разслѣдовать, въ чемъ заключается главная сила римлянъ; ибо, по заявленію гадателей, этотъ предметъ и надо посвятить тому мѣсту, если римляне хотятъ, чтобы ихъ государство было вѣчно. Тогда, по преданію, М. Курцій, юноша, отличавшійся на войнѣ, съ упрекомъ спросилъ недоумѣвавшихъ гражданъ, ужели есть у римлянъ благо высшее, чѣмъ оружіе и доблесть. Среди молчанія, взирая на высящіеся надъ форумомъ храмы безсмертныхъ боговъ и на Капитолій и простирая руки то къ небу, то въ зіяющую пропасть къ богамъ-манамъ [2]), онъ обрекъ себя на жертву; сидя на конѣ, украшенномъ съ возможною роскошью, онъ бросился въ провалъ, а толпа мужчинъ и женщинъ забросала его приношеніями и плодами; озеро, именуемое Курціевымъ, названо, согласно преданію, по его имени, а не по имени того древняго Курція Меттія, воина Т. Тація [3]). Я не отказался бы отъ труда, если бы какимъ-нибудь путемъ изслѣдователю возможно было добиться истины; но теперь, когда древность дѣлаетъ невозможной несомнѣнную достовѣрность, надо держаться преданія; и наименованіе озера согласно этому позднѣйшему сказанію является болѣе славнымъ.

После предотвращенія этого грознаго предзнаменованія, въ томъ же году сенатъ, напрасно отправивъ феціаловъ къ герникамъ съ требованіемъ удовлетворенія, послѣ совѣщанія рѣшилъ внести въ ближайшій день предложеніе къ народу относительно объявленія имъ войны, и многочисленное собраніе утвердило ее. Вести это дѣло выпало по жребію на долю консула Л. Генуція. Такъ какъ то былъ первый плебейскій консулъ, которому предстояло вести войну подъ собственными авспиціями [1]), то государство было въ напряженномъ ожиданіи, рѣшивъ, смотря по исходу предпріятія, считать участіе плебеевъ въ почетныхъ должностяхъ за нѣчто хорошее или наоборотъ. Случайно вышло такъ, что Генуцій, энергично выступившій противъ врага, попалъ въ засаду и, когда легіоны разсѣялись отъ внезапнаго страха, былъ окруженъ и убитъ врагами, не знавшими, кто онъ. Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Римъ, патриціи, не столько опечаленные общественнымъ несчастіемъ, сколько раздраженные неудачнымъ начальствованіемъ плебейскаго консула, повсюду громко заявляли, пусть плебеи идутъ, пусть избираютъ плебейскихъ консуловъ, пусть передаютъ авспиціи туда, куда не слѣдуетъ. Постановленіе плебейскаго собранія могло лишить патриціевъ почетныхъ должностей; но развѣ проведенный безъ авспицій законъ обязателенъ и для безсмертныхъ боговъ? Они сами отмстили за нарушеніе ихъ воли и за свои авспиціи, прикосновеніе къ которымъ человѣка, не имѣющаго на то права ни по законамъ человѣческимъ, ни по законамъ божескимъ, повело за собою гибель войска и вождя, явилось предостереженіемъ, чтобы послѣ того на комиціяхъ не допускалось нарушеніе права родовъ. Такими рѣчами оглашалась курія и форумъ. Съ согласія патриціевъ консулъ Сервилій назначаетъ диктаторомъ Ап. Клавдія, который противился закону и теперь съ бо́льшимъ авторитетомъ нападалъ на послѣдствія отвергнутаго имъ рѣшенія; назначенъ былъ наборъ, и суды объявлены закрытыми.

7. Прежде чѣмъ диктаторъ съ новыми легіонами прибылъ въ землю герниковъ, случайно подъ начальствомъ легата Г. Сульпиція дано было блестящее сраженіе. Раздраженные и

[1]) Первоначально всѣ военные трибуны назначались консулами, а теперь народъ присваиваетъ часть этого права себѣ, производя избраніе въ трибутскихъ комиціяхъ. [2]) См. примѣч. къ IV 19. [3]) См. I 12.

[1]) См. примѣч. къ III 1, IV 2.

негодующіе воины, ободряемые легатомъ, сдѣлали вылазку противъ герниковъ, которые вслѣдствіе гибели консула ни мало не сомнѣваясь въ успѣхѣ, нагло подступили къ римскому лагерю. Но надежды герниковъ подойти къ валу оказались тщетными: ряды ихъ были разстроены, и они отступили. Затѣмъ, съ прибытіемъ диктатора, къ старому войску присоединилось новое, и силы удвоились. Похвалы, воданныя въ собраніи диктаторомъ легату и воинамъ, которые своей доблестью защитили лагерь, увеличили мужество слышавшихъ заслуженное одобреніе, а въ остальныхъ возбудили соревнованіе. Но и враги весьма дѣятельно готовились къ войнѣ: помня о прежней удачѣ и хорошо зная о подкрѣпленіяхъ, полученныхъ непріятелемъ, они тоже увеличили свои силы. Поднялось все племя герниковъ, пошли всѣ, находящіеся въ возрастѣ, годномъ для службы. Набрано было 8 когортъ по 400 человѣкъ, все отборныхъ молодцовъ. Этотъ цвѣтъ молодежи они еще обнадежили и воодушевили постановленіемъ выдавать имъ двойное жалованье; кромѣ того, они были освобождены отъ военныхъ работъ, чтобы, прибeрегая силы для одной битвы, сознавали, что ихъ мужество должно быть выше обыкновеннаго, а чтобы оно было тѣмъ замѣтнѣе, и въ строю они были поставлены внѣ рядовъ.

Равнина въ двѣ мили отдѣляла римскій лагерь отъ герниковъ; посрединѣ ея, почти на одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ сторонъ, дана была битва. Сперва она была нерѣшительна, такъ какъ неоднократныя попытки римскихъ всадниковъ своими нападеніями привести въ замѣшательство строй враговъ оставались тщетными. Когда выяснилось, что результатъ не соотвѣтствуетъ напряженію, всадники, посовѣтовавшись съ диктаторомъ и получивъ отъ него разрѣшеніе, оставили лошадей, съ страшнымъ крикомъ выбѣжали впередъ знаменъ и возобновили битву. И врагъ не выдержалъ бы ихъ натиска, если бы не выступили чрезвычайныя когорты, обладавшія такимъ же мужествомъ и такою же тѣлесной силой. **8**. Тутъ началась битва между лучшими воинами того и другого народа; и кто бы ни выбывалъ изъ строя съ той и другой стороны вслѣдствіе общей судьбы войны, значеніе потери далеко превышало число погибшихъ. Остальная масса воиновъ ввѣряетъ свою судьбу чужой доблести, считая, что битва передана выдающимся воинамъ. Много народу пало съ обѣихъ сторонъ, еще больше было раненыхъ; наконецъ всадники, порицая одинъ другого, стали спрашивать, что же еще остается, если, ни сидя на коняхъ, они не могли прогнать врага, ни спѣшившись не могутъ добиться никакого результата? какого еще третьяго рода битвы ждутъ они? къ чему они яростно выбѣжали предъ знамена и сражаются не на своемъ мѣстѣ? Такими словами они ободрили другъ друга и съ новымъ крикомъ перешли въ наступленіе; тутъ врагъ сперва дрогнулъ, затѣмъ отступилъ и уже наконецъ обратился въ несомнѣнное бѣгство; и трудно сказать, что дало перевѣсъ при такомъ равенствѣ силъ; развѣ только роковая судьба того и другого народа могла увеличить и уменьшить мужество. Римляне преслѣдовали бѣжавшихъ герниковъ до самаго лагеря, но за позднимъ временемъ воздержались отъ осады его. Замедленіе въ появленіи благопріятныхъ предзнаменованій при жертвоприношеніи мѣшало диктатору ранѣе полудня дать сигналъ къ сраженію, которое потому и затянулось до ночи. На слѣдующій день герники бѣжали, оставивъ лагерь, и найдено было нѣсколько покинутыхъ раненыхъ, а жители Сигніи, замѣтивъ, что мимо ихъ стѣнъ двигаются немногочисленныя знамена, разсѣяли отрядъ бѣглецовъ, которые въ ужасѣ разбрелись по полямъ. И римлянамъ битва стоила многихъ жертвъ: погибла четвертая часть воиновъ, пало и нѣсколько римскихъ всадниковъ—потеря также довольно значительная.

9. Въ слѣдующемъ году консулы Г. Сульпицій и Г. Лицйній Кальвъ двинулись съ войскомъ въ землю герниковъ 393г.
и, не встрѣтивъ врага въ поляхъ, взяли приступомъ ихъ городъ Ферентину, когда же возвращались оттуда, жители Тибура заперли предъ ними ворота. Послѣ многихъ предшествовавшихъ обоюдныхъ претензій это послужило послѣднимъ толчкомъ, чтобы feціалы, потребовавъ удовлетворенія, объявили тибуртинскому народу войну. Достаточно извѣстно, что въ томъ году диктаторомъ былъ Т. Квинктій Пенъ, а начальникомъ конницы Сер. Корнелій Малугинскій. Макръ Лициній [1]) свидѣтельствуетъ, что диктаторъ былъ назначенъ для предсѣдательства въ комиціяхъ и притомъ консуломъ Лициніемъ, потому что необходимо было воспротивиться преступному честолюбію его товарища, который, изъ желанія

[1]) Г. Лициній Макръ старался защитить права плебеевъ противъ аристократической конституціи Суллы. Его „Лѣтопись" состояла не менѣе какъ изъ 21 книги и изображала борьбу плебеевъ съ патриціями съ древнѣйшихъ временъ въ томъ же духѣ, какъ она велась и въ позднѣйшія времена. Въ составленіи своего историческаго труда онъ, по свидѣтельству древнихъ, обнаружилъ большую тщательность, внимательно изучая древніе памятники.

продлить свое консульство, спѣшилъ созвать комиціи ранѣе отправленія на войну. Но авторитетъ Лицинія ослабляется его стремленіемъ прославить такимъ образомъ свой родъ. Не находя объ этомъ никакого упоминанія въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ, я болѣе склоняюсь къ убѣжденію, что диктаторъ былъ выбранъ для войны съ галлами; по крайней мѣрѣ, въ этомъ году галлы стояли лагеремъ у третьяго камня [1]) за Аніенскимъ мостомъ по Саларской дорогѣ [2]).

Объявивъ вслѣдствіе неожиданной и страшной войны съ галлами суды закрытыми, диктаторъ привелъ къ присягѣ всѣхъ молодыхъ людей и, двинувшись изъ города съ огромнымъ войскомъ, расположился лагеремъ по сю сторону Аніена. Между лагерями противниковъ по срединѣ находился мостъ, который никто не разрушалъ, чтобы не обнаружить своего страха. Изъ-за обладанія этимъ мостомъ происходило много сраженій, но неизвѣстность, на чьей сторонѣ перевѣсъ силы, не позволяла рѣшить, кому владѣть имъ; тогда на пустой мостъ выступилъ галлъ огромнаго роста и закричалъ такъ громко, какъ только могъ: „ну-ка, пусть выходитъ на бой тотъ мужъ, котораго Римъ считаетъ теперь самымъ храбрымъ, и пусть судьба насъ двоихъ покажетъ, который народъ выше на войнѣ“. **10.** Долго знатнѣйшіе римскіе юноши хранили молчаніе, какъ потому, что боялись отказаться отъ сраженія, такъ и потому, что избѣгали желать такого опаснаго жребія; тогда Т. Манлій, сынъ Луція, защитившій своего отца отъ преслѣдованія со стороны трибуновъ [3]), оставивъ свой постъ, обратился къ диктатору: „безъ твоего позволенія, вождь“, сказалъ онъ, „я никогда не рѣшился бы сражаться внѣ порядка, даже если бы видѣлъ вѣрную побѣду; но если ты позволишь, то я хочу показать этому звѣрю, такъ яростно прыгающему передъ вражескими знаменами, что я потомокъ того рода, который свергъ галльскій отрядъ съ Тарпейской скалы! [4])“ Тогда диктаторъ сказалъ: „исполать тебѣ, Т. Манлій, за твою доблесть и уваженіе къ отцу и отечеству! Иди и съ помощью боговъ докажи непобѣдимость римскаго имени!“ Затѣмъ сверстники вооружаютъ юношу; онъ беретъ щитъ пѣхотинца [5]) и препоясывается испанскимъ мечемъ [6]), удобнымъ для рукопашнаго боя;

[1]) См. примѣч. къ II 11. [2]) Дорога, по которой доставлялась соль, вела чрезъ Аніенъ и Аллію. [3]) См. гл. 5. [4]) См. V 47. [5]) Большой продолговатый щитъ изъ легкаго дерева, обитый кожей (scutum); для легкой пѣхоты и кавалеріи служилъ небольшой круглый щитъ (parma). [6]) Короткій обоюдоострый мечъ, введенный однако въ римское войско лишь во время II Пунической войны.

когда онъ былъ такимъ образомъ вооруженъ и снаряженъ, его выводятъ противъ галла, который глупо ликовалъ и даже,—древніе писатели сочли достойнымъ упомянуть и объ этомъ!—издѣваясь, высовывалъ языкъ. Затѣмъ они вернулись на свои мѣста, а по срединѣ остались только два единоборца, вооруженныхъ скорѣе для театральнаго представленія, чѣмъ по требованіямъ войны, и, по мнѣнію присутствующихъ, далеко не одинаковыхъ по своему внѣшнему виду; одинъ былъ огромнаго роста, въ разноцвѣтной одеждѣ; оружіе его было изукрашено и сверкало золотыми насѣчками; другой былъ средняго для воина роста, и оружіе его, болѣе удобное, чѣмъ красивое, не бросалось въ глаза. Онъ не пѣлъ, не ликовалъ, не бряцалъ оружіемъ попусту, но сердце его, полное мужества и молчаливаго гнѣва, обнаружило всю свою стремительность лишь въ самый рѣшительный моментъ битвы. Когда они стали между двухъ армій, и столько окружавшихъ ихъ людей колебались между страхомъ и надеждой, галлъ, подобно грозно высящемуся колоссу, протянувъ лѣвою рукою щитъ противъ оружія наступавшаго врага, съ страшнымъ шумомъ нанесъ ударъ мечемъ сверху, но безуспѣшно; римлянинъ, держа мечъ вверхъ, ударился щитомъ о нижній край щита противника и, приблизившись всѣмъ своимъ тѣломъ настолько, что его нельзя было ранить, проскользнулъ между тѣломъ врага и его оружіемъ и нѣсколькими ударами подъ рядъ пронзилъ ему животъ и дѣтородныя части; огромный врагъ, падая, растянулся на большое пространство. Затѣмъ, не ругаясь надъ тѣломъ, Манлій снялъ съ него только обрызганное кровью ожерелье и надѣлъ себѣ на шею. Страхъ, смѣшанный съ удивленіемъ, повергъ галловъ въ оцѣпенѣніе; римляне же, весело выступивъ съ своихъ мѣстъ на встрѣчу своему воину, поздравляя и восхваляя его, привели его къ диктатору. Среди нескладныхъ солдатскихъ остротъ, похожихъ на стихи, слышалось прозвище „Торкватъ“; повторялось оно и послѣ и стало почетнымъ именемъ для потомковъ и всего рода Манліевъ. Диктаторъ поднесъ ему въ подарокъ золотой вѣнокъ и на сходкѣ превознесъ величайшими похвалами этотъ поединокъ.

11. И дѣйствительно, онъ имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на исходъ всей войны, что галльское войско, въ страхѣ покинувъ въ слѣдующую же ночь лагерь, перешло въ тибуртинскіе предѣлы, а оттуда въ Кампанію, заключивъ съ

тибуртинцами военный союзъ и получивъ щедрую помощь продовольствіемъ. Поэтому въ слѣдующемъ году консулъ
394 г. Г. Петелій Бальбъ по повелѣнію народа выступилъ съ войскомъ противъ тибуртинцевъ, тогда какъ его товарищъ, М. Фабій Амбустъ, по жребію назначенъ былъ вести войну съ герникамн. Вернувшись изъ Кампаніи на помощь тибуртинцамъ, галлы, несомнѣнно подъ ихъ руководствомъ, производили страшныя опустошенія въ лабиканскихъ, тускуланскихъ и альбанскихъ поляхъ; и римское государство, довольствуясь для веденія войны съ тибуртинцами предводительствомъ консула, для веденія неожиданной и страшной войны съ галлами вынуждено было избрать диктатора. Выбранъ былъ Кв. Сервилій Агала, который назначилъ начальникомъ конницы Т. Квинктія и, съ согласія отцовъ, далъ обѣтъ отпраздновать Великія игры, если война будетъ успѣшна. Приказавъ консульскому войску остаться на мѣстѣ, чтобы сдержать тибуртинцевъ собственной войной, диктаторъ привелъ къ присягѣ всю молодежь, и никто не отказывался отъ службы. Собраны были силы всего города, и битва произошла недалеко отъ Коллинскихъ воротъ на глазахъ родителей, женъ и дѣтей, одна мысль о которыхъ даже для отсутствующихъ является важнымъ стимуломъ, а тутъ, находясь передъ глазами, они воодушевляли воиновъ, вызывая въ нихъ чувство чести и состраданія. Послѣ большого кровопролитія съ обѣихъ сторонъ галлы наконецъ подались назадъ. Въ бѣгствѣ они устремились въ Тибуръ, какъ бы къ операціонному базису галльской войны. Во время этого блужданія недалеко отъ Тибура ихъ встрѣтилъ консулъ Петелій и загналъ въ городъ вмѣстѣ съ тѣми тибуртинцами, которые вышли къ нимъ на помощь. Какъ диктаторъ, такъ и консулъ вели дѣло весьма успѣшно. И другой консулъ, Фабій, окончательно побѣдилъ герниковъ, давъ сперва незначительныя сраженія, а въ концѣ одну блестящую битву, когда враги напали на него со всѣми своими силами. Торжественно похваливъ консуловъ въ сенатѣ и предъ народомъ, уступивъ имъ славу даже своихъ личныхъ подвиговъ, диктаторъ сложилъ власть. Петелій праздновалъ двойной тріумфъ — надъ галлами и тибуртинцами; для Фабія было признано достаточнымъ, чтобы онъ вступилъ съ оваціей [1]) въ городѣ.

Тибуртинцы начали насмѣхаться надъ тріумфомъ Петелія, спрашивая, гдѣ онъ сражался съ ними въ строю; немногіе

[1]) См. примѣч. къ IV 43.

изъ нихъ вышли за ворота посмотрѣть на бѣгство и смятеніе галловъ и вернулись въ городъ, увидѣвъ, что и они подвергаются нападенію, что бьютъ, не различая, всякаго встрѣчнаго; и этотъ подвигъ римляне признали достойнымъ тріумфа! Но для того, чтобы они не считали особенно удивительнымъ и важнымъ смятеніе, произведенное ими у непріятельскихъ воротъ, они увидятъ подъ своими стѣнами еще бо́льшую панику.

12. Итакъ, въ слѣдующемъ году, въ консульство М. 395 г.
Попилія Лената и Гн. Манлія, выступивъ среди тишины въ самомъ началѣ ночи изъ Тибура, они враждебно подступили къ городу Риму. Неожиданность и ночной страхъ произвели панику среди внезапно разбуженнаго населенія; къ тому же большинство не знало, кто враги, и откуда они пришли; однако быстро послѣдовалъ призывъ къ оружію, и ворота были обезопашены крѣпкими сторожевыми постами, а стѣны—отрядами; когда же на разсвѣтѣ обнаружилось, что передъ стѣнами находится незначительная шайка, да и враги-то никто иные, какъ тибуринцы, консулы, вышедши изъ двухъ воротъ, напали съ обѣихъ сторонъ на подвигавшагося уже къ стѣнамъ непріятеля, и тогда стало ясно, что тибуринцы явились, болѣе расчитывая на случай, чѣмъ на свою доблесть; до такой степени они едва выдержали первый натискъ римлянъ. Мало того, всѣ пришли даже къ убѣжденію, что ихъ появленіе послужило ко благу римлянъ, такъ какъ страхъ такой близкой войны подавилъ начинавшуюся уже распрю между патриціями и плебеями.

Другое нападеніе враговъ, не столько угрожавшее городу, 396 г.
сколько полямъ, произошло въ слѣдующемъ году: въ римскіе предѣлы, главнымъ образомъ съ той стороны, которая прилегаетъ къ Этруріи, вступили тарквинійцы, производя опустошеніе; послѣ тщетнаго требованія удовлетворенія, новые консулы, Г. Фабій и Г. Плавтій, по приказанію народа, объявили имъ войну; на долю Фабія выпала борьба съ ними, на долю Плавтія—борьба съ герниками. Усиливались слухи и о войнѣ съ галлами. Но среди многихъ ужасовъ утѣшеніемъ послужило дарованіе мира латинянамъ по ихъ просьбѣ и прибытіе отъ нихъ большого числа воиновъ на основаніи стариннаго договора [1]), что не исполнялось ими въ

[1]) Вѣроятно, имѣется въ виду договоръ, заключенный Сп. Кассіемъ въ 261 г. (см. II 33); такъ какъ о войнѣ съ латинянами выше не говорится, то надо думать, что возобновленіе договора было вызвано ослабленіемъ его вслѣдствіе нашествія галловъ.

теченіе многихъ лѣтъ. Въ виду полученія римлянами этого подкрѣпленія не особенно важнымъ представлялся слухъ, что галлы только-что прибыли въ Пренесте, а оттуда заняли позицію въ окрестностяхъ Педа. Рѣшено было назначить Г. Сульпиція диктаторомъ, для чего былъ приглашенъ консулъ Г. Плавтій; въ начальники конницы диктатору былъ данъ [1]) М. Валерій. Они повели противъ галловъ отборныхъ воиновъ, взятыхъ изъ двухъ консульскихъ армій.

Эта война шла гораздо медленнѣе, чѣмъ желательно было той и другой сторонѣ. Сперва только галламъ страстно хотѣлось сразиться, но потомъ и римскіе воины стали рваться къ оружію и бою, и ихъ стремительность значительно превышала стремительность галловъ; въ виду этого диктатору вовсе не хотѣлось безъ всякой необходимости рисковать идти на врага, котораго съ каждымъ днемъ ослабляло самое время и пребываніе въ чужой странѣ безъ запасовъ продовольствія, безъ сильныхъ укрѣпленій; сверхъ того, вся сила ихъ тѣла и духа заключалась въ стремительности и слабѣла отъ незначительнаго промедленія. Затягивая вслѣдствіе такихъ соображеній войну, диктаторъ объявилъ строгое наказаніе тому, кто самовольно вступитъ въ бой съ врагомъ. Огорченные этимъ, воины, стоя на сторожевыхъ постахъ и въ караулахъ, сперва бранили между собой диктатора, а иногда сѣтовали и на отцовъ, что они не поручили веденіе войны консуламъ, а выбрали чрезвычайнаго вождя, единственнаго полководца, который думаетъ, что побѣда свалится ему въ руки съ неба, пока онъ будетъ бездѣйствовать. Затѣмъ тотъ же самый ропотъ сталъ раздаваться днемъ громко и въ болѣе рѣзкой формѣ; воины грозили безъ приказанія вождя или вступить въ бой, или толпой уйти въ Римъ; къ воинамъ начали присоединяться центуріоны, и не въ отдѣльныхъ только группахъ слышался глухой ропотъ, а уже на сборныхъ пунктахъ [2]) и на площади предъ палаткой главнокомандующаго велись громогласно такіе разговоры; толпа доходила до размѣровъ собранія, и отовсюду слышались громкія заявленія, что немедленно надо идти къ диктатору; пусть отъ лица войска говоритъ Секстъ Туллій, какъ прилично его доблести. **13.** Уже въ седьмой

[1]) Обыкновенно диктаторъ назначаетъ начальника конницы самъ. [2]) Особенно на такъ называемой via principalis, главной улицѣ, проходившей по срединѣ лагеря.

разъ Туллій былъ начальникомъ перваго взвода [1]), и не было въ войскѣ, по крайней мѣрѣ, въ числѣ тѣхъ, которые служили въ пѣхотѣ, человѣка болѣе выдающагося своими подвигами. Идя впереди рядовъ воиновъ, онъ направляется къ трибуналу, и, къ удивленію Сульпиція, смотрѣвшаго не столько на толпу, сколько на вождя ея Туллія, самаго точнаго исполнителя его распоряженій, говоритъ: „диктаторъ! конечно, по просьбѣ всего войска я являюсь защитникомъ его предъ тобой, такъ какъ оно пришло къ убѣжденію, что ты призналъ его виновнымъ въ трусости и едва ли не ради позора лишилъ оружія. Если бы насъ можно было упрекнуть, что мы гдѣ-нибудь отступили, что мы бѣжали предъ врагомъ, что мы позорно покинули знамена, то и тогда я считалъ справедливымъ просить тебя позволить намъ доблестью загладить свою вину и новою славою уничтожить воспоминаніе о преступленіи. Даже разбитые при Алліи легіоны, отправившись потомъ изъ Вей, доблестью спасли погибавшее по ихъ трусости отечество. Наше дѣло и слава, по милости боговъ, благодаря счастію твоему и римскаго народа, не запятнаны; впрочемъ, о славѣ я едва ли смѣю говорить, такъ какъ и враги всячески издѣваются надъ нами, точно надъ бабами, спрятавшимися за валомъ, и ты, нашъ вождь, что намъ еще обиднѣе, думаешь, что твое войско лишено храбрости, оружія, силы, и, не испытавъ насъ, до того отчаялся, что считаешь себя вождемъ слабыхъ инвалидовъ. Ибо какое другое основаніе можемъ мы признать, почему ты, старый вождь, самый мужественный въ войнѣ, сидишь, что называется, сложа руки? вѣдь какъ бы то ни было, справедливѣе думать, что ты усумнился въ нашей доблести, чѣмъ мы въ твоей. Если же это рѣшеніе не твое, а общественное, если какое-нибудь соглашеніе отцевъ, а не галльская война держитъ насъ вдали отъ города и пенатовъ, то, прошу тебя, считай, что слова мои обращены не воинами къ вождю, а плебеями къ патриціямъ: — ибо кто можетъ сердиться, если плебеи заявляютъ о желаніи имѣть свои планы, когда у васъ есть свои? — мы воины, а не рабы ваши, мы отправлены на войну, а не въ изгнаніе; если кто подастъ сигналъ, если выведетъ на бой, какъ это достойно мужей и римлянъ, то мы будемъ сражаться; если же оружіе не нужно, то мы будемъ пользоваться миромъ

[1]) Онъ командовалъ первой сотней (centuria) тріаріевъ.

лучше въ Римѣ, чѣмъ въ лагерѣ. Это пусть будетъ сказано патриціямъ; тебя же, вождь, мы, твои воины, просимъ, дай намъ возможность сразиться. Желая побѣдить, мы хотимъ побѣдить подъ твоимъ предводительствомъ, тебѣ поднести за отличіе лавровый вѣнокъ, съ тобой съ тріумфомъ войти въ городъ, сопровождая твою колесницу, съ поздравленіями и ликованіемъ вступить въ храмъ всеблагого и всемогущаго Юпитера." Рѣчь Тулія была прервана мольбами толпы, и отовсюду разразились крики, чтобы онъ далъ сигналъ, чтобы приказалъ взять оружіе.

14. Считая дѣло хотя и правымъ, но подающимъ дурной примѣръ, диктаторъ однако заявилъ, что онъ исполнитъ желаніе воиновъ и удалившись началъ разспрашивать наединѣ Туллія, въ чемъ дѣло, и какъ это все могло случиться. Туллій усердно просилъ диктатора не думать, что онъ забылъ о воинской дисциплинѣ, о своемъ положеніи и о величіи вождя; что онъ не отказался быть вожакомъ возбужденной толпы, которая обыкновенно бываетъ похожа на своихъ руководителей, изъ-за того только, чтобы выборъ не палъ на кого-нибудь такого, какихъ выбираетъ мятежная толпа; онъ во всякомъ случаѣ не сдѣлаетъ ничего противъ воли вождя, но и ему, Сульпицію, всячески надо позаботиться удержать войско въ повиновеніи; такое сильное возбужденіе умовъ трудно сдерживать: они сами выберутъ себѣ мѣсто и время сразиться, если этого не дастъ имъ вождь. Во время этого разговора галлъ хотѣлъ угнать вьючный скотъ, оторый пасся за валомъ, но два римскихъ воина отняли его. Галлы начали бросать въ нихъ каменьями, затѣмъ поднялся крикъ съ римскаго поста, и съ обѣихъ сторонъ воины выбѣжали впередъ. И уже дѣло едва не дошло до настоящаго сраженія, но центуріоны быстро розняли бойцовъ. Этотъ случай, конечно, убѣдилъ диктатора въ справедливости словъ Туллія, и такъ какъ дѣло не терпѣло уже отлагательства, то объявляется распоряженіе, что завтра будетъ бой. Однако диктаторъ, начиная сраженіе и полагаясь не столько на силу, сколько на мужество своихъ, осматривался и обдумывалъ, какъ бы путемъ какой-нибудь хитрости напугать враговъ. Его изворотливый умъ изобрѣтаетъ новое средство, которымъ впослѣдствіи пользовались многіе наши и иноземные вожди, а нѣкоторые пользуются даже и въ наше время. Онъ приказываетъ снять съ муловъ вьючныя сѣдла и оставить только по два коврика, сажаетъ на нихъ погонщиковъ, вооруженныхъ оружіемъ, взятымъ частію у плѣнниковъ, частію у больныхъ воиновъ. Набравъ около тысячи такихъ воиновъ, онъ присоединяетъ къ нимъ 100 всадниковъ, приказываетъ ночью подняться на горы, господствующія надъ лагеремъ, спрятаться въ лѣсу и не двигаться оттуда ранѣе, чѣмъ онъ подастъ сигналъ. Самъ же на разсвѣтѣ начинаетъ старательно вытягивать строй у подошвы горъ съ тѣмъ, чтобы врагъ занялъ позицію противъ горъ. Когда были окончены приготовленія къ тому, чтобы навести на врага пустой страхъ, что оказалось едва ли не болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ настоящія силы, сперва галльскіе вожди думали, что римляне не спустятся на равнину, но, увидѣвъ ихъ внезапное движеніе внизъ, они жадно ринулись въ бой, и битва началась прежде, нежели вожди подали сигналъ. **15.** Болѣе ожесточенное нападеніе сдѣлали галлы на правый флангъ; и римляне не могли бы устоять, если бы случайно тамъ не находился диктаторъ, который окликнулъ Сек. Туллія и спросилъ, обѣщалъ ли онъ, что воины такъ будутъ сражаться; гдѣ тѣ крики требовавшихъ оружія, гдѣ угрозы, что они пойдутъ на бой безъ приказанія главнокомандующаго? вотъ самъ вождь громкимъ голосомъ призываетъ къ битвѣ и съ оружіемъ въ рукахъ идетъ впереди знаменъ! Послѣдуетъ ли за нимъ кто-нибудь изъ тѣхъ, которые только-что хотѣли быть вождями, эти храбрецы въ лагерѣ и трусы въ строю? То, что слышали воины, была правда; итакъ чувство стыда такъ сильно подѣйствовало на нихъ, что, забывъ объ опасности, они бросились на врага среди тучи вражескихъ стрѣлъ. Это почти безумное нападеніе первое поколебало враговъ; затѣмъ выпущены были всадники, которые обратили ихъ въ бѣгство. Самъ диктаторъ, видя, что строй враговъ съ одной стороны дрогнулъ, двинулъ знамена на лѣвый флангъ, куда, онъ видѣлъ, собирается толпа непріятелей, и далъ условленный знакъ тѣмъ, которые находились на горѣ. Когда и оттуда послышался новый крикъ, и галлы увидѣли, что по склону горы двигаются войска въ ихъ лагерь, тогда, изъ страха быть отрѣзанными, они оставили битву и въ безпорядочномъ бѣгствѣ устремились къ лагерю. Когда же ихъ тамъ встрѣтилъ начальникъ конницы М. Валерій, который, прогнавъ правый флангъ, угрожалъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, они повернули по направленію къ горамъ и лѣсамъ, и тамъ многіе изъ нихъ были захвачены погонщиками, обманно принявшими видъ всадниковъ, а по окончаніи битвы

произошло жестокое избіеніе и тѣхъ, которыхъ страхъ загналъ въ лѣса. И послѣ М. Фурія не было болѣе справедливаго тріумфа надъ галлами, чѣмъ тріумфъ Г. Сульпиція. Между прочимъ довольно большое количество золота изъ галльской добычи было положено подъ своды [1]) капитолійскаго храма и объявлено священнымъ. — Въ томъ же году вели войны и консулы, но съ неодинаковымъ успѣхомъ; ибо герники были окончательно побѣждены и покорены Г. Плавтіемъ, а товарищъ его Фабій неосторожно и необдуманно сразился съ тарквинійцами. И потеря его въ этой битвѣ была не такъ значительна, но тарквинійцы принесли въ жертву триста семь римскихъ воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ; эта позорная казнь сдѣлала безчестіе римскаго народа гораздо болѣе чувствительнымъ. Къ этому пораженію присоединилось и опустошеніе римскихъ полей, произведенное внезапнымъ набѣгомъ сперва привернатовъ [2]), а затѣмъ жителей Велитръ [3]). Въ томъ же году присоединены были двѣ трибы — Помптинская и Публиліева [4]), и отпразднованы игры, обѣщанныя диктаторомъ М. Фуріемъ [5]). Народный трибунъ Г. Петелій, съ утвержденія отцовъ, впервые внесъ къ народу предложеніе объ исканіи должностей; полагали, что этотъ законъ стѣснилъ происки главнымъ образомъ „новыхъ людей" [6]), которые имѣли обыкновеніе ходить по ярморочнымъ площадямъ и другимъ мѣстамъ, гдѣ бывали многочисленныя собра-
397 г. нія народа [7]). **16.** Въ слѣдующемъ году, въ консульство Г. Марція и Гн. Манлія, народные трибуны М. Дуилій и Л. Мененій провели далеко не такое пріятное для патриціевъ предложеніе о взиманіи $8^1/_3$ процентовъ [8]), и плебеи приняли его съ гораздо большимъ удовольствіемъ.

Къ новымъ войнамъ, рѣшеннымъ въ предыдущемъ году, присоединилась еще вражда съ фалисками, вызванная двоякимъ преступленіемъ съ ихъ стороны: молодежь ихъ служила вмѣстѣ съ тарквинійцами, и кромѣ того, они не выдали бѣжавшихъ послѣ неудачной битвы въ Фалеріи, не-

1) Т.-е. въ подвалы. 2) Гор. Привернъ лежалъ къ В. отъ Помптинскихъ болотъ, въ землѣ вольсковъ. 3) Осада ихъ города не была окончена (VI 6), а потому они сохраняютъ еще свою самостоятельность. 4) Такимъ образомъ число трибъ доведено до 27. 5) Не ясно, о какомъ обѣтѣ Фурія говоритъ Ливій; обѣщанныя имъ ранѣе игры (IV 19) были уже отпразднованы (V 31). 6) См. примѣч. къ I 34. 7) Имѣются въ виду мѣста собраній жителей такихъ областей, гдѣ не было городовъ. По упоминаемому здѣсь закону кандидаты имѣли право искать должности лишь въ Римѣ, на форумѣ или Марсовомъ полѣ. 8) Уже законы XII таблицъ запрещаютъ взимать болѣе $8^1/_3$ %; имѣется въ виду, вѣроятно, годъ десятимѣсячный, такъ что на двѣнадцатимѣсячный приходится 10 %.

смотря на то, что римскіе фиціалы требовали удовлетворенія. Порученіе вести эту войну выпало на долю Гн. Манлія. Марцій вступилъ съ войскомъ въ поля привернатовъ, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ мира оставались нетронутыми, и далъ воинамъ богатую добычу. Къ обилію онъ присоединилъ щедрость, такъ какъ, не отдѣляя ничего въ общественную казну, помогъ воинамъ увеличить свое частное благосостояніе. Когда привернаты, укрѣпивъ лагерь, заняли позицію предъ своими стѣнами, то онъ, созвавъ воиновъ на собраніе, сказалъ: „теперь я даю вамъ въ добычу лагерь и городъ враговъ, если вы обѣщаетесь быть храбрыми въ бою и быть столько же готовыми сражаться, какъ брать добычу". Громко требуютъ воины сигнала и, воодушевленные несомнѣнной надеждой, мужественно идутъ на бой. Тогда стоявшій передъ знаменами Сек. Туллій, о которомъ упомянуто выше [1]), воскликнулъ: „смотри, вождь, какъ твое войско исполняетъ свои обѣщанія!" Съ этими словами, отбросивъ копье и обнаживъ мечъ, онъ нападаетъ на врага. За Тулліемъ послѣдовали всѣ, стоявшіе передъ знаменами, и при первомъ натискѣ опрокинули врага; затѣмъ они преслѣдовали бѣгущихъ до города, который сдался лишь тогда, когда были уже придвинуты къ стѣнамъ лѣстницы. Надъ привернатами отпразднованъ былъ тріумфъ. Другой консулъ не сдѣлалъ ничего достопамятнаго, кромѣ того, что въ лагерѣ подъ Сутріемъ небывалымъ способомъ [2]) провелъ въ трибутскихъ комиціяхъ законъ объ уплатѣ 5% каждымъ, кого отпускаютъ на волю; такъ какъ этотъ законъ прибавлялъ значительный косвенный доходъ истощенной казнѣ, то отцы утвердили его, а народные трибуны, не столько въ виду самаго закона, сколько опасаясь подаваемаго имъ дурного примѣра, установили смертную казнь, чтобы никто послѣ того не созывалъ народъ внѣ предѣловъ, гдѣ власть главнокомандующаго ограничена, такъ какъ, если это будетъ допущено, то присягнувшіе консулу воины могутъ принять всякое предложеніе, какъ бы пагубно оно ни было для народа. Въ томъ же году М. Попилій Ленатъ добился присужденія, Г. Лицинія Столона къ уплатѣ десяти тысячъ фунтовъ мѣди на основаніи проведеннаго имъ закона, [3]) такъ какъ тотъ вмѣстѣ съ сыномъ владѣлъ 1000 югеровъ земли и, освободивъ сына отъ своей власти, обошелъ законъ.

1) См. гл. 12 слѣд. 2) Если и собирались иногда трибутскія комиціи внѣ города, то во всякомъ случаѣ вблизи его. 3) См. VI 35.

398 г. **17**. Затѣмъ новые консулы, М. Фабій Амбустъ во второй разъ и М. Попилій Ленатъ во второй разъ, вели двѣ войны: одну легкую, съ тибуртинцами, подъ предводительствомъ Лената, который, загнавъ врага въ городъ, опустошилъ поля; а фалиски и тарквинійцы въ первой битвѣ разбили другого консула. Страшная паника была слѣдствіемъ того, что ихъ жрецы, шествуя, подобно фуріямъ, съ пылающими факелами и неся передъ собою змѣй [1]), смутили римскихъ воиновъ своимъ необыкновеннымъ видомъ. И тогда, точно обезумѣвшіе и ошеломленные громовымъ ударомъ, римскіе воины въ страхѣ бросились въ свои укрѣпленія; но затѣмъ, когда консулъ, легаты и трибуны стали смѣяться надъ ними и бранить ихъ, что они, какъ дѣти, боятся просто куколъ, тогда стыдъ внезапно измѣнилъ настроеніе, и, какъ бы ослѣпленные, они устремились на то самое, отъ чего бѣжали. Уничтоживъ такимъ образомъ пустыя затѣи враговъ и напавъ на самихъ вооруженныхъ воиновъ, римляне опрокинули все ихъ войско; овладѣвъ еще въ тотъ же день лагеремъ и получивъ огромную добычу, они вернулись побѣдителями, издѣваясь среди солдатскихъ шутокъ какъ надъ маскарадомъ, устроеннымъ врагами, такъ надъ своимъ страхомъ. Вслѣдъ за этимъ поднимается и все этрусское племя и, подъ предводительствомъ тарквинійцевъ и фалисковъ, доходитъ до соляныхъ варницъ. Чтобы отразить эту опасность, выбранъ былъ первый диктаторъ изъ плебеевъ Г. Марцій Рутилъ [2]), назначившій начальникомъ конницы также плебея Г. Плавтія. То обстоятельство, что и диктатура стала уже общимъ достояніемъ, конечно, возмутило патриціевъ, и они всѣми мѣрами старались помѣшать всѣмъ постановленіямъ и военнымъ приготовленіямъ диктатора. Тѣмъ съ большей готовностью народъ соглашался на всѣ его предложенія. Двинувшись изъ города и переправивъ войско на паромахъ во всѣ пункты, гдѣ молва указывала на присутствіе непріятеля, онъ захватилъ много грабителей, бродившихъ вразсыпную вдоль обоихъ береговъ Тибра; напавъ врасплохъ, онъ овладѣлъ и лагеремъ и, взявъ въ плѣнъ 8000 враговъ, а остальныхъ или убивъ, или прогнавъ съ римскихъ полей, отпраздновалъ тріумфъ, безъ согласія отцовъ, по волѣ народа. Такъ какъ не желали, чтобы въ консульскихъ комиціяхъ

[1]) Изъ послѣдующаго видно, что то были лишь изображенія змѣй. [2]) Такъ какъ консулъ при назначеніи диктатора не связанъ былъ волею сената, то естественно, что плебейскій консулъ выбираетъ и диктатора изъ плебеевъ.

предсѣдательствовалъ плебейскій диктаторъ или консулъ, а между тѣмъ другого консула, Фабія, задерживала война, то дѣло дошло до междуцарствія. Между царями послѣдовательно одинъ за другимъ были Кв. Сервилій Агала, М. Фабій, Гн. Манлій, Г. Фабій, Г. Сульпицій, Л. Эмилій, Кв. Сервилій, М. Фабій Амбустъ. Во время второго междуцарствія возникъ споръ, такъ какъ выбранными оказывались два патриціанскихъ консула [1]), а на протестъ трибуновъ междуцарь Фабій замѣтилъ, что въ двѣнадцати таблицахъ существуетъ такой законъ, по которому послѣдняя воля народа имѣетъ силу закона, а народное рѣшеніе и голосованіе на лицо. Такъ какъ своимъ протестомъ трибуны добились только отсрочки комицій [2]), то все-же были выбраны въ консулы патриціи Г. Сульпицій Петикъ въ третій разъ и М. Валерій Публикола, въ тотъ же день и вступившіе въ должность.

18. Въ 400 мъ году отъ основанія Рима, въ 35-мъ по отобраніи его отъ галловъ, 11 лѣтъ спустя, послѣ того какъ плебеи получили консульство, междуцарствіе смѣнилось вступленіемъ во власть двухъ патриціанскихъ консуловъ, Г. Сульпиція Петика въ третій разъ и М. Валерія Публиколы. 400 г.
Въ томъ же году послѣ незначительной борьбы отнятъ былъ у тибуртинцевъ Эмпулъ, была ли ведена та война подъ ауспиціями обоихъ консуловъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые писатели, или въ то время, какъ Валерій воевалъ противъ тибуртинцевъ, консулъ Сульпицій опустошалъ также поля тарквинійцевъ. Болѣе значительную борьбу вели консулы дома— съ плебеями и трибунами, считая уже дѣломъ своей добросовѣстности, а не только доблести, вручить консульство двумъ патриціямъ, точно такъ, какъ оно получено было ими, двумя патриціями; мало того, они думали, что или совсѣмъ слѣдуетъ отказаться отъ консульства, если оно становится плебейской должностью, или владѣть имъ безраздѣльно, какъ то было при отцахъ ихъ. На это плебеи роптали: зачѣмъ жить, зачѣмъ считаться частью государства, если они всѣ не могутъ удержать того, что пріобрѣтено доблестью двухъ мужей, Л. Секстія и Г. Лициніи? Лучше терпѣть или царей, или децемвировъ, или власть иного, еще болѣе ненавистнаго наименованія, чѣмъ видѣть двухъ патриціанскихъ

[1]) Очевидное дѣло, что трибуны не дали довести голосованія до конца, а видя, что большинство оказывается за патриціанскихъ кандидатовъ, заявили протестъ. [2]) Такъ какъ большинство и въ слѣдующіе дни было за обоихъ патриціанскихъ кандидатовъ, то трибуны были вынуждены отказаться отъ протеста.

консуловъ, а не поочередно повелѣвать и подчиняться, предоставляя только одной части гражданъ безсмѣнно властвовать и считать плебеевъ рожденными только для одного рабства. Нѣтъ недостатка въ трибунахъ, подстрекателяхъ къ мятежамъ, но когда всѣ поднялись самостоятельно, то трудно найти руководителей. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, послѣ многихъ бурныхъ дней комицій, упорство консуловъ одолѣло наконецъ плебеевъ, и уныніе ихъ дошло до того, что они съ грустью послѣдовали за трибунами, громко заявлявшими, что свобода погибла, что приходится оставить уже не только Марсово поле, но и городъ, плѣненный и подавленный господствомъ патриціевъ. Покинутые частью народа, консулы, несмотря на малолюдство, съ нисколько не меньшею энергіей довели комиціи до конца. Въ консулы были выбраны два патриція—М. Фабій Амбустъ въ третій разъ и Т. Квинктій. Въ нѣкото- 400 г.
рыхъ лѣтописяхъ вмѣсто Т. Квинктія я нахожу имя консула М. Попилія.

19. Въ этомъ году были двѣ удачныя войны. Съ тибуртинцами борьба продолжалась, пока они не сдались. У нихъ былъ взятъ городъ Сассула; такова же была бы участь и остальныхъ городовъ, если бы все племя, положивъ оружіе, не подчинилось консулу. Надъ тибуртинцами былъ отпразднованъ тріумфъ, въ другихъ же отношеніяхъ съ ними поступили кротко; съ тарквинійцами расправились жестоко: много ихъ перебили въ бою, а изъ огромнаго числа плѣнниковъ выбрали 348 знатнѣйшихъ для отправки въ Римъ; остальныхъ, простолюдиновъ, убили. Не менѣе жестоко поступилъ народъ съ тѣми, которые были посланы въ Римъ: всѣ они были наказаны розгами посрединѣ форума и обезглавлены. Это наказаніе было возмездіемъ врагамъ за принесеніе въ жертву римлянъ на тарквинійскомъ форумѣ [1]). Военная удача заставила и самнитянъ искать дружбы римлянъ; ихъ посламъ сенатъ далъ ласковый отвѣтъ, и на основаніи договора они были приняты въ союзники. Судьба римскихъ плебеевъ дома была не такова, какъ на войнѣ. Ибо, хотя платежи были облегчены установленіемъ $8^{1}/_{3}\%$, но самые размѣры капитала угнетали бѣдняковъ, и они попадали въ рабство; поэтому личныя невзгоды не давали плебеямъ думать ни о двухъ патриціанскихъ консулахъ, ни за-

[1]) См. гл. 15.

ботиться о комиціяхъ и другихъ общественныхъ интересахъ. 401 г.
Оба консульскія мѣста остались за патриціями: выбраны были Г. Сульпицій Петикъ въ четвертый разъ и М. Валерій Публикола во второй разъ.

Въ то время какъ государство дѣятельно готовилось къ этрусской войнѣ, такъ какъ ходили слухи, что цериты, изъ состраданія къ единоплеменникамъ, соединились съ тарквинійцами, вниманіе его было обращено латинскими послами на вольсковъ, которые, по словамъ пословъ, съ набраннымъ и вооруженнымъ войскомъ уже угрожаютъ ихъ предѣламъ, а оттуда явятся опустошать римскія поля. Итакъ сенатъ рѣшилъ, что обѣ войны заслуживаютъ вниманія, и приказалъ набрать легіоны для той и другой, а консуламъ раздѣлить по жребію театръ военныхъ дѣйствій. Затѣмъ однако большая часть заботъ обращена была на этрусскую войну, послѣ полученія письма консула Сульпиція, которому достались Тарквиніи, гдѣ указывалось, что римскія поля, лежащія около соляныхъ варницъ, опустошены, а часть добычи увезена въ предѣлы церитовъ, и что молодежь этого народа несомнѣнно была въ числѣ грабителей. Поэтому консулъ Валерій, посланный противъ вольсковъ и расположившійся лагеремъ въ тускуланскихъ предѣлахъ, былъ отозванъ оттуда и получилъ приказаніе отъ сената назначить диктатора. Онъ назначилъ Т. Манлія, сына Луція. Выбравъ себѣ въ начальники конницы А. Корнелія Косса и довольствуясь консульскимъ войскомъ, съ утвержденія отцовъ и по приказанію народа онъ объявилъ церитамъ войну.

20. Тутъ только на церитовъ напалъ настоящій страхъ, какъ будто бы война вызвана была не столько ихъ собственными поступками—именно, опустошеніемъ римскихъ полей,—сколько объявленіемъ ея со стороны римлянъ, и они начали понимать, до какой степени эта борьба имъ не по силамъ; они раскаявались въ произведенныхъ опустошеніяхъ и проклинали тарквинійцевъ, виновниковъ отложенія; никто не готовилъ оружія или войны, но каждый настаивалъ на отправленіи посольства съ цѣлью просить прощенія за свой грѣхъ. Послы обратились къ сенату, но были отосланы сенатомъ къ народу; они молили боговъ, святыни которыхъ приняты были ими въ галльскую войну [1]) и которымъ они поклонялись надлежащимъ образомъ, внушить римлянамъ въ пору ихъ могу-

[1]) См. V. 40.

щества то же милосердіе, какое они нѣкогда внушили церитамъ къ римскому народу въ пору его несчастія; обратившись затѣмъ къ капищу Весты, они упоминали о томъ гостепріимствѣ, которое они благочестиво и богобоязненно оказали фламинамъ и весталкамъ; и кто могъ думать, что послѣ такихъ заслугъ они внезапно, безъ причины станутъ врагами? Или, если они и допустили какое-нибудь враждебное дѣйствіе, то ужели намѣренно, а не подъ вліяніемъ ослѣпленія свои прежнія благодѣянія, оказанныя такимъ благодарнымъ людямъ, они уничтожили недавними злодѣяніями, и могучій и въ высшей степени счастливый въ войнѣ римскій народъ, дружбы котораго они искали въ пору его несчастія, сдѣлали своимъ врагомъ? Пусть не называютъ намѣреніемъ того, что слѣдуетъ назвать необходимостью, вызванною силою обстоятельствъ. Враждебно проходя по ихъ полямъ, тарквинійцы, просившіе только пути, увлекли нѣкоторыхъ поселянъ въ спутники при томъ опустошеніи, въ которомъ теперь обвиняютъ ихъ. Угодно ли, чтобы виновные были выданы, они готовы выдать ихъ; угодно ли, чтобы они были казнены, они получатъ должное возмездіе; но пусть пощадятъ за гостепріимство, оказанное весталкамъ, и за почитаніе боговъ Цере, мѣсто храненія святынь римскаго народа, пристанище жрецовъ и убѣжище римскихъ священнодѣйствій, не трогая его и не оскверняя обвиненіемъ въ войнѣ. Не столько настоящее дѣло, сколько прежняя заслуга, тронула народъ, и онъ предпочелъ забыть о злодѣяніи, а не о благодѣяніи. Поэтому церитамъ былъ дарованъ миръ, и рѣшено было занести въ сенатское постановленіе о заключеніи съ ними перемирія на сто лѣтъ [1]). Вся сила войны обращена была на фалисковъ, виновныхъ въ томъ же преступленіи, но враговъ нигдѣ не оказалось. Пройдя по ихъ предѣламъ и произведя опустошеніе, римляне воздержались отъ осады городовъ; по возвращеніи легіоновъ въ Римъ, остатокъ года былъ потраченъ на возстановленіе стѣнъ и башенъ [2]), и освященъ храмъ Аполлона [3]).

21. Въ концѣ года споры патриціевъ съ плебеями прервали консульскія комиціи, такъ какъ трибуны заявляли, что

[1]) Изъ словъ Ливія не видно, удержали ли жители Цере свое общинное устройство; во всякомъ случаѣ, на нихъ возложены всѣ повинности гражданъ, но не даровано право участія въ собраціяхъ: это такъ называемое civitas sine suffragio первые получили цериты. [2]) Вѣроятно, онѣ были попорчены во время нападеній этрусковъ (см. гл. 17 и 19) и тибуртинцевъ (гл. 12). [3]) Полагаютъ, что этотъ храмъ былъ разрушенъ во время гальскаго погрома.

они не допустятъ комицій, если онѣ не будутъ согласны съ Лициніевымъ закономъ, а диктаторъ настойчиво твердилъ, что лучше совершенно уничтожить въ государствѣ консульство, чѣмъ дѣлать его общимъ достояніемъ патриціевъ и плебеевъ. Поэтому, когда вслѣдствіе замедленія комицій диктаторъ сложилъ власть, дѣло дошло до междуцарствія. Междуцари нашли плебеевъ раздраженными противъ патриціевъ, и мятежи продолжались до одиннадцатаго междуцаря. Хотя трибуны ссылались на защиту Лициніева закона, но плебеи принимали ближе къ сердцу повергавшее ихъ въ уныніе увеличеніе процентовъ, и въ общественныхъ распряхъ прорывались личные интересы. Наскучивъ спорами, отцы приказали междуцарю Л. Корнелію Сципіону для возстановленія согласія сообразоваться на консульскихъ комиціяхъ съ Лициніевымъ закономъ. П. Валерію Публиколѣ данъ былъ въ товарищи 402 г.
плебей Г. Марцій Рутилъ. Пользуясь мирнымъ настроеніемъ умовъ, новые консулы задумали облегчить и долговыя обязательства, которыя, казалось, одни поддерживаютъ рознь, и сдѣлали уплату долговъ предметомъ общественной заботы, назначивъ коммиссію изъ пяти мужей, которыхъ наименовали mensarii, такъ какъ они распредѣляли капиталы [1]). Справедливостью и заботливостью своей они заслужили того, что имена ихъ прославлены всѣми лѣтописями; это были Г. Дуиллій, П. Децій Мусъ, М. Папирій, Кв. Публилій и Т. Эмилій. Это въ высшей степени трудное дѣло и при томъ тягостное, въ большинствѣ случаевъ, для обѣихъ сторонъ, а во всякомъ случаѣ для одной стороны, они исполнили благодаря какъ всякаго иного рода сдержанности, такъ особенно производя затраты изъ общественной кассы, но не допуская ущерба для нея. Ибо просроченные долги, не уплаченные не столько по недостатку средствъ, сколько по небрежности должниковъ, или выплачивалъ банкъ (на форумѣ были расположены столы съ деньгами), при чемъ однако государство получало гарантію, или они погашались путемъ представленія вещей одинаковой съ долгомъ стоимости, такъ что огромная масса долговъ была погашена не только безъ обидъ, но даже безъ жалобъ съ той или другой стороны.

Затѣмъ ложный страхъ предъ этрусской войной—распро-

[1]) Чрезвычайная коммиссія изъ 5 мужей имѣла порученіе открыть государственный банкъ въ счетъ ассигнованнаго изъ государственной кассы фонда для урегулированія долговыхъ обязательствъ; они названы были тѣмъ же именемъ (mensarii, банкиры, мѣнялы), какимъ въ позднѣйшее время назывались частныя лица, занимавшіяся банковыми операціями.

странилась молва, что 12 народовъ Этруріи составили заговоръ,—заставилъ выбрать диктатора. Выбранъ былъ въ лагерѣ, куда было послано къ консуламъ сенатское постановленіе, Г. Юлій и къ нему прикомандированъ [1]) начальникомъ конницы Л. Эмилій. Впрочемъ, извнѣ господствовалъ полный
403 г. миръ; **22.** но зато дома попытка диктатора выбрать обоихъ патриціанскихъ консуловъ довела дѣло до междуцарствія Двумъ межцарямъ, бывшимъ въ этотъ промежутокъ, Г. Сульпицію и М. Фабію, удалось то, къ чему напрасно стремился диктаторъ: пользуясь тѣмъ, что плебеи вслѣдствіе недавняго благодѣянія—облегченія долговыхъ обязательствъ—были уже болѣе кротки, они провели въ консулы двухъ патриціевъ. Выбраны были Г. Сульпицій Петикъ, тотъ самый, который первый былъ междуцаремъ, и Т. Квинктій Пенъ; одни даютъ Квинктію имя Цезонъ, другіе—Гай. Оба отправились на войну—Квинктій съ фалисками, Сульпицій съ тарквинійцами, но, не встрѣтившись нигдѣ съ врагомъ, они сражались не столько съ людьми, сколько съ полями, производя пожары и опустошенія; однако упорство обоихъ народовъ было сломлено бездѣятельностью, этимъ какъ бы медленнымъ разложеніемъ, такъ что они обратились съ просьбою о перемиріи сперва къ консуламъ, а затѣмъ, съ ихъ разрѣшенія, къ сенату. Перемиріе дано было имъ на 40 лѣтъ. Освободившись такимъ образомъ отъ заботы о двухъ угрожавшихъ войнахъ и пользуясь нѣкоторымъ досугомъ отъ вооруженной борьбы, рѣшили произвести цензъ, такъ какъ, вслѣдствіе уплаты долговъ, много имуществъ перешло къ новымъ владѣльцамъ. Но, когда назначены были комиціи для выбора цензоровъ, заявленіе Г. Марція Рутила, бывшаго первымъ плебейскимъ диктаторомъ, о томъ, что онъ ищетъ цензуры, нарушило согласіе сословій. И, по крайней мѣрѣ, казалось, что онъ выступилъ съ своимъ требованіемъ въ неудобное время, такъ какъ оба консульскія мѣста занимали тогда патриціи, которые отказывались принять во вниманіе его кандидатуру. Но и самъ онъ осуществилъ свой замыселъ, благодаря своей настойчивости, и трибуны всѣми мѣрами поддерживали его, имѣя въ виду возстановить право, утраченное на консульскихъ комиціяхъ; сверхъ того, въ какой мѣрѣ величіе этого мужа соотвѣтствовало значенію любой должности, въ такой мѣрѣ плебеи желали получить участіе и

[1]) См. прим. къ гл. 12.

въ цензурѣ при помощи того же человѣка, который открылъ путь къ диктатурѣ. И на комиціяхъ голоса не раздѣлились, такъ что вмѣстѣ съ Манліемъ Гнеемъ въ цензоры былъ выбранъ Марцій.

Въ этомъ году былъ избранъ и диктаторъ—М. Фабій—не вслѣдствіе страха предъ войной, но чтобы на консульскихъ комиціяхъ не былъ выполненъ Лициніевъ законъ. Въ качествѣ начальника конницы диктатору данъ былъ Кв. Сервилій. Однако и на консульскихъ комиціяхъ диктатура не дала большей силы единодушію патриціевъ, чѣмъ то было на цензорскихъ комиціяхъ. **23.** Изъ плебеевъ былъ вы- 404 г.
бранъ въ консулы М. Попилій Ленатъ, изъ патриціевъ Л. Корнелій Сципіонъ. И судьба болѣе прославила плебейскаго консула: ибо, когда пришло извѣстіе, что огромное войско галловъ расположилось лагеремъ на латинскихъ поляхъ, война съ ними внѣ очереди была поручена Попилію, такъ какъ Сципіонъ былъ тяжко боленъ. Энергично произведя наборъ и приказавъ всѣмъ молодымъ людямъ вооруженными собраться за Капенскими воротами у храма Марса, а квесторамъ доставить туда же знамена изъ казначейства, онъ сформировалъ 4 легіона, а остальныхъ воиновъ передалъ претору П. Валерію Публиколѣ и поручилъ отцамъ распорядиться наборомъ другой арміи для охраны государства, на случай непредвидѣнныхъ осложненій войны; самъ же, когда уже всѣ необходимыя приготовленія были окончены, двинулся на врага. Желая прежде узнать его силы, чѣмъ рѣшиться на сраженіе, онъ приступилъ къ возведенію вала на холмѣ, занятомъ имъ на возможно близкомъ разстояніи отъ лагеря галловъ. Свирѣпый и жадный до битвы народъ, издали завидѣвъ римскія знамена, развернулъ ряды, имѣя въ виду немедленно начать бой; но замѣтивъ, что римскій отрядъ не спускается на равнину и что римлянъ защищаетъ и возвышенное мѣсто и валъ, галлы рѣшили, что они испуганы и что теперь нападеніе особенно удобно, такъ какъ римляне всецѣло заняты работой, и потому бросились съ дикимъ крикомъ. Римляне не прекратили работъ, такъ какъ укрѣпленіями заняты были тріаріи, а гастаты и принципы [1]),

[1]) Приводимое здѣсь наименованіе воиновъ по мѣсту, занимаемому ими въ строю, предполагаетъ построеніе въ три шеренги (acies triplex), о которомъ Ливій говоритъ VIII 8: первую шеренгу занимали такъ называемые hastati, т.-е. воины, вооруженные копьями; во второй шеренгѣ, въ промежуткахъ, оставшихся между воинами первой шеренги, стояли principes т.-е главные; составляя центръ войска, они были лучше всѣхъ вооружены и

стоявшіе предъ укрѣпленіями въ полной готовности, вступили въ бой. Кромѣ доблести, помощь оказало еще возвышенное мѣстоположеніе, а потому всѣ брошенные оттуда дротики и копья не падали безцѣльно, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ, если ихъ бросаютъ на ровномъ пространствѣ, но попадали въ цѣль, такъ какъ ихъ собственная тяжесть ускоряла движеніе; и галлы, подступивъ бѣгомъ почти подъ самыя укрѣпленія, теперь подъ бременемъ стрѣлъ, пронзавшихъ ихъ тѣла или вонзавшихся въ щиты и увеличивавшихъ тяжесть, сперва остановились въ нерѣшительности; затѣмъ, когда самое замедленіе уменьшило ихъ мужество и увеличило мужество врага, они стремительно побѣжали назадъ, давя одни другихъ, и уничтоженіе ихъ другъ другомъ было болѣе отвратительно, чѣмъ избіеніе врагами: не такъ много народа погибло отъ оружія, сколько было задавлено въ стремглавъ несущейся толпѣ. **24**. И побѣда римлянъ не была еще рѣшительна: когда они спустились на равнину, имъ представилась другая трудность; ибо благодаря своей многочисленности, дѣлавшей такую большую потерю вовсе нечувствительной, галлы выставляли свѣжихъ воиновъ противъ побѣдителя-врага, точно будто бы опять начинался новый бой. Прекративъ наступленіе, римляне остановились, съ одной стороны потому, что, несмотря на утомленіе, имъ приходилось вступать вторично въ сраженіе, съ другой потому, что консулъ неосторожно дѣйствуя въ первомъ ряду, былъ раненъ почти на вылетъ въ лѣвое плечо метательнымъ копьемъ и на нѣкоторое время вышелъ изъ строя. И вслѣдствіе этого замедленія побѣда, казалось, была уже утрачена, какъ вдругъ консулъ, перевязавъ рану, выѣхалъ къ переднимъ знаменамъ и сказалъ: „что стоите вы, воины? вы имѣете дѣло не съ латинянами и сабинянами, которыхъ, побѣдивъ, можно сдѣлать изъ враговъ союзниками; мы обнажили мечи противъ звѣрей; мы должны или пролить чужую кровь, или пожертвовать своею. Вы отбросили ихъ отъ лагеря, стремглавъ гнали по покатой равнинѣ, вы стоите надъ грудами вражескихъ тѣлъ; произведите такую же рѣзню на полѣ, какую вы произвели на горахъ. Не ждите, что они побѣгутъ отъ васъ, если вы будете стоять на мѣстѣ; надо нести впередъ знамена и наступать на врага“. Снова ободренные этими увѣщаніями, римляне прогнали съ мѣста первые манипулы галловъ, затѣмъ фалангами врѣзались въ средину ихъ строя. Варвары, у которыхъ не было ни опредѣленнаго командованія, ни вождей, приведены были въ замѣшательство и обратили нападеніе на своихъ; разсѣявшись по равнинѣ, они пробѣжали даже мимо своего лагеря и устремились въ Альбанской кремль, который представлялся взоромъ наиболѣе возвышеннымъ пунктомъ среди одинаковыхъ холмовъ. Консулъ не преслѣдовалъ ихъ далѣе лагеря, какъ вслѣдствіе раны, такъ и потому, что онъ не хотѣлъ вести войско подъ холмы, занятые врагами; поэтому, отдавъ воинамъ всю добычу изъ лагеря, онъ привелъ назадъ въ Римъ побѣдоносное войско, богато украшенное галльскими доспѣхами. Рана консула помѣшала тріумфу и вызвала въ сенатѣ желаніе назначить диктатора, чтобы было кому предсѣдательствовать въ комиціяхъ за болѣзнью консуловъ. Выбранный въ диктаторы Л. Фурій Камиллъ (въ начальники конницы ему данъ былъ П. Корнелій Сципіонъ) вернулъ патриціямъ прежнее обладаніе консульствомъ, Получивъ за эту услугу консульство при замѣчательномъ единодушіи патриціевъ, онъ провелъ въ товарищи Ап. Клавдія Красса.

имѣли щиты; въ промежуткахъ, остававшихся между principes, противъ воиновъ первой шеренги, стояли triarii, которые принимали участіе въ битвѣ лишь въ самыхъ трудныхъ случаяхъ.

25. Прежде чѣмъ новые консулы вступили въ должность, 405 г.
Попилій отпраздновалъ тріумфъ надъ галлами при большомъ сочувствіи плебеевъ, втихомолку спрашивавшихъ другъ у друга, развѣ кто недоволенъ плебейскимъ консуломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они порицали диктатора, который за пренебреженіе къ Лициніеву закону получилъ награду, позорную не столько потому, что она неправильна съ точки зрѣнія государственной, сколько потому, что она обнаруживаетъ личную его алчность, ибо, будучи диктаторомъ, онъ выбралъ самъ себя въ консулы [1]). Годъ этотъ былъ замѣчателенъ многими разнообразными волненіями. Галлы, не будучи въ состояніи выносить суровую зиму, двинулись съ Альбанскихъ горъ и, блуждая по полямъ и приморскимъ землямъ, производили опустошенія; греческій флотъ тревожилъ море, а равно берегъ около Антія, Лаврентскую область и устье Тибра, такъ что морскіе разбойники, встрѣтившись съ сухопутными, разъ сразились съ нерѣшительнымъ результатомъ и отступили—галлы въ лагерь, а греки назадъ къ кораблямъ,

[1]) Предсѣдательствовавшій въ выборныхъ комиціяхъ магистратъ не долженъ былъ допускать своего избранія; см. напр., III 35.

не зная, считать имъ себя побѣжденными, или побѣдителями. Но среди этихъ опасностей особенно страшными представлялись собранія латинскихъ племенъ у рощи Ферентины [1]) и недвумысленный отвѣтъ ихъ, данный на требованіе римлянъ доставить воиновъ: пусть перестанутъ приказывать тѣмъ, въ чьей помощи они нуждаются; латиняне предпочитаютъ поднять оружіе въ защиту своей свободы, а не для поддержанія чужой власти. Сенатъ, обезпокоенный рядомъ съ двумя иноземными войнами еще и отпаденіемъ союзниковъ, видя, что необходимо страхомъ сдерживать тѣхъ, которыхъ не сдержала вѣрность, приказалъ консуламъ производить наборъ, напрягая всѣ силы государства, такъ какъ, вслѣдствіе измѣны всѣхъ союзниковъ, приходилось опираться на войско, состоящее изъ гражданъ. Разсказываютъ, что отовсюду не только изъ городской, но и изъ деревенской молодежи набрано было десять легіоновъ по 4200 пѣхотинцевъ и 300 всадниковъ; такое небывалое войско не легко создать, въ случаѣ иноземнаго нападенія, даже въ настоящее время при общемъ напряженіи силъ римскаго народа, которыя едва вмѣщаетъ вселенная; до такой степени весь ростъ нашъ идетъ въ то, о чемъ мы заботимся—въ богатства и роскошь!

Среди прочихъ печальныхъ событій того года, во время самыхъ приготовленій къ войнѣ, послѣдовала смерть консула Ап. Клавдія, и управленіе перешло къ Камиллу; отцы не признали пристойнымъ ставить диктатора рядомъ съ этимъ единственнымъ консуломъ, изъ почтенія ли къ другимъ его достоинствамъ, не допускавшимъ подчиненія его диктатурѣ, или потому, что его имя носило въ себѣ счастливое предзнаменованіе для неожиданной и страшной войны съ галлами [2]). Оставивъ на защиту города два легіона, раздѣливъ восемь съ преторомъ Л. Пинаріемъ и помня о доблести своего отца, онъ взялъ на себя помимо жребія войну съ галлами, а претору поручилъ охранять морской берегъ и не допускать грековъ высадиться. Прибывъ въ Помптинскую область, Камиллъ выбралъ удобное мѣсто для стоянки, такъ какъ не желалъ сражаться на равнинѣ, если не заставитъ необходимость, и считалъ, что врагъ, принужденный жить грабежомъ, достаточно усмиренъ, если ему не даютъ возможности производить опустошенія.

[1]) См. примѣч. къ гл. I 50. [2]) Намекъ на то, что отецъ консула, Камиллъ, освободилъ Римъ отъ галловъ; V 49.

26. Когда войска спокойно проводили здѣсь время, будучи заняты только караулами, выступилъ впередъ галлъ замѣчательнаго роста и въ блестящемъ вооруженіи; ударяя копьемъ о щитъ и тѣмъ водворивъ молчаніе, онъ вызываетъ черезъ переводчика одного изъ римлянъ сразиться съ нимъ. Военный трибунъ М. Валерій, молодой человѣкъ, считая себя не менѣе достойнымъ такого отличія, чѣмъ Т. Манлій [1]), узнавъ сперва волю консула, въ оружіи выступилъ на средину. Этотъ поединокъ людей сдѣлался менѣе знаменитымъ вслѣдствіе вмѣшательства воли боговъ: ибо, когда римлянинъ начиналъ уже битву, вдругъ на шлемъ его, обернувшись къ врагу, сѣлъ воронъ. Сперва радостно принявъ это, какъ посланное съ неба предзнаменованіе, трибунъ обратился затѣмъ съ мольбою о благосклонной помощи къ пославшему ему эту птицу, былъ ли то богъ, или богиня [2]); и удивительное дѣло! птица не только оставалась на занятомъ ею мѣстѣ, но всякій разъ, какъ начиналась борьба, поднималась и вцѣплялась клювомъ и когтями въ лицо и глаза противника; отъ страха передъ такимъ чудомъ у того помутилось въ глазахъ, и помрачился разсудокъ, и онъ былъ убитъ Валеріемъ, воронъ же скрылся изъ глазъ по направленію къ востоку. До этого только момента обѣ стороны спокойно стояли на своихъ мѣстахъ: но какъ только трибунъ началъ снимать доспѣхи съ трупа убитаго врага, галлы не удержались на своемъ посту, и римляне еще быстрѣе побѣжали къ побѣдителю. Здѣсь около трупа убитаго галла завязалась борьба, и произошло ожесточенное сраженіе. Дѣло происходило уже не между манипулами ближайшихъ постовъ, а между легіонами, высыпавшими съ той и съ другой стороны. Камиллъ отдалъ приказъ воинамъ, обрадованнымъ побѣдою трибуна и такимъ очевиднымъ благоволеніемъ боговъ, идти на битву и, указывая на блистающаго доспѣхами трибуна, сказалъ: „вотъ кому подражайте, воины, и кладите галльскія полчища около трупа ихъ вождя!“ Боги и люди приняли участіе въ этой битвѣ, и она кончилась рѣшительнымъ пораженіемъ галловъ. До такой степени оба войска предвидѣли результатъ сраженія, подобный результату поединка двухъ воиновъ! Между передовыми воинами, столкновеніе которыхъ подняло всѣхъ другихъ, произошолъ ожесточенный бой; остальная масса галловъ, не приблизившись даже на такое разстояніе, чтобы

[1]) См. гл. 10. [2]) Не зная точно, кто изъ боговъ послалъ знаменіе, римлянинъ опасается ненадлежащимъ обращеніемъ оскорбить божество.

можно было пустить стрѣлы, бросились бѣжать. Сперва они
разсѣялись по территоріи вольсковъ и Фалерiской области,
а оттуда устремились въ Апулію къ Верхнему морю. Со-
звавъ собраніе, консулъ похвалилъ трибуна и подарилъ ему
10 быковъ и золотой вѣнокъ, самъ же, получивъ распря-
женіе сената принять веденіе морской войны, соединилъ
свой лагерь съ преторскимъ. Такъ какъ очивидно было, что
дѣло затягивается изъ-за бездѣятельности грековъ, не рѣ-
шавшихся на битву, то съ утвержденія сената консулъ на-
значилъ здѣсь диктаторомъ для предсѣдательства въ комиці-
яхъ Т. Манлія Тарквата. Диктаторъ, избравъ въ начальни-
ки конницы А. Корнелія Косса, созвалъ консульскія коми-
ціи и при величайшемъ сочувствіи плебевъ провозгласилъ
консуломъ отсутствующаго 23-лѣтняго М. Валерія Корва (это
прозвище дано было ему потомъ), соперника его славы [1]).
Товарищемъ Корва былъ сдѣланъ плебей М. Попилій Ле-
натъ, которому предстояло въ четвертый разъ вступить въ
406 г. консульство. Съ греками у Камилла не было ни одного за-
мѣчательнаго дѣла, такъ какъ враги были не вояки на су-
шѣ, а римляне на морѣ [2]). Въ концѣ концовъ, не будучи
допускаемы къ берегамъ, они оставили Италію, такъ такъ,
кромѣ всѣхъ другихъ необходимыхъ припасовъ, ощущали
недостатокъ и въ водѣ. Нѣтъ никакихъ вѣрныхъ показаній
на счетъ того, какому народу или какому племени принад-
лежалъ тотъ флотъ; болѣе всего я склоненъ думать, что то
были сицилійскіе тираны, такъ какъ дальняя Грецiя, исто-
щенная междуусобіями, въ то время трепетала уже предъ
могуществомъ македонянъ.

27. Когда, по распущеніи войскъ, водворился внѣшній
миръ, и дома вслѣдствіе согласія сословій царила тишина,
чтобы положеніе дѣлъ не представлялось черезчуръ утѣши-
тельнымъ, въ государствѣ разразилась моровая язва, побу-
дившая сенатъ приказать децемвирамъ навести справку въ
сивиллиныхъ книгахъ [3]); по указанію ихъ совершено было
лектистерніе [4]). Въ томъ же году антіаты вывели колонію
въ Сатрикъ, и городъ, разрушенный латинянами [5]), былъ
возстановленъ; съ кароагенскими послами, прибывшими про-
сить дружбы и союза, заключенъ былъ договоръ въ Римѣ [6]).

[1]) См. гл. 10. [2]) Римскій флотъ въ то время былъ еще весьма незначите-
ленъ. [3]) См. примѣч. къ III 10. [4]) См. примѣч. къ V 13. [5]) См. VI 33. [6]) Ли-
вій не говоритъ, что это былъ первый договоръ съ кароагенянами, а потому
его показаніе не противорѣчитъ свидѣтельству Поливія, что первый договоръ
былъ заключенъ въ 245 г.

Тотъ же внутренній и внѣшній миръ продолжался въ кон- 407 г.
сульство Т. Манлія Торквата и Г. Плавтія. Только вмѣсто
$8\frac{1}{3}$ % установлено было $4\frac{1}{6}$ %, и уплата долговъ раздѣле-
на на равныя части на 3 года, такъ однако, что доля на-
стоящаго года была четвертой. Хотя и это условіе для час-
ти плебеевъ было обременительно, но поддержаніе обществен-
наго кредита болѣе озабочивало сенатъ, чѣмъ личныя затруд-
ненія. Наибольшее облегченіе дала пріостановка взноса воен-
наго налога и прекращеніе наборовъ.

На третій годъ послѣ возстановленія вольсками Сатрика 408 г.
М. Валерій Корвъ сталъ во второй разъ консуломъ вмѣстѣ
съ Г. Петеліемъ. Когда изъ Лація пришло извѣстіе, что
послы антіатовъ обходятъ латинскія общины, возбуждая ихъ
къ войнѣ, то, не ожидая увеличенія числа враговъ, Валерій
получилъ приказаніе начать войну съ вольсками и двинулся
съ арміей къ Сатрику. Такъ какъ антіаты и другіе вольски,
заранѣе уже приготовившись на случай какого-либо движе-
нія со стороны Рима, выступили туда на встрѣчу съ свои-
ми войсками, то немедленно между врагами, ожесточенны-
ми продолжительной ненавистью, послѣдовала битва. Воль-
ски, будучи болѣе отважны на возмущенія, чѣмъ на войну,
были побѣждены въ бою и въ безпорядочномъ бѣгствѣ устре-
мились къ стѣнамъ Сатрика. Не видя и за стѣнами доста-
точно твердой защиты, такъ какъ цѣпь воиновъ, окруживъ
городъ, шла уже съ лѣстницами на приступъ, они сдались
въ числѣ 4000 воиновъ, не считая неспособной къ войнѣ
толпы. Городъ былъ разрушенъ и сожженъ; не предали
огню только храма Матери-Матуты. Вся добыча была пре-
доставлена воинамъ; не вошли въ счетъ ея 4000 сдавших-
ся, которые во время тріумфа шли въ оковахъ передъ ко-
лесницей консула; продавъ ихъ послѣ этого, онъ передалъ
въ казначейство большую сумму денегъ. Нѣкоторые писате-
ли утверждаютъ, что эта масса плѣнниковъ состояла изъ
рабовъ, и это представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ про-
дажа сдавшихся гражданъ.

28. За этими консулами послѣдовали М. Фабій Дорсуо 409 г.
и Сер. Сульпицій Камеринъ. Затѣмъ началась война съ
аврунками, вызванная произведеннымъ ими внезапнымъ опу-
стошеніемъ; изъ опасенія, что это окажется дѣломъ не одно-
го народа, а замысломъ всего латинскаго племени, выбранъ
былъ диктаторомъ Л. Фурій, какъ будто Лацій былъ уже
подъ оружіемъ; онъ назначилъ начальникомъ конницы Гн.

Манлія Капитолійскаго. Суды были объявлены закрытыми, что обыкновенно дѣлалось при большомъ смятеніи, наборъ произведенъ безъ всякихъ исключеній, и легіоны отправились съ возможной поспѣшностью въ землю аврунковъ. Но оказалось, что у нихъ мужество грабителей, а не воиновъ, такъ что первой же битвой война была окончена. Однако диктаторъ, считая необходимымъ обратиться и къ помощи боговъ такъ какъ враги безъ всякаго повода начали войну и шли на бой не отказываясь, во время самаго сраженія далъ обѣтъ построить храмъ Юнонѣ Монетѣ; связанный этимъ обѣтомъ, послѣ побѣдоноснаго возвращенія въ Римъ онъ сложилъ диктатуру, сенатъ же приказалъ выбрать дуумвировъ для сооруженія этого храма сообразно съ могуществомъ римскаго народа; мѣсто отведено было въ кремлѣ тамъ, гдѣ прежде находился домъ М. Манлія Капитолійскаго [1]). Воспользовавшись диктаторскимъ войскомъ для войны съ вольсками, консулы, неожиданно напавъ на Сору, взяли ее у враговъ.

410 г. Годъ спустя, послѣ того какъ данъ былъ обѣтъ построить храмъ Монетѣ, онъ былъ освященъ, въ консульство Г. Марція Рутила въ третій разъ и Т. Манлія Торквата во второй разъ. Немедленно за освященіемъ храма послѣдовало знаменіе, подобное древнему знаменію на Альбанской горѣ: ибо шелъ каменный дождь [2]), и среди дня казалось, что наступаетъ ночь. По справкѣ съ книгами [3]) и въ виду того, что государство было объято суевѣрнымъ страхомъ, сенатъ рѣшилъ назначить диктатора для установленія празднества. Назначенъ былъ П. Валерій Публикола, а въ начальники конницы данъ былъ [4]) ему Кв. Фабій Амбустъ. Рѣшено было, чтобы на молитву шли не только трибы [5]), но и сосѣдніе народы, и установленъ былъ порядокъ, въ какой день кто долженъ молиться. Разсказываютъ, что въ томъ году народъ произнесъ суровые приговоры надъ ростовщиками, привлеченными эдилами къ суду. Безъ всякой особенной причины дѣло дошло до междуцарствія; вслѣдъ за тѣмъ въ консулы были выбраны оба патриція — М. Валерій Корвъ въ третій разъ и А. Корнелій Коссъ, такъ что мог-
411 г. ло казаться, что такова и была цѣль этой мѣры.

29. Далѣе пойдетъ разсказъ о войнахъ уже болѣе важ-

[1]) См. VI 20. [2]) См. I 31. [3]) Сивиллиными; см. примѣч. къ III 10. [4]) См. примѣч. къ гл. 12. [5]) Изъ противоположенія видно, что подъ трибами разумѣется весь римскій народъ.

ныхъ какъ по могуществу враговъ, такъ и по отдаленности странъ и продолжительности времени, въ теченіе котораго шла борьба. Ибо въ томъ году поднято было оружіе противъ самнитянъ, племени, могучаго своими вооруженными силами. За самнитскою войной, которая велась съ перемѣннымъ счастьемъ, послѣдовала борьба съ Пирромъ, послѣ Пирра съ карѳагенянами. Какое страшное напряженіе! Сколько разъ государство подвергалось величайшей опасности, чтобы получить возможность достичь современнаго могущества, едва выносимаго [1]). Причина войны римлянъ съ самнитянами, соедененными узами союза и дружбы [2]), явилась извнѣ, а не возникла среди нихъ самихъ. Когда самнитяне, пользуясь превосходствомъ силъ, несправедливо напали на сидициновъ, тѣ вслѣдствіе своей слабости вынуждены были прибѣгнуть къ защитѣ болѣе сильныхъ и соединились съ кампанцами. Изнѣженные кампанцы принесли въ помощь больше свое имя, чѣмъ силы, и, будучи разбиты въ Сидицинской области закаленными въ военномъ дѣлѣ самнитянами, всю тяжесть войны обратили на себя; ибо самнитяне, оставивъ сидициновъ, напали на самый оплотъ сосѣдей — кампанцевъ, которыхъ побѣдить можно было такъ же легко, а взять добычи и получить славы можно было больше; занявъ крѣпкимъ гарнизономъ Тифаты, холмы, возвышающіеся надъ Капуей, и построившись въ карре, они спустились оттуда на равнину, лежащую между Капуей и Тифатами. Здѣсь послѣдовала новая битва; загнанные послѣ неудачнаго сраженія въ городъ, кампанцы вынуждены были просить помощи у римлянъ, такъ какъ, за истребленіемъ цвѣта своей молодежи, имъ не на что было надѣяться у себя дома.

30. Вступивъ въ сенатъ, послы говорили въ главныхъ чертахъ такъ: „Кампанскій народъ отправилъ насъ къ вамъ, сенаторы, просить дружбы на вѣки и помощи въ настоящее время. Если бы мы искали вашей дружбы при счастливыхъ обстоятельствахъ, то насколько дѣло устроилось бы скорѣе, настолько же узы ея были бы менѣе прочны: ибо тогда, помня, что мы вступили въ дружбу при равныхъ условіяхъ, мы, быть можетъ, друзьями были бы такъ же, какъ и теперь, но были бы менѣе подчинены и послушны вамъ; теперь же, связанные вашимъ состраданіемъ, найдя у васъ защиту въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, мы должны будемъ

[1]) Мысль о томъ, что могущество Рима уже въ тягость ему самому, проведена въ „предисловіи“. [2]) См. гл. 19.

цѣнить и оказанное намъ благодѣяніе, чтобы не явиться неблагодарными и не заслуживающими никакой помощи ни отъ боговъ, ни отъ людей. И, клянусь Геркулесомъ, то обстоятельство, что самнитяне ранѣе сдѣлались вашими друзьями и союзниками, не ведетъ, по моему мнѣнію [1]), къ тому, чтобы не принимать нашей дружбы, но обозначаетъ только, что они выше насъ въ силу давности и почетнаго положенія; союзъ съ самнитянами не возбраняетъ вѣдь вамъ заключать новые договоры. Для васъ всегда служило достаточно основательной причиной заключать дружбу, если кто нибудь, кто желалъ присоединиться къ вамъ, хотѣлъ стать вашимъ другомъ; присоединеніе же къ числу вашихъ друзей кампанцевъ, хотя настоящее наше положеніе не позволяетъ намъ хвастаться, составляетъ, по-моему, не маловажное увеличеніе вашего благополучія, такъ какъ ни по размѣрамъ города, ни по плодородію полей мы не уступаемъ ни одному народу, кромѣ васъ. У эквовъ и вольсковъ, постоянныхъ враговъ этого города, когда бы они ни двинулись, мы будемъ въ тылу, и, что вы сперва сдѣлаете въ защиту нашего благополучія, то мы всегда будемъ дѣлать въ защиту вашей власти и славы. Покоривъ племена, живущія между нами и вами,— а что это случится скоро, въ томъ ручается ваша доблесть и счастіе,—вы будете хозяевами сплошь вплоть до нашихъ предѣловъ. Судьба заставляетъ насъ признаться въ горькой и достойной жалости истинѣ: дѣло дошло до того, сенаторы, что кампанцы должны принадлежать или друзьямъ, или врагамъ вашимъ. Если вы защитите насъ, мы будемъ вашими, если покинете, мы будемъ принадлежать самнитянамъ, итакъ разсудите, что лучше для васъ,—чтобы Капуя и вся Кампанія присоединились къ вашимъ силамъ, или къ самнитскимъ? Справедливо, римляне, чтобы ваше милосердіе и ваша помощь были доступны всѣмъ, преимущественно же тѣмъ, кто, оставаясь свыше силъ вѣрнымъ другимъ, просившимъ помощи [2]), самъ прежде всѣхъ поставленъ въ необходимости искать ея. Впрочемъ, на словахъ только мы сражались за сидициновъ, на дѣлѣ же за себя, такъ какъ мы видѣли, что безбожные разбойники самнитяне нападаютъ на сосѣдній народъ, и что пожаръ этотъ, истребивъ сидициновъ, перекинется къ намъ. Вѣдь и теперь самнитяне идутъ на насъ не потому, чтобы ихъ огорчала нанесенная обида,

[1]) Ливій заставляетъ говорить главу посольства. [2]) Указаніе на то, что сидицины искали у нихъ защиты отъ самнитянъ.

а потому, что рады представившемуся случаю. Или, если бы это было мщеніе, вызванное раздраженіемъ, а не выполненіе страстнаго желанія, то развѣ мало было пораженій нашихъ войскъ сперва въ Сидицинской области, а затѣмъ въ самой Кампаніи? Что это за жестокій гнѣвъ, котораго не могла утолить кровь, пролитая въ двухъ сраженіяхъ? Сюда слѣдуетъ присоединить опустошенія полей, захватъ людей и скота, сожженіе и разрушеніе усадьбъ, уничтоженіе всего мечемъ и огнемъ; развѣ это не могло утолить гнѣва? Но имъ надо выполнить свое страстное желаніе. Оно влечетъ ихъ къ осадѣ Капуи; они хотятъ или разрушить прекраснѣйшій городъ, или сами владѣть имъ. Но лучше вы, римляне, овладѣйте имъ, оказывая намъ ваше благодѣяніе, и не позволяйте имъ злодѣйски взять его! Я говорю передъ народомъ, который не уклоняется отъ справедливой войны; но если только вы пообѣщаете намъ свою помощь, то, я думаю, вамъ даже и не придется воевать: презрѣніе самнитянъ простирается лишь на насъ, но не восходитъ выше; поэтому одна тѣнь вашей помощи, римляне, можетъ защитить насъ, и затѣмъ все—свое достояніе и самихъ себя—мы будемъ считать вашимъ: для васъ будутъ воздѣлываться кампанскія поля, для васъ будетъ густо заселенъ городъ Капуя; вы будете у насъ въ числѣ основателей, родителей, безсмертныхъ боговъ; у васъ не найдется ни одной колоніи, которая превзойдетъ насъ послушаніемъ и вѣрностью по отношенію къ вамъ. Пусть, сенаторы, ваша воля и ваша непобѣдимая мощь будетъ за кампанцевъ, прикажите намъ надѣяться, что Капуя будетъ невредима. Какое множество народа всѣхъ сословій, думаете вы, провожало насъ, когда мы отправлялись? до какой степени все, что мы оставили, преисполнено обѣтовъ и слезъ? въ какомъ ожиданіи теперь сенатъ и народъ кампанскій, жены и дѣти наши? Я увѣренъ, что все населеніе стоитъ у воротъ и смотритъ впередъ на дорогу, ведущую отсюда. Какую же вѣсть, сенаторы, приказываете вы принести этимъ встревоженнымъ и напряженно ожидающимъ людямъ? одинъ отвѣтъ означаетъ спасеніе, побѣду, свѣтъ и свободу, что означаетъ другой, я боюсь и выговорить. Итакъ, принимайте рѣшеніе о насъ или какъ о вашихъ будущихъ союзникахъ и друзьяхъ, или какъ о погибшихъ“.

31. Затѣмъ, по удаленіи пословъ, спрошено было мнѣніе сената; хотя большая часть полагала, что величайшій

и богатѣйшій городъ Италіи, плодороднѣйшія и близкія къ морю поля будутъ житницей римскаго народа, на случай колебанія цѣнъ на продовольствіе [1]), но вѣрность союзу восторжествовала надъ такой великой выгодой, и консулъ, согласно рѣшенію сената, далъ такой отвѣтъ: „сенатъ считаетъ васъ, кампанцы, достойными помощи, но установить съ вами дружбу справедливо лишь при условіи ненарушенія болѣе старинной дружбы и союза. Самнитяне связаны съ нами союзнымъ договоромъ; поэтому въ вооруженной помощи противъ самнитянъ, которая болѣе оскорбитъ боговъ, чѣмъ людей, мы вамъ отказываемъ, но, согласно международному праву и законамъ религіи, мы пошлемъ просить союзниковъ и друзей не причинять вамъ никакого насилія“. На это глава посольства, согласно данному ему дома полномочію, сказалъ: „такъ какъ вы не хотите законно защищать нашего достоянія силою противъ насилія и обиды, то свое достояніе вы, во всякомъ случаѣ, будете защищать; мы сдаемъ въ вашу власть, сенаторы, и во власть римскаго народа кампанскій народъ и городъ Капую, поля, храмы боговъ, все, принадлежащее богамъ и людямъ, и что бы затѣмъ ни случилось съ нами, случится съ вашими подданными“. При этихъ словахъ всѣ они, стоя въ преддверіи куріи, пали на колѣни, простирая руки къ консуламъ и проливая слезы. Сенаторы были взволнованы такой превратностью человѣческой судьбы, видя, что этотъ могущественный народъ, извѣстный своею роскошью и высокомѣріемъ, народъ, у котораго еще недавно сосѣди просили помощи, до того палъ духомъ, что передастъ себя и все свое достояніе въ чужую власть. При такихъ условіяхъ уже казалось, что справедливость требуетъ не выдавать союзниковъ; высказывали мнѣніе, что самнитскій народъ будетъ не правъ, если станетъ осаждать территорію и городъ, ставшій подъ власть римскаго народа. Въ виду этого рѣшено было немедленно отправить къ самнитянамъ посольство, которому поручено было сообщить имъ о просьбѣ кампанцевъ, объ отвѣтѣ сената, согласномъ съ дружественными отношеніями къ самнитянамъ, о послѣдовавшей наконецъ сдачѣ, и приказано было просить именемъ союза и дружбы пощадить римскихъ подданныхъ и не идти съ оружіемъ на ту область, которая стала собственностью римскаго народа; если кроткія рѣчи не будутъ имѣть успѣха, то послы должны были возвѣстить

[1]) Поводы къ вздорожанію хлѣба могли быть разные; см., напр., VI 25.

самнитянамъ отъ лица римскаго народа и сената, чтобы они не касались города Капуи и Кампанской области. На эти заявленія пословъ, сдѣланныя въ собраніи самнитянъ, данъ былъ весьма грубый отвѣтъ: они не только заявили, что будутъ вести эту войну, но даже въ присутствіи пословъ ихъ начальники, выйдя изъ куріи, призвали командировъ когортъ [1]) и громогласно приказали имъ немедленно отправиться въ кампанскія поля для грабежа.

32. Когда послы вернулись въ Римъ съ такимъ отвѣтомъ, сенаторы, отложивъ всѣ другія заботы, отправили феціаловъ требовать удовлетворенія, а такъ какъ его не послѣдовало, то, объявивъ торжественно войну, постановили возможно скорѣе доложить объ этомъ дѣлѣ народу; согласно его волѣ, оба консула, двинувшись изъ города съ войсками, Валерій въ Кампанію, Корнелій въ Самній, расположились лагеремъ, первый у горы Гавра [2]) второй—у Сатикулы [3]). Валерій ранѣе повстрѣчался съ самнитскими войсками, такъ какъ самнитяне полагали, что центръ тяжести войны будетъ направленъ туда; вмѣстѣ съ тѣмъ они были раздражены противъ кампанцевъ, столь проворныхъ и на поданіе, и на приглашеніе помощи противъ нихъ. Какъ только они завидѣли римскій лагерь, всѣ начали требовать у вождей сигнала къ битвѣ, утверждая, что римлянъ, пришедшихъ на помощь кампанцамъ, постигнетъ та же участь, какая постигла кампанцевъ, пришедшихъ на помощь сидицинамъ. Валерій, промедливъ нѣсколько дней, чтобы испытать врага въ легкихъ стычкахъ, далъ сигналъ къ битвѣ; въ краткой рѣчи онъ убѣждалъ своихъ воиновъ не бояться новой войны и новаго врага: чѣмъ дальше они будутъ подвигаться отъ города, тѣмъ болѣе и болѣе слабыя племена [4]) встрѣтятъ они; доблесть самнитянъ не слѣдуетъ измѣрять пораженіями сидициновъ и кампанцевъ; какіе бы люди ни сражались другъ съ другомъ, одна сторона непремѣнно должна понести пораженіе. Что же касается кампанцевъ, то ихъ несомнѣнно скорѣе побѣдила чрезмѣрная роскошь, вызванная изобиліемъ во всемъ, и собственная изнѣженность, чѣмъ сила враговъ. Да и что значатъ двѣ удачныя войны, веденныя самнитянами за столько вѣковъ, въ сравненіи со

[1]) Собственно $1/10$ часть легіона, состоявшая изъ 3 манипуловъ, или 6 центурій; здѣсь, однако, Ливій, какъ нерѣдко случается у него, примѣняетъ римскія наименованія къ иноземнымъ учрежденіямъ. [2]) Между Капуей и Неаполемъ. [3]) Къ В. отъ Капуи, на границѣ Самнія. [4]) Это замѣчаніе справедливо по отношенію къ грекамъ, жившимъ въ Ю. Италіи, а не къ самнитянамъ.

столькими успѣхами римскаго народа, который считаетъ чуть ли не больше тріумфовъ, чѣмъ лѣтъ отъ основанія города, который силою оружія укротилъ всѣ окрестныя племена, сабинянъ, Этрурію, латинянъ, герниковъ, эквовъ, вольсковъ, аврунковъ, который, побѣдивъ въ столькихъ сраженіяхъ галловъ, загналъ ихъ наконецъ въ море и на корабли? Каждый, идя на бой, долженъ столько же надѣяться на собственную военную славу и доблесть, сколько смотрѣть и на то, подъ чьимъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ предстоитъ сражаться—подъ начальствомъ ли такого человѣка, котораго только слѣдуетъ слушать, такъ какъ онъ говоритъ блестящія рѣчи, который храбръ только на словахъ и не знаетъ военнаго дѣла, или такого, который и самъ умѣетъ обращаться съ оружіемъ, выступать предъ знамена и быть въ самыхъ опасныхъ пунктахъ битвы. „Я хочу, воины“, говорилъ онъ, „чтобы вы слѣдовали моимъ дѣламъ, а не словамъ, и искали у меня не только распоряженій, но и примѣра. Три консульства и величайшую славу я пріобрѣлъ не при помощи партій и соглашеній, обычныхъ у знатныхъ людей, а личной своей доблестью. Можно было нѣкогда говорить: „ты вѣдь патрицій, потомокъ освободителей отечества, родъ твой въ томъ же году получилъ консульство, какъ нашъ городъ консула“; теперь же консульство одинаково доступно и намъ, патриціямъ, и вамъ, плебеямъ, и является наградою не за происхожденіе, какъ прежде, а за доблесть. Поэтому, воины, обращайте ваши взоры на высшія отличія. Если люди по волѣ боговъ дали мнѣ новое прозваніе Корвина [1]), то изъ-за этого не забыто и старое прозвище нашего рода—„Публиколы“ [2]); на войнѣ и дома, въ частной жизни, въ малыхъ и большихъ должностяхъ, одинаково въ званіи трибуна и консула, безпрерывно во всѣ, слѣдовавшія одно за другимъ, консульства, я всегда забочусь и заботился о римскихъ плебеяхъ. Теперь въ предстоящемъ намъ подвигѣ съ божьей помощью добудьте вмѣстѣ со мной небывалый и полный тріумфъ надъ самнитянами!“ **33**. Не было никогда вождя болѣе близкаго къ воинамъ, который не тяготился исполненіемъ обязанностей наравнѣ съ самыми послѣдними воинами, который былъ такъ доступенъ во время военныхъ игръ, когда сверстники затѣваютъ состязанія въ ловкости и силѣ; съ одинаковымъ выраженіемъ лица онъ побѣждалъ и уступалъ побѣду, и не презиралъ противника, кто бы онъ ни былъ; въ дѣйствіяхъ своихъ обнаруживая щедрость по мѣрѣ средствъ, въ рѣчахъ столько же помня о чужой свободѣ, сколько о своемъ достоинствѣ, онъ исправлялъ свои должности въ томъ же духѣ, съ какимъ искалъ ихъ, а это особенно пріятно народу. Итакъ все войско, съ невѣроятною бодростью отвѣчая на увѣщаніе вождя, выступило изъ лагеря.

[1]) См. гл. 26, гдѣ однако прозвище Валерія приведено въ формѣ не Корвъ, а Корвинъ. [2]) См. II 8.

Въ этомъ сраженіи болѣе, чѣмъ когда-либо, обѣ стороны сражались съ одинаковой надеждой, съ равными силами, съ увѣренностью въ себѣ, но безъ пренебреженія къ противнику. Самнитянамъ прибавляли мужества недавніе подвиги и двойная побѣда, послѣдовавшая немного дней назадъ тому, римлянамъ же наоборотъ, дѣянія 400 лѣтъ и побѣды, съ самаго основанія города; но тѣхъ и другихъ озабочивало незнакомство съ врагомъ. Битва показала, каково было ихъ настроеніе; ибо они сражались такъ, что долгое время строй не подавался ни въ ту, ни въ другую сторону. Тогда консулъ, считая необходимымъ навести на врага панику, такъ какъ его нельзя было прогнать силой, попытался произвести безпорядокъ среди первыхъ знаменъ враговъ, пустивъ на нихъ всадниковъ. Но, видя, что эскадроны напрасно съ шумомъ толкутся на небольшомъ пространствѣ и не могутъ открыть доступа къ врагу, онъ выѣхалъ къ тѣмъ, которые стояли предъ знаменами легіоновъ, спрыгнулъ съ коня и сказалъ: „воины! это дѣло наше, пѣхотинцевъ; смотрите же, какъ я буду прокладывать мечемъ путь всюду, гдѣ только натолкнусь на непріятельскій строй, такъ и каждый изъ васъ пусть убиваетъ встрѣчающихся на пути; и, произведя рѣзню, вы увидите очищеннымъ то мѣсто, гдѣ теперь сверкаютъ вражескія копья!“ Такъ сказалъ онъ, и всадники, по приказанію консула, быстро отступаютъ на фланги и открываютъ легіонамъ путь въ центръ вражескаго строя. Прежде всѣхъ консулъ бросается на врага и убиваетъ перваго, съ которымъ встрѣтился. Воспламененные этимъ зрѣлищемъ, воины начинаютъ страшное избіеніе направо и налѣво; но самнитяне упорно стояли, хотя больше получали ранъ, чѣмъ наносили ихъ. И уже битва продолжалась довольно долго, около знаменъ самнитянъ было жестокое побоище, но нигдѣ еще не было бѣгущихъ; до такой степени они твердо рѣшились уступить побѣду лишь смерти. Итакъ римляне, чувствуя, что

силы нхъ уже слабѣютъ отъ усталости, и видя, что остается небольшая часть дня, съ яростью бросаются на врага. Только тутъ обнаружилось, что онъ отступаетъ, и что дѣло клонится къ бѣгству; тогда самнитянѣ начали брать въ плѣнъ и избивать; и мало ихъ осталось бы, если бы ночь не остановила не сраженіе, а скорѣе побѣду. И римляне сознавались, что они никогда не дрались съ болѣе упорнымъ врагомъ, и самнитяне на вопросъ, что прежде всего обратило въ бѣгство такихъ стойкихъ воиновъ, говорили, что имъ казалось, будто глаза римлянъ горятъ, что выраженіе ихъ лицъ свидѣтельствовало объ изступленіи, складки около рта выражали ярость; это именно болѣе, чѣмъ что-нибудь другое, навело панику. Не только исходъ битвы, но и удаленіе ихъ ночью служили тому доказательствомъ. На слѣдующій день римляне овладѣли опустѣвшимъ непріятельскимъ лагеремъ, куда съ поздравленіями собралась вся масса кампанцевъ.

34. Впрочемъ, эта радость едва не была омрачена страшнымъ пораженіемъ въ Самніи. Ибо консулъ Корнелій, двинувшись отъ Сатикулы, неосторожно завелъ войско въ горы, пересѣкаемыя глубокой долиной и занятыя кругомъ врагами, и увидѣлъ ихъ надъ головой только тогда, когда уже невозможно было отступить въ безопасное мѣсто. Пока самнитяне медлили, ожидая, чтобы весь отрядъ спустился въ самую глубокую часть равнины, военный трибунъ П. Децій замѣтилъ выдающуюся среди горъ вершину, господствующую надъ непріятельскимъ лагеремъ; войску съ обозомъ на нее трудно было взойти, но воинамъ налегкѣ—не трудно. Итакъ онъ обратился къ испуганному консулу: „видишь ли ты, А. Корнелій, ту вершину надъ врагомъ? это оплотъ нашей надежды на спасеніе, если мы быстро займемъ ее, пользуясь тѣмъ, что самнитяне въ ослѣпленіи оставили ее. И ты дай мнѣ только принциповъ и гастатовъ [1]) изъ одного легіона; когда я взберусь съ ними на вершину, ты безъ всякаго страха иди отсюда и спасай себя и войско; ибо врагъ, доступный для всѣхъ нашихъ ударовъ, не въ состояніи будетъ двинуться, не губя себя. А насъ затѣмъ спасетъ или счастіе римскаго народа, или наша собственная доблесть.“ Получивъ похвалу отъ консула и взявъ отрядъ, онъ незамѣтно пробрался черезъ горы; и враги увидѣли его

¹) См. примѣч. къ гл. 23.

только тогда, когда онъ приблизился къ тому мѣсту, которое хотѣлъ занять. Всѣ трепетали отъ изумленія, и такъ какъ взоры всѣхъ были обращены на него, то это дало время консулу вывести войско на ровное мѣсто, а ему самому занять вершину горы. Поворачиваясь то туда, то сюда и упустивъ случай для того и другого, самнитяне не въ состояніи были ни преслѣдовать консула иначе, какъ двигаясь по той же долинѣ, на которой еще недавно онъ былъ подъ ихъ стрѣлами, ни направить своего войска на занятый надъ ними Деціемъ холмъ. Но раздраженіе, а также близость мѣста и самая малочисленность врага возбудили ихъ особенно противъ тѣхъ, которые вырвали у нихъ возможность дѣйствовать, и они хотѣли то со всѣхъ сторонъ окружить холмъ воинами, чтобы отрѣзать Деція отъ консула, то освободить путь, чтобы напасть на него, когда онъ спустится въ равнину. Пока они недоумѣвали, что именно дѣлать, настала ночь. Сперва Децій надѣялся, что ему придется сражаться съ возвышеннаго мѣста, когда враги будутъ подступать къ холму; затѣмъ имъ овладѣло удивленіе, что они не вступаютъ въ бой и не окружаютъ его, насыпавъ валъ, если неудобство мѣстности препятствуетъ ихъ первому плану. Тогда, позвавъ къ себѣ центуріоновъ, онъ сказалъ имъ: „что это за невѣжество въ военномъ дѣлѣ и лѣность, или какъ это они побѣдили сидициновъ и кампанцевъ? Вы видите, они двигаютъ знамена то туда, то сюда, и то сносятъ ихъ въ одно мѣсто, то несутъ въ разныя стороны; а работъ не начинаетъ никто, между тѣмъ какъ насъ можно было уже окружить валомъ. Если мы останемся здѣсь долѣе, чѣмъ выгодно, тогда мы уподобимся имъ. Идите же за мной разузнать, пока еще нѣсколько свѣтло, гдѣ они ставятъ посты, гдѣ открытъ выходъ отсюда!“ Всѣ эти мѣста онъ обошелъ, одѣвшись въ плащъ простого воина, ведя съ собою центуріоновъ, тоже въ одеждѣ воиновъ изъ манипуловъ, со цѣлью не дать врагамъ замѣтить, что ходитъ вождь. **35**. Разставивъ затѣмъ караулы, всѣмъ остальнымъ онъ велитъ дать приказъ тихо собраться къ нему съ оружіемъ, когда труба протрубитъ вторую стражу. Когда они, согласно приказанію, молча сошлись, онъ сказалъ: „оставивъ обычныя у воиновъ одобренія, храните молчаніе, пока будете слушать меня. Когда я изложу вамъ свое мнѣніе, тогда тѣ изъ васъ, которые будутъ согласны съ нимъ, молча перейдутъ на правую сторону; какая сторона

окажется больше, мнѣніе той и будетъ принято. Теперь же слушайте, что я замышляю. Врагъ окружаетъ васъ здѣсь не потому, что вы сюда бѣжали, и не потому, что вы остались здѣсь по трусости; доблестью вы взяли это мѣсто, доблесть же должна вывести васъ отсюда. Идя сюда, вы спасли римскому народу отличное войско; прорвавшись отсюда, спасите себя; вы достойны славы, такъ какъ, подавъ несмотря на свою малочисленность помощь очень многимъ, сами не нуждаетесь ни въ чьей помощи. У васъ дѣло съ такими врагами, которые вчера по глупости не воспользовались случаемъ уничтожить всю армію, которые только тогда замѣтили этотъ удобный холмъ, возвышающійся надъ ихъ головами, когда мы заняли его; столько тысячъ человѣкъ, несмотря на нашу малочисленность, не помѣшали намъ подняться сюда, а когда мы заняли это мѣсто, не окружили насъ валомъ, хотя оставалась еще большая часть дня. Одурачивъ ихъ такъ, когда они видѣли и бодрствовали, вы не только обязаны, но необходимо должны обмануть ихъ, когда они спятъ. Мы находимся въ такомъ положеніи, что я не столько совѣтую вамъ, сколько указываю на то, что необходимо; нельзя вѣдь размышлять о томъ, оставаться намъ, или уходить отсюда, такъ какъ судьба не оставила намъ ничего, кромѣ оружія и мужества, помнящаго объ оружіи, и мы должны умереть отъ голода и жажды, если будемъ бояться меча болѣе, чѣмъ это прилично мужамъ и римлянамъ. Итакъ, намъ одно спасеніе—прорваться отсюда и уйти; днемъ или ночью, но мы должны это сдѣлать. Но вотъ еще болѣе рѣшительное соображеніе: если ждать разсвѣта, то гдѣ надежда, что врагъ, окружившій насъ, какъ вы видите, со всѣхъ сторонъ у подножія холма своими тѣлами, не окружитъ насъ сплошнымъ валомъ и рвомъ? И если ночь удобна для вылазки, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, то настоящій часъ ночи, конечно, самый удобный. Вы сошлись по сигналу второй стражи, а въ это время смертные объяты самымъ глубокимъ сномъ; вы пойдете чрезъ спящія тѣла, или обманывая неосторожныхъ своимъ молчаніемъ, или имѣя возможность внезапнымъ крикомъ навести панику, если они васъ замѣтятъ; слѣдуйте только за мной, за которымъ вы послѣдовали; я же послѣдую за той же судьбой, которая привела меня сюда. Кто признаетъ это полезнымъ, идите на правую сторону!“ **36.** Перешли всѣ и послѣдовали за Деціемъ, который пробирался въ промежуткахъ между караульными постами. Уже они миновали центръ лагеря, какъ одинъ воинъ, перелѣзая чрезъ спавшихъ глубокимъ сномъ караульныхъ, произвелъ шумъ, задѣвъ обо что-то щитомъ. Разбуженный этимъ часовой толкнулъ сосѣда, и, проснувшись, они начали будить другихъ, не зная, земляки это, или враги, гарнизонъ ли дѣлаетъ вылазку, или консулъ взялъ лагерь; тогда Децій, такъ какъ обманъ не удался, приказалъ воинамъ поднять крикъ и наводить панику на не пришедшихъ еще въ себя послѣ сна, вслѣдствіе чего они не могли ни быстро взяться за оружіе, ни оказать сопротивленіе, ни преслѣдовать. Среди смятенія и шума, поднятаго самнитянами, римскій гарнизонъ, перебивъ встрѣчавшихся часовыхъ, пробрался къ лагерю консула.

Оставалась еще нѣкоторая часть ночи, и уже казалось, что они находятся внѣ опасности, когда Децій сказалъ: „исполать вамъ, римскіе воины, за вашу доблесть! ваше наступленіе и отступленіе будутъ превозносить похвалами всѣ вѣка. Но чтобы такая великая доблесть была замѣчена, нуженъ дневной свѣтъ, и вы не заслужили того, чтобы ваше такое славное возвращеніе въ лагерь покрывала ночная тишина. Здѣсь спокойно будемъ ждать разсвѣта!“ Словамъ его повиновались; а когда на разсвѣтѣ послано было извѣстіе къ консулу въ лагерь, тамъ чрезвычайно обрадовались, и когда въ приказѣ было обозначено, что подвергавшіе жизнь свою явной опасности за спасеніе всего войска возвратились невредимыми, всѣ, высыпавъ на встрѣчу, восхваляютъ ихъ, поздравляютъ, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности именуютъ своими спасителями, приносятъ хвалу и благодареніе богамъ, превозносятъ до небесъ Деція. То былъ лагерный тріумфъ Деція, когда онъ шелъ по срединѣ лагеря съ вооруженнымъ отрядомъ, при чемъ всѣ обратили на него свои взоры и всякаго рода знаками почтенія равняли трибуна съ консуломъ. Когда они прибыли къ преторской палаткѣ, консулъ приказалъ трубачу звать на собраніе; здѣсь онъ началъ восхвалять заслуги Деція, но отложилъ собраніе по протесту самого Деція, который, совѣтуя оставить все, пока случай въ рукахъ, побудилъ консула напасть на враговъ, пораженныхъ еще страхомъ послѣдней ночи и разсѣявшихся вокругъ холма отдѣльными отрядами; при этомъ онъ выражалъ увѣренность, что часть ихъ, посланная преслѣдовать его, даже блуждаетъ въ горахъ. Легіонамъ приказано было вооружиться; такъ какъ благодаря лазутчикамъ горы были уже болѣе

извѣстны, то, выступивъ изъ лагеря, они болѣе открытой дорогой дошли до врага и неожиданно напали на него, когда онъ не принялъ мѣръ предосторожности: такъ какъ самнитскіе воины бродили повсюду большею частію безъ оружія и не имѣли возможности ни соединиться въ одно цѣлое, ни вооружиться, ни отступить за валъ, то ихъ загнали сперва въ лагерь, а затѣмъ, приведя въ безпорядокъ караульные посты, взяли и самый лагерь. Крикъ проносится вокругъ холма и гонитъ каждаго съ его поста. Такимъ образомъ большая часть отступила, когда врага еще не было; тѣ, которыхъ страхъ загналъ за укрѣпленія, а ихъ было до 30,000, были всѣ до одного перебиты, а лагерь разграбленъ. **37.** Такъ окончивъ дѣло, консулъ созываетъ собраніе и восхваляетъ заслуги Децiя, не только оказанныя ранѣе, но еще усугубленныя недавней доблестью, и, кромѣ другихъ военныхъ подарковъ, даритъ ему золотой вѣнокъ, 100 быковъ и одного весьма краснваго, бѣлаго жирнаго быка съ позолоченными рогами. Воины, бывшіе вмѣстѣ съ нимъ въ отрядѣ, награждены были двойнымъ пайкомъ навсегда, а въ настоящее время имъ подарено было по одному быку и по двѣ туники. Послѣ подарковъ консула легіоны, при крикахъ одобренія, возложили на Децiя вѣнокъ изъ зелени за спасеніе отъ осады; другой вѣнокъ такого же рода возложенъ былъ на него воинами его собственнаго отряда. Украшенный этими знаками отличія, онъ принесъ въ жертву Марсу краснваго быка, а 100 быковъ подарилъ воинамъ, которые были вмѣстѣ съ нимъ въ дѣлѣ. Тѣмъ же воинамъ легіоны снесли по фунту муки и по квартѣ [1]) вина; и все это было сдѣлано съ большимъ воодушевленіемъ, при крикахъ воиновъ, обозначавшихъ всеобщее согласіе.

Третья битва послѣдовала у Свессулы; здѣсь обращенное въ бѣгство М. Валеріемъ самнитское войско рѣшило попробовать счастіе въ послѣдней битвѣ, послѣ того какъ вызванъ былъ изъ дому весь цвѣтъ молодежи. Изъ Свессулы явились въ Капую перепуганные вѣстники, а оттуда поскакали всадники къ консулу Валерію за помощью. Немедленно подняты были знамена и, оставивъ обозъ подъ сильнымъ прикрытіемъ въ лагерѣ, войско быстро двинулось и заняло подъ лагерь не вдалекѣ отъ врага весьма небольшое пространство, такъ какъ кромѣ лошадей у нихъ не было ни другого скота, ни

1) См. примѣч. къ V 47.

погонщиковъ. Самнитское войско выстроилось, какъ будто битва должна была произойти въ тотъ же моментъ; затѣмъ, видя, что никто не идетъ на него, перешло въ наступленіе на непріятельскій лагерь. Когда самнитяне замѣтили здѣсь на валу воиновъ, и посланные во всѣ стороны на рекогносцировку доложили, какое ничтожное пространство занимаетъ лагерь, все войско, заключая отсюда о малочисленности враговъ, стало громко требовать, что слѣдуетъ наполнить рвы хворостомъ [1]), прорвать валъ и вторгнуться въ лагерь. И это безразсудство привело бы къ концу войны, если бы вожди не сдержали стремительности воиновъ. Впрочемъ, такъ какъ огромное ихъ войско трудно было прокормить, и сперва сидѣніе подъ Свессулой, а потомъ отсрочка сраженія довели его почти до полной нищиты, то рѣшено было вывести воиновъ на фуражировку въ поля, пока оробѣвшій врагъ сидитъ взаперти; а между тѣмъ и у римлянъ скоро не будетъ ничего, такъ какъ они безъ обоза и принесли лишь столько хлѣба, сколько можно было взять на плечи вмѣстѣ съ оружіемъ. Замѣтивъ, что враги разбрелись по полямъ, и оставлены рѣдкіе караулы, консулъ въ краткихъ словахъ воодушевилъ воиновъ и повелъ ихъ на осаду лагеря. Взявъ его при первомъ крикѣ и нападеніи и перебивъ больше враговъ въ палаткахъ, чѣмъ въ воротахъ и на валу, онъ приказалъ снести захваченныя знамена въ одно мѣсто и, оставивъ два легіона для караула и защиты со строгимъ приказаніемъ не трогать добычи, пока онъ не вернется, отправился съ построеннымъ въ боевой порядокъ войскомъ и произвелъ страшное избіеніе, въ то время какъ посланные впередъ всадники гнали разсѣявшихся самнитянъ, какъ на облавѣ: ибо въ страхѣ они не могли рѣшить ни того, по какому знаку имъ собираться, ни того, направляться ли имъ въ лагерь, или бѣжать дальше; и бѣгство и паника были такъ сильны, что къ консулу было принесено до 40,000 щитовъ (разумѣется, не столько было убитыхъ) и до 170 военныхъ знаменъ вмѣстѣ съ тѣми, которыя были захвачены въ лагерѣ. Затѣмъ римляне вернулись въ непріятельскій лагерь, и здѣсь вся добыча была отдана воинамъ.

38. Исходъ этого сраженія заставилъ и фалисковъ просить у сената союзнаго договора,—пока они имѣли перемиріе,—и латинянъ, приготовившихъ уже войска, перемѣнить

1) Ср. VI 10.

войну противъ римлянъ на войну противъ пелигновъ. Молва о такомъ подвигѣ не осталась въ предѣлахъ Италіи, но и карѳагеняне прислали въ Римъ пословъ съ поздравленіемъ и золотымъ вѣнкомъ, чтобы положить его на Капитоліи въ святилищѣ Юпитера; вѣсу въ немъ было 25 фунтовъ. Оба консула праздновали тріумфъ надъ самнитянами; ихъ сопровождалъ Децій, обращавшій на себя вниманіе своей славой и дарами, при чемъ въ нескладныхъ солдатскихъ шуткахъ не менѣе прославлялось имя трибуна, чѣмъ консуловъ.

Затѣмъ выслушано было посольство кампанцевъ и жителей Свессулы, и по ихъ просьбѣ посланы были туда на зимнія квартиры гарнизоны съ цѣлью остановить нападенія самнитянъ. Уже тогда Капуя была вовсе непригодна для поддерживанія военной дисциплины, и всякаго рода удовольствія, ослабляя воинскій духъ, заставляли воиновъ забыть объ отечествѣ, и на зимнихъ квартирахъ сталъ возникать замыселъ отнять у кампанцевъ [1]) Капую путемъ такого же злодѣянія, при помощи какого сами кампанцы отняли ее у прежнихъ ея обладателей; подѣломъ-де данный ими самими примѣръ обратится на нихъ И съ какой стати плодороднѣйшей землей въ Италіи и достойнымъ ея городомъ будутъ владѣть кампанцы, которые не были въ состояніи защитить себя и свое добро, а не побѣдоносное войско, своимъ потомъ и кровью изгнавшее оттуда самнитянъ? Или справедливо, чтобы сдавшіеся наслаждались такимъ изобиліемъ и удовольствіями, а они, утомленные военной службой, мучились въ нездоровой и безплодной мѣстности подъ городомъ, или, сидя въ городѣ, терпѣли разореніе отъ увеличивающихся со дня на день процентовъ? Такіе замыслы, ограничивавшіеся тайными собраніями, но не распространившіеся еще
412г. въ массу войска, засталъ новый консулъ—Г. Марцій Рутилъ, которому по жребію досталась Кампанія, тогда какъ товарищъ его, Кв. Сервилій, оставался въ городѣ. Итакъ, точно развѣдавъ черезъ трибуновъ, какъ было все дѣло, умудренный лѣтами и опытомъ, (онъ уже въ четвертый разъ былъ консуломъ, былъ диктаторомъ, цензоромъ,) онъ счелъ за лучшее парализовать страстное желаніе воиновъ, заставивъ ихъ отсрочить надежду осуществить свой замыселъ, какъ только имъ вздумается, а для этого распустилъ слухъ, что гарнизоны будутъ зимовать на тѣхъ же квартирахъ и въ

[1]) Собственно говоря, не всѣхъ кампанцевъ, а тѣхъ жителей Капуи, которые принадлежали къ самнитскому племени и были завоевателями Капуи. Ср. IV 37.

слѣдующемъ году; вѣдь они разставлены были по всѣмъ городамъ Кампаніи, и изъ Капуи затѣи ихъ распространились по всему войску. Это заявленіе Марція ослабило мечты, и въ настоящее время движенія не послѣдовало.

39. Выведя воиновъ на лѣтнія квартиры и пользуясь спокойствіемъ самнитянъ, консулъ рѣшилъ очистить войско, увольняя безпокойныхъ людей; однимъ онъ говорилъ, что они выслужили свой срокъ, другимъ—что они уже стары или слабы. Нѣкоторые—сперва отдѣльныя лица, а затѣмъ и цѣлыя когорты—были отсылаемы въ отпускъ подъ тѣмъ предлогомъ, что провели зиму вдали отъ дома и хозяйства; значительная часть была удалена подъ видомъ военныхъ надобностей, при чемъ однихъ посылали въ одно, другихъ въ другое мѣсто. Всю эту толпу другой консулъ и преторъ удерживали въ Римѣ, измышляя то тѣ, то другія основанія. И первое время, не понимая хитрости, они съ полнымъ удовольствіемъ возвращались по домамъ; но когда замѣтили, что первые уволенные не возвращаются въ войско, и что увольняются только тѣ, которые зимовали въ Кампаніи, и изъ числа ихъ особенно зачинщики мятежа, то умы объяло сперва удивленіе, а затѣмъ несомнѣнный страхъ, что ихъ замыслы раскрыты; уже имъ представлялось, что они подвергнутся чрезвычайному суду, доносу, отдѣльныя лица будутъ тайно казнены, дѣла будутъ рѣшаться деспотической и жестокой властью консуловъ и сенаторовъ. Видя, что искусствомъ консула перерваны главныя нити заговора, остававшіеся въ лагерѣ секретно распространяли такія соображенія. Одна когорта, находившаяся недалеко отъ Анксура, засѣла у Лаутулъ въ узкомъ проходѣ между моремъ и горами, съ цѣлью перехватывать всѣхъ, которыхъ консулъ увольнялъ подъ разными предлогами, какъ сказано выше; уже образовался весьма значительный по численности отрядъ, и недоставало только вождя, чтобы придать ему видъ настоящаго войска. Итакъ, блуждая нестройной толпою и производя грабежи, они дошли до Альбанской области и окружили валомъ лагерь, расположивъ его у подножія хребта Альбы Лонги. Затѣмъ, окончивъ работу, остальную часть дня они провели въ спорахъ объ избраніи вождя, не довѣряя достаточно никому изъ наличныхъ; они думали, кого бы можно было вызвать изъ Рима, кто найдется въ числѣ патриціевъ или плебеевъ, кто сознательно пойдетъ на такой большой рискъ, или кому надежно можно поручить дѣ-

ло войска, раздраженнаго обидой? Слѣдующій день прошелъ въ такихъ же размышленіяхъ, и вотъ нѣкоторые изъ бродившихъ съ цѣлью грабежа донесли, какъ достовѣрное, что въ Тускуланской области занимается обработкой поля Т. Квинктій [1]), забывъ о городѣ и почетныхъ должностяхъ. То былъ мужъ патриціанскаго рода; охромѣвъ отъ раны и бросивъ потому военную службу, которую онъ несъ съ великой славой, онъ рѣшилъ жить въ деревнѣ, вдали отъ честолюбія и форума. Услыхавъ это имя, они сразу признали нужнаго имъ мужа и приказали благословясь призвать его; но расчитывая, что онъ едва-ли добровольно рѣшится на что-либо, они постановили прибѣгнуть къ насилію и застращиванію. Итакъ, посланные, войдя среди ночной тишины въ жилище Квинктія и захвативъ его спящимъ, предлагали ему власть и почетное положеніе, если онъ послѣдуетъ за ними, или смерть, если онъ станетъ сопротивляться, объявивъ, что третьяго выбора нѣтъ, и притащили его въ лагерь. Провозгласивъ его немедленно по прибытіи главно-командующимъ, воины принесли ему знаки его почетнаго званія, несмотря на его страхъ предъ неожиданностью, и приказали вести ихъ къ городу. Затѣмъ, схвативъ знамена не столько по волѣ вождя, сколько подъ вліяніемъ собственнаго увлеченія, они дошли до восьмого камня по дорогѣ, именуемой теперь Аппіевой; и немедленно двинулись бы къ городу, если бы не услыхали, что идетъ войско, и что противъ нихъ выбранъ диктаторомъ М. Валерій Корвъ съ начальникомъ конницы Л. Эмиліемъ Мамеркомъ.

40. Лишь только воины увидѣли ихъ и распознали оружіе и знамена, сразу воспоминаніе объ отечествѣ успокоило ихъ раздраженіе. Тогда еще не такъ храбро проливали кровь гражданъ, знали только войны съ иноземными врагами и удаленіе отъ своихъ [2]) считалось верхомъ ожесточенія; итакъ и вожди, и воины съ обѣихъ сторонъ желали сойтись для переговоровъ, — Квинктій потому, что онъ пресытился войнами даже за отечество, не говоря уже противъ отечества, Корвинъ — потому, что онъ любилъ всѣхъ гражданъ, особенно же воиновъ и прежде всѣхъ свою [3]) армію. Онъ и выступилъ для переговоровъ. Какъ только его узна-

1) Нельзя понять, о которомъ изъ упоминавшихся ранѣе (VI 42, VII 9, 18, 22) Квинктіевъ идетъ рѣчь. 2) Имѣются въ виду удаленія плебеевъ на Священную гору (II 32) и на Авентинъ (III 50). 3) Валерій былъ консуломъ предыдущаго года; см. гл. 33 слд.

ли, то среди противниковъ не съ меньшею почтительностью, чѣмъ среди его собственныхъ воиновъ, водворилось молчаніе. „Выступая изъ города“, говорилъ онъ, „я молилъ безсмертныхъ боговъ, вашихъ общественныхъ и своихъ, и смиренно просилъ ихъ милости даровать мнѣ не побѣду надъ вами, а честь установленія согласія. Достаточно было и будетъ источниковъ, откуда можно пріобрѣтать военныя отличія; въ этомъ же источникѣ слѣдуетъ искать мира. О чемъ я просилъ безсмертныхъ боговъ, дѣлая обѣты, то можете дать мнѣ вы, если пожелаете помнить, что вы стоите лагеремъ не въ Самніи, не въ странѣ вольсковъ, а на римской землѣ, что эти холмы, которые вы видите, принадлежатъ вашему отечеству, что это войско вашихъ же гражданъ, что я вашъ консулъ, подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ котораго вы въ прошедшемъ году дважды разбили самнитскія войска, дважды штурмомъ взяли лагерь. Я М. Валерій Корвъ, воины, въ знатности котораго вы убѣдились по благодѣяніямъ, оказаннымъ вамъ, а не по обидамъ; я не былъ виновникомъ ни одного высокомѣрнаго закона противъ васъ, ни одного суроваго сенатскаго постановленія; во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ я былъ строже къ себѣ, чѣмъ къ вамъ. Если кому могло придать гордости его происхожденіе, его личная доблесть и даже величіе и почетныя должности, то я родился отъ такихъ предковъ, такимъ показалъ себя, въ такіе годы достигъ консульство, что, ставъ 23 лѣтъ консуломъ [1]) могъ грозно выступить даже противъ патриціевъ, а не только противъ плебеевъ. Какое дѣйствіе мое или какое слово мое въ званіи консула было болѣе сурово, чѣмъ дѣйствіе и слово трибуна? Въ одномъ и томъ же духѣ я послѣ трибуната исполнялъ два раза консульскую должность, въ томъ же духѣ буду исполнять я и настоящую властную диктатуру; и я буду кротокъ насколько же по отношенію къ этимъ моимъ и моего отечества воинамъ, настолько и по отношенію къ вамъ — страшно сказать — моимъ врагамъ! Вы раньше обнажите мечъ противъ меня, чѣмъ я противъ васъ; съ вашей стороны данъ будетъ сигналъ, съ вашей стороны прежде поднимется крикъ и послѣдуетъ нападеніе, если мы должны сражаться. Рѣшайтесь на то, на что не рѣшились ваши отцы и дѣды — ни тѣ, которые удалились на Священную гору [2]), ни эти, которые потомъ засѣли на Авентинѣ [3]). Жди-

1) См. гл. 26. 2) См. II 32. 3). См. III 50. 4) См. II 40.

те, пока къ каждому изъ васъ, какъ нѣкогда къ Коріолану [4]), выйдутъ навстрѣчу изъ города матери и жены съ распущенными волосами! Тогда вольскіе легіоны, находясь подъ начальствомъ римлянина, остались спокойными; а вы, римское войско, не прекратите нечестивую войну? Т. Квинктій! какое бы ты ни занималъ тамъ положеніе, волей или неволей, уходи въ задніе ряды, если придется сражаться; даже бѣжать и показать тылъ предъ согражданиномъ почетнѣе, чѣмъ сражаться противъ отечества! теперь же выступай впередъ для добраго и нечестнаго мира и будь истолкователемъ моей полезной рѣчи. Выставляйте справедливыя требованія, и вы получите желаемое; впрочемъ, лучше согласиться даже на несправедливыя требованія, чѣмъ вступать въ безбожную борьбу!" Т. Квинктій, обратившись къ своимъ съ глазами, полными слезъ, сказалъ: „и я, воины, если къ чему годенъ, то скорѣе какъ вождь мира, чѣмъ войны. Рѣчь держалъ передъ вами только-что не вольскъ и не самнитянинъ, а римлянинъ, вашъ консулъ, вашъ главнокомандующій, испытавъ счастіе котораго при защитѣ васъ, вы не должны желать испытать его противъ себя! У сената были и другіе вожди, которые могли сражаться противъ васъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ; но онъ избралъ того, кто больше всѣхъ могъ пощадить васъ, своихъ воиновъ, которому вы скорѣе всѣхъ могли повѣрить, какъ вашему главнокомандующему. Даже тѣ, которые имѣютъ возможность побѣдить, желаютъ мира; чего же слѣдуетъ желать намъ? не лучше ли, оставивъ гнѣвъ и надежду, этихъ обманчивыхъ совѣтниковъ, предоставить самихъ себя и всю нашу судьбу испытанной честности?"

41. При всеобщихъ крикахъ одобренія Т. Квинктій, выступивъ предъ знаменами, объявилъ, что воины будутъ повиноваться диктатору; онъ просилъ его принять на себя дѣло несчастныхъ гражданъ и защищать его съ такой же добросовѣстностью, съ какой онъ обыкновенно заправлялъ государственными дѣлами. Для себя лично онъ не выговариваетъ ничего; онъ хочетъ надѣяться лишь на свою невинность. Для воиновъ необходимо выговорить, чтобы удаленіе не было поставлено имъ въ вину, подобно тому, какъ въ древнее время разъ это было выговорено для плебеевъ [1]), въ другой разъ для воиновъ [2]). Похваливъ Квинктія и ободривъ остальныхъ, диктаторъ, пришпоривъ коня, вернулся

[1]) См. II 33; изъ указанныхъ тамъ условій примиренія видно, что плебеевъ за удаленіе не преслѣдовали. [2]) См. III 54.

въ городъ и, съ утвержденія отцовъ, въ Петелинской рощѣ вошелъ къ народу съ предложеніемъ не ставить никому изъ воиновъ въ вину удаленія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ гражданъ исполнить его ходатайство ни въ шутку, ни серіозно не упрекать никого за это. Проведенъ былъ и военный законъ, чтобы имя воина, внесеннаго въ списки, вычеркивалось не иначе, какъ по его собственному желанію, и за неисполненіе этого закона назначена смертная казнь; кромѣ того, къ нему сдѣлана прибавка, чтобы никто, бывшій военнымъ трибуномъ, не былъ потомъ первымъ центуріономъ. Это требованіе было предъявлено заговорщиками противъ П. Салонія, который чуть не каждый годъ попеременно былъ и военнымъ трибуномъ, и первымъ центуріономъ, именуемымъ теперь „primus pilus". Воины были раздражены противъ него за то, что онъ всегда былъ противникомъ ихъ неслыханныхъ замысловъ и, чтобы не быть участникомъ ихъ, бѣжалъ изъ Лаутулъ. Итакъ, когда сенатъ изъза Салонія не соглашался на одно это условіе, тогда Салоній, заклиная сенаторовъ не ставить его почетъ выше согласія гражданъ, добился, что и оно было принято. Одинаково безсовѣстно было требованіе убавки жалованья всадникамъ,— а получали они въ то время тройное жалованье,—такъ какъ они были противниками заговора.

42. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ писателей я нахожу извѣстіе, что народный трибунъ Л. Генуцій вошелъ къ плебеямъ съ предложеніемъ о запрещеніи ростовщичества; равнымъ образомъ другими плебисцитами было запрещено получать одну и ту же должность дважды въ предѣлахъ десятилѣтія и занимать одному лицу въ одинъ годъ двѣ должности, и разрѣшено выбирать обоихъ консуловъ изъ плебеевъ; если всѣ эти уступки были сдѣланы плебеямъ, то очевидно, что силы возстанія были весьма значительны. Въ другихъ лѣтописяхъ передается, что Валерій не былъ назначенъ диктаторомъ, но дѣло было доведено до конца консулами, что не до прибытія въ Римъ, а въ Римѣ толпа заговорщиковъ вынуждена была взяться за оружіе, что ночное нападеніе было сдѣлано не на виллу Т. Квинктія, а на домъ Г. Манлія, и его схватили заговорщики, чтобы сдѣлать вождемъ; затѣмъ, отправившись къ четвертому камню, они заняли укрѣпленное мѣсто, и что не вожди заговорили о соглашеніи, а внезапно, когда войска выступали съ оружіемъ въ рукахъ на бой, послѣдовало привѣтствіе, и воины, со слеза-

ми на глазахъ, начали протягивать другъ другу руки и обниматься, консулы же, видя нежеланіе воиновъ сражаться, вынуждены были сдѣлать сенату докладъ о возстановленіи согласія. Такимъ образомъ древніе писатели согласны только въ томъ, что былъ мятежъ, и что онъ былъ улаженъ мирнымъ путемъ. Слухъ объ этомъ мятежѣ и начало тяжелой войны съ самнитянами привели къ отпаденію нѣсколькихъ народовъ отъ союза съ римлянами, и, кромѣ того, что договоръ съ латинянами уже давно былъ ненадеженъ, еще привернаты, сдѣлавъ внезапный набѣгъ, опустошили Норбу и Сетію, сосѣднія римскія колоніи.

КНИГА VIII.

---

1. Консулами были уже Г. Плавтій во второй разъ и Л. Эмилій Мамеркъ, когда сетины и норбаны пришли въ Римъ съ извѣстіемъ объ отпаденіи привернатовъ и жалобами на понесенное отъ нихъ пораженіе; вмѣстѣ съ тѣмъ было сообщено, что отряды вольсковъ, предводимые антіатами, расположились лагеремъ у Сатрика. Веденіе войны съ тѣми и другими выпало по жребію на долю Плавтія. Онъ двинулся прежде къ Приверну и тотчасъ же далъ тамъ сраженіе. Непріятели безъ особенныхъ усилій были совершенно побѣждены, городъ взятъ и отданъ привернатамъ во владѣніе, при чемъ однако въ немъ помѣщенъ былъ сильный гарнизонъ; жители лишились $^1/_3$ своей территоріи. Отсюда побѣдоносное войско направилось въ Сатрикъ противъ антіатовъ. Тамъ произошло кровопролитное сраженіе съ большимъ урономъ для обѣихъ сторонъ; а такъ какъ гроза прервала сраженіе прежде, чѣмъ надежда на успѣхъ склонилась на ту или другую сторону, то римляне, не будучи нисколько утомлены этой нерѣшительной борьбой, стали готовиться къ сраженію на слѣдующій день. Но у вольсковъ, послѣ того, какъ они пересчитали, какихъ людей потеряли они въ той битвѣ, далеко не было такого же желанія снова подвергаться опасности: подобно побѣжденнымъ, они поспѣшно и въ безпорядкѣ ушли ночью въ Антій, покинувъ раненыхъ и часть обоза. Какъ между трупами убитыхъ враговъ, такъ и въ лагерѣ найдено было большое количество оружія; консулъ объявилъ, что посвящаетъ его матери Луѣ [1], и опустошилъ непріятельскія владѣнія вплоть до морского берега. 413г.

---

[1]) Такъ называлась римская богиня очищенія, въ честь которой сожигалось полководцами взятое у непріятелей оружіе, чтобы очистить войско, оскверненное кровопролитіемъ

Второму консулу, Эмилію, при вступленіи его въ Сабелльскую область, нигдѣ не попался на встрѣчу ни лагерь самнитскій, ни ихъ легіоны. Но когда онъ сталъ опустошать огнемъ и мечемъ самнитскія поля, къ нему пришли послы ихъ просить мира. Отосланные консуломъ къ сенату, они получили возможность объясниться, при чемъ, позабывъ свою гордость, просили у римлянъ мира и права вести войну съ сидицинами: эта-де ихъ просьба тѣмъ болѣе имѣетъ основанія, что они заключили дружбу съ римлянами въ пору своего счастія [1]), а не въ пору несчастія, какъ кампанцы [2]); они поднимаютъ оружіе противъ сидициновъ, всегдашнихъ своихъ враговъ, никогда не дружившихъ съ римлянами, противъ тѣхъ сидициновъ, которые никогда не домагались, подобно самнитянамъ, дружбы римлянъ въ мирное время и не просили помощи, подобно кампанцамъ, во время войны. Сверхъ того, сидицины не пользуются покровительствомъ римскаго народа и не подвластны ему. **2.** Объ этихъ ходатайствахъ самнитянъ преторъ Т. Эмилій совѣщался съ сенатомъ, который постановилъ возвратить просителямъ права союзниковъ. Тогда преторъ далъ самнитскимъ посламъ слѣдующій отвѣтъ: „римскій народъ не противился тому, чтобы дружба съ вами была вѣчна, равно какъ и теперь онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы возобновлены были дружественныя отношенія, такъ какъ вамъ самимъ надоѣла война, по вашей-же винѣ затѣянная; что же касается до сидициновъ, то римляне ни мало не препятствуютъ самнитянамъ распоряжаться свободно правомъ войны и мира". Едва только, по заключеніи такимъ образомъ договора, самнитскіе послы успѣли возвратиться домой, какъ тотчасъ римское войско было выведено изъ ихъ области, получивъ годовое жалованье и хлѣбъ на 3 мѣсяца; это выговорено было консуломъ за согласіе на заключеніе перемирія впредь до возвращенія пословъ.

Самнитяне съ тѣми же войсками, при помощи которыхъ вели войну съ римлянами, выступили противъ сидициновъ въ полной увѣренности, что скоро овладѣютъ непріятельскимъ городомъ. Очутившись въ осадномъ положеніи, сидицины попытались сначала сдаться римлянамъ; но когда отцы отвергли эту попытку, какъ несвоевременную и вынужденную лишь крайней необходимостью, сидицины сдались латинянамъ, которые уже самостоятельно взялись за оружіе. Отъ участія въ этой войнѣ не воздержались даже и кампанцы: настолько воспоминаніе объ обидахъ со стороны самнитянъ было сильнѣе воспоминанія о благодѣяніи, оказанномъ имъ римлянами! Составившееся изъ этихъ столь многихъ народовъ одно огромное войско вступило подъ предводительствомъ латинянина въ предѣлы самнитянъ и причинило имъ больше вреда своими опустошеніями, чѣмъ битвами. И хотя латиняне одерживали верхъ въ битвахъ, однако, во избѣжаніе слишкомъ частыхъ стычекъ, они покинули съ большимъ удовольствіемъ непріятельскую страну. Этимъ временемъ воспользовались самнитяне для отправленія въ Римъ посольства. Послы явились въ сенатъ съ жалобами на то, что, состоя въ союзѣ съ римлянами, они подвергаются тѣмъ же обидамъ, какъ во время вражды съ ними; вмѣстѣ съ тѣмъ они убѣдительно просили римлянъ удовольствоваться тѣмъ, что они, римляне, вырвали изъ ихъ, самнитянъ, рукъ побѣду надъ кампанцами и сидицинами и, по крайней мѣрѣ, не допускать побѣды надъ ними трусливѣйшихъ народовъ; если латиняне и кампанцы подвластны римлянамъ, то пусть имъ запрещено будетъ въ силу верховной римской власти вступать въ Самнитскую область, если же они не захотятъ признать этой власти, то пусть римляне усмирятъ ихъ силою оружія. На эту просьбу данъ былъ неопредѣленный отвѣтъ, такъ какъ римлянамъ стыдно было сознаться въ томъ, что латиняне уже не находятся въ ихъ власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ своими упреками они боялись враждебно настроить латинянъ противъ себя. Не таково положеніе кампанцевъ, потому что они не по договору, а послѣ сдачи приняты были подъ покровительство римлянъ, и потому волей-неволей будутъ соблюдать миръ; договоръ же съ латинянами не заключаетъ въ себѣ такого пункта, который бы запрещалъ имъ воевать съ кѣмъ угодно. **3.** Послѣ такого отвѣта самнитяне ушли домой въ нерѣшительности, какъ имъ понимать планы римлянъ; въ то же время кампанцы, боясь послѣдствій сдачи, отложились отъ римлянъ, латиняне же стали надменнѣе прежняго, какъ будто-бы римляне уже не запрещали имъ ничего. Поэтому, представители латинской знати назначали частыя сходки, подъ предлогомъ приготовленія къ войнѣ съ самнитянами, а между тѣмъ во всѣхъ совѣщаніяхъ тайно обдумывали между собою войну противъ римлянъ. Кампанцы принимали участіе и въ этой войнѣ противъ своихъ

[1]) См. VII 19. [2]) См. VII 31.

спасителей. Все это умышленно скрывалось, потому что они желали уничтожить съ тылу враговъ-самнитянъ. прежде чѣмъ двинутся римляне; однако, благодаря нѣкоторымъ лицамъ, связаннымъ съ римлянами отношеніями частнаго гостепріимства и родства, извѣстія объ этомъ заговорѣ достигли Рима. Консуламъ приказано было сложить съ себя должность раньше установленнаго срока, чтобы тѣмъ скорѣе могли быть избраны новые консулы въ виду такой трудной войны. Между тѣмъ явилось сомнѣніе, могутъ-ли созывать комиціи люди, власть которыхъ уменьшена [1]). Вслѣдствіе этого наступило междуцарствіе. Было два между царя,—сначала М. Валерій, а потомъ М. Фабій, и этимъ послѣднимъ избраны были консулы въ лицѣ Т. Манлія Торквата, исправлявшаго консульскую должность въ третій разъ, и П. Деція Муса. Въ этомъ году, какъ извѣстно, эпирскій царь Александръ присталъ съ флотомъ къ Италіи, и если бы начало этой войны было достаточно успѣшно, то она, несомнѣнно, коснулась бы и римлянъ. Къ этому же времени относятся и подвиги Александра Великаго, сына сестры Александра Эпирскаго; но, не побѣжденный на войнѣ, онъ юношей еще погибъ отъ болѣзни по волѣ рока въ другой части земного шара.

Хотя отпаденіе союзниковъ и латинянъ было внѣ всякаго сомнѣнія, тѣмъ не менѣе римляне, показывая видъ, что они больше заботятся о самнитянахъ, чѣмъ о себѣ, вызвали 10 именитыхъ латинскихъ мужей въ Римъ съ цѣлью объявить имъ свою волю. Въ это время въ Лаціи было два претора—оба изъ римскихъ колоній: одинъ—Л. Анній изъ Сетіи, другой—Л. Нумизій изъ Церцей. Это были тѣ самыя лица, которыя призвали къ оружію, кромѣ Сигніи и Велитръ. тоже римскихъ колоній, даже и вольсковъ. Ихъ рѣшено было вызвать поименно. Никто не сомнѣвался, зачѣмъ ихъ вызываютъ. Поэтому, преторы, созвавши еще до отправленія въ Римъ народное собраніе, объявляютъ, что сенатъ вызываетъ ихъ въ Римъ, и докладываютъ, о чемъ, повидимому, съ ними будутъ говорить, и что имъ слѣдуетъ на это отвѣчать. **4.** Въ то время, какъ одни предлагали одно, другіе другое, Анній сказалъ: „хотя я самъ вошелъ съ докладомъ въ собраніе относительно того, что слѣдуетъ отвѣчать сенату, тѣмъ не менѣе я полагаю, что въ интересахъ нашего государства гораздо важнѣе знать, что мы должны дѣлать, чѣмъ что говорить. Намъ легко будетъ согласовать

[1]) Уменьшеніе власти состояло въ сложеніи ея до срока.

свои слова съ дѣлами, если мы выяснимъ себѣ свои намѣренія. Вѣдь если мы даже теперь, подъ призракомъ равноправнаго договора, можемъ терпѣливо переносить рабство, то что мѣшаетъ намъ, предавъ сидициновъ, повиноваться приказаніямъ не только римлянъ, но даже и самнитянъ, и отвѣтить римлянамъ, что мы по мановенію ихъ руки положимъ оружіе? Но если, наконецъ, стремленіе къ политической независимости не даетъ намъ покоя, если существуетъ договоръ, союзъ, уравненіе въ правахъ, если теперь мы можемъ хвастаться тѣмъ, чего раньше стыдились, именно—что мы братья римлянъ по крови; если, далѣе, союзное войско имѣетъ такое значеніе въ глазахъ римлянъ, что съ присоединеніемъ его они могутъ удвоить свои военныя силы, если съ этимъ войскомъ не хотятъ разлучиться римскіе консулы, начиная или оканчивая свои войны,—то почему не во всемъ уравнены наши права? почему одинъ консулъ не избирается изъ среды латинянъ, почему, доставляя половину военныхъ силъ, мы не участвуемъ наравнѣ съ римлянами въ управленіи государствомъ? Для насъ, конечно, это обстоятельство не составляетъ само по себѣ слишкомъ большой чести, такъ какъ мы уступаемъ, чтобы Римъ былъ столицей Лація; но продолжительной уступчивостью мы достигли того, что это можетъ казаться намъ честью. И если вы когда-нибудь желали того времени, когда представится возможность принимать участіе въ управленіи и достигнуть политической независимости, то теперь именно настало это время, благодаря вашей храбрости и милости боговъ. Вы испытали терпѣніе римлянъ, отказавъ имъ въ воинахъ: кто сомнѣвается, что они готовы были вспыхнуть отъ негодованія, когда мы нарушили обычай, существовавшій болѣе 200 лѣтъ? Однако они перенесли это огорченіе. Мы вели войну съ пелигнами на свой собственный рискъ,—и римляне, которые не допускали насъ раньше охранять даже наши собственныя владѣнія, не выразили никакого протеста. Они слышали также, что мы приняли подъ свое покровительство сидициновъ, что кампанцы отпали отъ нихъ и перешли къ намъ, что мы вооружаемъ войско для войны съ самнитянами, ихъ союзниками, и однако они не двинулись изъ Рима. Откуда явилась у нихъ такая скромность, какъ не изъ сознанія нашихъ и своихъ военныхъ силъ? Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что жалобы самнитянъ на насъ вызвали въ римскомъ сенатѣ такой отвѣтъ, изъ кото-

раго не трудно заключить, что римляне уже и сами не пре-
тендуютъ на подчиненіе Лація своей власти. Предъявите
только свое право и потребуйте того, что они молча уступа-
ютъ вамъ; если страхъ мѣшаетъ кому-нибудь говорить объ
этомъ, то я самъ публично заявляю, что не только передъ
народомъ римскимъ и сенатомъ, но даже передъ самимъ
Юпитеромъ, который пребываетъ на Капитоліи, скажу, что
они должны принять отъ насъ одного консула и половину
сената, если только хотятъ имѣть въ насъ своихъ друзей
и союзниковъ". Анній не только самоувѣренно совѣтовалъ,
но и давалъ обѣщанія; одобрительный крикъ всѣхъ присут-
ствующихъ уполномочилъ его дѣйствовать и говорить такъ,
какъ онъ признаетъ самымъ полезнымъ для общаго блага
латинянъ и наиболѣе согласнымъ съ своими убѣжденіями.

5. Когда вызванные пришли въ Римъ, они получили ау-
діенцію въ сенатѣ на Капитоліи. Съ утвержденія отцовъ съ
ними велъ переговоры консулъ Т. Манлій и увѣщевалъ ихъ
не идти войною на союзниковъ римскихъ самнитянъ. Тог-
да Анній, подобно побѣдителю, захватившему Капитолій си-
лою оружія, а не какъ послъ, огражденный международнымъ
правомъ, началъ рѣчь слѣдующими словами: „Т. Манлій и
вы, сенаторы! Уже пора бы вамъ наконецъ перестать обра-
щаться съ нами, какъ съ подчиненными; вѣдь съ тѣхъ поръ,
какъ самнитяне побѣждены, съ сидицинами и кампанцами
заключенъ союзъ, и теперь еще присоединены вольски, вы
видите, что Лацій, по милости боговъ, находится въ цвѣту-
щемъ состояніи по своимъ вооруженнымъ силамъ, и что ко-
лоніи ваши также предпочли латинское господство римско-
му. Но такъ какъ вы не думаете положить конецъ своему
неограниченному господству, то мы, хотя и въ состояніи
требовать для Лація независимости силою оружія, сдѣлаемъ
однако уступку кровному родству, и такъ какъ богамъ без-
смертнымъ было угодно даровать намъ равныя силы, пред-
лагаемъ равноправныя для обѣихъ сторонъ условія мира.
Одного консула нужно выбирать изъ римлянъ, другого изъ
латинянъ; сенатъ долженъ состоять изъ того и другого пле-
мени поровну; долженъ составиться одинъ народъ, одно го-
сударство. Но, чтобы имѣть одно мѣсто управленія и носить
одно имя, одной сторонѣ необходимо сдѣлать уступку, и —
да послужитъ сіе на благо для тѣхъ и другихъ, — пусть ва-
ше отечество имѣетъ преимущество, и мы всѣ будемъ на-
зываться римлянами". Между тѣмъ обстоятельства сложились

такъ, что и римскій консулъ Т. Манлій оказался человѣкомъ одинаковой съ Л. Анніемъ необузданности. Онъ не могъ сдержать своего гнѣва и открыто заявилъ, что, если сенаторами овладѣетъ такое безуміе, и они согласятся принять законы отъ жителя Сетіи, то онъ, вооружившись мечемъ, придетъ въ сенатъ и умертвитъ собственной рукой всякаго латинянина, котораго увидитъ въ куріи. И обратившись затѣмъ къ статуѣ Юпитера, консулъ сказалъ: „выслушай, Юпитеръ, это безбожіе, выслушайте и вы, Правда и Справедливость! Въ стѣнахъ освященнаго для тебя храма ты увидишь скоро, Юпитеръ, чужихъ консуловъ и чужой сенатъ, самъ ставши плѣнникомъ и угнетеннымъ! Таковы-ли, латиняне, были договоры, заключенные римскимъ царемъ Тулломъ съ вашими предками альбанцами, такой-ли союзъ заключилъ съ вами послѣ Л. Тарквиній [1])? развѣ вамъ не приходитъ на мысль битва при Регилльскомъ озерѣ [2])? неужели вы до такой степени забыли уже о своихъ прежнихъ пораженіяхъ и о нашихъ благодѣяніяхъ по отношенію къ вамъ?" **6.** Вслѣдъ за рѣчью консула послѣдовало и выраженіе негодованія отцовъ. Тогда, гласитъ молва, въ отвѣтъ на часто повторявшееся обращеніе къ богамъ, которыхъ не разъ призывали консулы въ свидѣтели договоровъ, услышаны были презрительныя слова Аннія по отношенію къ божескому величію римскаго Юпитера; вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что, когда Анній въ гнѣвѣ поспѣшно вышелъ изъ преддверія сената, то онъ упалъ съ лѣстницы и такъ сильно ушибъ свою голову, ударившись ею о нижнюю каменную ступеньку, что лишился чувствъ. Смерть его на мѣстѣ засвидѣтельствована не всѣми писателями; поэтому и мнѣ также да будетъ позволено оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, равно какъ и вопросъ относительно того, что во время призыванія боговъ въ свидѣтели нарушеннаго союзнаго договора разразилась буря съ сильными ударами грома: дѣло въ томъ, что это настолько же можетъ быть дѣйствительно, насколько и удачно сочинено для

---

[1]) Всѣ латиняне, происходившіе изъ города Альбы, связаны были съ римлянами договоромъ, по которому все альбанское государство вмѣстѣ съ колоніями уже со времени третьяго римскаго царя Тулла Гостилія (88—114 г.) подчинилось римской власти. Но ради общей пользы послѣдній царь римскій, Тарквиній Гордый, возобновилъ этотъ договоръ и сдѣлалъ латинянъ участниками благополучія народа римскаго, освободивъ ихъ отъ необходимости постоянно ожидать или терпѣть разореніе городовъ и опустошеніе полей, которымъ они подвергались сперва въ царствованіе царя Анка, а потомъ въ царствованіе его отца (см. I 52). [2]) Въ этой битвѣ римляне одержали блистательную побѣду надъ латинянами въ 255 году (см. II 19, 20).

изображенія гнѣва боговъ. Торкватъ, посланный сенатомъ съ цѣлью отпустить пословъ, увидѣвъ лежащаго на дорогѣ Аннія, воскликнулъ такимъ голосомъ, что слова его слышны были одинаково народу и отцамъ: „вотъ и хорошо! боги начали законную войну! Итакъ, есть на небѣ божество; да, ты живешь, великій Юпитеръ, и не напрасно мы установили въ этомъ храмѣ служеніе тебѣ, отцу боговъ и людей! Такъ что-же вы медлите, квириты, и вы, сенаторы, и не беретесь за оружіе, когда боги являются вождями? я уложу на мѣстѣ латинскіе легіоны такъ же, какъ вы видите здѣсь лежащимъ латинскаго посла!“ Слова консула были одобрительно приняты народомъ и привели его въ такое ожесточеніе, что отправлявшихся пословъ охранила отъ гнѣва и нападенія толпы скорѣе забота тѣхъ служащихъ, которымъ консулъ приказалъ проводить ихъ, чѣмъ международное право.

Сенатъ также изъявилъ свое согласіе на войну, и консулы, набравъ двѣ арміи, пошли черезъ область марсовъ и пелигновъ и, соединившись съ самнитскимъ войскомъ, разбили лагерь у Капуи, гдѣ собрались уже латиняне и ихъ союзники. Здѣсь во время сна, говорятъ, оба консула имѣли одно и то же видѣніе: имъ представился мужъ, большій ростомъ и внушительнѣе обыкновеннаго смертнаго, который сказалъ, что съ одной стороны долженъ быть принесенъ въ жертву подземныхъ боговъ и Матери Землѣ вождь, а съ другой—войско; на чьей сторонѣ вождь обречетъ на смерть непріятельскіе легіоны и сверхъ того самого себя, тому народу и той сторонѣ будетъ принадлежать побѣда. Сообщивъ другъ другу эти ночныя видѣнія, консулы признали необходимымъ для отвращенія гнѣва боговъ принести въ жертву животныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они постановили, чтобы одинъ изъ нихъ исполнилъ велѣніе судьбы, если гаданіе по внутренностямъ животныхъ будетъ предвѣщать то же самое, что они видѣли во снѣ; когда же отвѣты гаруспиковъ согласовались съ тѣмъ религіознымъ убѣжденіемъ, которое они молча носили уже въ своей душѣ, тогда созваны были на совѣтъ легаты и трибуны, и открыто объявлена воля боговъ для того, чтобы добровольная смерть консула не повергла въ ужасъ войска во время самой битвы. По взаимному согласію было рѣшено, чтобы тотъ изъ консуловъ обрекъ себя на смерть за народъ римскій и квиритовъ, на чьей сторонѣ войско римское начнетъ отступать. Обсуждали на совѣтѣ и

вопросъ о томъ, что если когда-либо, при веденіи какой-либо войны, примѣняли всю строгость военной власти, то теперь именно военная дисциплина должна быть доведена до обычной въ древнія времена суровости. Заботу вождей усиливало то обстоятельство, что предстояла война съ латинянами, которые по языку и нравамъ, по способу вооруженія и особенно по военной организаціи нисколько не отличались отъ римлянъ: воинамъ съ воинами, центуріонамъ съ центуріонами, трибунамъ съ трибунами приходилось нерѣдко стоять по-товарищески, въ однихъ гарнизонахъ и служить попеременно другъ съ другомъ въ однихъ и тѣхъ же манипулахъ [1]). Поэтому, чтобы воины вслѣдствіе какой нибудь ошибки не попали въ ловушку, консулы издали приказъ никому не сражаться съ врагомъ внѣ строя.

7. Въ числѣ прочихъ эскадронныхъ начальниковъ, отправленныхъ во всѣ стороны на развѣдки, находился и сынъ консула Т. Манлій; подобно другимъ, и онъ заѣхалъ случайно со своимъ эскадрономъ за непріятельскій лагерь и находился отъ перваго поста едва на такомъ разстояніи, на какомъ можно бросить дротикъ. Тамъ стояли тускуланскіе всадники подъ командой Гемина Меція, человѣка извѣстнаго между своими, какъ знатнымъ происхожденіемъ, такъ и подвигами. Послѣдній тотчасъ узналъ римскихъ всадниковъ и во главѣ ихъ выдающагося между ними консульскаго сына, потому что всѣ, и особенно знатныя лица, были знакомы другъ съ другомъ, и сказалъ: „не съ однимъ-ли эскадрономъ, римляне, вы хотите вести войну противъ латинянъ и союзниковъ? что же между тѣмъ будутъ дѣлать консулы и оба консульскія войска?“ „Они явятся въ свое время,“ возразилъ Манлій, „а съ ними явится, какъ свидѣтель нарушенныхъ вами союзныхъ договоровъ, и самъ Юпитеръ, который еще больше имѣетъ могущества и силы. Если мы, сражаясь при Регилльскомъ озерѣ, вполнѣ васъ удовлетворили, то и теперь, конечно, мы будемъ стараться дѣйствовать такъ, чтобы нашъ военный строй и стычки съ нами не слишкомъ вамъ пришлись по душѣ“. Въ отвѣтъ на эти слова Геминъ выѣхалъ немного впередъ своихъ воиновъ и сказалъ: „а вотъ въ ожиданіи того дня, когда вы съ большимъ напряженіемъ двинете свои войска, не угодно-ли тебѣ помѣриться со мною силами, чтобы уже на основаніи исхода нашего единобор-

---

[1]) Манипулъ $=\frac{1}{30}$ легіона и 2 центуріямъ.

ства можно было сейчасъ опредѣлить, насколько латинская конница превосходитъ римскую?“ Гнѣвъ-ли привелъ въ волненіе гордаго юношу, или стыдъ отказаться отъ поединка, или неодолимая сила рока, но вотъ, забывъ объ отцовской власти и объ эдиктѣ консуловъ, онъ бросился стремительно въ битву, въ которой побѣда или пораженіе не составляли для него большой разницы. Остальные всадники раздвинулись какъ-бы для зрѣлища, и на образовавшемся пустомъ пространствѣ борцы верхами понеслись другъ на друга. Они столкнулись со взятыми наперевѣсъ копьями: Манліево копье прошло надъ шлемомъ противника, Меціево упало чрезъ шею лошади. Затѣмъ они поворотили лошадей назадъ, и Манлій первый, поднявшись для повторенія удара, вонзилъ копье свое межъ ушей Меціевой лошади. Тогда лошадь, почувствовавъ боль отъ этой раны, встала на дыбы и такъ сильно потрясла головой, что сбросила всадника; и въ то время, какъ онъ, опираясь на копье и щитъ, пытался оправиться послѣ тяжелаго паденія, Манлій вонзилъ ему копье въ горло, такъ что оно прошло сквозь ребра и приковало его къ землѣ. Снявши съ противника доспѣхи, Манлій возвратился къ своимъ. Отсюда, въ сопровожденіи ликующаго отъ радости эскадрона, онъ поспѣшилъ въ лагерь, а затѣмъ въ палатку главнокомандующаго къ отцу, не зная, каковы будутъ послѣдствія его поступка, — ждетъ-ли его похвала, или наказаніе. „Чтобы всѣ, отецъ мой, видѣли во мнѣ твоего сына“, сказалъ онъ, „я, будучи вызванъ на единоборство, приношу тебѣ эти всадническіе доспѣхи, которые я снялъ съ убитаго мною врага“. Лишь только консулъ услышалъ эти слова, онъ отвернулся отъ сына и приказалъ немедленно подать сигналъ къ собранію. Когда воины собрались въ большомъ количествѣ, консулъ сказалъ: „Т. Манлій! не уважая ни консульской власти, ни отцовскаго авторитета, ты сразился съ врагомъ внѣ строя, вопреки нашему приказу; насколько это отъ тебя зависѣло, ты нарушилъ военную дисциплину, благодаря которой до сихъ поръ держалось римское могущество, и поставилъ меня въ такое положеніе, что я принужденъ буду предать забвенію или государство, или себя самого и своихъ. Поэтому лучше намъ понести наказаніе за свою вину, чѣмъ государству искупать наши грѣхи съ такимъ вредомъ для себя; поступивши такъ, мы будемъ служить, хотя печальнымъ, но полезнымъ на будущее время примѣромъ для юношества. Меня, конечно,

какъ врожденная любовь къ своимъ дѣтямъ, такъ и настоящее доказательство твоей храбрости, которая, впрочемъ вытекаетъ изъ ложнаго представленія о чести, располагаютъ въ твою пользу; но съ другой стороны, такъ какъ или смерть твоя должна утвердить приказанія консуловъ, или безнаказанность навсегда отмѣнить ихъ, то я полагаю, что, если въ тебѣ есть хотя капля моей крови, ты и самъ не откажешься возстановить своею казнью ту военную дисциплину, которая по твоей винѣ была нарушена. Иди, ликторъ, и привяжи его къ столбу“. Всѣ поражены были такимъ ужаснымъ приказаніемъ; каждому казалось, что онъ видѣлъ надъ собою топоръ ликтора, и воины оставались безмолвными скорѣе вслѣдствіе страха, чѣмъ вслѣдствіе сдержанности. Поэтому, простоявъ нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи, они только тогда пришли въ себя, когда полились потоки крови изъ обезглавленнаго трупа, и внезапно поднялись ничѣмъ не сдерживаемыя жалобы, сопровождаемыя неумолкаемыми воплями и проклятіями. Трупъ юноши покрытъ былъ снятыми съ непріятеля доспѣхами, вынесенъ за валъ лагеря настолько торжественно, насколько это вообще возможно при участіи товарищей-соратниковъ, и сожженъ на приготовленномъ тамъ кострѣ; приказы же Манлія послѣ этого стали предметомъ страха не только въ его время, но продолжали служить примѣромъ ужасной строгости и впослѣдствіи. **8.** Зато вслѣдствіе этого жестокаго наказанія воины болѣе прежняго стали повиноваться своему полководцу: не только дневные и ночные караулы, а также порядокъ въ замѣщеніи постовъ передъ лагеремъ исполнялся вездѣ съ большею точностью, но также въ послѣднемъ сраженіи, когда вышли на поле битвы, та же строгость принесла свою пользу. Борьба эта была весьма похожа на борьбу во время гражданской войны; до такой степени ни въ чемъ не было разницы между латинскими и римскими порядками, за исключеніемъ лишь мужества.

Прежде римскія войска имѣли круглые щиты; но съ того времени, какъ войско стало получать жалованье, оно обзавелось продолговатыми щитами вмѣсто круглыхъ. Первоначально войска строились фалангами, подобно македонскимъ, а потомъ эта масса образовала боевую линію, построенную по манипуламъ [1]). Наконецъ римское войско было раздѣлено на значи-

[1]) См. примѣч. къ гл. 6.

тельное число отдѣленій, при чемъ каждое изъ такихъ отдѣленій заключало въ себѣ по 60 воиновъ, по 2 центуріона и по одному знаменосцу. Первый рядъ въ боевомъ строю составляли „гастаты“ [1]), числомъ въ 15 манипуловъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на небольшомъ разстояніи. Манипулъ содержалъ въ себѣ 20 легковооруженныхъ воиновъ, а всѣ остальные были вооружены продолговатыми щитами; легковооруженными же назывались тѣ воины, которые носили только метательное копье и пику. Это былъ передовой отрядъ въ битвѣ и состоялъ изъ цвѣтущей молодежи, годной для отправленія военной службы. За ними слѣдовалъ отрядъ болѣе окрѣпшихъ воиновъ, раздѣленныхъ на столько же манипуловъ; они именовались „принципы“ [2]) и всѣ вооружены были продолговатыми щитами и отличнымъ оружіемъ. Вышеупомянутый отрядъ войска изъ 30 манипуловъ носилъ названіе „антепиланы“ [3]), такъ какъ 15 другихъ рядовъ помѣщалось уже позади знаменъ; изъ нихъ каждый въ свою очередь подраздѣлялся на 3 части, изъ которыхъ каждая первая часть носила названіе pilus; рядъ состоялъ изъ 3 знаменъ, а при знамени было 186 человѣкъ. За первымъ знаменемъ слѣдовали тріаріи, старые воины испытанной храбрости; за вторымъ слѣдовали рораріи [4]), менѣе надежные по возрасту и подвигамъ; подъ третьимъ шли „причисленные accensi [5]), наименѣе надежный отрядъ, почему и помѣщавшійся въ послѣднемъ ряду. Когда войско построено было въ такомъ порядкѣ, гастаты прежде всѣхъ начинали сраженіе. Но если они не были въ состояніи одолѣть врага, они медленнымъ шагомъ отступали назадъ, и ихъ тотчасъ принимали принципы въ промежутки между своими рядами. Тогда сражались принципы, а за ними слѣдовали гастаты. Тріаріи располагались позади своихъ знаменъ, вытянувъ лѣвую ногу [6]); плечомъ они опирались на щиты, а копья съ поднятымъ въ верхъ остріемъ держали воткнутыми въ землѣ, представляя изъ себя боевую линію, обнесенную точно палисадомъ. Если и принципы имѣли мало успѣха въ битвѣ, то они изъ перваго ряда отступали мало-по-малу къ тріаріямъ: отсюда для обозначенія крайней опасности и вошло въ пословицу выраженіе „дѣло дошло до тріаріевъ“. Тогда тріаріи поднимались съ мѣста, принявши принциповъ и гастатовъ въ промежутки между своими рядами, тотчасъ какъ бы загораживали этими сомкнутыми рядами всѣ выходы и, образовавши такимъ образомъ сплошную фалангу, быстро нападали на непріятеля, не имѣя уже больше позади себя никакой надежды. Для непріятелей этотъ моментъ былъ самый ужасный: преслѣдуя какъ бы побѣжденныхъ уже противниковъ, они замѣчали вдругъ наступающій на нихъ новый, еще болѣе многочисленный, боевой отрядъ. Наборъ опредѣлялся приблизительно 4 легіонами въ 5,000 пѣхотинцевъ и 3 сотни всадниковъ каждый. Такое же количество войска обыкновенно прибавлялось къ нимъ изъ набранныхъ латинянъ, но въ это время тѣ были врагами римскими и въ томъ же порядкѣ построили свои войска къ битвѣ. Не только знамена должны были столкнуться съ знаменами, всѣ гастаты съ гастатами и принципы съ принципами, но и центуріоны хорошо знали, что имъ придется сражаться съ центуріонами, если только ряды не будутъ разставлены въ иномъ порядкѣ. Между тріаріями въ томъ и другомъ войскѣ было 2 центуріона первой роты: римскій—не особенно сильный, но дѣльный и отважный въ военной службѣ человѣкъ, латинскій же обладалъ необыкновенной силой и считался однимъ изъ лучшихъ воиновъ; они хорошо знали другъ друга, потому что всегда занимали одинаковыя мѣста на службѣ. Римскому центуріону, не вполнѣ полагавшемуся на свои силы, еще въ Римѣ консулы разрѣшили выбрать себѣ кого угодно въ помощники, съ тѣмъ, чтобы онъ охранялъ центуріона отъ одного ему назначеннаго врага. Выбранный юноша столкнулся въ сраженіи съ латинскимъ центуріономъ и одержалъ надъ нимъ побѣду.

Сраженіе происходило не далеко отъ подошвы горы Везувія, на дорогѣ, ведущей къ Везеру [1]). **9.** Прежде чѣмъ начать битву, римскіе консулы принесли жертву. Гаруспикъ показалъ, говорятъ, Децію, что верхняя часть печени на счастливой [2]) сторонѣ имѣетъ порѣзъ, но что въ общемъ жертва пріятна богамъ; жертва же Манлія была безукоризненна. „Ну, дѣло обстоитъ благополучно,“ сказалъ Децій, „если мой товарищъ получилъ хорошія предзнаменованія“. Послѣ этого, построивши войско вышеозначеннымъ порядкомъ, они вышли на бой. Манлій командовалъ на правомъ флангѣ, Децій—на лѣвомъ. Сначала обѣ стороны сражались съ равными силами и

[1]) и [2]) Ср. VII 23 примѣч. [3]) Т. е. стоящіе впереди знаменъ, передовые. [4]) По объясненію грамматиковъ, это были воины, которые до столкновенія главныхъ силъ начинали битву копьями. [5]) „Причисленные“ къ легіону воины, сражавшіеся исключительно пращами и метательнымъ оружіемъ. [6]) Тріаріи передъ самой битвой стояли на правомъ колѣнѣ, протянувъ въ то же время лѣвую ногу, а лѣвой рукой поддерживали щиты.

[1]) Изъ даннаго мѣста нельзя видѣть, была ли то рѣка, или городъ. [2]) Правой.

съ одинаковымъ воодушевленіемъ; но затѣмъ римскіе гастаты на съ лѣвомъ флангѣ, не будучи въ состояніи выдержать натиска латинянъ, отступили къ принципамъ. Среди этой суматохи консулъ Децій воззвалъ громкимъ голосомъ къ М. Валерію: „Валерій, нужна помощь боговъ: ты, какъ понтификъ римскаго народа, произнеси слова, повторяя которыя я могъ бы обречь себя за легіоны!“ Понтификъ приказалъ ему надѣть тогу претексту, закрыть голову, поднять въ верхъ руки подъ тогой до самаго подбородка и, стоя на положенномъ подъ ногами копьѣ, произносить слѣдующія слова: „О Янъ, Юпитеръ, отецъ Марсъ, Квиринъ и Беллона, о вы, Лары, боги чужіе и отечественные и всѣ боги, въ рукахъ которыхъ находится наша судьба и судьба непріятелей, а также боги маны, вамъ я молюсь, васъ я чту, прошу милости вашей и добиваюсь, осчастливьте римскій народъ квиритовъ и доставьте ему силу и побѣду, непріятелей же римскаго народа квиритовъ поразите страхомъ, ужасомъ и смертью! За государство римское, за войско, легіоны и союзниковъ римскаго народа я, согласно данному мною обѣту, приношу въ жертву богамъ манамъ и Землѣ себя и легіоны непріятельскіе съ ихъ союзниками“. Послѣ этой молитвы Децій послалъ ликторовъ къ товарищу М. Манлію съ порученіемъ немедленно сообщить ему что онъ, Децій, обрекъ себя на смерть за войско; самъ же, препоясавшись по-габински [1]), вскочилъ въ полномъ вооруженіи на лошадь и понесся въ средину непріятелей. Онъ обращалъ на себя вниманіе обоихъ войскъ и казался имъ существомъ, величественнѣе обыкновеннаго смертнаго, какъ бы ниспосланнымъ съ неба для искупленія божьяго гнѣва, существомъ, которому предоставлено отвратить гибель отъ своихъ и перенести ее на непріятелей. Поэтому-то ужасъ и трепетъ, сопровождавшій его появленіе, привелъ сначала въ смятеніе стоявшіе подъ знаменами отряды латинянъ, а потомъ объялъ и положительно все непріятельское войско. Особенно это было замѣтно потому, что, гдѣ только ни проѣзжалъ Децій на своемъ конѣ, тамъ вездѣ всѣми овладѣвала паника, словно они поражены были губительной бурей; а гдѣ онъ, засыпанный градомъ стрѣлъ, упалъ на землю съ того мѣста когорты латинянъ, уже безъ сомнѣнія оробѣвшія, бросились бѣжать и бѣгствомъ своимъ очистили большое про-

[1]) См. примѣч. къ V 46.

странство около трупа. Въ то же время и римляне, освободившись отъ суевѣрнаго страха, поднялись, какъ будто бы тогда впервые былъ поданъ сигналъ, и возобновили битву; не только рораріи стали быстро подвигаться впередъ между стоявшими предъ знаменами и подкрѣпили гастовъ и принциповъ но и тріаріи, стоя на правомъ колѣнѣ, ожидали только знака консула, чтобы подняться. **10.** Затѣмъ сраженіе продолжалось, и латиняне, благодаря численному превосходству, стали въ нѣкоторыхъ пунктахъ одерживать верхъ. Между тѣмъ Манлій, узнавши о судьбѣ товарища и должнымъ образомъ почтивши такую достопамятную смерть его слезами и заслуженной похвалой, все-таки еще нѣсколько сомнѣвался относительно того, пора ли уже тріаріямъ подниматься, или нѣтъ. Но затѣмъ онъ призналъ за лучшее приберечь этотъ отрядъ полнымъ силъ на случай крайней опасности и велѣлъ „причисленнымъ“ [1]) выйти изъ заднихъ рядовъ и стать въ переднихъ. Лишь только они заняли указанное мѣсто, тотчасъ латиняне вызвали своихъ тріаріевъ, предполагая, что римляне уже сдѣлали это. Латинскіе тріаріи вслѣдствіе ожесточенной битвы, продолжавшейся нѣкоторое время, сами устали и копья свои частію поломали, частію притупили; однако силою оружія они начали тѣснить непріятеля и полагали, что сраженіе уже окончено, и что они достигли послѣдняго ряда, какъ вдругъ раздался голосъ консула къ своимъ тріаріямъ: „поднимайтесь теперь со свѣжими силами противъ усталыхъ враговъ! помните объ отечествѣ и родителяхъ, о женахъ и дѣтяхъ, помните о консулѣ, который умеръ, чтобы предоставить вамъ побѣду!“ Когда поднялись тріаріи со свѣжими силами и сверкающимъ оружіемъ, мгновенно образуя новый отрядъ, то, принявши антепилановъ [2]) въ промежутки между своими рядами, они подняли крикъ и стали приводить въ замѣшательство переднія ряды латинянъ: коля ихъ копьями въ лицо, перебивъ передовыхъ и отборныхъ воиновъ, они прошли черезъ другіе манипулы, словно тѣ были безоружны; такимъ образомъ вышедши оттуда почти невредимыми, они прорвали манипулы пріятелей и произвели такую рѣзню, что едва уцѣлѣла четвертая часть враговъ. Приводили латинянъ въ ужасъ также выстроенные вдали у подошвы горы самнитяне. Впрочемъ, изъ всѣхъ гражданъ и союзниковъ главная заслуга въ этой

[1]) См. примѣч. къ гл. 8. Очевидно, такое примѣненіе „причисленныхъ“ воиновъ было не обычно, почему латиняне и введены были въ обманъ. [2]) См. гл. 8.

битвѣ принадлежала консуламъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя всѣ опасности, угрожавшія отъ боговъ небесныхъ и подземныхъ, другой во время битвы выказалъ необыкновенную храбрость и предусмотрительность. Римскіе и латинскіе писатели, которые передали потомству на память исторію этой битвы, вполнѣ согласны между собою насчетъ того, что на какой бы сторонѣ Т. Манлій ни былъ предводителемъ, той несомнѣнно принадлежала бы побѣда. Бѣжавшіе латиняне скрылись въ Ментурны. Послѣ сраженія лагерь былъ взятъ; въ немъ захвачено было живыми много людей, особенно же кампанцевъ. Трупъ Деція въ этотъ день не былъ найденъ, такъ какъ отправившихся на поиски за нимъ людей застигла ночь; на слѣдующій же день онъ оказался среди огромной кучи убитыхъ непріятелей и весь былъ покрытъ стрѣлами. По распоряженію товарища устроено было соотвѣтствующее его славной смерти погребеніе.

Къ этому необходимымъ считаю присовокупить, что, обрекая на гибель непріятельскіе легіоны, полководецъ—консулъ ли онъ, диктаторъ, или преторъ,—не обязанъ былъ обрекать на смерть непремѣнно самого себя, но могъ выбрать любого гражданина изъ формально набраннаго римскаго легіона. При этомъ, если обреченный на смерть умиралъ, то это было хорошимъ признакомъ, если же не умиралъ, тогда зарывали въ землю изображавшую его статую въ 7 футовъ или больше и убивали жертвенное животное для умилостивленія боговъ; на то мѣсто, гдѣ была зарыта статуя, нельзя было ступать никому изъ римскихъ должностныхъ лицъ. Но если полководецъ обрекалъ себя на смерть, какъ это сдѣлалъ Децій, и не умиралъ, то онъ не могъ послѣ этого совершать надлежащимъ образомъ жертвоприношенія ни за себя лично, ни за государство. Но законъ разрѣшаетъ, если угодно, принести въ жертву Вулкану или какому-либо другому божеству свое оружіе, заколовъ при этомъ жертвенное животное, или другимъ какимъ-либо подобнымъ образомъ. Копье, стоя на которомъ консулъ молился, не должно попадать въ руки враговъ, если же попадаетъ, то Марсъ умилостивляется принесеніемъ въ жертву свиньи, овцы и быка. **11.** Хотя всѣ установленія божескія и человѣческія, вслѣдствіе предпочтенія всего новаго и чужого старому и отечественному, преданы забвенію, тѣмъ не менѣе я призналъ умѣстнымъ сообщить о нихъ, и притомъ въ той же формѣ, въ какой они были сдѣланы и переданы. У нѣкоторыхъ писателей я нахожу извѣстіе, что

самнитяне выжидали исхода битвы и только по окончаніи ея прибыли на помощь римлянамъ; а равнымъ образомъ жители города Лавинія, потративъ много времени на размышленіе, пошли на помощь къ латинянамъ уже послѣ того, какъ они были разбиты. Переднія знамена и часть отряда уже вышли за городскія ворота, когда получено было извѣстіе о пораженіи латинянъ. Когда они, повернувъ знамена, возвращались обратно въ городъ, то, говорятъ, преторъ ихъ Миліоній сказалъ, что за этотъ краткій путь гражданамъ придется дорого заплатить римлянамъ.

Латиняне, оставшіеся въ живыхъ послѣ сраженія и разсѣявшіеся по многимъ дорогамъ, собрались потомъ вмѣстѣ и нашли убѣжище въ городѣ Весціи. Здѣсь на собраніяхъ союзныхъ начальниковъ латинскій полководецъ Нумизій утверждалъ, что на самомъ дѣлѣ исходъ битвы былъ одинаковъ, и что оба войска потерпѣли равный уронъ; въ рукахъ-де римлянъ находится только имя побѣды, въ остальномъ же и они терпятъ участь побѣжденныхъ; обѣ палатки консуловъ имѣютъ траурный видъ—одна вслѣдствіе казни отцомъ собственнаго сына, другая вслѣдствіе убіенія обрекшаго себя на смерть консула; все войско разгромлено: перебиты гастаты и принципы, впереди знаменъ и позади ихъ произведена страшная рѣзня, и лишь тріаріи, наконецъ, придали битвѣ счастливый оборотъ. Хотя и войска латинянъ потерпѣли не меньшій уронъ, однако для пополненія ихъ Лацій или вольски находятся ближе, чѣмъ Римъ для римлянъ: поэтому, если имъ угодно, онъ вызоветъ поспѣшно молодыхъ людей изъ земли латинянъ и вольсковъ, возвратится съ готовымъ къ сраженію войскомъ въ Капую и своимъ внезапнымъ прибытіемъ врасплохъ застигнетъ римлянъ, менѣе всего ожидающихъ теперь сраженія. Разосланы были лживыя письма по Лацію и землѣ вольсковъ, и такъ какъ не принимавшіе участія въ битвѣ очень легко вѣрили всему безъ разбора, то отовсюду собралось поспѣшно набранное и поэтому безпорядочное ополченіе. Противъ этого отряда у Трифана, расположеннаго между Синуессой и Ментурнами, выступилъ на встрѣчу консулъ Торкватъ. Прежде чѣмъ выбрано было мѣсто для лагеря, оба войска бросили свою поклажу въ кучу, сразились и закончили этимъ войну; ибо латиняне потерпѣли такое страшное пораженіе, что, когда консулъ повелъ побѣдоносное войско для опустошенія ихъ владѣній, то всѣ они сдались ему, а ихъ примѣру послѣдовали и кампанцы.

Лацій и Капуя поплатились своими владѣніями; владѣнія латинскія съ привернскими и фалернскія, принадлежавшія кампанцамъ, вплоть до рѣки Волтурна раздѣлены были между римскими плебеями. Въ области латинянъ дали каждому по 2 югера земли, при чемъ количество это пополнено было 3/4 югера изъ привернскихъ полей. Въ Фалернской области каждый получилъ по 3 югера земли, при чемъ 1/4 югера была прибавлена по случаю отдаленности этихъ мѣстъ. Избѣгли наказанія лавренты, жившіе въ землѣ латинянъ, и кампанскіе всадники, потому что ни тѣ, ни другіе не измѣнили Риму. Съ лаврентами велѣно было возобновить договоръ, и онъ съ тѣхъ поръ сталъ ежегодно возобновляться въ 11-й день общелатинскаго праздества [1]. Кампанскіе всадники получили право римскаго гражданства, и въ знакъ этого событія повѣшена была въ храмѣ Кастора въ Римѣ мѣдная доска. Сверхъ того, остальные кампанцы обязаны были уплачивать каждому изъ этихъ всадниковъ ежегодную подать въ размѣрѣ 450 денаріевъ [2], число же всадниковъ простиралось до 1,600 человѣкъ. **12.** Такимъ образомъ окончена была эта война, распредѣлены были соотвѣтственно заслугамъ каждаго награды и наказанія, и Т. Манлій возвратился въ Римъ. Когда онъ подходилъ къ городу, на встрѣчу ему, какъ извѣстно, вышли только люди пожилые: молодежь и въ то время, и послѣ, въ теченіе всей его жизни, презирала и проклинала его. Области Остійская, Ардейская и Солонійская подверглись нападеніямъ со стороны антіатовъ. Консулъ Манлій, не будучи въ состояніи вслѣдствіе разстроеннаго здоровья вести эту войну, назначилъ диктатора въ лицѣ Л. Папирія Красса, который въ то время какъ разъ былъ преторомъ, а онъ избралъ себѣ въ начальники конницы Л. Папирія Курсора. Но противъ антіатовъ диктаторъ не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, несмотря на то, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ стоялъ лагеремъ въ антіатскихъ владѣніяхъ.

---

1) Это было древнее торжественное собраніе союза латинскихъ городовъ подъ гегемоніей Альбы Лонги. По разореніи этого города, при царѣ Туллѣ Гостиліи (82—114 г.), и по переселеніи жителей его въ Римъ, римскіе цари стали во главѣ союза и совершали ежегодно союзное жертвоприношеніе—сначала въ храмѣ Діаны, построенномъ при царѣ Сервіи Тулліи (186—220 г.) на Авентинской горѣ, а позже опять на Альбанской горѣ. Это праздество удержалось до позднѣйшихъ временъ, и ежегодно оба консула должны были отправляться на Альбанскую гору для принесенія жертвы. Праздество это относилось къ передвижнымъ праздникамъ, и поэтому его приходилось объявлять заранѣе. 2) При переводѣ на наши деньги эта сумма составитъ около 108 руб., такъ какъ денарій (серебряный)=около 24 коп.

За этимъ годомъ, ознаменованный побѣдой надъ столькими весьма могущественными народами, и, сверхъ того, славною смертью одного изъ консуловъ и насколько безпощаднымъ, настолько же достопамятнымъ примѣненіемъ власти 415 г.
другого, послѣдовалъ годъ консульства Т. Эмилія Мамерцина и Кв. Публилія Филона. Имъ не представилось случая совершить подобныя подвиги, да и сами они больше заботились о своихъ личныхъ интересахъ или интересахъ своей политической партіи, чѣмъ объ отечествѣ. Латиняне, которые были раздражены противъ Рима за потерю своихъ владѣній и поэтому возобновили войну, они разбили на Фенектанской равнинѣ и отняли у нихъ лагерь. Публилій, подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ котораго велась эта война, принималъ сдачу отъ тѣхъ латинянъ, воины которыхъ здѣсь были перебиты, а Эмилій въ то время повелъ свои войска къ Педу. Жителей Педа защищали тибуртинцы, пренестинцы и обитатели Велитръ, пришли также вспомогательныя войска изъ Ланувія и Антія. Римляне, правда, во всѣхъ битвахъ одерживали верхъ; но у самого города Педа и смежнаго съ нимъ лагеря союзниковъ дѣло еще не начиналось; тѣмъ не менѣе Эмилій, узнавъ о назначеніи своему товарищу тріумфа, не окончивши войны, внезапно бросилъ ее и возвратился въ Римъ, требуя и для себя разрѣшенія тріумфа до побѣды. Такое требованіе оскорбило отцовъ, и они отказали консулу въ тріумфѣ, прежде чѣмъ Педъ не будетъ взятъ, или самъ не сдастся на капитуляцію. Съ этого времени Эмилій измѣнилъ сенату и сталъ исправлять консульскую должность, какъ мятежный трибунатъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ продолженіе своего консульства онъ не переставалъ обвинять патриціевъ передъ народомъ, не встрѣчая никакого сопротивленія со стороны товарища, который тоже былъ плебейскаго происхожденія. Матеріаломъ для его обвиненій послужила слишкомъ скупая раздача плебеямъ участковъ въ Латинской и Фалернской областяхъ. Поэтому, когда сенатъ, желая скорѣе прекратить власть консуловъ, приказалъ назначить диктатора противъ возобновившихъ войну латинянъ, то Эмилій, который былъ тогда облеченъ властью, назначилъ диктаторомъ своего товарища, а этотъ избралъ начальникомъ конницы Юнія Брута. Диктатура Публилія пріобрѣла любовь народа, отчасти благодаря произнесенію исполненныхъ упрековъ рѣчей противъ патриціевъ, отчасти благодаря проведенію трехъ законовъ,

весьма благопріятныхъ для плебеевъ и невыгодныхъ для знати. Первый законъ гласилъ, что постановленія плебеевъ [1]) должны быть обязательны для всѣхъ римскихъ гражданъ; по второму—проводимые въ центуріатскихъ комиціяхъ законы должны были до начала голосованія быть утверждаемы отцами; третій законъ повелѣвалъ, чтобы одинъ изъ двухъ цензоровъ былъ непремѣнно плебей, такъ какъ дѣло дошло уже до того, что оба они могли быть изъ плебеевъ [2]). Въ одинъ этотъ годъ, по мнѣнію патриціевъ, консулы и диктаторъ принесли больше вреда внутри государства, чѣмъ расширили его владѣнія побѣдою и военными подвигами.

416 г. **13**. Въ слѣдующемъ году, въ консульство Л. Фурія Камилла и Г. Менія, сенатъ настоятельно требовалъ употребить вооруженныя силы и всѣ средства для завоеванія и разрушенія города Педа, чтобы тѣмъ яснѣе поставить въ упрекъ консулу предыдущаго года Эмилію неисполненіе этого предпріятія. Новые консулы, будучи поставлены въ необходимость заняться этимъ дѣломъ прежде всего, выступили въ походъ. Жители Лація находились уже въ такомъ положеніи, что не могли переносить ни войны, ни мира: для веденія войны у нихъ недоставало средствъ, а миръ казался презрѣннымъ вслѣдствіе негодованія, вызваннаго потерею владѣній. Имъ казалось, что слѣдуетъ держаться середины и оставаться въ городахъ для того, чтобы римляне, не будучи вызываемы на сраженіе, не имѣли никакого повода продолжать войну, но при извѣстіи объ обложеніи ими какого-либо города всѣмъ отовсюду спѣшить на помощь осажденнымъ. Однако жителямъ Педа оказали помощь лишь весьма немногіе народы: дошли до Педа тибуртинцы и пренестинцы, владѣнія которыхъ находились вблизи; на жителей же Ариціи, Ланувія и Велитръ, которые готовы были соединиться съ антіатскими вольсками, Меній внезапно напалъ у рѣки Астуры и разбилъ ихъ. Камиллъ сражался у Педа съ тибуртинцами—войскомъ, въ высшей степени сильнымъ: хотя битва эта была гораздо труднѣе, однако окончилось такъ же счастливо. Особенную тревогу произвела внезапная вылазка горожанъ во время битвы. Но Камиллъ обратилъ противъ нихъ часть своего войска и не только прогналъ ихъ

[1]) Ср. III 55. [2]) Въ предыдущемъ у Ливія не приведено ни одного случая, на основаніи котораго можно было бы признать этотъ мотивъ правильнымъ; VII 42 рѣчь идетъ о консулахъ, а не о цензорахъ.

въ городъ, но въ тотъ же день, разбивъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ вспомогательными отрядами, при помощи лѣстницъ овладѣлъ самимъ городомъ. Послѣ завоеванія одного города увеличилось усердіе и мужество, и консулы уже рѣшили вести побѣдоносное войско дальше изъ одного мѣста въ другое для усмиренія Лація. И дѣйствительно, они успокоились только тогда, когда подчинили своей власти весь Лацій, завоевавъ или принявъ на капитуляцію отдѣльные города его. Затѣмъ, расположивши гарнизоны по завоеваннымъ городамъ, консулы отправились въ Римъ для полученія назначеннаго имъ съ общаго согласія тріумфа. Кромѣ тріумфа, имъ оказана была еще другая честь: на форумѣ поставлены были ихъ конныя статуи—явленіе рѣдкое въ то время.

Прежде чѣмъ центуріатскимъ комиціямъ предложено было избрать консуловъ на слѣдующій годъ, Камиллъ доложилъ сенату дѣло о латинскихъ народахъ и сказалъ слѣдующее: „Все то, сенаторы, что нужно было сдѣлать въ Лаціи войною и оружіемъ, доведено уже до конца благодаря милости боговъ и храбрости воиновъ. Непріятельскія войска разбиты у Педа и Астуры; всѣ латинскіе города и въ землѣ вольсковъ Антій или взяты силою оружія, или сами сдались и заняты вашими гарнизонами. Но такъ какъ они часто безпокоятъ насъ своими возстаніями, то остается обсудить вопросъ, какимъ образомъ намъ удержать ихъ въ постоянномъ мирѣ и спокойствіи. Безсмертные боги дали вамъ полную возможность рѣшить этотъ вопросъ, такъ что отъ васъ всецѣло зависитъ, быть ли Лацію на будущее время, или не быть. Поэтому относительно латинянъ вы можете устроить себѣ постоянный миръ или путемъ жестокой расправы, или путемъ прощенія. Если вы хотите жестоко поступить съ побѣжденными и сдавшимися, то вы можете опустошить весь Лацій и превратить въ необитаемую пустыню ту страну, которая часто доставляла вамъ превосходное союзное войско во многихъ и важныхъ войнахъ. Если же вы хотите, по примѣру предковъ, увеличить могущество Рима принятіемъ побѣжденныхъ въ число гражданъ, то теперь вы имѣете удобный случай умножить съ величайшей славой свое населеніе. По крайней мѣрѣ, та власть считается самой прочной, которой подчиняются съ радостью. Однако, какъ бы вамъ ни угодно было рѣшить относительно ихъ, нужно это сдѣлать поскорѣе: вѣдь вы держите въ нерѣшительности, между надеждою и страхомъ, много народовъ;

поэтому вы должны по возможности скорѣе и съ себя сложить заботу о нихъ, и пока они находятся въ напряженномъ ожиданіи, поразить ихъ или наказаніемъ, или милостью. Наша задача состояла въ предоставленіи вамъ всевозможныхъ способовъ для обсужденія этого вопроса; ваше дѣло теперь рѣшить то, что, по вашему мнѣнію, болѣе всего полезно для васъ самихъ и для государства." **14.** Старшіе сенаторы одобряли докладъ консула относительно этого вопроса въ цѣломъ, но говорили, что, такъ какъ положеніе различныхъ народовъ различно, то дѣло о воздаяніи каждому по заслугамъ его можетъ быть рѣшено лишь въ томъ случаѣ, если консулы сдѣлаютъ докладъ о каждомъ народѣ отдѣльно и поименно. Поэтому о каждомъ народѣ въ отдѣльности былъ сдѣланъ докладъ и постановленіе. Ланувинцамъ предоставлено право гражданства и возвращены ихъ святыни, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы храмъ и роща Юноны Соспиты [1]) были общимъ достояніемъ какъ жителей города Ланувія, такъ и римскаго народа. Жители Ариціи, Номента и Педа приняты въ число гражданъ съ такими же правами, какъ и ланувинцы; за тускуланцами оставлено то право гражданства, которое они имѣли раньше [2]), при чемъ вина ихъ въ возстаніи приписана не общей измѣнѣ, а лишь немногимъ зачинщикамъ. Старые граждане римскіе, жители Велитръ, за свои неоднократныя возстанія были подвергнуты жестокому наказанію: стѣны города были разрушены до основанія, а сенаторы [3]) выведены оттуда съ приказаніемъ поселиться на правой сторонѣ Тибра; при этомъ отъ всякаго изъ нихъ, пойманнаго на лѣвой сторонѣ Тибра дальше тысячи шаговъ отъ берега, требовали удовлетворенія [4]), а поймавшій могъ освободить пойманнаго изъ оковъ лишь послѣ уплаты установленной суммы денегъ. Въ поля сенаторовъ посланы были колонисты, съ поселеніемъ которыхъ въ Велитрахъ городъ принялъ опять видъ прежняго населеннаго города. Въ Антій посланы были новые колонисты съ тѣмъ условіемъ, чтобы и антіатамъ было позволено приписаться въ качествѣ колонистовъ, если они того пожелаютъ. Военные корабли были уведены оттуда, и антіатамъ

[1]) Названіе богини—покровительницы латинскаго народа; главный культъ ея находился въ Ланувіи; она же покровительница всего римскаго государства. [2]) См. VI 26. [3]) По обычаю своему приписывать римскія учрежденія другимъ городамъ, Ливій въ данномъ мѣстѣ говоритъ о сенатѣ въ Велитрахъ. [4]) Въ чемъ состояло „удовлетвореніе", видно изъ послѣдующаго: пойманнаго можно было заключить въ оковы, а за освобожденіе его нужна была опредѣленная сумма.

было запрещено пользоваться моремъ, но дано право гражданства. Тибуртинцы и пренестинцы лишились своихъ владѣній. Имъ поставлено было въ вину не только недавнее возстаніе сообща съ другими латинянами, но и то обстоятельство, что, тяготясь господствомъ римлянъ, они нѣкогда заключили вооруженный союзъ съ полудикимъ народомъ—галлами. У прочихъ латинскихъ народовъ отнято было право заключенія между собою законныхъ браковъ и право вести торговыя дѣла и созывать собранія. Кампанцы изъ уваженія къ ихъ всадникамъ, которые не захотѣли принять участія въ возстаніи латинянъ, а также жители Фундъ и Формій, черезъ владѣнія которыхъ римляне всегда могли проходить безопасно и мирно, приняты въ число гражданъ, но безъ права участвовать въ голосованіи; жителямъ Кумъ и Свессулы рѣшено было предоставить тѣ же права и то же положеніе, какъ и Капуѣ. Корабли антіатовъ были частію отправлены на римскія верфи, частію сожжены; носами ихъ рѣшили украсить построенную на площади каѳедру, отчего и это мѣсто получило названіе „Ростры".

15. Въ консульство Г. Сульпиція Лонга и П. Элія Пета, 417 г.
не столько вслѣдствіе римскаго могущества, сколько вслѣдствіе любви, пріобрѣтенной ласковымъ обращеніемъ съ побѣжденными, повсюду въ государствѣ царилъ миръ и спокойствіе; но въ это время между сидицинами и аврунками вспыхнула война. Аврунки, сдавшись консулу Т. Манлію, не возставали болѣе противъ римлянъ и тѣмъ больше имѣли права просить у нихъ помощи. Сенатъ предписалъ защитить аврунковъ; но прежде чѣмъ консулы выступили съ войскомъ изъ города, распространился слухъ, что аврунки подъ вліяніемъ страха покинули свой городъ, бѣжали съ женами и дѣтьми и укрѣпились въ Свессѣ, которая теперь стала называться Аврункской [1]), древнія же стѣны и самый городъ разрушены сидицинами. Поэтому сенатъ, озлобленный противъ консуловъ, вслѣдствіе медлительности которыхъ были преданы союзники, велѣлъ назначить диктатора. Диктаторомъ былъ назначенъ Г. Клавдій изъ Инрегилла, который выбралъ себѣ въ начальники конницы Г. Клавдія Гортатора. Но затѣмъ возникло сомнѣніе относительно правильности выбора диктатора, и когда авгуры сказали, что, по ихъ мнѣнію, онъ выбранъ ненадлежащимъ образомъ,

[1]) Въ отличіе отъ Свессы Пометійской.

тогда диктаторъ и начальникъ конницы сложили съ себя должности.

Въ этомъ году весталка Минуція, вслѣдствіе большей, чѣмъ то дозволялось весталкамъ, изысканности своего костюма, сперва была заподозрѣна [1]), а потомъ и обвинена предъ понтификами доносчикомъ рабомъ; рѣшеніемъ послѣднихъ ей приказано было отказаться отъ исполненія священнодѣйствій и запрещено отпускать на волю своихъ рабовъ [2]), а по произнесеніи приговора, она живою была зарыта въ землю у Коллинскихъ воротъ, вправо отъ мостовой—на Преступномъ Полѣ, которое, я думаю, и получило свое названіе отъ прелюбодѣянія, совершеннаго этой весталкой. Въ этомъ же году впервые изъ плебеевъ былъ избранъ преторомъ Кв. Публилій Филонъ, несмотря на сопротивленіе консула Сульпиція, который заявилъ, что не будетъ принимать въ расчетъ его кандидатуры, тогда какъ сенатъ, не имѣя возможности закрыть плебеямъ доступъ къ высшимъ должностямъ, не особенно отстаивалъ претуру.

418г. **16**. Слѣдующій годъ, въ консульство Л. Папирія Красса и Цезона Дуиллія, ознаменовался не столько значительною, сколько небывалою войною съ авзонами. Народъ этотъ жилъ въ городѣ Калахъ; онъ соединилъ свои вооруженныя силы съ силами сосѣдей сидициновъ, и въ одномъ, едва-ли заслуживающемъ даже упоминанія, сраженіи римляне разсѣяли войско обоихъ народовъ: вслѣдствіе близости своихъ городовъ оно очень охотно бѣжало и въ этомъ бѣгствѣ было вполнѣ безопасно. Однако отцы не оставили безъ вниманія этой войны, потому что сидицины уже много разъ или сами предпринимали войну [3]), или подавали помощь другимъ, предпринимавшимъ ее [4]), или, наконецъ, были причиной войны [5]). Поэтому-то были употреблены всѣ старанія, чтобы избрать консуломъ въ четвертый разъ величай-
419г. шаго въ то время полководца—М. Валерія Корва; въ товарищи Корву дали М. Атилія Регула. И чтобы какъ-нибудь не произошло ошибки, просили консуловъ, чтобы Корву безъ жребія поручено было веденіе этой войны. Принявъ побѣдоносное войско отъ прежнихъ консуловъ, Ковръ отправился къ Каламъ, откуда началась война; и такъ какъ

[1]) Изъ слѣдующаго видно, что Минуція обвинена была въ нарушеніи цѣломудрія. [2]) Цѣль этого запрещенія состояла въ желаніи дать возможность обвинителю допросить подъ пыткой ея рабовъ и воспользоваться ихъ показаніемъ. [3]) См. гл. 15. [4]) См. гл. 2. [5]) См. VII 29.

враги трепетали еще отъ страха при воспоминаніи о прошлой битвѣ, то, разсѣявъ ихъ при первомъ натискѣ и крикѣ, онъ сталъ осаждать самыя стѣны. И воодушевленіе воиновъ было такъ велико, что они изъявили желаніе тотчасъ-же подступить къ стѣнамъ съ лѣстницами и утверждали, что взберутся на нихъ. Но такъ какъ это было дѣломъ труднымъ, то Корвъ предпочелъ окончить его, скорѣе усиливъ труды воиновъ, чѣмъ подвергая ихъ опасности. Для этой цѣли онъ насыпалъ валъ, возвелъ винеи [1]) и придвинулъ осадныя башни къ стѣнѣ; но употребленіе послѣднихъ въ дѣло предупреждено было представившимся кстати удобнымъ случаемъ. Дѣло въ томъ, что римскій плѣнникъ М. Фабій, пользуясь безпечностью стражи, въ праздничный день разбилъ свои оковы и черезъ стѣну, при помощи привязаннаго къ зубцамъ ея каната, спустился на рукахъ къ осаднымъ сооруженіямъ римлянъ и побудилъ полководца напасть на усыпленныхъ виномъ и пиршествомъ враговъ. Авзоны и городъ ихъ взяты были съ такимъ же небольшимъ усиліемъ, съ какимъ они были разсѣяны на полѣ битвы. Взята огромная добыча, въ Калахъ поставленъ гарнизонъ, а легіоны отведены въ Римъ. Согласно сенатскому постановленію консулъ получилъ тріумфъ, а чтобы и Атилій не былъ лишенъ славы, обоимъ консуламъ было приказано вести войско противъ сидициновъ. До отъѣзда своего они, по сенатскому постановленію, назначили диктатора для предсѣдательствованія въ комиціяхъ въ лицѣ 420г.
Л. Эмилія Мамерцина, который назначилъ начальникомъ конницы Кв. Публилія Филона. Подъ предсѣдательствомъ диктатора выбраны были консулами Т. Ветрувій и Сп. Постумій. И хотя война съ сидицинами не была еще совершенно закончена, однако консулы вошли съ предложеніемъ вывести въ Калы колонистовъ, чтобы этимъ благодѣяніемъ предупредить желаніе плебеевъ. Когда состоялось сенатское постановленіе, чтобы записать туда 2,500 человѣкъ, то консулы назначили тріумвирами для вывода колоніи и надѣленія ихъ землей Цезона Дуиллія, Т. Квинктія и М. Фабія.

17. Послѣ этого новые консулы, принявъ войско отъ прежнихъ консуловъ, вступили въ непріятельскія владѣнія и, опустошая ихъ, дошли до самыхъ стѣнъ города. Но сидицины собрали здѣсь большое войско, и такъ какъ очевидно было, что и сами они намѣрены были сражаться съ

[1]) См. примѣч. къ II 17.

ожесточеніемъ въ виду крайняго отчаянія, а сверхъ того ходили слухи, что и самнитяне собираются начать войну, то консулы, согласно рѣшенію сената, избрали диктаторомъ П. Корнелія Руфина и начальникомъ конницы—М. Антонія. Но затѣмъ возникло сомнѣніе относительно правильности ихъ выбора, и они отказались отъ должности. А такъ какъ вслѣдъ за этимъ наступила моровая язва, то дѣло дошло до междуцарствія, какъ будто-бы происшедшею при избраніи диктатора ошибкою осквернены были всѣ авспиціи. И только пятымъ междуцаремъ отъ начала междуцарствія, М. Валеріемъ Корвомъ, избраны были консулы—А. Корнелій во второй разъ и Гн. Домитій.

421—422г. Среди общей тишины слухъ о войнѣ съ галлами произвелъ дѣйствіе нашествія, грозящаго Риму, такъ что рѣшено было назначить диктатора. Диктаторомъ назначенъ былъ М. Папирій Крассъ, а начальникомъ конницы П. Валерій Публикола; они производили наборъ съ большею энергіей, чѣмъ для войнъ съ сосѣдями, но посланные лазутчики принесли извѣстіе, что въ Галліи все спокойно. Подозрительны были и самнитяне, такъ какъ они уже второй годъ волновались, стремясь къ перемѣнамъ, а поэтому войско римское не было уведено изъ сидицинскихъ владѣній. Самнитяне, впрочемъ, отвлечены были въ область лукановъ войною съ Александромъ Эпирскимъ: оба эти народа сражались съ царемъ эпирскимъ соединенными силами, когда онъ дѣлалъ высадку со стороны Песта. Въ этой борьбѣ Александръ одержалъ верхъ и заключилъ миръ [1]) съ римлянами; но неизвѣстно, съ какою вѣрностью онъ сталъ бы соблюдать его, если бы остальныя предпріятія его были удачны. Въ томъ же году сдѣлана была перепись, и внесены въ цензорскіе списки новые граждане. Вслѣдствіе этого прибавлено было двѣ трибы—Меційская (Maecia) и Скаптійская (Scaptia): это прибавленіе сдѣлали цензоры Кв. Публилій Филонъ и Спурій Постумій. Жители Ацерры стали римлянами послѣ проведенія преторомъ Л. Папиріемъ закона, по которому имъ были предоставлены всѣ права гражданства безъ права подачи голоса. Таковы были мирныя и военныя событія этого года.

423г. **18**. Слѣдующій годъ, въ консульство М. Клавдія Марцелла и Г. Валерія, былъ несчастнымъ годомъ, или вслѣдствіе неблагопріятной для здоровья погоды, или вслѣдствіе человѣческаго преступленія. Въ лѣтописяхъ я нахожу различныя имена второго консула—то Флаккъ, то Потитъ; въ данномъ случаѣ, впрочемъ, не важно, что тутъ правда; но я больше желалъ бы, чтобы оказалось ложнымъ то преданіе (тѣмъ болѣе, что не всѣ писатели свидѣтельствуютъ объ этомъ), которое гласитъ, что всѣ тѣ, вслѣдствіе смерти которыхъ годъ этотъ заклейменъ былъ названіемъ морового, было отравлены: однако, я долженъ излагать событіе такъ, какъ оно передано, чтобы никому изъ писателей не отказать въ довѣріи. Дѣло въ томъ, что когда знатнѣйшіе люди въ городѣ стали умирать отъ одинаковыхъ болѣзней и всѣ почти одинаковымъ образомъ, то одна рабыня заявила курульному эдилу Кв. Фабію Максиму, что она укажетъ причину общественнаго бѣдствія, если онъ дастъ слово, что такое показаніе не принесетъ ей вреда. Фабій немедленно извѣстилъ объ этомъ консуловъ, а консулы доложили сенату, и по общему согласію сенаторовъ доносчицѣ была обѣщана безопасность. Тогда она открыла, что государство страдаетъ отъ козней женщинъ, и что матроны приготовляютъ этотъ ядъ; если-де сенаторы послѣдуютъ немедленно за нею, то виновныхъ можно захватить на мѣстѣ преступленія. Тогда послѣдовали за доносчицей и нашли нѣсколькихъ женщинъ, занятыхъ приготовленіемъ какихъ-то снадобьевъ, а другія снадобья спрятанными. Все это принесено было на площадь и черезъ курьера призвано около 20 матронъ, у которыхъ были найдены эти вещества. Когда двѣ изъ нихъ, Корнелія и Сергія, обѣ патриціанскаго рода, увѣряли, что это полезныя лекарства, доносчица, опровергая это показаніе, предлагала имъ выпить ихъ, чтобы изобличить ее во лжи. Матроны потребовали времени для переговоровъ и, когда народъ посторонился, онѣ на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ представили это условіе остальнымъ своимъ сообщницамъ, при чемъ тѣ также изъявили согласіе выпить этого снадобья; исполнивъ это, всѣ онѣ погибли отъ своихъ собственныхъ козней. Схвачены были тотчасъ ихъ спутницы, указавшія большое число матронъ, изъ которыхъ осуждено было около 170. До сихъ поръ въ Римѣ никогда еще не разбиралось дѣлъ по поводу отравленія ядомъ; фактъ этотъ признанъ былъ роковымъ предзнаменованіемъ и, казалось, походилъ болѣе на дѣло людей помѣшанныхъ, чѣмъ преступныхъ. Поэтому, нашедши въ лѣтописяхъ извѣстіе,

[1]) Такъ какъ съ римлянами Александръ не воевалъ, то надо думать, что Ливій имѣетъ въ виду заключеніе договора и вызванныя имъ мирныя отношенія.

что нѣкогда во время удаленія [1]) плебеевъ диктаторомъ былъ вбитъ гвоздь,и люди, разобщенные раздоромъ, благодаря этому средству пришли въ себя, рѣшено было назначить диктатора для вбитія гвоздя. Назначенный диктаторомъ Гн. Квинктилій выбралъ себѣ въ начальники конницы Л. Валерія, и оба они,по вбитіи гвоздя, сложили съ себя должность.

424г. **19**. Консулами выбраны Л. Папирій Крассъ во второй разъ и Л. Плавтій Венoксъ. Въ началѣ этого года прибыли въ Римъ послы изъ страны вольсковъ отъ жителей Фабратеріи и отъ лукановъ съ просьбой принять ихъ подъ покровительство римскаго народа; они говорили, что, если римляне защитятъ ихъ отъ самнитскаго оружія, то они станутъ вѣрными и послушными подданными римскаго народа. Тогда сенатъ черезъ пословъ объявилъ самнитянамъ, чтобы они воздержались отъ нападенія на области этихъ народовъ. Это посольство имѣло успѣхъ не столько потому, что самнитяне желали мира, сколько потому, что они не приготовились еще къ войнѣ. Въ тотъ же годъ вспыхнула война съ привернатами, союзниками которыхъ были фунданцы и даже предводителемъ былъ фунданецъ Витрувій Ваккъ, человѣкъ, извѣстный не только у себя на родинѣ, но и въ Римѣ; онъ имѣлъ домъ на Палатинскомъ холмѣ, который впослѣдствіи былъ разрушенъ, а земля конфискована и получила названіе Ваккова Луга. Когда онъ на обширномъ пространствѣ сталъ опустошать Сетинскую, Норбанскую и Коранскую области, противъ него отправился консулъ Папирій и расположился станомъ вблизи его лагеря. У Витрувія не было ни достаточно здраваго смысла, чтобы держаться внутри вала въ виду болѣе сильнаго врага, ни достаточно мужества, чтобы сражаться подальше отъ лагеря. Едва все войско его построилось за воротами лагеря, какъ онъ безъ всякаго плана и безъ отваги началъ битву, тогда какъ воины его скорѣе имѣли въ виду бѣгство, чѣмъ сраженіе съ непріятелемъ. Хотя его побѣдили быстро и рѣшительно, однако самая незначительность разстоянія и легкость отступленія въ столь близко расположенный лагерь дали ему возможность безъ труда спасти воиновъ отъ страшнаго избіенія: и дѣйствительно, почти никто не былъ убитъ во время самой битвы; только немногіе изъ бѣжавшихъ сзади пали среди суматохи, когда стремительно бросились въ лагерь. Оттуда съ

[1]) Ничего подобнаго Ливій не разсказываетъ ни II 32, III 50, ни VII 42, такъ что нельзя опредѣлить, какой случай онъ имѣетъ въ виду.

наступленіемъ ночи они поспѣшили въ безпорядкѣ въ Привернъ, чтобы за его стѣнами найти лучшую защиту, чѣмъ за валомъ. Отъ Приверна второй консулъ, Плавтій, опустошивши всю страну и угнавши добычу, повелъ римское войско въ область фунданцевъ. Когда онъ вступилъ въ фунданскіе предѣлы, ему вышелъ на встрѣчу сенатъ и говорилъ, что пришелъ просить не за Витрувія и его сообщниковъ, но за фунданскій народъ, который, по признанію самого Витрувія, неповиненъ въ войнѣ, такъ какъ онъ выбралъ мѣстомъ убѣжища Привернъ, а не свое отечество Фунды. Поэтому-де въ Привернѣ должно искать враговъ римскаго народа и преслѣдовать ихъ, потому что они въ одно и то же время измѣнили фунданцамъ и римлянамъ, позабывъ о томъ и о другомъ отечествѣ; фунданцы же живутъ въ мирѣ съ римлянами, имѣютъ римскія убѣжденія и съ благодарностью помнятъ о полученномъ правѣ гражданства. Они просятъ консула воздержаться отъ войны съ невиннымъ народомъ: ихъ поля и городъ, сами они съ женами и дѣтьми теперь находятся и всегда будутъ во власти римскаго народа. Консулъ похвалилъ фунданцевъ, отправилъ въ Римъ письмо съ извѣстіемъ, что они остаются вѣрны римлянамъ, и повернулъ по направленію къ Приверну. По свидѣтельству Клавдія, консулъ прежде наказалъ тѣхъ, которые были зачинщиками заговора; около 350 заговорщиковъ было связано и отправлено въ Римъ, но сенатъ не принялъ выдачи этихъ людей, полагая, что фунданцы хотятъ отдѣлаться наказаніемъ этихъ бѣдныхъ и ничтожныхъ гражданъ. **20**. Въ то время, какъ два консульскихъ войска осаждали Привернъ, одинъ изъ консуловъ отозванъ былъ въ Римъ для предсѣдательствованія въ комиціяхъ. Въ этомъ году впервые построены въ циркѣ загородки передъ ареной [1]).

Еще римляне не освободились отъ заботы о войнѣ съ привернатами, какъ распространился ужасный слухъ о нападеніи галловъ, котораго никогда почти отцы не оставляли безъ вниманія. Поэтому новые консулы, Л. Эмилій Мамерцинъ и Г. Плавтій, въ самый день вступленія своего въ 425г.
должность, именно въ квинктильскія календы [2]), получили приказаніе согласиться между собою насчетъ театра

[1]) По объясненію Варрона, загородки эти служили для того, чтобы удерживать колесницы и не допускать появленія ихъ на аренѣ ранѣе знака магистрата. До этого времени эти „carceres“ устраивались каждый разъ лишь на время игръ, а теперь, очевидно, они устанавливаются навсегда [2]) Т.-е. 1-го іюля.

военныхъ дѣйствій. Мамерцинъ, на долю котораго выпало веденіе галльской войны, сталъ набирать войско, не соглашаясь никого освобождать отъ военной службы. Говорятъ, что призывались даже ремесленники и мастеровые, народъ совершенно негодный къ военной службѣ, и въ Веяхъ собралось огромное войско, чтобы оттуда идти на встрѣчу галламъ: уходить дальше сочли невыгоднымъ изъ опасенія, чтобы непріятель, отправившись къ городу другой дорогой, не ускользнулъ. Потомъ, спустя нѣсколько дней, когда получено было достаточно достовѣрное извѣстіе, что въ Галліи теперь царитъ тишина, всѣ силы римлянъ обратились вмѣсто галловъ на Привернъ. О послѣдующемъ существуетъ двоякое преданіе: по одному, городъ былъ взятъ приступомъ, и Витрувій живымъ попалъ въ руки римлянъ; по другому, жители сами до штурма подчинились консулу, неся передъ собою жезлъ мира, а Витрувій былъ выданъ своими согражданами. Запрошенный относительно Витрувія и привернатовъ, сенатъ повелѣлъ консулу Плавтію разрушить стѣны Приверна и поставить въ немъ сильный гарнизонъ и назначилъ ему тріумфъ; Виртувія же приказалъ держать въ темницѣ до возвращенія консула, а затѣмъ высѣчь розгами и казнить. Домъ его на Палатинскомъ холмѣ рѣшили разрушить, а имущество посвятить Семону Сангу [1]); на деньги же, вырученныя отъ продажи этого имущества, сдѣланы были мѣдные круги и поставлены въ часовнѣ Санга, напротивъ храма Квирина. Относительно привернатскаго сената сдѣлано постановленіе, чтобы каждый сенаторъ, оставшійся въ Привернѣ послѣ измѣны города римлянамъ, поселился за Тибромъ на такихъ же условіяхъ, какъ и жители Велитръ [2]). Послѣ такого рѣшенія о привернатахъ не было рѣчи до самаго тріумфа Плавтія. Послѣ тріумфа, когда Витрувій и его соучастники были казнены, консулъ, полагая, что онъ можетъ вполнѣ безопасно внести въ сенатъ, удовлетворенный уже казнью виновныхъ, предложеніе о привернатахъ, сказалъ слѣдующее: „такъ какъ виновники измѣны понесли уже достойное наказаніе и отъ безсмертныхъ боговъ и отъ васъ, сенаторы, то что вамъ угодно будетъ сдѣлать съ массой невинныхъ людей? что касается меня, то хотя роль моя узнавать прежде ваши мнѣнія, чѣмъ

[1]) Сабинское божество, перенесенное въ Римъ, которое первоначально должно было олицетворять небо; оно отожествлялось съ Dius Fidius, какъ божество договоровъ и супружества. [2]) См. гл. 14.

предлагать свои, однако, помня, что привернаты живутъ въ сосѣдствѣ съ самнитянами, съ которыми у насъ теперь миръ весьма не проченъ, я желалъ бы, чтобы между нами и привернатами оставалось какъ можно меньше злобы.“ **21**. Дѣло было уже само по себѣ сомнительно, потому что всякій, согласно своему образу мыслей, подавалъ или болѣе суровый, или болѣе мягкій совѣтъ; но одинъ изъ привернатскихъ пословъ, думавшій больше о томъ положеніи, въ которомъ онъ родился, чѣмъ о настоящемъ бѣдствіи, подвергъ все еще большему сомнѣнію; ибо на предложенный однимъ сторонникомъ строгаго рѣшенія вопросъ, какого, по его мнѣнію, наказанія достойны привернаты, онъ отвѣтилъ: „такого, какого заслуживаютъ тѣ, которые считаютъ себя достойными свободы“. Консулъ замѣтилъ, что этотъ гордый отвѣтъ еще больше озлобилъ тѣхъ, которые уже раньше возставали противъ привернатовъ, и поэтому, желая ласковымъ вопросомъ вызвать болѣе мягкій отвѣтъ, спросилъ: „а если мы освободимъ васъ отъ наказанія, то какого мира можетъ ожидать отъ васъ?“ Посолъ отвѣтилъ: „Если вы предложите выгодный миръ, то онъ будетъ вѣренъ и вѣченъ, если же невыгодный, то онъ не будетъ продолжителенъ“. Тогда нѣкоторые воскликнули, что привернатъ угрожаетъ, и что подобныя рѣчи, несомнѣнно, возбуждаютъ къ возстанію умиротворенные народы. Болѣе благосклонная къ привернатамъ партія въ сенатѣ давала этому отвѣту гораздо лучшее толкованіе и утверждала, что это слова, достойныя мужа и человѣка свободнаго; „Развѣ можно“, говорили они, „повѣрить, чтобы какой нибудь народъ или отдѣльный человѣкъ захотѣлъ оставаться дольше, чѣмъ это необходимо, въ томъ положеніи, которымъ онъ недоволенъ? только тогда миръ соблюдается добросовѣстно, когда онъ заключенъ добровольно, а гдѣ хотятъ установить рабство, тамъ нельзя расчитывать на вѣрность“. Къ этому толкованію склонялъ умы больше всего самъ консулъ, обращаясь безпрестанно на столько громко, чтобы его слышали и многіе другіе, къ бывшимъ консуламъ, которые раньше другихъ подавали мнѣніе; онъ говорилъ, что тѣ только достойны сдѣлаться римлянами, которые думаютъ исключительно о свободѣ. Такимъ образомъ привернаты выиграли дѣло въ сенатѣ, и съ утвержденія отцовъ сдѣлано было предложеніе народу о предоставленіи имъ права гражданства. Въ этомъ же году по-

слано въ Анксуръ 300 колонистовъ, которые получили по 2 югера земли.

426г. **22**. Слѣдующій годъ, въ консульство П. Плавтія Прокула и П. Корнелія Скапулы, не ознаменованъ никакимъ событіемъ ни дома, ни на войнѣ, за исключеніемъ того, что во Фрегеллы, земля которыхъ принадлежала сначала сидицинамъ, а затѣмъ вольскамъ, выведена была колонія, и М. Флавіемъ устроена раздача мяса народу на похоронахъ матери. Нѣкоторые толковали, что, подъ предлогомъ оказанія почести матери, М. Флавій заплатилъ народу должную плату, потому что народъ оправдалъ его, когда эдилы назначили ему день явиться въ судъ по обвиненію въ обезчещеніи одной матроны. Устроенная имъ раздача мяса въ благодарность за прежнее рѣшеніе послужила для него также причиной почести: въ ближайшія комиціи онъ получилъ предпочтеніе передъ другими соискателями на должность народнаго трибуна, несмотря на то, что не присутствовалъ при выборахъ.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь[1]) находится Неаполь, лежалъ городъ Палеполь; оба города были заселены однимъ и тѣмъ же народомъ, который происходилъ изъ Кумъ, а куманцы ведутъ свое происхожденіе изъ Халкиды Эвбейской. Благодаря флоту, на которомъ они пріѣхали изъ отечества, куманцы достигли большого могущества въ той приморской странѣ, гдѣ они теперь живутъ; сначала они высадились на островахъ Энаріи и Питекусахъ, а затѣмъ рѣшились переселиться и на материкъ. Государство это, расчитывая частію на свои силы, частію на шаткость союза самнитянъ съ римлянами, или полагаясь на то, что городъ римскій, какъ ходили слухи, постигла моровая язва, предприняло рядъ враждебныхъ дѣйствій противъ римлянъ, жившихъ
427г. въ Кампанской и Фалернской области. Поэтому въ консульство Л. Корнелія Лентула и Кв. Публилія Филона во второй разъ въ Палеполь были отправлены феціалы съ цѣлью требовать удовлетворенія; но, когда отъ грековъ, народа болѣе бойкаго на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ, былъ полученъ гордый отвѣтъ, то народъ, съ утвержденія отцовъ, приказалъ начать съ палеполитанцами войну. Консулы по обоюдному согласію распредѣлили между собою театръ военныхъ дѣйствій, и идти войною на грековъ выпало на долю консула Публилія; Корнелій же съ другимъ войскомъ выставленъ былъ противъ самнитянъ,

[1]) Ливій выражается неточно: Неаполь существовалъ уже въ описываемое время.

на случай движенія съ ихъ стороны. А слухи ходили, что, выжидая отпаденія кампанцевъ, они намѣрены придвинуть свой лагерь. Поэтому Корнелію показалось самымъ лучшимъ расположиться лагеремъ въ этомъ мѣстѣ.

23. Оба консула увѣдомили сенатъ, что на сохраненіе мира съ самнитянами мало надежды: Публилій прислалъ извѣстіе, что 2,000 ноланскихъ воиновъ и 4,000 самнитскихъ впущены въ Палеполь, не столько по желанію грековъ, сколько по принужденію ноланцевъ; [изъ сообщенія Корнелія] въ Римѣ узнали, что властями самнитскими объявленъ уже наборъ, что весь Самній поднятъ на ноги, и самнитяне открыто побуждаютъ къ возстанію сосѣдніе народы—привернатовъ, фунданцевъ и формiанъ. Когда вслѣдствіе этого рѣшено было, прежде чѣмъ начнется война, отправить пословъ къ самнитянамъ, то самнитяне дали гордый отвѣтъ: они сами жаловались на обиды со стороны римлянъ и тѣмъ настойчивѣе оправдывались въ томъ, что имъ ставили въ упрекъ. Они говорили, что помощь грекамъ оказана безъ всякаго содѣйствія или совѣта со стороны государства, что они не побуждали къ возстанію фунданцевъ и формiанъ, потому что у нихъ, самнитянъ, не было бы недостатка въ собственныхъ военныхъ силахъ, если бы они хотѣли вести войну; впрочемъ, они не могутъ скрыть неудовольствія самнитскаго государства по поводу того, что римскій народъ возобновилъ взятый и разрушенный ими городъ вольсковъ Фрегеллы и на самнитской землѣ возвелъ колонію, которую римскіе колонисты называютъ Фрегеллами. Они примутъ всѣ мѣры для снятія съ себя этого позора и обиды, если они не будутъ сняты съ нихъ самими виновными. Когда же римскій посолъ сталъ звать ихъ на судъ передъ общими союзниками и друзьями, то одинъ изъ начальниковъ самнитскихъ сказалъ: „Къ чему уловки? нашъ споръ, римляне, рѣшатъ не рѣчи пословъ и не какой-либо судья изъ людей, а Кампанское поле, гдѣ намъ съ вами придется стать другъ противъ друга, наше оружіе и безпристрастное военное счастье. Поэтому разобьемъ лагерь противъ лагеря между Капуей и Свессулой и рѣшимъ, кому господствовать въ Италіи,—самнитянамъ или римлянамъ“. Въ отвѣтъ на это римскіе послы сказали, что они пойдутъ не туда, куда ихъ поведетъ врагъ, а туда, куда поведутъ ихъ свои полководцы. Между Палеполемъ и Неаполемъ Публилій овладѣлъ уже удобной позиціей и отнялъ у непріятелей возможность соединяться

и подавать другъ другу взаимную помощь, что они до сихъ поръ дѣлали всякій разъ, когда какое-нибудь мѣсто подвергалось нападенію. Поэтому, такъ какъ съ одной стороны приближался день комицій, а съ другой стороны для государства было невыгодно отзывать Публилія, который угрожалъ непріятельскимъ стѣнамъ и со дня на день надѣялся взять городъ, то стали вести переговоры съ народными трибунами относительно предложенія народу, чтобы Кв. Публилій Филонъ и по сложеніи съ себя консульской должности продолжалъ осаду, какъ проконсулъ, до окончанія войны съ греками; а Л. Корнелія, который вступилъ уже въ область самнитянъ и открылъ военныя дѣйствія, и котораго, поэтому, также нежелательно было отозвать, извѣщаютъ письменно о рѣшеніи сената, чтобы онъ назначилъ диктатора для предсѣдательствованія въ комиціяхъ. Онъ назначилъ диктаторомъ М. Клавдія Марцелла, который выбралъ себѣ начальникомъ конницы Сп. Постумія. Но диктаторъ не созвалъ комицій, такъ какъ возникло сомнѣніе, правильно-ли онъ выбранъ. Спрошенные авгуры публично заявили, что диктаторъ, по ихъ мнѣнію, назначенъ неправильно. Трибуны своими нападками на это заявленіе сдѣлали его подозрительнымъ и вызвали дурные толки о немъ, говоря, что ошибку эту узнать было не легко, такъ какъ консулъ всталъ ночью и среди ночной тишины назначилъ диктатора, а во вторыхъ—консулъ никому не писалъ объ этомъ ни частнымъ образомъ, ни оффиціально; равнымъ образомъ нѣтъ человѣка въ лагерѣ, который бы заявилъ, что онъ видѣлъ или слышалъ что-либо такое, что могло бы остановить гаданіе по птицамъ, а авгуры, сидя въ Римѣ, не могли угадать, какую ошибку при совершеніи авспицій допустилъ консулъ въ лагерѣ. Для кого не ясно, что авгуры сочли за ошибку плебейское происхожденіе диктатора? Трибуны напрасно распускали эти и другіе подобные слухи: несмотря на ихъ усилія, дѣло дошло до междуцарствія, и такъ какъ комиціи по той и другой причинѣ все откладывались, то лишь 14-й междуцарь, Л. Эмилій, выбралъ консуловъ въ лицѣ Г. Петтія и Л. Папирія Мугилана. Въ другихъ лѣтописяхъ я нахожу имя Курсора.

24. Въ томъ же году, говоритъ преданіе, основана была въ Египтѣ Александрія, и Александръ, царь Эпирскій, палъ отъ руки луканскаго изгнанника и своею смертью подтвердилъ изреченіе оракула Додонскаго Юпитера. Въ то время, когда тарентинцы пригласили Александра въ Италію, оракулъ предсказалъ ему остерегаться Ахеронтской воды и

города Пандосіи, потому что тамъ ему суждено окончить жизнь. Тѣмъ поспѣшнѣе онъ переправился въ Италію, чтобы какъ можно дальше уйти отъ города Пандосіи, что въ Эпирѣ, и отъ рѣки Ахеронта, которая изъ страны молоссовъ [1]) течетъ въ подземныя болота и впадаетъ въ Ѳеспротійскій заливъ. Но, какъ обыкновенно бываетъ, человѣка постигаетъ несчастіе, когда онъ старается его избѣжать; такъ и Александръ, не разъ уже разсѣявъ бруттійскіе и луканскіе легіоны, взявъ тарентинскую колонію Гераклею, въ землю лукановъ—Потентію, Сипонтъ - въ Апуліи, Консентію бруттійскую и Терину, а затѣмъ и другіе мессапійскіе и луканскіе города и пославъ въ Эпиръ 300 знатныхъ семействъ въ качествѣ заложниковъ, занялъ недалеко отъ города Пандосіи, находящагося на границѣ луканскихъ и бруттійскихъ владѣній, три холма, значительно отстоящіе другъ отъ друга, чтобы дѣлать оттуда набѣги во всѣ стороны въ область непріятелей; онъ держалъ при себѣ около 200, по его мнѣнію, вѣрныхъ луканскихъ изгнанниковъ, а они, подобно большинству людей этого племени, мѣняли свою вѣрность вмѣстѣ съ перемѣной счастія. Когда постоянные дожди заливали всѣ поля, и такимъ образомъ отрѣзывали другъ отъ друга раздѣленное на три части войско, такъ что одно другому не могло подать помощи, два гарнизона, въ которыхъ не было царя, подверглись нападенію внезапно прибывшихъ враговъ; уничтоживши ихъ, враги всѣ направились осаждать самаго царя. Тогда луканскіе изгнанники послали къ своимъ гонцовъ и, выговоривъ себѣ право возвратиться на родину, обѣщали выдать луканамъ царя живымъ или мертвымъ. Но самъ царь съ отборнымъ отрядомъ отважился на славный подвигъ: онъ проложилъ себѣ дорогу черезъ центръ непріятелей и, схватившись врукопашную съ луканскимъ вождемъ, убилъ его. Затѣмъ, собирая своихъ воиновъ, разсѣявшихся послѣ отступленія, онъ достигъ рѣки, гдѣ развалины недавно снесеннаго напоромъ воды моста указывали ему путь. Когда отрядъ сталъ переходить рѣку въ бродъ въ незнакомомъ мѣстѣ, то изнуренный страхомъ и трудомъ воинъ, браня ненавистное названіе рѣки, произнесъ: „тебя справедливо зовутъ Ахеронтомъ“[2]). Лишь только царь услыхалъ эти слова, онъ тотчасъ вспомнилъ о своей судьбѣ и остановился въ недоумѣніи, не-

[1]) Такъ назывались жители внутренней части Эпира. [2]) Въ переводѣ на русскій языкъ названіе этой рѣки означаетъ „лишенный радостей“.

реходить ли рѣку. Тогда одинъ изъ царскихъ отроковъ, слуга Сотимъ, спросилъ царя, зачѣмъ онъ медлитъ въ такую критическую минуту, и указалъ ему на луканскихъ изгнанниковъ, которые только ищутъ случая для засады. Оглянувшись назадъ и замѣтивъ вдали лукановъ, идущихъ цѣлой массой, царь обнажилъ мечъ и бросился съ лошадью въ рѣку; онъ уже вышелъ было на мель, какъ вдругъ луканскій изгнанникъ пронзилъ его издали дротикомъ. Упавшее бездыханное тѣло съ торчащимъ въ немъ дротикомъ теченіе рѣки принесло затѣмъ къ непріятельскимъ постамъ. Здѣсь самымъ мерзкимъ образомъ тѣло было растерзано на части: разрубивши его пополамъ, одну часть луканы отправили въ Консетію, другую оставили себѣ для поруганія. Когда ее поражали издали копьями и бросали въ нее камнями, къ толпѣ, которая неистовствовала больше, чѣмъ позволяетъ человѣческая жестокость, присоединилась одна женщина, просила ихъ на нѣкоторое время остановиться и со слезами расказывала, что ея мужъ и дѣти въ плѣну у враговъ и что она надѣется выкупить ихъ при помощи царскаго трупа, какъ онъ ни изувѣченъ. Это положило конецъ истязанію трупа; оставшіеся члены преданы были землѣ въ Консентіи, благодаря стараніямъ одной женщины, а кости возвращены врагамъ въ Метапонтъ, а оттуда увезены въ Эпиръ къ женѣ Александра Эпирскаго Клеопатрѣ и сестрѣ его Олимпіадѣ; изъ нихъ вторая была матерью, а первая сестрою Александра Великаго. Хотя судьба удержала Александра Эпирскаго отъ войны съ римлянами, однако, такъ какъ онъ велъ войны въ Италіи, то, по-моему, достаточно этихъ немногихъ словъ для изображенія его трагической смерти.

25. Въ томъ же году устроено было лектистерніе [1]) въ пятый разъ послѣ основанія города для умилостивленія тѣхъ
428г. же боговъ, что и раньше. Затѣмъ новые консулы отправили, по приказанію народа, къ самнитянамъ пословъ съ тѣмъ чтобы объявить имъ войну, а сами стали дѣлать всевозможныя приготовленія съ большею тщательностью, чѣмъ противъ грековъ. Присоединились сверхъ того и новыя вспомогательныя войска, о которыхъ консулы въ то время и не думали: луканы и апулійцы, не связанные до сихъ поръ съ римскимъ народомъ никакими условіями, подчинились римлянамъ и обѣщали дать имъ для войны оружіе и войско;

[1]) См. примѣч. къ V 13.

такимъ образомъ по договору они были приняты въ число друзей римскаго народа. Въ то же самое время удачно шли дѣла и въ Самніи: три города подчинились римской власти —Аллифы, Каллифы и Руфрій, а остальная область на широкомъ пространствѣ была опустошена при первомъ появленіи консуловъ. Въ то время какъ начало этой войны было такъ удачно, близилась уже къ концу и другая война, во время которой грековъ содержали постоянно въ осадѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда прервано [1]) было сообщеніе между укрѣпленіями, одна часть непріятелей не только было отрѣзана отъ другой, но приходилось переносить внутри стѣнъ гораздо большія бѣдствія, чѣмъ тѣ, которыми угрожали враги извнѣ; находясь какъ бы въ плѣну у своихъ собственныхъ гарнизоновъ, они терпѣли всякія оскорбленія своихъ дѣтей и женъ и всѣ ужасы, сопровождающіе взятіе городовъ. Поэтому, когда распространился слухъ, что изъ Тарента и отъ самнитянъ придутъ новыя вспомогательныя войска, то греки нашли, что внутри стѣнъ у нихъ находится больше, чѣмъ желательно, самнитянъ, и ждали тарентинскихъ воиновъ, тоже грековъ, чтобы при ихъ помощи оказать сопротивленіе столько же самнитянамъ и ноланцамъ, сколько и врагамъ римлянамъ; наконецъ сдача на капитуляцію римлянамъ признана была самымъ легкимъ изъ всѣхъ золъ. Знатнѣйшіе въ городѣ люди, Харилай и Нимфій, раздѣлили между собою по взаимному соглашенію роли, при чемъ одинъ долженъ былъ перебѣжать къ римскому полководцу, а другой—остаться въ городѣ, чтобы привести его въ положеніе, удобное для исполненія этого плана. Изъ нихъ къ Публилію Филону пришелъ Харилай и сказалъ, что рѣшилъ передать римлянамъ стѣны города для блага, счастія и благополучія палеполитанцевъ и римскаго народа; явится ли онъ такимъ образомъ предателемъ или спасителемъ своего отечества,—это зависитъ отъ честности римлянъ. Для себя лично онъ ничего не выговариваетъ и ничего не проситъ; для государства же онъ больше проситъ, чѣмъ выговариваетъ, именно —чтобы народъ римскій, въ случаѣ удачи, не столько думалъ о томъ легкомысліи и неосмотрительности, которая заставила ихъ уклониться отъ исполненія своего долга [2]), сколь-

[1]) Именно прервано тѣмъ, что Публилій овладѣлъ удобнымъ пунктомъ между Палеполемъ и Неаполемъ и отнялъ у непріятелей возможность соединяться и подавать другъ другу взаимную помощь (см. 23 гл.) [2]) На основаніи этихъ словъ надо предполагать, что между этими городами и Римомъ существовали уже дружественныя или союзническія отношенія.

ко о томъ, съ какою преданностью и опасностью они возстановили съ нимъ дружбу. Заручившись одобреніемъ римскаго полководца, онъ получилъ 3.000 воиновъ для занятія той части города, которую населяли самнитяне; команда подъ этимъ гарнизономъ поручена была военному трибуну Л. Квинктію. **26.** Въ то же самое время и Нимфій обманомъ обошелъ самнитскаго претора и, въ виду того, что все римское войско расположено было или вокругъ Палеполя, или въ Самніи, добился позволенія крейсировать съ флотомъ до римскихъ владѣній, чтобы опустошить не только морское побережье, но даже окрестности самаго города Рима. Но, думалъ онъ, чтобы остаться незамѣченнымъ, нужно отплыть ночью и тотчасъ спустить корабли на воду. Для ускоренія этого дѣла всѣ самнитскіе воины, за исключеніемъ необходимаго въ городѣ гарнизона, посланы были къ морскому берегу. И въ то время, какъ Нимфій въ темнотѣ, среди массы преграждающихъ другъ другу путь людей производилъ умышленно безпорядокъ своими противорѣчивыми распоряженіями и тратилъ на это время, Харилай, впущенный, согласно условію, въ городъ сообщниками заговора, занялъ высшіе пункты города римскими войсками и приказалъ имъ поднять крикъ; услыхавши крикъ, предупрежденные своими вожаками греки успокоились, ноланцы же черезъ противоположную часть города стали убѣгать по дорогѣ, ведущей въ Нолу. Что касается до самнитянъ, которымъ закрытъ былъ доступъ въ городъ, то насколько въ данную минуту имъ было вполнѣ удобно бѣжать, настолько же бѣгство показалось имъ крайне позорнымъ, когда они избѣжали опасности, такъ какъ, лишившись оружія, оставивши все свое имущество въ рукахъ непріятелей, они служили предметомъ насмѣшки не только для чужихъ людей, но и для своихъ земляковъ, и возвратились по домамъ ограбленными и совершенно нищими. Мнѣ хорошо извѣстно и другое преданіе, по которому эта измѣна приписывается самнитянамъ; однако, въ изложеніи этого событія я слѣдовалъ тѣмъ писателямъ, которые заслуживаютъ больше довѣрія, тѣмъ болѣе, что и союзный договоръ съ неаполитанцами (вѣдь Неаполь впослѣдствіи сталъ во главѣ греческихъ колоній) дѣлаетъ болѣе правдоподобнымъ фактъ добровольнаго подчиненія неаполитанцевъ римлянамъ. Публилію назначенъ былъ тріумфъ, потому что вполнѣ были убѣждены, что онъ осадою смирилъ враговъ и заставилъ ихъ покориться римлянамъ. Оба эти отличія—продленіе власти главнокомандующаго, чего

до сихъ поръ ни для кого не дѣлалось, и назначеніе тріумфа по окончаніи срока службы—въ первый разъ достались на долю Публилія [1]).

27. Вслѣдъ затѣмъ возникла другая война—съ греками, жившими на другомъ [2]) берегу. Дѣло въ томъ, что тарентинцы поддерживали нѣкоторое время палеполитанцевъ въ тщетной надеждѣ на полученіе отъ нихъ помощи; но, послѣ того какъ узнали, что римляне овладѣли ихъ городомъ, они стали бранить палеполитанцевъ, какъ будто бы тѣ обманули ихъ, а не они сами оказались измѣнниками, гнѣвъ же и ненависть противъ римлянъ обратились у нихъ въ ярость, особенно, когда пришло извѣстіе о добровольномъ подчиненіи лукановъ и апулійцевъ римлянамъ (союзъ съ тѣми и другими заключенъ былъ въ этомъ году). Тарентинцы говорили, что римляне почти дошли до нихъ, и уже близокъ часъ, когда римлянъ придется считать или врагами, или господами. Конечно, ихъ судьба зависитъ отъ войны съ самнитянами и исхода ея; остается одинъ только этотъ народъ, но уже недостаточно сильный послѣ отпаденія лукановъ; но послѣднихъ можно еще вернуть и склонить прервать союзныя отношенія съ римлянами, если приложить искусство, чтобы поселить между ними раздоръ. Такого рода толки понравились людямъ, жаждавшимъ перемѣнъ, и нѣкоторые изъ луканскихъ юношей, хотя извѣстные у себя на родинѣ, но не пользовавшіеся хорошей репутаціей, подкупленные деньгами, высѣкли другъ друга розгами, обнажившись пришли въ собраніе гражданъ и стали громко жаловаться, что консулы высѣкли ихъ розгами и едва не казнили за то, что они осмѣлились войти въ римскій лагерь. Этотъ гадкій по существу поступокъ скорѣе имѣлъ характеръ насилія, чѣмъ хитрости, и поэтому возбужденный народъ крикомъ своимъ заставилъ властей созвать сенатъ; и въ то время какъ они, стоя вокругъ собранія, требовали войны съ римлянами, другіе же разбѣжались по деревнямъ призывать къ оружію сельскихъ жителей, при чемъ суматоха привела въ замѣшательство и людей благоразумныхъ,—рѣшено было возобновить союзъ съ самнитянами, и съ этою цѣлью отправлены къ нимъ послы. Такъ какъ это внезапное рѣшеніе было настолько же

[1]) Въ пользу перваго проконсула Публилія было впервые нарушено правило, по которому замѣстители магистратовъ не могли получать тріумфа, потому что теряли, какъ таковые, свое imperium въ моментъ вступленія въ Римъ. [2]) Восточномъ.

невѣроятно, насколько и неосновательно, то самнитяне заставили луканов дать заложниковъ и принять гарнизоны въ укрѣпленныя мѣста, а тѣ, ослѣпленные коварствомъ и гнѣвомъ, согласились на все. Вскорѣ затѣмъ, когда виновники ложныхъ обвиненій переселились въ Тарентъ, коварство стало обнаруживаться; но луканамъ, потерявшимъ всякую возможность располагать собою, оставалось только одно безполезное раскаяніе.

28. Для римскихъ плебеевъ этотъ годъ былъ какъ-бы новымъ началомъ свободы, потому что уничтожено было рабство за долги; эта перемѣна въ законахъ объясняется какъ необыкновенной жестокостью, такъ и похотливостью одного ростовщика, Л. Паппирія, къ которому за отцовскіе долги попалъ въ кабалу Г. Публилій. Хотя возрастъ и красота послѣдняго могли-бы вызвать только состраданіе, однако они воспламенили душу ростовщика къ сладострастію и нанесенію безчестія. Считая юность и красоту Г. Публилія прибавкою къ законному дивиденду на свой капиталъ, онъ пытался сначала соблазнить юношу неприличными рѣчами; затѣмъ, когда Г. Публилій съ презрѣніемъ отказывался исполнить это постыдное требованіе, Паппирій сталъ пугать его угрозами и постоянно напоминать ему о его положеніи; наконецъ, видя, что юноша больше думаетъ о свободѣ, чѣмъ о настоящемъ своемъ положеніи, онъ приказалъ раздѣть его и высѣчь. Но когда истерзанный такимъ образомъ юноша бросился на улицу и сталъ жаловаться на сладострастіе и жестокость ростовщика, масса народа, негодуя на дурное съ нимъ обращеніе, частію изъ состраданія къ его возрасту, частію принимая во вниманіе свое собственное положеніе и положеніе своихъ дѣтей, устремилась на форумъ, а оттуда толпою къ куріи. Внезапная суматоха заставила консуловъ созвать сенатъ, и народъ, падая къ ногамъ каждаго изъ отцовъ, по мѣрѣ того, какъ они входили въ курію, показывалъ имъ истерзанную спину юноши. Въ этотъ день вслѣдствіе чрезмѣрнаго насилія одного человѣка были уничтожены крѣпкія цѣпи кредита, и консуламъ приказано было предложить народу, чтобы никто не содержался въ колодкахъ или оковахъ, кромѣ дѣйствительныхъ преступниковъ, пока они не подвергнутся наказанію, за долги же должно отвѣчать имущество должника, а не тѣло его. Такимъ образомъ закабаленные были освобождены, и запрещено на будущее время брать должниковъ въ кабалу.

29. Въ томъ же году, когда война съ самнитянами сама по себѣ, внезапное отпаденіе луканов и то обстоятельство, что виновниками этого отпаденія оказались тарентинцы, доставили много безпокойства отцамъ, къ самнитянамъ присоединились еще и вестины. Этотъ фактъ повсюду въ городѣ служилъ въ этомъ году предметомъ разговора; впрочемъ, онъ поднимался чаще въ частныхъ бесѣдахъ, чѣмъ на какомъ-либо общественномъ собраніи; но консулы слѣдующаго года, 429г.
Л. Фурій Камиллъ во второй разъ и Юній Брутъ Сцева, сочли этотъ фактъ самымъ важнымъ и значительнымъ, чтобы доложить о немъ сенату. И хотя это дѣло не было для отцовъ новинкою, однако оно до такой степени озабочивало ихъ, что они столько же боялись принимать его на себя, сколько и оставлять его безъ вниманія: съ одной стороны, безнаказаность вестиновъ могла возбудить въ сосѣднихъ народахъ своеволіе и гордость, а съ другой стороны, наказаніе войною могло вызвать страхъ вслѣдствіе близости войны и раздраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти народы — марсы, пелигны и марруцины — по своей храбрости нисколько не уступаютъ самнитянамъ, и всѣхъ ихъ придется считать врагами, если напасть на вестиновъ. Однако, верхъ одержала та партія, которая въ то время могла казаться не столько предусмотрительной, сколько отважной; но результатъ показалъ, что счастіе помогаетъ храбрымъ. Съ утвержденія отцовъ, народъ приказалъ начать войну съ вестинами. Веденіе этой войны выпало по жребію на долю Брута, война же съ самнитянами досталась Камиллу. Въ ту и другую область римляне повели войска, и забота объ охраненіи своихъ владѣній помѣшала непріятелямъ соединить военныя силы. Впрочемъ, одного изъ консуловъ, Л. Фурія, на котораго возложено было больше труда, судьба освободила отъ войны, такъ какъ онъ опасно заболѣлъ; получивъ приказаніе назначить для веденія войны диктатора, онъ выбралъ знаменитѣйшаго въ то время полководца Л. Паппирія Курсора, а этотъ послѣдній избралъ себѣ въ начальники конницы Кв. Фабія Максима Рулліана; оба они прославились военными подвигами во время исправленія своей должности, но стали еще знаменитѣе своими взаимными раздорами, которые дошли почти до открытой борьбы. Другой консулъ велъ разными способами войну въ области вестиновъ и всегда имѣлъ одинаковый успѣхъ: онъ опустошилъ непріятельскія поля, разорилъ и сжегъ ихъ жилища и посѣвы и тѣмъ заставилъ

ихъ выйти противъ воли на поле битвы. Однимъ сраженіемъ онъ такъ ослабилъ силы вестиновъ, проливъ, правда, много крови и въ своемъ войскѣ, что враги не только бросились обратно въ лагерь, но, не полагаясь даже на валы и рвы, разсѣялись по укрѣпленнымъ городамъ, имѣя въ виду защищаться ихъ положеніемъ и стѣнами. Наконецъ, консулъ приступилъ и къ взятію штурмовъ городомъ и, вслѣдствіе сильнаго желанія воиновъ, а, можетъ быть, благодаря негодованію ихъ за полученныя раны, такъ какъ никто почти не вышелъ изъ битвы невредимымъ, взялъ при помощи лѣстницъ сначала Кутину, а затѣмъ Цингилію. Добычу въ обоихъ городахъ консулъ предоставилъ воинамъ, которыхъ не могли остановить ни ворота, ни стѣны непріятелей.

30. Въ Самній выступили подъ невѣрными авспиціями [1]. Впрочемъ, допущенная при совершеніи ихъ ошибка обратилась не на исходъ войны, которая велась удачно, но проявилась въ ярости и раздраженіи предводителей. Дѣло въ томъ, что диктаторъ Папирій, отправляясь по увѣщанію пулларія [2]) въ Римъ для повторенія авспицій, приказалъ начальнику конницы не оставлять прежней позиціи и не вступать въ битву съ непріятелемъ во время его отсутствія. Но послѣ отъѣзда диктатора Кв. Фабій узналъ при помощи развѣдчиковъ, что непріятели во всѣхъ отношеніяхъ такъ безпечны, какъ будто-бы въ Самніи не было совсѣмъ римлянъ; тогда гордый юноша, раздраженный тѣмъ, что все значеніе, казалось, приписывается диктатору, или подстрекаемый удобнымъ случаемъ дать счастливую битву, приведши въ порядокъ войско и приготовивши его къ бою, отправился съ нимъ въ Инбриній—такъ звали эту мѣстность—и сразился съ самнитянами. Результатъ битвы былъ таковъ, что ничего нельзя было сдѣлать лучшаго, если бы присутствовалъ въ битвѣ самъ диктаторъ: полководецъ помогалъ воинамъ, воины—полководцу; а всадники, которые нѣсколько разъ возобновляли нападеніе и все не могли разбить непріятельскихъ рядовъ, по совѣту военнаго трибуна Л. Комнія, даже разнуздали коней и, пришпоривъ ихъ, поскакали съ такой быстротой, что

[1]) Т.-е. нельзя было сказать, что при совершеніи ихъ не произошло какой-нибудь неправильности. [2]) Такъ назывался содержатель священныхъ куръ, который сопровождалъ полководца на войну вмѣсто авгуровъ. Если онъ замѣчалъ по поведенію куръ (когда они плохо ѣли предложенную имъ пищу, какъ это было и въ данномъ случаѣ), что авспиціи сомнительны, то полководецъ долженъ былъ возвратиться въ Римъ и повторить авспиціи на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершалъ ихъ передъ отъѣздомъ на войну.

ничто не было въ состояніи сдержать ихъ; пронесшись по вражескимъ рядамъ вооруженныхъ воиновъ, они произвели избіеніе на обширномъ пространствѣ. Послѣдовавшая вслѣдъ за конницей пѣхота напала уже на приведенныхъ въ безпорядокъ враговъ. Передаютъ, что въ этотъ день было убито 20,000 непріятелей. Нѣкоторые повѣствуютъ, что въ отсутствіе диктатора два раза сражались съ непріятелями и два раза имѣли необыкновенный успѣхъ; у древнѣйшихъ писателей говорится только объ одной этой битвѣ, а въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ совершенно опущенъ весь этотъ эпизодъ. Получивъ огромную добычу, какъ и слѣдовало ожидать послѣ такого страшнаго пораженія, начальникъ конницы приказалъ собрать оружіе въ одну огромную кучу и сжечь его—потому ли, что далъ такой обѣтъ кому-либо изъ боговъ, или, если угодно вѣрить историку Фабію [1]), сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы диктаторъ не воспользовался его славой, не вырѣзалъ на доспѣхахъ своего имени или не несъ ихъ предъ собою во время тріумфа. Самый фактъ, что письмо, объ успѣшномъ исходѣ битвы было послано въ сенатъ, а не къ диктатору, служилъ также доказательствомъ того, что начальникъ конницы совершенно не хочетъ дѣлиться съ диктаторомъ своей славой. По крайней мѣрѣ, диктаторъ принялъ это извѣстіе такъ, что, когда другіе радовались одержанной побѣдѣ, онъ обнаруживалъ свой гнѣвъ и свое неудовольствіе. Поэтому, распустивши внезапно сенатъ, онъ выбѣжалъ поспѣшно изъ куріи, повторяя, что если для начальника конницы сойдетъ безнаказанно пренебреженіе къ высшей власти, тогда, насколько побѣждены имъ самнитскіе легіоны, настолько же и уничтожено значеніе диктатуры и военная дисциплина. Такимъ образомъ, преисполненный угрозъ и гнѣва, онъ отправился въ лагерь и, хотя шелъ ускореннымъ маршемъ, однако не могъ предупредить извѣстія о своемъ прибытіи: изъ города прежде него прискакали гонцы съ сообщеніемъ, что диктаторъ идетъ, пылая местью, и чуть ли не черезъ слово восхваляетъ поступокъ Т. Манлія [2]).

31. Фабій немедленно созвалъ собраніе и умолялъ воиновъ защищать его, подъ чьимъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ они одержали побѣду, такъ же храбро отъ чрезмѣрной жестокости диктатора, какъ они защищали государство отъ ожесточеннѣйшихъ непріятелей: диктаторъ

[1]) См. I 44 примѣч. 4. [2]) См. VIII 7.

де идетъ внѣ себя отъ зависти, раздраженный чужимъ мужествомъ и успѣхомъ; онъ негодуетъ на то, что въ его отсутствіе удачно повели войну съ самнитянами, и если бы могъ измѣнить рѣшеніе судьбы, то предпочелъ бы видѣть побѣду на сторонѣ самнитянъ, чѣмъ на сторонѣ римлянъ; онъ твердитъ о пренебреженіи къ его власти, какъ будто бы онъ не съ тою же мыслію запретилъ сражаться, съ какою сожалѣетъ о происшедшемъ сраженіи: и тогда онъ изъ зависти хотѣлъ поставить преграду чужому мужеству и у жаждущихъ брани воиновъ намѣренъ былъ отнять оружіе, чтобы въ его отсутствіе они не могли тронуться съ мѣста, и теперь онъ потому неистовствуетъ и потому досадуетъ, что въ отсутствіе Л. Папирія воины не остались безъ оружія, не сдѣлались калѣками, Кв. же Фабій считалъ себя начальникомъ конницы, а не служителемъ диктатора. А что сталъ бы онъ дѣлать, если бы сраженіе окончилось неблагопріятно, что могло быть при случайностяхъ въ дѣлѣ войны и боевого счастія, что сталъ бы дѣлать онъ тогда, когда нынѣ угрожаетъ начальнику конницы смертною казнью, послѣ того какъ послѣдній одержалъ рѣшительную побѣду надъ непріятелями и велъ войну такъ удачно, что удачнѣе не могъ вести ее даже онъ самъ, единственный въ своемъ родѣ полководецъ? Онъ столько же озлобленъ противъ начальника конницы, столько и противъ военныхъ трибуновъ, центуріоновъ и воиновъ; если бы онъ могъ, то жестокость свою распространилъ бы на всѣхъ; но такъ какъ это невозможно, то онъ изливаетъ свою ярость на одного; и ненависть его, подобно огню, стремится вверхъ; онъ бросается на виновника этого предпріятія, на предводителя. Если бы диктаторъ уничтожилъ вмѣстѣ съ нимъ и славу его подвиговъ, тогда онъ, какъ побѣдитель, распоряжался бы войскомъ, какъ будто бы взятымъ въ плѣнъ, и по отношенію къ воинамъ рѣшился бы на все то, что онъ могъ позволить себѣ по отношенію къ начальнику конницы. Поэтому въ его дѣлѣ пусть они защищаютъ общую свободу. Если диктаторъ увидитъ, что войско, защищая побѣду, обнаруживаетъ то же самое согласіе, какое было во время битвы, и что спасеніе одного служитъ предметомъ заботы для всѣхъ, то онъ склонится на сторону болѣе снисходительнаго рѣшенія. Наконецъ, онъ поручаетъ свою жизнь и судьбу ихъ вѣрности и храбрости. **32.** Все собраніе закричало, чтобы онъ не падалъ духомъ: никто ему не причинитъ насилія, пока существуютъ римскіе легіоны.

Немного времени спустя прибылъ диктаторъ и немедленно далъ трубою сигналъ къ собранію. Затѣмъ, водворивши тишину, глашатай позвалъ начальника конницы Кв. Фабія. Лишь только послѣдній изъ ниже расположеннаго мѣста приблизился къ трибуналу [1]), диктаторъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „я спрашиваю тебя, Кв. Фабій, считаешь ли ты справедливымъ, или нѣтъ, чтобы начальникъ конницы слушался распоряженій диктатора, такъ какъ власть его есть самая высшая власть и такъ какъ ей повинуются консулы, имѣющіе царскую власть, и преторы, избираемые при такихъ же авспиціяхъ, какъ и консулы? равнымъ образомъ спрашиваю тебя, долженъ ли я былъ, зная, что уѣхалъ изъ Рима при сомнительныхъ авспиціяхъ, подвергать государство опасности, когда нарушены были религіозные обряды, или повторить авспиціи, чтобы ничего не предпринимать вопреки волѣ боговъ? вмѣстѣ съ тѣмъ я спрашиваю тебя, вправѣ ли начальникъ конницы считать себя несвязаннымъ и свободнымъ отъ того религіознаго сомнѣнія, которое служило помѣхой диктатору въ веденіи войны? но къ чему я предлагаю тебѣ эти вопросы? Вѣдь даже, если бы я уѣхалъ, не сказавъ ни слова, то ты все же долженъ былъ бы направлять свои мнѣнія, предугадывая мою волю. Что же ты не отвѣчаешь? не запретилъ ли я тебѣ предпринимать что-либо въ мое отсутствіе, не запретилъ ли я тебѣ сражаться съ врагами? Однако ты, пренебрегши этимъ моимъ запрещеніемъ, осмѣлился вступить въ битву съ врагомъ, несмотря на сомнительныя авспиціи, несмотря на то, что нарушены религіозные обряды, вопреки военному обычаю и дисциплинѣ предковъ и вопреки волѣ боговъ. Отвѣчай на предложенные тебѣ вопросы и больше не говори ни слова. Ликторъ, подойди сюда!“ Отвѣчать отдѣльно на эти вопросы было не легко: Фабій то жаловался, что одно и то же лицо обвиняетъ его въ уголовномъ преступленіи и является судьей, то кричалъ, что его скорѣе можно лишить жизни, чѣмъ отнять у него славу военныхъ подвиговъ, и попеременно то оправдывался, то даже обвинялъ диктатора. Тогда Папирій снова вспыхнулъ отъ гнѣва, велѣлъ обнажить начальника конницы и приготовить розги и сѣкиры. Фабій просилъ защиты у вои-

[1]) Такъ называлось возвышеніе, находившееся на лѣвой сторонѣ палатки полководца (praetorium), съ котораго полководецъ обращался съ рѣчью къ собранію.

новъ и, когда ликторы стали рвать на немъ одежду, убѣжалъ къ тріаріямъ, которые уже производили безпорядокъ въ своихъ рядахъ. Отсюда крикъ распространился по всему собранію. Въ одномъ мѣстѣ слышались просьбы, въ другомъ угрозы: тѣ, которые стояли случайно поближе къ трибуналу и потому могли, находясь предъ глазами полководца, быть замѣчены, просили пощадить начальника конницы и вмѣстѣ съ нимъ не осуждать войска; стоявшая на краю собранія и окружавшая Фабія толпа бранила жестокаго диктатора и была готова возстать. Да и на трибуналѣ не было вполнѣ спокойно: стоявшіе вокругъ кресла легаты просили отложить дѣло до слѣдующаго дня, дать срокъ успокоиться гнѣву, дать время подумать. Они говорили, что юность Фабія уже достаточно наказана, достаточно уже обезславлена его побѣда; пусть въ наказаніи своемъ диктаторъ не преступаетъ мѣры и не причиняетъ этого срама ни прекрасному юношѣ, ни его отцу, славному мужу, ни роду Фабіевъ. Но такъ какъ ходатайства ихъ и доводы имѣли мало успѣха, то они просили его взглянуть на неистовствующее собраніе. Не согласно-де ни съ его возрастомъ, ни съ умомъ возбуждать настолько взволнованныхъ воиновъ и давать имъ поводъ къ возстанію. Не Кв. Фабію, который просьбою желаетъ отвратить отъ себя наказаніе, а диктатору всякій поставитъ въ вину то, что онъ, ослѣпленный гнѣвомъ, возбудилъ противъ себя озлобленную толпу безумнымъ препирательствомъ. Наконецъ, для того, чтобы онъ не думалъ, что они дѣлаютъ это изъ расположенія къ Фабію, они готовы дать клятву, что не считаютъ полезнымъ для государства подвергать наказанію Фабія въ такое время. **33.** Такими указаніями легаты не столько примирили диктатора съ начальникомъ конницы, сколько возбудили его противъ себя, и имъ приказано было сойти съ трибунала; и послѣ того какъ герольдъ напрасно старался возстановить тишину, такъ какъ вслѣдствіе шума и суматохи нельзя было разслышать ни голоса самого диктатора, ни голоса его служителей, ночь, наконецъ, подобно тому, какъ это бываетъ во время битвы, положила конецъ спору. Начальникъ конницы получилъ приказаніе явиться на слѣдующій день; но такъ какъ всѣ утверждали, что Папирій будетъ горячиться еще больше, потому что онъ раздраженъ и озлобленъ самимъ споромъ, то Фабій убѣжалъ тайно изъ лагеря въ Римъ. По совѣту отца, М. Фабія, который три раза уже исполнялъ должность консула и диктатора, онъ созвалъ тотчасъ сенатъ

и сталъ горько жаловаться предъ отцами на насиліе и несправедливость диктатора. Тогда внезапно передъ куріей послышался шумъ очищающихъ дорогу ликторовъ, а вслѣдъ затѣмъ явился и самъ исполненный гнѣва диктаторъ, который пустился въ погоню за Фабіемъ съ отрядомъ легкой конницы, когда узналъ объ его побѣгѣ изъ лагеря. Затѣмъ споръ возобновился, и Папирій приказалъ схватить Фабія. Когда при этомъ, несмотря на просьбы знатнѣйшихъ изъ отцовъ и всего остальнаго сената, жестокій мужъ настаивалъ на своемъ рѣшеніи, отецъ М. Фабій сказалъ: „такъ какъ ни воля сената, ни мой старческій возрастъ, которому ты готовишь сиротство, ни храбрость и знатное происхожденіе начальника конницы, котораго ты самъ же назначилъ, ни просьбы, которыя нерѣдко смягчали врага и умилостивляютъ гнѣвъ боговъ, не имѣютъ для тебя значенія, то я обращаюсь къ народнымъ трибунамъ и аппеллирую къ народу и его предлагаю въ судьи тебѣ, когда ты бѣжишь отъ суда своего войска и сената,—его, который одинъ, навѣрно, больше имѣетъ значенія и силы, чѣмъ твоя диктатура. Я увижу, уступишь ли ты той аппелляціи, которой уступилъ римскій царь Туллъ Гостилій“ 1). Изъ куріи идутъ въ народное собраніе. Когда въ сопровожденіи немногихъ пришелъ туда диктаторъ и со всей толпой знатныхъ гражданъ начальникъ конницы, Папирій приказалъ свести его съ каѳедры на болѣе низкое мѣсто 2). Отецъ послѣдовалъ за сыномъ и сказалъ: „ты хорошо дѣлаешь, приказавши свести насъ туда, откуда мы можемъ высказать свое мнѣніе, даже какъ простые граждане.“ Сначала слышались не столько связныя рѣчи, сколько перебранка; затѣмъ шумъ заглушенъ былъ полнымъ негодованія голосомъ старика Фабія, который порицалъ Папирія за его гордость и жестокость, говоря, что онъ также былъ диктаторомъ въ Римѣ и не обидѣлъ никого даже изъ плебеевъ, ни центуріона, ни воина, Папирій же ищетъ побѣды и тріумфа надъ римскимъ полководцемъ, словно надъ непріятельскими вождями. Какая разница между сдержанностью прежнихъ людей и теперешнею гордостью и жестокостью! Диктаторъ Квинктій Цинциннатъ наказалъ освобожденнаго имъ изъ осады консула Л. Минуція только тѣмъ, что оставилъ его, консула, лега-

---

1) См. I 26. 2) Какъ должностное лицо начальникъ конницы долженъ былъ говорить съ каѳедры; но въ данномъ случаѣ онъ говорилъ съ диктаторомъ и при томъ, какъ обвиняемый, а поэтому долженъ былъ сойти съ каѳедры.

томъ при войскѣ [1]) М. Фурій Камиллъ, когда Л. Фурій, пренебрегши его старостью и властью, сразился съ постыднѣйшимъ исходомъ, [2]) не только въ то самое время сдержалъ свой гнѣвъ и ничего предосудительнаго не написалъ о товарищѣ народу или сенату но даже, по возвращеніи въ Римъ, призналъ его самымъ достойнымъ между консульскими трибунами и выбралъ его въ соучастники своей власти, когда сенатъ позволилъ ему выбирать изъ своихъ товарищей. [3]) А у народа, въ рукахъ котораго находится верховная власть надъ всѣми, никогда даже гнѣвъ противъ тѣхъ, которые вслѣдствіе своей опрометчивости и неспособности губили арміи, не заходилъ далѣе наказанія денежнымъ штрафомъ; но смертной казни за дурное веденіе войны не требовали еще по сей день ни для одного полководца. А теперь вождямъ римскаго народа, одержавшимъ побѣду и достойнымъ самыхъ законныхъ тріумфовъ, угрожали розгами и сѣкирами, чего нельзя было дѣлать даже и по отношенію къ потерпѣвшимъ! Чему же, наконецъ, долженъ былъ бы подвергнуться его сынъ, если бы онъ потерялъ войско, если бы былъ разбитъ, обращенъ въ бѣгство и лишился лагеря? До чего больше могъ дойти гнѣвъ и насиліе диктатора, чѣмъ до ударовъ розгами и казни? Какъ согласовать между собою то, что государство, благодаря Кв. Фабію радуется побѣдѣ, устраиваетъ благодарственныя молебствія и празднества, а его, ради котораго открыты храмы боговъ, дымятся алтари жертвами, и къ нимъ въ изобиліи приносятся почетные дары, — его, раздѣтаго, сѣкутъ розгами на глазахъ римскаго народа, въ виду Капитолія и кремля, въ виду боговъ, которыхъ онъ не напрасно призывалъ въ двухъ сраженіяхъ? какъ отнесется къ этому войско, которое одержало побѣду подъ его личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ? что за печаль будетъ въ римскомъ лагерѣ, какая радость среди непріятелей? Такъ говорилъ онъ упрекая и вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался, молилъ боговъ и людей о защитѣ и, проливая обильныя слезы, обнималъ своего сына.

34. За Кв. Фабія стояло величіе сената, расположеніе народа, помощь трибуновъ и воспоминаніе объ отсутствующемъ войскѣ; съ другой стороны, превозносилась непобѣдимая власть римскаго народа, военная дисциплина и эдиктъ диктатора, всегда соблюдавшійся, какъ воля боговъ, и Манліевы приказы [1]), и принесенная въ жертву для общей пользы любовь къ сыну. Такъ поступилъ-де нѣкогда и Л. Брутъ, основатель римской свободы, по отношенію къ двумъ своимъ сыновьямъ, [2]) теперь же добродушные отцы и снисходительные старики, когда дѣло касается презрѣнія къ чужой власти, прощаютъ юности нарушеніе военной дисциплины, какъ нѣчто маловажное. Онъ, Папирій, будетъ настаивать, однако, на своемъ рѣшеніи и ничего не уступитъ изъ законнаго наказанія по отношенію къ тому, кто вопреки его приказанію далъ битву, несмотря на то, что религіозные обряды были нарушены, и авспиціи сомнительны. Будетъ-ли вѣчно продолжаться величіе диктаторской власти, это не отъ него зависитъ; но Л. Папирій нисколько не ограничитъ ея правъ; онъ желаетъ, чтобы власть трибуновъ, неприкосновенная сама по себѣ, не посягала, при помощи своего протеста, на власть римскихъ начальниковъ, и чтобы народъ не уничтожилъ именно въ его лицѣ диктатора и право диктатуры. Если народъ это сдѣлаетъ, то потомки тщетно будутъ обвинять не Л. Папирія, а трибуновъ и ложный приговоръ народа; ибо, если разъ нарушена военная дисциплина, то воинъ не будетъ повиноваться приказанію центуріона, центуріонъ — приказанію трибуна, трибунъ — приказанію легата, легатъ — приказанію консула, начальникъ конницы — приказанію диктатора; никто не будетъ питать уваженія къ людямъ и богамъ; не будутъ исполняться распоряженія полководцевъ, не будутъ принимаемы въ расчетъ авспиціи; воины безъ отпуска будутъ въ безпорядкѣ бродить въ завоеванной и во вражеской странѣ; позабывъ о присягѣ, или руководясь лишь своеволіемъ, они будутъ оставлять службу, когда захотятъ, будутъ покидать осиротѣлыя знамена; не будутъ сходиться по приказанію, не будутъ различать, сражаются-ли они днемъ или ночью, на удобномъ или неудобномъ мѣстѣ, по приказанію-ли полководца или безъ него, и не будутъ охранять знаменъ, не будутъ держаться рядовъ своихъ; на подобіе разбоя, военная служба станетъ дѣломъ слѣпой случайности вмѣсто освященнаго обычаемъ и клятвой; „обвиненіямъ въ этихъ преступленіяхъ, сказалъ Папирій, подвергайте себя во всѣ вѣка, народные трибуны, на свои головы примите вину за своеволіе Кв. Фабія!“

35. Недоумѣвавшихъ трибуновъ, теперь уже больше дро-

[1]) См. III 26—29. [2]) См. VI 24. [3]) См. VI 25.

[1]) См. гл. 7. [2]) См. II 5.

жавшихъ за себя, чѣмъ за того, для котораго нужна была ихъ помощь, освободило отъ этого гнета единодушіе римскаго народа, который обратился къ диктатору съ просьбами и мольбой—ради его освободить отъ казни начальника конницы. Когда народъ обратился къ просьбамъ, къ нему присоединились также трибуны и убѣдительно просили диктатора отнестись снисходительно къ человѣческой ошибкѣ и молодости Кв. Фабія; они говорили, что онъ достаточно наказанъ. Уже самъ юноша, уже отецъ его М. Фабій, забывши о спорѣ, пали на колѣни и просили диктатора оставить гнѣвъ. Тогда диктаторъ, водворивъ тишину, сказалъ: „хорошо, квириты! одержала верхъ военная дисциплина, побѣдило величіе власти, существованіе которыхъ на будущее время подвержено было опасности. Кв. Фабій, который сражался вопреки распоряженію полководца, не освобождается отъ наказанія, но, признанный виновнымъ, отдается въ даръ римскому народу, отдается въ даръ трибунской власти, которая идетъ къ нему на помощь изъ милости, а не на законномъ основаніи. Живи, Кв. Фабій, осчастливленный больше этимъ согласіемъ гражданъ, выразившимся въ защитѣ тебя, чѣмъ тою побѣдой, которая незадолго передъ тѣмъ приводила тебя въ восторгъ; живи, дерзнувшій на такой подвигъ, котораго тебѣ не могъ бы простить даже и отецъ, если бы стоялъ на мѣстѣ Л. Папирія! Со мною ты можешь помириться, когда захочешь; римскому же народу, которому ты обязанъ жизнью, ты не можешь оказать большей услуги, какъ ту, если этотъ день послужилъ для тебя достаточнымъ урокомъ въ мирное и военное время быть въ состояніи подчиняться законной власти.“ Диктаторъ объявилъ, что не задерживаетъ больше начальника конницы, и сошелъ съ освященнаго мѣста [1]); радовался сенатъ, радовался еще больше народъ; окружившіе поздравляли съ одной стороны начальника конницы съ другой—диктатора и сопровождали ихъ; военная власть, казалось, столько же была укрѣплена опасностью Кв. Фабія, сколько жалости достойною казнью молодого Манлія [2]).

Случайно въ этомъ году вышло такъ, что всякій разъ, когда диктаторъ удалялся отъ войска, непріятели въ Самніи начинали волноваться. Но у легата М. Валерія, который былъ начальникомъ лагеря, стоялъ предъ глазами Кв. Фабій, какъ предупреждающій примѣръ, что слѣдуетъ больше бояться суроваго гнѣва диктатора, чѣмъ какой бы то ни было непріятельской силы. Поэтому, когда отрядъ, добывавшій хлѣбъ, попалъ въ засаду и былъ перебитъ на неудобномъ мѣстѣ, то всѣ были убѣждены, что легатъ могъ бы подоспѣть къ нимъ на помощь, если бы не боялся строгихъ эдиктовъ диктатора. Раздраженные еще и этимъ обстоятельствомъ, воины утратили всякое расположеніе къ диктатору; впрочемъ, уже раньше они были озлоблены противъ него за то, что онъ былъ неумолимъ по отношенію къ Кв. Фабію и въ угоду римскому народу простилъ то, чего не хотѣлъ простить по ихъ просьбамъ.

[1]) См. примѣч. къ II 56. [2]) См. гл. 7.

36. Поручивши начальство въ городѣ Л. Папирію Крассу, а начальнику конницы Кв. Фабію запретивши предпринимать что бы то ни было въ силу власти, сопряженной съ его должностью [1]), диктаторъ возвратился въ лагерь; прибытіе его не обрадовало гражданъ и ни мало не напугало враговъ. Ибо на слѣдующій день они въ боевомъ порядкѣ подошли къ римскому лагерю, потому-ли что не знали о прибытіи диктатора, или потому, что мало придавали значенія присутствію или отсутствію его. Но одинъ человѣкъ, Л. Папирій, имѣлъ такое значеніе, что, если бы воины сочувствовали планамъ полководца, то въ этотъ день, считали несомнѣннымъ, можно было окончить войну съ самнитянами: такъ онъ построилъ войско, такъ подкрѣпилъ его позиціей и резервами и всякаго рода военнымъ искусствомъ. Но воины были нерадивы и умышленно отказывались отъ побѣды, чтобы умалить славу полководца. На сторонѣ самнитянъ было больше убитыхъ, на сторонѣ римлянъ больше раненыхъ. Опытный полководецъ замѣтилъ, что задерживаетъ побѣду: онъ понялъ, что нужно смягчить свой характеръ и къ строгости присоединить ласку. Поэтому, пригласивши легатовъ, онъ лично обходилъ съ ними раненыхъ воиновъ, заглядывалъ въ палатки и, спрашивая каждаго въ отдѣльности, какъ онъ себя чувствуетъ, поручалъ заботу о нихъ поименно легатамъ, трибунамъ и префектамъ [2]) Это само по себѣ пріятное народу дѣло онъ повелъ такъ ловко, что, излѣчивая

[1]) Въ силу своей высшей власти диктаторъ запрещаетъ начальнику конницы исполнять служебныя обязанности; отставить начальника конницы отъ должности диктаторъ не могъ, несмотря на то, что самъ избиралъ себѣ его въ помощники, и продолжительность ихъ пребыванія въ должности была одинакова. [2]) Такъ назывались начальники союзническаго войска (оно строилось обыкновенно на флангахъ римскихъ легіоновъ), которые (числомъ 3) соотвѣтствовали 6 военнымъ трибунамъ, командовавшимъ римскимъ легіономъ.

тѣла воиновъ, весьма скоро склонилъ на свою сторону сердца ихъ; да и на выздоровленіе воиновъ ничего не дѣйствовало благотворнѣе, какъ то, что заботу эту они приняли съ благодарностью. Лишь только войско оправилось, онъ сразился съ врагами при полной увѣренности въ успѣхѣ съ его стороны и со стороны воиновъ и разбилъ на голову самнитянъ, такъ что въ этотъ день они въ послѣдній разъ сражались съ диктаторомъ. Затѣмъ побѣдоносное войско направилось въ ту сторону, куда вела его надежда на добычу; оно прошло непріятельскія владѣнія, нигдѣ не встрѣтивъ ни вооруженныхъ силъ, ни сопротивленія открытаго, или изъ-за засады; бодрости войску придавало то обстоятельство, что, по распоряженію диктатора, вся добыча уступлена была воинамъ, и ихъ столько же возбуждало противъ врага озлобленіе всего государства, сколько и личная выгода. Приведенные въ покорность этими пораженіями, самнитяне просили у диктатора мира; съ нимъ они заключили условіе—дать каждому воину одежду и жалованье за весь годъ и, получивши приказаніе обратиться въ сенатъ, отвѣтили, что послѣдуютъ за диктаторомъ, и только его честности и храбрости довѣрятъ свое дѣло. Послѣ этого римское войско было уведено изъ области самнитянъ. **37**. Диктаторъ съ тріумфомъ вступилъ въ городъ и, когда изъявилъ желаніе сложить съ себя диктатуру, то, по приказанію отцовъ, до сложенія должности выбралъ консуловъ въ лицѣ Г. Сульпиція Лонга во второй разъ и
430-431г. Кв. Эмилія Церретана. Самнитяне, не заключивши мира, такъ какъ не выяснились еще условія его, принесли изъ Рима перемиріе на одинъ годъ; но и этого перемирія они не сохранили свято: до такой степени извѣстіе объ оставленіи Папиріемъ должности воодушевило ихъ къ войнѣ.

Въ консульство Г. Сульпиція и Кв. Эмилія (нѣкоторыя лѣтописи называютъ второго консула Авліемъ) отпаденіе самнитянъ было осложнено новою войною съ апулійцами. Въ ту и другую область посланы были войска. На долю Сульпиція выпала по жребію Самнитская область, Эмилію досталась Апулія. Нѣкоторые сообщаютъ, что война была объявлена не самимъ апулійцамъ, но оказана была помощь союзнымъ съ этимъ племенемъ народамъ противъ насилія и обидъ со стороны самнитянъ; впрочемъ, положеніе самнитянъ, которые въ это время едва въ состояніи были защищать себя отъ войны, дѣлаетъ болѣе правдоподобнымъ, что неапулійцы подверглись нападенію самнитянъ, а римляне вели одновременно войну съ обоими этими народами. Ничего однако достойнаго упоминанія не случилось; Апулійская область и Самній были совершенно опустошены, но ни тамъ, ни здѣсь нельзя было найти непріятелей. Въ Римѣ ночная тревога внезапно подняла гражданъ со сна и повергла ихъ въ такой ужасъ, что Капитолій и кремль, стѣны и ворота наполнились вооруженными; и хотя стали сбѣгаться и повсюду призывать къ оружію, но на разсвѣтѣ не оказалось на лицо ни виновника, ни причины страха. Въ томъ же году, по предложенію Флавія, состоялся приговоръ народа относительно тускуланцевъ. Народный трибунъ М. Флавій предложилъ народу наказать тускуланцевъ за то, что при ихъ помощи и по ихъ совѣту велитерны и привернаты объявили войну римлянамъ. Тускуланцы съ женами и дѣтьми пришли въ Римъ. Толпа ихъ въ траурной одеждѣ, имѣя видъ подсудимыхъ, обходила трибы и падала въ ноги всѣмъ гражданамъ. Такимъ образомъ не столько законныя основанія способствовали оправданію ихъ въ преступленіи, сколько состраданіе полученію прощенія. Всѣ трибы, за исключеніемъ Поллійской, отвергли предлагаемый законъ; Поллійская триба высказала мнѣніе, что взрослыхъ должно высѣчь розгами и казнить, а женъ и дѣтей продать съ аукціона по праву войны. Воспоминаніе объ этомъ раздраженіи противъ требовавшихъ такого жестокаго наказанія тускуланцы, какъ извѣстно, сохранили до временъ нашихъ отцовъ [1], и ни одинъ почти кандидатъ изъ Поллійской трибы не могъ получить въ свою пользу голосовъ въ Папиріевой трибѣ [2].

38. На слѣдующій годъ, въ консульство Кв. Фабія и Л. 432г.
Фульвія, диктаторъ А. Корнелій Арвина и начальникъ конницы М. Фабій Амбустъ, опасаясь слишкомъ серіозной войны въ Самніи,—ибо говорили, что нанята за деньги сосѣдняя молодежь,—произвели съ большею тщательностью наборъ и повели это превосходное войско противъ самнитянъ. Въ непріятельской землѣ римляне разбили лагерь съ такою небрежностью, какъ будто бы врагъ находился далеко отъ нихъ,—какъ вдругъ нагрянули самнитскіе легіоны и при томъ такъ смѣло, что придвинули свой валъ вплоть до римскихъ аванпостовъ. Наступала уже ночь. Это помѣшало врагамъ напасть на римскія укрѣпленія; но они не скрывали намѣре-

1) Т.-е. до послѣдняго времени римской республики: Ливій умеръ въ 17 г. по Р. Хр. 2) Тускуланцы, какъ римскіе граждане, принадлежали къ Папиріевой трибѣ.

нія сдѣлать это съ разсвѣтомъ на слѣдующій день. Лишь только диктаторъ замѣтилъ, что сраженіе будетъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, то, боясь, чтобы позиція не повредила храбрости его воиновъ, оставилъ въ лагерѣ много сторожевыхъ огней, съ цѣлью обмануть непріятелей, и безъ всякаго шума вывелъ свои легіоны; однако, вслѣдствіе близости лагеря онъ не могъ остаться незамѣченнымъ. За нимъ тотчасъ послѣдовала непріятельская конница и тѣснила его отрядъ до разсвѣта, но воздерживалась отъ битвы; а пѣхота ихъ до разсвѣта даже не выступила изъ лагеря. Только съ разсвѣтомъ конница рѣшилась напасть на римлянъ и задерживала ихъ маршъ тѣмъ, что задѣвала арріергардъ и наступала на него въ трудныхъ для перехода мѣстахъ. Между тѣмъ и пѣхота догнала конницу, и самнитяне тѣснили римлянъ уже всѣми боевыми силами. Тогда диктаторъ, не будучи въ состояніи подвинуться впередъ безъ большихъ потерь, приказалъ разбить лагерь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился. Но такъ какъ со всѣхъ сторонъ они окружены были непріятельской конницей, то нельзя было искать кольевъ и приступать къ работамъ. Поэтому, видя, что нѣтъ возможности ни идти впередъ, ни оставаться на мѣстѣ, диктаторъ приказалъ убрать обозъ изъ войска и сталъ приводить его въ боевой порядокъ. Съ своей стороны выстроили войско и непріятели, равные римлянамъ мужествомъ и силами. Отвага самнитянъ особенно увеличилась, такъ какъ, не зная того, что римляне отступили вслѣдствіе неудобства мѣстности, а не передъ врагомъ, они послѣдовали за ними, считая ихъ бѣгущими вслѣдствіи страха, а самихъ себя страшными для нихъ. Это обстоятельство уравновѣшивало битву въ продолженіе нѣкотораго времени, хотя самнитяне давно уже отвыкли выносить крикъ римскаго войска. А въ этотъ день, клянусь Геркулесомъ, говорятъ, начиная съ трехъ часовъ дня до 8, сраженіе было до того нерѣшительно, что ни поднятый при первой схваткѣ крикъ не былъ повторенъ, ни знамена не были подвинуты впередъ съ своего мѣста, либо отставлены назадъ, и нигдѣ не было замѣтно отступленія. Стоя твердо на своихъ мѣстахъ и напирая щитами, они сражались, не переводя духа и не оглядываясь. Однообразный шумъ и одинаковый ходъ сраженія долженъ былъ, повидимому, продолжаться до крайняго изнуренія борющихся, или до ночи. Воины уже лишались силъ, мечи уже притуплялись, полководцы теряли уже способность распоряжаться, — какъ

вдругъ самнитская конница, узнавши, благодаря одному, слишкомъ далеко ушедшему впередъ эскадрону, что римскій обозъ находится вдали отъ вооруженныхъ, безъ прикрытія и безъ окопа, изъ жадности къ добычѣ дѣлаетъ на него нападеніе. Когда оробѣвшій вѣстникъ сообщилъ объ этомъ диктатору, послѣдній сказалъ: „пусть только они запутаются въ добычѣ!“ Затѣмъ прибывавшіе одинъ за другимъ вѣстники стали кричать, что имущество воиновъ повсюду расхищается и уносится. Тогда диктаторъ призвалъ начальника конницы и сказалъ: „видишь ли ты, М. Фабій, что непріятельская конница покинула битву? они запутались и застряли при нашемъ обозѣ. Сдѣлай нападеніе на разсѣявшихся, какъ это случается со всякой толпой во время грабежа; немногихъ застанешь на лошадяхъ, немногіе сохраняютъ оружіе въ рукахъ; пока они будутъ навьючивать лошадей добычею, ты убивай безоружныхъ и обагри, такимъ образомъ, ихъ добычу кровью. Для меня предметомъ заботы будутъ служить легіоны и битва пѣхоты, тебѣ пусть доставитъ славу командованіе конницей“. **39**. Отрядъ конницы, построенный какъ можно лучше, напавъ на разсѣявшихся и запутавшихся при обозѣ враговъ, повсюду производитъ страшную рѣзню. Среди поклажи, брошенной вдругъ подъ ноги бѣгущихъ и испуганныхъ лошадей, не имѣя возможности ни сражаться, ни бѣжать, враги были избиваемы. Послѣ этого, уничтоживши почти непріятельскую конницу, М. Фабій сдѣлалъ небольшой поворотъ со своими эскадронами и напалъ съ тылу на непріятельскую пѣхоту. Доносившійся оттуда новый крикъ навелъ и на самнитянъ страхъ, да и диктаторъ, замѣтивши, что защитники непріятельскихъ знаменъ оглядываются назадъ, знамена приведены въ замѣшательство, а отрядъ колеблется, — обратился съ рѣчью къ воинамъ и увѣщавалъ ихъ, а трибуновъ и центуріоновъ поименно приглашалъ возобновить вмѣстѣ съ нимъ битву. Повторивши крикъ, римляне сдѣлали нападеніе и, чѣмъ дальше подвигались впередъ, тѣмъ все больше и больше безпорядка замѣчали среди непріятелей. Уже передовые отряды римлянъ видѣли свою конницу, и Корнелій, обернувшись къ манипуламъ воиновъ, указывалъ имъ, насколько могъ рукою и крикомъ, что видитъ знамена своихъ и щиты всадниковъ. Услыхавши и замѣтивши это, воины до того вдругъ забыли свои раны и трудъ, который переносили весь почти день, что бросились на непріятеля такъ, какъ будто-бы они только-что со свѣжими силами вышли изъ лагеря и получили знакъ

къ сраженію. А самнитянами овладѣлъ страхъ передъ конницей и натискомъ пѣхоты; окруженные римлянами, они были частію истреблены, частію обращены въ бѣгство и разсѣяны. Пѣхота перебила тѣхъ, которые остались и были ею окружены; конница произвела рѣзню среди убѣгающихъ, между которыми палъ и самъ полководецъ.

Это сраженіе сокрушило, наконецъ, силы самнитянъ. На всѣхъ собраніяхъ они роптали, говоря, что нѣтъ ничего удивительнаго, если они терпѣли неудачи въ незаконной и предпринятой вопреки договору войнѣ, гдѣ боги по справедливости были болѣе озлоблены противъ нихъ, чѣмъ люди. Эту войну слѣдуетъ загладить и искупить большою жертвою; вопросъ только въ томъ, принести ли въ жертву для очищенія кровь немногихъ виновныхъ, или кровь всѣхъ невинныхъ. При этомъ нѣкоторые уже отваживались называть виновниковъ войны. Особенно слышалось одно имя, единогласно произносимое, именно—имя Брутула Папія. Это былъ человѣкъ знатный и вліятельный, несомнѣнный виновникъ нарушенія послѣдняго перемирія. Преторы, вынужденные войти относительно его съ докладомъ, добились постановленія, чтобы Брутулъ Папій былъ выданъ римлянамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вся взятая у римлянъ добыча и плѣнники были отправлены въ Римъ, и все, въ чемъ феціалы требовали удовлетворенія на основаніи договора, было возвращено по праву и справедливости. Феціалы, какъ было постановлено, вмѣстѣ съ трупомъ Брутула отправлены были въ Римъ: Брутулъ самъ добровольною смертью избавилъ себя отъ позорной казни. Вмѣстѣ съ трупомъ рѣшено было также выдать и его имущество. Однако изъ вышеозначенныхъ предметовъ ничего не было принято римлянами, за исключеніемъ плѣнниковъ и той части добычи, которая была признана ихъ собственностью; выдача остального имущества не была принята. Диктаторъ, по постановленію сената, получилъ тріумфъ.

Нѣкоторые сообщаютъ, что войну эту окончили консулы, и что они праздновали тріумфъ надъ самнитянами, что Фабій пробрался даже въ Апулію и пришелъ оттуда съ большой добычей. **40**. Всѣ согласны на счетъ того, что диктаторомъ въ этотъ годъ былъ А. Корнелій; сомнѣнію подлежитъ лишь то, назначенъ ли онъ былъ для веденія войны, или для того, чтобы руководить Римскими играми и подавать знакъ для выступленія изъ-за загородки колесницъ, такъ какъ преторъ Л. Плавтій какъ разъ въ это время тяжко заболѣлъ; по исполненіи же этой, не особенно достопамятной, должности онъ сложилъ съ себя диктатуру. И трудно рѣшить достовѣрность того или другого факта или предпочесть одного писателя другому. Я полагаю, что исторія испорчена надгробными рѣчами и ложными надписями подъ изображеніями предковъ: каждый родъ, при помощи вводящей въ заблужденіе выдумки, присваиваетъ себѣ славу военныхъ подвиговъ и должностей. Поэтому-то, конечно, искажены какъ дѣянія отдѣльныхъ лицъ, такъ и государственные памятники событій; и нѣтъ ни одного современнаго той эпохѣ писателя, на свидѣтельствѣ котораго, какъ достаточно достовѣрномъ, можно было бы остановиться.

КНИГА IX.

1. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, въ консульство Т. Ветурія Кальвина и Сп. Постумія, былъ заключенъ извѣстный пораженіемъ римлянъ Кавдинскій миръ. Въ этомъ году вождемъ самнитянъ былъ Г. Понтій, сынъ Геренція; происходя отъ отца, обладавшаго очень обширнымъ умомъ, Понтій самъ былъ первымъ воякой и полководцемъ. Лишь только послы, отправленные въ Римъ, чтобы дать удовлетвореніе римлянамъ [1]), возвратились, не достигши заключенія мира, Понтій сказалъ: „не думайте, что посольство это не привело ни къ какому результату: оно умиротворило весь гнѣвъ небесный, тяготѣвшій надъ нами за нарушеніе союзнаго договора. Я убѣжденъ, что всѣмъ тѣмъ богамъ, которымъ благоугодно было довести насъ до необходимости исполнить требованія, предъявленныя къ намъ на основаніи союзнаго договора, не по сердцу пришлось то, что римляне такъ горделиво отвергли попытку искупить нарушеніе его. Въ самомъ дѣлѣ, что еще можно было сдѣлать для умилостивленія боговъ и для умиротворенія людей болѣе того, что сдѣлали мы? Взятое нами въ добычу имущество враговъ, которое по праву войны, казалось, должно было считаться нашею собственностью, мы отослали назадъ, зачинщиковъ войны [2]) мы выдали уже мертвыми, такъ какъ не могли выдать ихъ живыми; имущество ихъ мы отвезли въ Римъ, чтобы не оставалось на насъ ни малѣйшей отвѣтственности за преступленіе. Что же еще долженъ я тебѣ, римлянинъ, какая неисполненная обязанность лежитъ на мнѣ

[1]) См. VIII 39. [2]) Рѣчь идетъ о Брутулѣ; см. VIII 39.

по отношенію къ союзному договору и богамъ, свидѣтелямъ его? кого избрать мнѣ судьей твоего гнѣва и моихъ страданій [1])? Ни отъ кого не уклоняюсь я, ни отъ народа, ни отъ отдѣльнаго частнаго человѣка. Если же для слабаго въ его борьбѣ съ болѣе сильнымъ не остается никакой правды на землѣ, я прибѣгну къ богамъ, карателямъ несносной гордости, и буду молить ихъ обратить свой гнѣвъ на тѣхъ, которые не удовлетворяются ни возвращеніемъ ихъ собственности, ни прибавленіемъ къ ней чужого добра; на тѣхъ, гнѣва которыхъ не въ состояніи утолить ни смерть виновныхъ, ни выдача ихъ бездыханныхъ труповъ, ни имущество, отдаваемое вмѣстѣ съ его владѣльцемъ; на тѣхъ, которыхъ нельзя умилостивить безъ того, чтобы не дать имъ испить нашей крови, растерзать наши внутренности. Справедлива, самнитяне, война тѣхъ, для кого она является неизбѣжной необходимостью, благочестиво оружіе тѣхъ, вся надежда которыхъ заключается лишь въ оружіи; поэтому, такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ больше всего значитъ то, совершаютъ ли ихъ люди при милостивомъ, или при враждебномъ отношеніи къ нимъ боговъ, будьте увѣрены, что прежнія войны вы вели скорѣе противъ боговъ, чѣмъ противъ людей [2]), а ту, которая предстоитъ, вы будете вести подъ предводительствомъ самихъ боговъ!“

2. Изложивъ эти настолько же вѣрныя, насколько и радостныя предсказанія, Понтій вывелъ войско и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ Кавдія, соблюдая наивозможную тайну; отсюда онъ посылаетъ десять переодѣтыхъ пастухами воиновъ въ Калатію, гдѣ, по слухамъ, находились уже римскіе консулы со своимъ лагеремъ, и приказываетъ имъ пасти свой скотъ на различныхъ мѣстахъ—одному здѣсь, другому тамъ,—неподалеку отъ римскихъ постовъ; если же они натолкнутся на посланные для грабежа непріятельскіе отряды, то всѣ должны говорить одно и то же,—что легіоны самнитянъ находятся въ Апуліи, всѣми своими силами осаждаютъ Луцерію и въ скоромъ времени возьмутъ ее штурмомъ. Этотъ же слухъ еще раньше нарочно былъ распущенъ, и онъ дошелъ до римлянъ, но достовѣрность его увеличили плѣнные особенно потому, что показанія всѣхъ

[1]) Т.-е. кого предложить мнѣ въ третейскіе судьи, кто бы рѣшилъ, справедливъ ли твой гнѣвъ и достаточно ли сдѣлано съ моей стороны, чтобы смягчить его? [2]) См. VIII 39.

ихъ согласовались между собою. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что римляне подадутъ помощь жителямъ Луцеріи, какъ хорошимъ и вѣрнымъ союзникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ цѣлью предупредить отпаденіе всей Апуліи, напуганной настоящимъ опаснымъ положеніемъ. Вопросъ заключался только въ томъ, какою дорогою пойдутъ римляне; къ Луцеріи вели двѣ дороги: одна изъ нихъ — широкая и открытая — шла вдоль берега Верхняго моря [1]), но насколько она была безопаснѣе, настолько же почти была и длиннѣе; другая, болѣе короткая, вела черезъ Кавдинское ущелье, природа же мѣстности здѣсь такова: два глубокихъ ущелья, узкихъ и покрытыхъ лѣсомъ, соединяются между собою непрерывными, расположенными вокругъ горными хребтами; между ними лежитъ довольно обширная, богатая растительностью и водой, замкнутая равнина, посрединѣ которой пролегаетъ дорога. Но прежде, чѣмъ дойти до этой поляны, нужно войти въ первое ущелье и или возвратиться обратно по той же дорогѣ, по которой пробрался туда, или, если продолжать идти далѣе, выйти черезъ другое еще болѣе узкое и еще труднѣе проходимое ущелье. Римляне спустились въ эту равнину по другой дорогѣ, черезъ скалистый проходъ, но когда они направились дальше къ другому ущелью, то нашли его загражденнымъ срубленными деревьями и множествомъ огромныхъ, наваленныхъ другъ на друга камней. Когда, такимъ образомъ, открылось коварство враговъ, римляне замѣтили и непріятельскій отрядъ на вершинѣ горнаго хребта. Поспѣшно стали они отступать по той дорогѣ, по которой пришли, но и ее нашли также загороженною баррикадами и вооруженными людьми. Затѣмъ они безъ всякаго приказанія остановились; остолбенѣли всѣ, и какъ будто какое-то оцѣпенѣніе охватило ихъ члены: посматривая другъ на друга и каждый предполагая въ другомъ болѣе присутствія духа и благоразумія, они долго оставались неподвижными и молчали. Затѣмъ, увидѣвъ, что разбиваются палатки консуловъ и нѣкоторые заготовляютъ матеріалъ, потребный для окоповъ, они, хотя и понимали, что при ихъ критическомъ и безнадежномъ положеніи укрѣпленіе послужитъ предметомъ насмѣшки, однако, чтобы не прибавить къ бѣдѣ еще собственную вину, обратились, каждый самъ по себѣ, безъ всякаго понужденія

[1]) Адріатическое море.

или приказанія съ чьей либо стороны, къ работѣ по укрѣпленію и, расположивъ лагерь около воды, окружили его валомъ; при этомъ они сами съ плачевнымъ самосознаніемъ издѣвались надъ своей работой и напраснымъ трудомъ, а тутъ еще и враги заносчиво бранили ихъ. Глубоко опечаленные консулы не созывали даже военный совѣтъ, потому что не было мѣста ни совѣту, ни помощи; но легаты и трибуны сами собрались къ нимъ, а воины, обратившись къ преторіи [1]), требовали отъ вождей помощи, которую едва ли въ состояніи были оказать даже безсмертные боги. **3**. Ночь застигла римлянъ, въ то время, какъ они болѣе жаловались на свою судьбу, чѣмъ обдумывали свое положеніе, при чемъ каждый, сообразно съ своимъ характеромъ, кричалъ, — одинъ: „пойдемъ черезъ загроможденныя дороги, черезъ противостоящія горы, черезъ лѣса, гдѣ только можно протащить оружіе, лишь бы можно было подойти къ непріятелю, надъ которымъ мы почти уже тридцать лѣтъ одерживаемъ побѣды; все сдѣлается гладкимъ и ровнымъ для римлянина, если онъ станетъ сражаться съ вѣроломнымъ самнитяниномъ!“ Другой спрашивалъ: „куда или по какой дорогѣ мы пойдемъ? Неужели мы хотимъ сдвинуть съ мѣста горы? Пока будутъ возвышаться эти горныя вершины, по какой дорогѣ пойдешь ты къ непріятелю? вооруженные и безоружные, храбрые и трусы — всѣ мы одинаково захвачены въ плѣнъ и побѣждены; даже меча не противопоставитъ намъ непріятель для того, чтобы мы могли умереть со славой: не сходя съ мѣста, онъ окончитъ войну.“ Въ такихъ-то разговорахъ, забывъ о пищѣ и снѣ, римляне провели ночь.

Также и самнитяне не знали, какъ поступить имъ при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ; поэтому они всѣ рѣшили обратиться письменно за совѣтомъ къ Геренію Понтію, отцу ихъ главнокомандующаго. Обремененный годами, онъ отказался уже не только отъ военныхъ, но и отъ гражданскихъ должностей; однако въ слабомъ тѣлѣ еще крѣпокъ былъ мощный духъ и умъ. Узнавъ, что римскія войска заперты въ Кавдинскомъ ущельѣ, между двумя горными оврагами, Гереній, на вопросъ гонца его сына, сказалъ, что,

[1]) Т.-е. къ палаткѣ предводителя.

по его мнѣнію, слѣдуетъ, какъ можно скорѣе, выпустить оттуда невредимыми всѣхъ римлянъ. Когда это мнѣніе было отвергнуто, и тотъ же самый посолъ, возвратившись къ нему, вторично просилъ у него совѣта, онъ объявилъ, что нужно перебить всѣхъ до одного. Оба поданные совѣта до такой степени противорѣчили одинъ другому, какъ загадочныя изреченія оракула, и хотя прежде всего самъ сынъ Геренія полагалъ, что въ ослабѣвшемъ тѣлѣ уже ослабѣлъ и разсудокъ отца, однако, уступая общему мнѣнію, онъ пригласилъ на совѣтъ его самаго. Какъ говорятъ, старикъ охотно согласился на это и пріѣхалъ въ повозкѣ въ лагерь; приглашенный на совѣтъ, онъ говорилъ такъ, что ни въ чемъ не измѣнилъ своего мнѣнія, и только разъяснялъ его основанія: первымъ совѣтомъ, который онъ считаетъ самымъ лучшимъ, онъ хотѣлъ посредствомъ величайшаго благодѣянія на вѣки вѣчные упрочить миръ и дружбу съ могущественнымъ народомъ; вторымъ — на много лѣтъ отсрочить войну, такъ какъ, потерявъ два войска, римское государство не легко снова соберется съ силами. „Третьяго совѣта“, говорилъ онъ, „никакого нѣтъ“! Такъ какъ сынъ и другіе начальники продолжали спрашивать его, что онъ думаетъ о томъ, если избрать среднее изъ этихъ мнѣній и отпустить римлянъ невредимыми, обязавъ ихъ, какъ побѣжденныхъ, условіями по праву войны, то Гереній сказалъ: „этимъ ни друзей не пріобрѣтете, ни враговъ не уничтожите; сохраните только тѣхъ, которыхъ вы раздражили понесеннымъ ими позоромъ!... Римскій народъ таковъ, что, будучи побѣжденъ, не можетъ быть спокойнымъ: въ его сердцѣ всегда будетъ жить сознаніе того, къ чему вынудитъ его минутная необходимость, и оно не позволитъ ему успокоиться прежде, чѣмъ онъ сторицею отомститъ вамъ!“

4. Ни первый, ни второй совѣтъ Геренія не былъ принятъ, и онъ уѣхалъ изъ лагеря домой. Послѣ того, какъ въ римскомъ лагерѣ было сдѣлано много тщетныхъ попытокъ пробиться впередъ, и началъ уже ощущаться недостатокъ во всемъ, римляне, побѣжденные необходимостью, отправляютъ пословъ съ тѣмъ, чтобы тѣ сначала просили мира на умѣренныхъ условіяхъ; а затѣмъ, если не достигнутъ заключенія мира, то вызвали бы самнитянъ на бой. На это Понтій отвѣтилъ, что война уже окончена, и что онъ заставитъ римлянъ безъ оружія и въ однѣхъ рубашкахъ пройти подъ ярмомъ, такъ какъ они, даже будучи побѣждены и находясь въ плѣну, не умѣютъ сознавать своего положенія. „Прочія же условія мира“, говорилъ Понтій, „будутъ равно безобидны и для побѣжденныхъ и для побѣдителей, а именно: если римляне уйдутъ изъ области самнитянъ и уведутъ колоніи, то римляне и самнитяне будутъ отнынѣ жить по своимъ собственнымъ законамъ, въ дружественномъ союзѣ. На такихъ условіяхъ я готовъ заключить съ консулами мирный договоръ“. Сказавъ это, онъ запретилъ посламъ возвращаться къ нему въ томъ случаѣ, если бы какое-нибудь изъ этихъ условій не понравилось консуламъ. Когда въ римскомъ лагерѣ было объявлено донесеніе пословъ, внезапно поднялся такой всеобщій плачь, и всѣми овладѣла такая печаль, что, казалось, они не съ большимъ бы огорченіемъ приняли извѣстіе о томъ, что всѣ должны умереть на этомъ мѣстѣ. Послѣ долгаго молчанія, въ то время, какъ консулы не смѣли открыть рта ни за такой постыдный, ни противъ такого неизбѣжнаго договора, Лентулъ, бывшій въ то время первымъ изъ легатовъ, какъ по личной храбрости, такъ и по занимаемому имъ почетному мѣсту, сказалъ слѣдующее: „часто слыхалъ я, консулы, какъ отецъ мой говорилъ, что онъ одинъ во время осады Капитолія [1]) не совѣтовалъ сенату выкупать у галловъ государство золотомъ, такъ какъ ни валъ, ни ровъ не загораживали ихъ отъ непріятеля, совершенно неспособнаго къ работамъ по укрѣпленію, и они могли пробиться, хотя и съ большой опасностью, однако не рискуя погибнуть навѣрняка; если бы только намъ возможно было, будь то на удобномъ, или неудобномъ мѣстѣ, сразиться съ непріятелемъ, подобно тому, какъ тѣмъ можно было сбѣжать съ Капитолія съ оружіемъ въ рукахъ на враговъ (вѣдь часто осажденные бросались на осаждающихъ), то я, подавая совѣтъ, остался бы вѣренъ образу мыслей моего отца. Сознаюсь, славна смерть за отечество, и я готовъ даже обречь себя на смерть за римскій народъ и легіоны, бросившись въ середину враговъ; но здѣсь вѣдь я вижу все отечество, всѣ наличные римскіе легіоны; если они хотятъ броситься на смерть не за себя самихъ, то что спасутъ они своею смертью? Дома въ городѣ, скажетъ кто-нибудь, стѣны и населеніе города? Напротивъ, все это, клянусь Геркулесомъ, съ уничтоженіемъ этого вой-

---

[1]) См. V 47 слд.

ска, будетъ предано въ руки враговъ, а не спасено! Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ защищать ихъ? Разумѣется, неспособная къ войнѣ и безоружная толпа гражданъ; да, она будетъ, клянусь Геркулесомъ, защищать такъ, какъ защитила ихъ отъ нападенія галловъ. Или призовутъ они изъ Вей войско и Камилла въ качествѣ вождя? Всѣ надежды и силы наши здѣсь! Сохраняя ихъ, мы спасаемъ отечество, а отдавая ихъ на убійство, покидаемъ и отдаемъ на смерть его! Но сдача постыдна и позорна! Но это-то и есть любовь къ отечеству, чтобы мы спасли его собственнымъ позоромъ, какъ спасли бы, если бы было нужно, своею смертью. Итакъ, перенесемъ безчестіе, какъ бы велико оно ни было, и покоримся необходимости, которую не могутъ побѣдить даже боги! Идите, консулы, выкупите выдачей оружія то государство, которое предки ваши выкупили золотомъ"[1]).

5. Консулы отправились къ Понтію для переговоровъ; когда побѣдитель повелъ рѣчь о заключеніи торжественнаго и отъ имени государства союзнаго договора, они сказали, что безъ согласія народа не можетъ быть заключенъ союзный договоръ, такъ же, какъ безъ феціаловъ[2]) и другихъ обычныхъ священныхъ обрядовъ. Поэтому Кавдинскій миръ былъ заключенъ не на основаніи союзнаго договора, какъ обыкновенно думаютъ и какъ пишетъ Клавдій, а на основаніи частнаго поручительства. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему поручители и заложники при заключеніи союзнаго договора, гдѣ дѣло кончается молитвой о томъ, чтобы, какъ феціалы поражаютъ жертвенную свинью[3]), такъ Юпитеръ поразилъ тотъ народъ, по винѣ котораго произойдетъ нарушеніе постановленныхъ условій. Поручителями были консулы, легаты, квесторы, военные трибуны, и имена всѣхъ ихъ на лицо; въ томъ же случаѣ, если бы дѣло было совершено на основаніи союзнаго договора, то этихъ именъ не было бы на лицо, были бы только имена двухъ феціаловъ; вслѣдствіе необходимости отсрочить заключеніе союзнаго договора, было также приказано представить въ качествѣ заложниковъ шестьсотъ всадниковъ, которые должны были поплатиться головою въ случаѣ, если бы договоръ не былъ принятъ; затѣмъ былъ назначенъ срокъ, въ теченіе котора-

[1]) См. V 47. [2]) и [3]) См. I 24.

го должна была произойти передача заложниковъ и пропускъ обезоруженнаго римскаго войска. Прибытіе консуловъ возобновило въ лагерѣ римскомъ глубокую горесть, такъ что воины едва удерживались отъ оскорбленія дѣйствіемъ тѣхъ, по неосмотрительности которыхъ они попали въ это мѣсто и по малодушію которыхъ должны были удалиться оттуда еще съ большимъ позоромъ, чѣмъ пришли. „Не было у нихъ," говорили они, „ни проводника, ни развѣдчика, но, какъ звѣри безсмысленные, попали они въ волчью яму!" Воины смотрѣли другъ на друга, смотрѣли на оружіе, которое скоро должны были выдать, на свои правыя руки, которыя будутъ обезоружены, на тѣла, которыя скоро будутъ во власти непріятеля. Воочію представляли они сами себѣ непріятельское ярмо, насмѣшки побѣдителя, надменные взгляды, шествіе безоружныхъ сквозь ряды вооруженныхъ, потомъ печальный путь опозореннаго войска черезъ города союзниковъ и возвращеніе въ отечество къ родителямъ, куда сами они и ихъ предки часто являлись съ тріумфомъ. „Одни мы", говорили воины римскіе, „побѣждены, не получивъ ранъ, безъ помощи меча и не побывавъ въ сраженіи; намъ не позволили обнажить мечей, не позволили схватиться съ непріятелемъ; напрасно было внушено намъ мужество!"

Пока они такъ роптали, наступилъ роковой часъ позора, который въ дѣйствительности долженъ былъ сдѣлать все болѣе печальнымъ, чѣмъ они предполагали: сначала имъ было приказано въ однѣхъ рубашкахъ безъ оружія выйти за валъ, и первыми были выданы заложники и уведены подъ стражу, затѣмъ ликторы получили приказаніе оставить консуловъ, а съ этихъ послѣднихъ были совлечены плащи[1]). Среди тѣхъ самыхъ воиновъ, которые немного раньше проклинали консуловъ и готовы были предать и растерзать ихъ, это возбудило такое состраданіе, что каждый, забывъ о своемъ собственномъ положеніи, отвращалъ глаза отъ такого поруганія величія консуловъ, какъ отъ гнуснаго зрѣлища. **6.** Почти полуобнаженные консулы первые прошли подъ ярмомъ; затѣмъ подверглись позору остальные въ томъ порядкѣ, какъ они слѣдовали другъ за другомъ по чину, и, наконецъ, одинъ за другимъ легіоны, каждый отдѣльно. Кругомъ,

[1]) Бѣлый или пурпуровый плащъ, носимый во время войны полководцами (paludamentum).

издѣваясь и насмѣхаясь надъ ними, стояли вооруженные непріятели; многимъ они грозили мечами, а нѣкоторыхъ ранили и убили, если выраженіе лица ихъ, слишкомъ свирѣпое вслѣдствіе недостойнаго обращенія, оскорбляло побѣдителей. Такимъ образомъ римляне были проведены подъ ярмомъ; когда же они, что было почти еще тяжелѣе, на глазахъ враговъ вышли изъ ущелья, то, хотя и казалось, что они, какъ бы вырвавшись изъ преисподней, впервые увидѣли дневной свѣтъ, однако самый свѣтъ этотъ, при взглядѣ на войско, такъ опозоренное, былъ ужаснѣе всякой смерти; поэтому они, хотя и могли до ночи придти въ Капую, но, сомнѣваясь въ вѣрности союзниковъ и изъ чувства стыда, лишенные всего, расположились на голой землѣ, возлѣ дороги неподалеку отъ Капуи. Когда вѣсть объ этомъ дошла въ Капую, то чувство справедливаго состраданія къ союзникамъ побѣдило врожденную жителямъ Кампаніи гордость. Немедленно со всею готовностью посылаютъ они консуламъ знаки ихъ достоинства, пучки прутьевъ и ликторовъ, а воинамъ—оружіе, лошадей, одежду и провіантъ. Когда же римляне входили въ Капую, то на встрѣчу имъ вышелъ весь сенатъ и народъ и оказали имъ самое радушное гостепріимство, какъ частнымъ образомъ, такъ и отъ имени государства; но ни предупредительность союзниковъ, ни ихъ ласковыя взоры, ни разспросы не только не могли выманить у нихъ ни одного слова, но даже не могли заставить ихъ поднять глаза, или взглянуть въ лицо утѣшающимъ ихъ друзьямъ. До такой степени, кромѣ печали, еще и извѣстнаго рода стыдъ заставлялъ ихъ избѣгать разговоровъ и общества людей. На слѣдующій день возвратились знатные юноши, которые были посланы изъ Капуи проводить до границъ Кампаніи уходящія римскія войска; будучи позваны въ курію, они на вопросъ старѣйшинъ отвѣчали, что римляне показались имъ еще болѣе печальными и убитыми. „Въ такомъ глубокомъ молчаніи, какъ бы нѣмое“, говорили они, „шло римское войско. Исчезла природная мощь римлянъ; вмѣстѣ съ оружіемъ отнято у нихъ и ихъ мужество; они не отвѣчаютъ на привѣтствія, не даютъ отвѣта на вопросы; со страха никто не въ состояніи былъ открыть даже рта, какъ будто они еще несутъ на своихъ шеяхъ то ярмо, подъ которымъ прошли. Самнитяне одержали побѣду не только блестящую, но и прочную, потому что они завоевали не Римъ, какъ раньше галлы, но, что требовало гораздо большаго напряженія военныхъ силъ, сокрушили римскую доблесть и римскій воинственный духъ!“

7. Передаютъ, что въ то время, какъ одни говорили это, а другіе внимали имъ, и въ совѣтѣ вѣрныхъ союзниковъ была почти оплакана гибель римскаго имени, Офиллій Калавій, сынъ Овія, знаменитый своимъ происхожденіемъ и дѣяніями, при томъ же почтенный по своему возрасту, сказалъ, что, по его мнѣнію, дѣло обстоитъ совершенно иначе. „Упорное молчаніе римлянъ“, говорилъ онъ, „потупленныя въ землю очи, уши, глухія ко всякому утѣшенію, стыдъ взглянуть на свѣтъ Божій суть признаки души, въ глубинѣ своей кипящей страшнымъ гнѣвомъ. Или я не знаю характера римлянъ, или это молчаніе въ скоромъ времени вызоветъ у самнитянъ плачевные крики и стоны, и воспоминаніе о Кавдинскомъ мирѣ будетъ для самнитянъ гораздо печальнѣе, чѣмъ для римлянъ, такъ какъ каждая сторона будетъ имѣть обычное свое мужество, гдѣ бы ни пришлось сражаться, но Кавдинскія ущелья не вездѣ будутъ къ услугамъ самнитянъ“.

Уже и въ Римѣ было извѣстно о постыдномъ пораженіи; сначала услыхали о томъ, что войска окружены; затѣмъ было получено извѣстіе о постыдномъ мирѣ еще болѣе печальное, чѣмъ вѣсть объ опасности. При слухѣ объ обложеніи войска, начали производить наборъ; а затѣмъ, послѣ того, какъ узнали о столь позорно совершившейся сдачѣ, приготовленныя вспомогательныя войска были распущены, и тотчасъ же безъ всякаго распоряженія со стороны властей повсюду появились всевозможные знаки траура: лавки вокругъ форума были заперты, судопроизводство на форумѣ прекратилось само собою, прежде чѣмъ было сдѣлано распоряженіе объ этомъ; туники съ широкими пурпуровыми каймами [1]) и золотыя кольца [2]) были сняты; граждане были унылы почти болѣе, чѣмъ само войско; они гнѣвались не только на вождей, виновниковъ и поручителей мира, но выражали негодованіе даже противъ ни въ чемъ неповинныхъ воиновъ и говорили, что ихъ не слѣдуетъ принимать ни въ

[1]) Такія туники, называвшіеся tunicae laticlaviae, носили сенаторы; онѣ отличались отъ обыкновенныхъ широкой пурпуровой полосой, вотканной спереди и шедшей отъ шеи до пояса. [2]) Золотыя кольца первоначально носили только сенаторы, а позже и всадники.

городъ, ни въ дома; но это волненіе умовъ стихло съ прибытіемъ войска, которое даже въ разгнѣванныхъ гражданахъ возбуждало сожалѣніе. Дѣйствительно, они поздно вошли въ городъ, не какъ люди возвращающіеся въ отечество, неожиданно избѣжавъ опасности, но въ одеждѣ и съ выраженіемъ лица плѣнныхъ, и скрылись каждый въ своемъ домѣ, такъ что на другой день и въ слѣдующіе затѣмъ дни никто изъ нихъ не хотѣлъ взглянуть на форумъ или общественныя мѣста. Консулы, удалившись въ свои дома, совсѣмъ не исполняли своихъ служебныхъ обязанностей, кромѣ того, что ихъ заставили декретомъ сената назначить диктатора для предсѣдательствованія въ комиціяхъ; диктаторомъ они назначили Кв. Фабія Амбуста, а начальникомъ конницы П. Элія Пета; но такъ какъ они оказались не надлежаще избранными, то на мѣсто ихъ были избраны —диктаторомъ М. Эмилій Папъ, а начальникомъ конницы Л. Валерій Флаккъ; но и ими комиціи не были созваны, и такъ какъ народу были непріятны всѣ должностныя лица, избранныя въ этомъ году, то дѣло дошло до междуцарствія; междуцарями были Кв. Фабій Максимъ и М. Валерій Корвъ; послѣдній избираетъ въ консулы Кв. Публилія Филона и Л. Папирія Курсора во второй разъ при несомнѣнномъ согласіи гражданъ, такъ какъ въ то время не было другихъ болѣе знаменитыхъ вождей.

8. Новые консулы, согласно волѣ отцовъ, вступили въ должность въ тотъ день, въ которой были выбраны; покончивъ съ обычными сенатскими постановленіями, они доложили о Кавдинскомъ мирѣ. Публилій, который тогда завѣдывалъ дѣлами[1]), обратясь къ Сп. Постумію, сказалъ: „за тобой слово, Сп. Постумій.“ Тотъ, вставъ съ мѣста, съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ лица, съ которымъ прошелъ подъ ярмомъ, сказалъ слѣдующее: „я очень хорошо понимаю, консулы, что первымъ меня вызвали и приказали говорить не ради чести, но для безчестія, не какъ сенатора, а какъ отвѣтчика и за несчастную войну, и за позорный миръ. Но въ виду того, что вы въ своемъ докладѣ не касаетесь ни нашей вины, ни наказанія за нее, я отлагаю въ сторону самозащиту, которая была бы не особенно

1) Консулъ, завѣдывавшій дѣлами, имѣлъ при себѣ ликторовъ съ пучками, почему у Ливія и сказано буквально „имѣлъ пучки“. Въ завѣдываніи дѣлами консулы чередовались каждый мѣсяцъ.

трудна предъ людьми, хорошо знакомыми съ превратностью человѣческой судьбы, и изложу вкратцѣ мое мнѣніе о томъ, о чемъ сдѣланъ вами докладъ. Это мнѣніе покажетъ, себя ли я щадилъ, или легіоны ваши, когда связалъ себя, постыднымъ или необходимымъ, но, во всякомъ случаѣ, такимъ частнымъ поручительствомъ, которымъ, какъ заключеннымъ безъ приказанія народа, не связанъ народъ римскій, и въ виду котораго самнитянамъ повинны только лично мы. Поэтому, передайте имъ насъ чрезъ фециаловъ, обнаженными и въ оковахъ[1]); если мы связали народъ какимъ-нибудь религіознымъ обязательствомъ, то мы должны освободить его отъ него, чтобы ничто ни божеское, ни человѣческое не мѣшало вновь начать справедливую и законную войну! Между тѣмъ консулы пусть набираютъ войско, вооружаютъ его и выводятъ и пусть они не прежде вступятъ въ предѣлы непріятелей, чѣмъ будетъ исполнено все, что, требуется для выдачи насъ врагамъ[2]). Боги безсмертные! если вамъ не благоугодно было, чтобы консулы Сп. Постумій и Т. Ветурій счастливо вели войну съ самнитянами, то, прошу и молю васъ, удовлетворитесь тѣмъ, что вы видѣли насъ, какъ мы шли подъ ярмомъ, видѣли, какъ мы были связаны позорнымъ частнымъ поручительствомъ, видите насъ обнаженными и въ оковахъ преданными врагамъ, принимающими весь гнѣвъ враговъ на свою голову; даруйте новымъ консуламъ и легіонамъ римскимъ такъ вести войну съ самнитянами, какъ ведены были всѣ войны до нашего консульства!“ Лишь только онъ сказалъ это, присутствующими овладѣло великое удивленіе и вмѣстѣ состраданіе къ нему; они и едва вѣрили тому, что это тотъ же самый Сп. Постумій, который былъ виновникомъ такого позорнаго мира, и жалѣли о томъ, что такой человѣкъ долженъ потерпѣть у враговъ жесточайшее наказаніе, вслѣдствіе озлобленія ихъ за расторженіе мира. Когда всѣ, осыпая похвалами Постумія, соглашались съ его мнѣніемъ, народные трибуны Л. Ливій и Кв. Мелій попытались было протестовать. Они утверждали, что ни народъ, вслѣдствіе ихъ выдачи, не освободится отъ религіознаго обязательства, если для самнитянъ не возстановить той же обстановки, какая была при Кавдіи[3]), ни они не заслужили никакого

1) См. гл. 10. 2) См. тамъ-же. 3) См. гл. 11.

наказанія за то, что своимъ ручательствомъ за миръ спасли войско римскаго народа, и что, наконецъ, они не могутъ быть выданы непріятелю, или подвергнуться безчестію, такъ какъ особа ихъ неприкосновенна [1]). **9.** На это Постумій отвѣтилъ: „выдайте покамѣстъ насъ: особа наша не священна, и вы можете сдѣлать это, не нарушая религіозныхъ обрядовъ; а потомъ выдайте и этихъ священныхъ особъ [2]), какъ только они сложатъ съ себя должность; но, прежде чѣмъ выдать, послушайте меня, высѣките ихъ здѣсь, на площади розгами; пусть это будетъ служить для нихъ процентами за отсрочку наказанія. Что же касается ихъ заявленія, что, выдавая насъ, народъ не освобождается отъ религіознаго обязательства, то кто до такой степени не свѣдущъ въ правѣ феціаловъ [3]), чтобы не знать, что они дѣлаютъ его не потому, чтобы это было такъ на самомъ дѣлѣ, а скорѣе съ цѣлью помѣшать выдачѣ ихъ самихъ врагамъ? И я не отрицаю, сенаторы, что въ глазахъ тѣхъ людей, у которыхъ на ряду съ почитаніемъ боговъ почитается и честное слово человѣка, частное поручительство такъ же священно, какъ и государственные договоры; но я говорю, что безъ приказанія народа не можетъ быть постановлено ничего такого, что связывало бы народъ. Или, если бы самнитяне съ такою же заносчивостью, съ какою они вынудили у насъ это частное поручительство, принудили насъ произнести слова, закономъ установленныя для сдающихъ непріятелю города, то развѣ вы, трибуны, стали бы утверждать, что римскій народъ сдался, и что этотъ городъ, храмы, капища, границы, воды принадлежатъ самнитянамъ? Оставляю въ сторонѣ сдачу, такъ какъ дѣло идетъ о поручительствѣ. Что же, если бы мы поручились въ томъ, что римскій народъ оставитъ этотъ городъ, что онъ зажжетъ его, что не будетъ имѣть ни правительственныхъ учрежденій, ни сената, ни законовъ, что будетъ подъ властью царей? „Боже, сохрани!“ говоришь ты. А между тѣмъ несообразность предмета поручительства все-таки не ослабляетъ узъ его; если есть что-нибудь такое, къ чему можно обязать народъ, то его можно обязать и ко всему [4]); и (что,

---

1) Личность народныхъ трибуновъ считалась неприкосновенной; см. II 33; ср. III.55. Какъ могли оказаться въ римскомъ лагерѣ народные трибуны, не имѣвшіе права покидать городъ, Ливій не поясняетъ. 2) Т.-е. трибуновъ. 3) См. I 32. 4) Постумій хочетъ сказать, что всякое обязательство, въ чемъ бы оно дано ни было, имѣетъ одинаковую силу, и его необходимо исполнить; та же самая мысль проводится и дальше: „если только въ одномъ обѣщаніе, нами данное имѣетъ обязательную силу для народа, то оно должно имѣть такую же силу и во всемъ“.

можетъ быть, смущаетъ нѣкоторыхъ) отнюдь не важно даже и то, консулъ-ли поручился, или диктаторъ, или преторъ; и это признали даже сами самнитяне: они не удовольствовались тѣмъ, что поручились консулы, а заставили поручиться и легатовъ, и квесторовъ, и военныхъ трибуновъ. И никто теперь не долженъ спрашивать меня, на какомъ основаніи я принялъ на себя такое ручательство, тогда какъ это и не было правомъ консула, и я не могъ поручиться ни предъ ними за миръ, который не входилъ въ мою компетенцію, ни за васъ, такъ какъ вы не давали мнѣ никакого полномочія: у Клавдія, сенаторы, бездѣйствовалъ человѣческій разсудокъ: безсмертные боги отняли разумъ и у вашихъ, и у непріятельскихъ полководцевъ: и мы не были достаточно осторожны во время войны, и они не сумѣли, какъ слѣдуетъ, воспользоваться побѣдой, пріобрѣтенной путемъ коварства [1]): они едва довѣряли той мѣстности, благодаря которой одержали побѣду, спѣшили, на какихъ бы то ни было условіяхъ, отнять оружіе у людей, рожденныхъ для оружія. Если бы здравъ былъ ихъ разсудокъ, то развѣ имъ трудно было въ то время, какъ они приглашали изъ дому стариковъ для совѣта, отправить пословъ въ Римъ и вести переговоры о мирѣ и союзномъ договорѣ съ сенатомъ и народомъ? Если ѣхать налегкѣ, то тутъ было всего три дня пути; а между тѣмъ можно было бы заключить перемиріе до тѣхъ поръ, пока послы ихъ не принесли бы имъ изъ Рима или вѣрной побѣды, или мира. Вотъ это было бы истинное поручительство, такъ какъ мы поручились бы по приказанію народа; но ни вы не дозволили бы этого, ни мы не поручились бы; да и судьба не могла допустить иного исхода событій: самнитяне были обольщены, какъ-бы сновидѣніемъ, слишкомъ радостнымъ, чтобы ихъ умъ могъ понять его, и тотъ же самый случай, который поставилъ наше войско въ затруднительное положеніе, выпуталъ его изъ этого затрудненія; призрачную побѣду сдѣлалъ тщетной еще болѣе призрачный миръ; состоялось частное поручительство, которое не обязывало никого, кромѣ поручителя. Въ самомъ дѣлѣ, какіе переговоры велись съ вами, сенаторы, какіе — съ римскимъ народомъ? кто мо-

---

1) См. гл. 2.

жетъ указать на васъ, кто можетъ сказать, что онъ обманутъ вами? врагъ или согражданинъ? врагу вы ни въ чемъ не ручались, никому изъ гражданъ не давали приказанія поручиться за васъ; поэтому, вамъ нѣтъ никакого дѣла ни до насъ, которымъ вы не давали никакихъ порученій, ни до самнитянъ, съ которыми вы не вступали ни въ какія сношенія. Мы дали слово самнитянамъ и мы состоимъ ихъ должниками, довольно состоятельными въ томъ, что принадлежитъ намъ, что мы можемъ представить имъ, а именно: наше тѣло и душу; пусть они злобствуютъ надъ ними, пусть на нихъ точатъ мечи, изощряютъ свой гнѣвъ! Что же касается трибуновъ, то разсудите, можетъ ли выдача ихъ врагамъ совершиться теперь же, или ее слѣдуетъ отложить; а между тѣмъ мы, Т. Ветурій и вы прочіе, понесемъ эти презрѣнныя головы на жертву за частное поручительство и нашею смертью дадимъ возможность дѣйствовать римскому оружію!“ [1]).

10. Случай этотъ, какъ и его виновникъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на сенаторовъ и не только на другихъ, но также и на народныхъ трибуновъ, такъ что они заявили, что подчинятся приговору сената. Затѣмъ немедленно они сложили съ себя должность и вмѣстѣ съ прочими были переданы феціаламъ, чтобы тѣ отвели ихъ въ Кавдій; когда состоялось на этотъ предметъ постановленіе сената, то, казалось, какой-то свѣтъ озарилъ государство. Имя Постумія было у всѣхъ на языкѣ; его до небесъ превозносили похвалами, поступокъ его сравнивали съ самообреченіемъ на смерть консула П. Деція [2]) и съ другими достославными подвигами. Благодаря его совѣту и содѣйствію, говорили граждане, государство освободилось отъ мира, отдававшаго его во власть непріятелямъ; онъ самъ предаетъ себя на истязаніе врагамъ и отдается ихъ гнѣву, приноситъ очистительную жертву за римскій народъ. Всѣ требуютъ оружія, жаждутъ войны, спрашивая, будетъ ли когда нибудь возможно сойтись на полѣ битвы съ самнитянами. Въ государствѣ, пылавшемъ гнѣвомъ и ненавистью, былъ произведенъ на-

---

[1]) Постумій представляетъ римское оружіе, какъ бы связаннымъ тѣмъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, которое онъ и его товарищъ по должности, Титъ Ветурій, дали самнитянамъ при Кавдіи; см. гл. 5. [2]) Предавая себя на добровольную смерть врагамъ, Постумій тѣмъ самымъ избавляетъ римлянъ отъ—необходимости исполнить это обѣщаніе; см. VIII 9.

боръ исключительно почти изъ добровольцевъ; изъ тѣхъ же самыхъ воиновъ были сформированы новые легіоны, и войско двинуто въ Кавдію. Впереди его шли феціалы; подойдя къ воротамъ, они приказали совлечь одежды съ поручителей за миръ и связать имъ за спину руки. Когда прислужникъ, изъ уваженія къ величію Постумія, слабо вязалъ его руки, Постумій закричалъ ему: „затяни ремень, чтобы формальности выдачи были строго соблюдены!“ Затѣмъ, когда они явились въ собраніе самнитянъ и подошли къ трибуналу Понтія, феціалъ А. Корнелій Арвина сказалъ слѣдующее: „такъ какъ эти люди безъ приказанія римскаго народа квиритовъ поручились за то, что будетъ заключенъ союзный договоръ, и вслѣдствіе этого совершили преступленіе, то я и выдаю вамъ этихъ людей, чтобы тѣмъ самымъ освободить римскій народъ отъ нечестиваго преступленія.“ Въ то время, какъ феціалъ говорилъ это, Постумій, насколько могъ, сильно ударилъ его колѣномъ въ бедро и громкимъ голосомъ сказалъ, что онъ, Постумій, самнитскій гражданинъ и, вопреки международному праву, онъ оскорбилъ его, посла и феціала римскаго, и что поэтому война будетъ тѣмъ болѣе согласна съ законами справедливости. **11.** Тогда Понтій сказалъ: „ни я не приму этой выдачи, ни самнитяне не признаютъ ее законной. Почему ты, Спурій Постумій, если вѣруешь въ существованіе боговъ, или не считаешь всего, что было, за неслучившееся, или не остаешься вѣрнымъ договору? Народу самнитскому принадлежатъ всѣ тѣ, которые были въ его власти, или вмѣсто нихъ—миръ! Но зачѣмъ я обращаюсь лично къ тебѣ, который съ возможною для тебя добросовѣстностью возвращаешь себя плѣнникомъ во власть побѣдителя? Я обращаюсь къ народу римскому: если онъ не доволенъ договоромъ, заключеннымъ при Кавдинскомъ ущельѣ, то пусть возвратитъ свои легіоны въ то ущелье, гдѣ они были нами окружены; никто никого не долженъ обманывать; пусть все, что случилось, считается за неслучившееся; пусть воины ваши получатъ обратно оружіе, которое выдали намъ по уговору, пусть возвратятся въ свой лагерь, пусть у нихъ будетъ все, что они имѣли наканунѣ того дня, какъ были начаты переговоры! Предпочитайте тогда войну, рѣшайтесь на отважныя мѣры, отвергайте договоръ и миръ! Поведемъ войну при тѣхъ условіяхъ и на тѣхъ мѣстахъ, какія были у насъ до предложенія мира, и пусть ни римскій народъ не ропщетъ на консуловъ за

данное ими обѣщаніе, ни мы—на добросовѣстность римскаго народа! Неужели никогда не будетъ у васъ недостатка въ причинѣ къ тому, чтобы, будучи побѣжденными, не соблюдать договора? Вы дали заложниковъ Порсенѣ [1]) и тайкомъ увели ихъ обратно; золотомъ вы выкупили свое государство у галловъ: галлы были убиты во время полученія золота [2]); вы заключили съ нами миръ съ тѣмъ, чтобы мы возвратили вамъ взятые въ плѣнъ легіоны: миръ этотъ вы считаете недѣйствительнымъ; и всегда вы придаете обману какую-нибудь личину справедливости! Римскій народъ не одобряетъ спасенія его легіоновъ цѣною позорнаго мира?!.. Пусть онъ оставитъ этотъ миръ про себя, а плѣнные легіоны возвратитъ во власть побѣдителя: это было бы согласно съ честностью, приличествовало бы договорамъ и священнымъ обрядамъ, исполняемымъ феціалами. Итакъ, ты достигъ того, къ чему стремился путемъ заключенія договора, а именно: спасенія столькихъ гражданъ; я же не достигъ мира, который выговорилъ себѣ, возвративъ тебѣ этихъ людей:—и это ты, А. Корнелій, и вы, феціалы, называете правомъ народовъ?! Я не принимаю тѣхъ, которыхъ вы притворно выдаете, не вѣрю ихъ выдачѣ и не мѣшаю имъ возвратиться въ государство, связанное даннымъ обѣщаніемъ, вызвавшее гнѣвъ всѣхъ боговъ, воля которыхъ подвергается осмѣянію. Воюйте, такъ какъ Спурій Постумій только что ударилъ колѣномъ посла — феціала! Боги такъ и повѣрятъ, что Постумій — самнитскій, а не римскій гражданинъ, что римскій посолъ подвергся оскорбленію со стороны самнитянина, и что поэтому вы справедливо пошли на насъ войною! И не стыдно вамъ выставлять на свѣтъ такое поруганіе надъ религіей?... Не стыдно старцамъ и бывшимъ консуламъ выдумывать для нарушенія даннаго слова увертки, едва достойныя дѣтей?! Иди, ликторъ, сними оковы съ римлянъ! Пусть никто не препятствуетъ имъ идти, когда имъ будетъ угодно!..." И тѣ невредимо возвратились изъ-подъ Кавдія въ римскій лагерь, освободивъ, безъ сомнѣнія, себя, а, можетъ быть, и государство отъ даннаго слова. **12.** Самнитяне, понимая, что вмѣсто мира, къ предложенію котораго они отнеслись такъ кичливо [3]), вновь загорѣлась ожесточеннѣйшая война,

[1]) См. II 13 (кон.) [2]) См. V 48 слд. [3]) См. гл. 4.

не только предчувствовали, но почти воочію видѣли все, что случилось потомъ; слишкомъ поздно и напрасно восхваляли они оба совѣта стараго Понтія; избравъ средину между этими совѣтами, они обманулись, промѣняли обладаніе побѣдой на сомнительный миръ и, потерявъ случай сдѣлать добро или зло, должны были вести войну съ тѣми, которыхъ могли навсегда или уничтожить, какъ враговъ, или сдѣлать своими друзьями. И хотя еще ни въ одномъ сраженіи не склонялось счастье на чью-либо сторону, но послѣ Кавдинскаго мира настроеніе умовъ измѣнилось до такой степени, что сдача сдѣлала Постумія среди римлянъ болѣе славнымъ, чѣмъ Понтія среди самнитянъ — побѣда, обошедшаяся безъ кровопролитія; при этомъ возможность вести войну римляне считали за вѣрную побѣду, а самнитяне были убѣждены въ томъ, что возобновленіе римлянами войны есть въ то же время и побѣда ихъ.

Между тѣмъ сатриканцы перешли на сторону самнитянъ, и, благодаря неожиданному прибытію послѣднихъ (а вмѣстѣ съ ними, какъ достовѣрно извѣстно, находились и сатриканцы), ночью была занята колонія Фрегеллы [1]); затѣмъ обоюдный страхъ держалъ въ бездѣйствіи и тѣхъ и другихъ до самаго разсвѣта. Съ разсвѣтомъ началась битва; нѣкоторое время она оставалась нерѣшительной, какъ потому, что сраженіе шло за алтари и очаги, такъ и потому, что съ крышъ помогала толпа неспособныхъ къ войнѣ гражданъ,—и фрегелланцы устояли *). Но обманъ далъ дѣлу другой оборотъ: фрегелланцы повѣрили самнитскому глашатаю, который объявилъ, что тотъ, кто сложитъ оружіе, уйдетъ невредимымъ; надежда на это отвлекла умы отъ сраженія, и воины повсюду начали бросать оружіе. Часть наиболѣе упорныхъ съ оружіемъ въ рукахъ прорвались черезъ заднія ворота, и смѣлость ихъ доставила имъ большую безопасность, чѣмъ прочимъ страхъ, вызвавшій неосторожное довѣріе; напрасно взывали они къ богамъ и напоминали о данномъ обѣщаніи; самнитяне обложили ихъ [2]) огнемъ и сожгли.

Консулы раздѣлили между собою театръ военныхъ дѣйствій: Папирій отправился въ Апулію къ Луцеріи, гдѣ со-

*) Мѣсто испорчено; для возстановленія смысла при переводѣ опущено tamen, не вяжущееся съ контекстомъ. [1]) См. VIII 23. [2]) Городъ былъ пощаженъ; см. гл. 28.

держались подъ стражей взятые у Кавдія въ качествѣ заложниковъ римскіе всадники, а Публилій остановился въ Самніи противъ самнитскихъ легіоновъ, бывшихъ подъ Кавдіемъ. Это обстоятельство поставило самнитянъ въ затруднительное положеніе: они не рѣшались ни идти къ Луцеріи, боясь, какъ бы непріятель не сталъ тѣснить ихъ съ тылу, ни оставаться на мѣстѣ, изъ опасенія потерять тѣмъ временемъ Луцерію. Поэтому они признали за самое лучшее предоставить дѣло рѣшенію судьбы и покончить войну съ Публиліемъ; и вотъ они выводятъ войско на сраженіе. **13.** Намѣреваясь сразиться съ ними и полагая, что предварительно нужно ободрить воиновъ, Публилій приказалъ созвать собраніе. Съ чрезвычайною быстротою сбѣжались воины къ палаткѣ полководца, но за крикомъ тѣхъ, которые требовали битвы, совершенно не слышали его увѣщаній: каждаго ободрялъ его собственный духъ, не забывшій о позорѣ. Тѣсня знаменосцевъ, устремляются они въ битву и, чтобы въ стычкѣ не терять времени, пуская дротики и затѣмъ обнажая мечи, они, какъ бы по данному знаку, бросаютъ дротики и, обнаживъ мечи, бѣгомъ пускаются на непріятеля. Тутъ вовсе не было мѣста искусству полководца въ расположеніи боевыхъ линій и резервовъ: гнѣвъ воиновъ, почти обезумѣвшихъ отъ бѣшенства, сдѣлалъ все: враги не только были обращены въ бѣгство, но не осмѣлились остановиться даже въ собственномъ лагерѣ и врассыпную устремились въ Апулію; однако въ Луцерію они пришли съ войскомъ, вновь собраннымъ воедино. Римляне съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ пронеслись чрезъ средину непріятельскаго войска, бросились и въ лагерь враговъ; тамъ было больше пролито крови, больше убито, чѣмъ въ сраженіи, и подъ вліяніемъ гнѣва была уничтожена большая часть добычи.

Другое войско съ консуломъ Папиріемъ вдоль берега моря достигло Арпъ [1]); мѣстности, черезъ которыя лежалъ ихъ путь, были совершенно спокойны, скорѣе вслѣдствіе обидъ со стороны самнитянъ и ненависти къ нимъ, чѣмъ вслѣдствіе какого-либо благодѣянія со стороны римскаго народа; дѣло въ томъ, что самнитяне, живя въ то время по деревнямъ въ горахъ, опустошали мѣстности, расположенныя на

1) Городъ въ Апуліи.

равнинѣ и по морскому берегу, такъ какъ они, будучи сами суровыми горцами, презирали болѣе изнѣженный и, какъ это обыкновенно бываетъ, соотвѣтствующій природѣ населяемой мѣстности образъ жизни земледѣльцевъ. Если бы эта страна осталась вѣрна самнитянамъ, то войско римское или не могло бы дойти до Арпъ, или, будучи отрѣзано отъ подвоза провіанта, погибло бы, вслѣдствіе господствовавшаго между Римомъ и Арпами недостатка во всемъ необходимомъ. Да и тогда, когда они пошли, отъ Арпъ къ Луцеріи, нужда угнетала одинаково и осаждающихъ и осажденныхъ. Все доставлялось римлянамъ изъ Арпъ, впрочемъ, въ такомъ незначительномъ количествѣ, что для воиновъ, отправлявшихъ караулы и сторожевую службу и занятыхъ осадными работами, хлѣбъ изъ Арпъ привозили въ лагерь всадники въ небольшихъ кожанныхъ мѣшкахъ; но иногда, вслѣдствіе встрѣчи съ непріятелемъ, они были вынуждены бросать съ лошадей провіантъ и сражаться. Прежде чѣмъ подошелъ другой консулъ съ побѣдоноснымъ войскомъ, осажденнымъ былъ привезенъ съ самнитскихъ горъ провіантъ, и въ городъ впущены вспомогательныя войска; прибытіе Публилія еще болѣе стѣснило непріятелей во всемъ: предоставивъ осаду города товарищу, онъ на досугѣ ходилъ тамъ и сямъ по полямъ и уничтожилъ всякую возможность для враговъ подвозить провіантъ. Поэтому, такъ какъ не было никакой надежды на то что осажденные въ состояніи будутъ далѣе выносить недостатокъ самнитяне, стоявшіе лагеремъ при Луцеріи, принуждены были, собравъ отовсюду свои боевыя силы, вступить въ бой съ Папиріемъ.

14. Въ то время, какъ тѣ и другіе готовились къ битвѣ, въ дѣло вмѣшались тарентинскіе послы [1]), предлагая самнитянамъ и римлянамъ отказаться отъ войны и заявляя, что, по чьей винѣ не будетъ сложено оружіе, противъ тѣхъ они будутъ сражаться за другую сторону. Выслушавъ этихъ пословъ, Папирій, какъ будто убѣжденный ихъ словами, отвѣтилъ имъ, что онъ посовѣтуется объ этомъ съ своимъ товарищемъ. Призвавъ его и употребивъ все время на приготовленіе къ битвѣ, Папирій переговорилъ съ нимъ объ

1) Тарентъ былъ городъ въ Южной Италіи. Вмѣшательство тарентинцевъ въ римско-самнитскую войну объясняется ихъ опасеніями за самихъ себя, вызванными успѣхомъ римскаго оружія въ войнѣ съ самнитянами См. VIII 27.

этомъ дѣлѣ, хотя оно для него вовсе не подлежало сомнѣнію, и далъ знакъ къ битвѣ. Въ то время, какъ консулы, какъ это водилея предъ началомъ битвы, занимались производствомъ гаданій и отдавали нужныя распоряженія, къ нимъ приблизились въ ожиданіи отвѣта тарентинскіе послы. Папирій сказалъ имъ: „Тарентинцы! пулларій объявляетъ, что результатъ птицегаданій благопріятенъ[1]); кромѣ того, и жертвоприношеніе предвѣщаетъ счастливый исходъ: мы идемъ на бой, какъ видите, подъ покровительствомъ боговъ!“ Затѣмъ онъ приказалъ нести знамена и вывелъ войска, браня тщеславный народъ, который, не будучи въ состояніи, вслѣдствіе внутреннихъ мятежей и неурядицъ, управиться со своими собственными дѣлами, считаетъ себя въ правѣ другимъ предписывать законы мира и войны. Съ другой стороны самнитяне отложили всякое попеченіе о войнѣ потому-ли, что на самомъ дѣлѣ желали мира, или потому, что имъ было выгодно притворяться, съ цѣлью снискать себѣ расположеніе тарентинцевъ; увидавъ, что вопреки ихъ ожиданіяхъ, римляне выстроились въ боевой порядокъ, самнитяне начали кричать, что они покорны волѣ тарентинцевъ, не вступаютъ въ битву и не выносятъ оружія за валъ; что, будучи жертвой обмана [2]), они скорѣе перенесутъ все, что бы ни случилось, чѣмъ позволятъ себѣ казаться пренебрегшими мирнымъ посредничествомъ тарентинцевъ. На это консулы отвѣчали, что они принимаютъ это счастливее для нихъ предзнаменованіе [3]) и желаютъ врагамъ такого образа мыслей, чтобы они не защищали даже и вала; а сами, раздѣливъ между собою войска, подступаютъ къ укрѣпленіямъ непріятелей и, напавъ одновременно со всѣхъ сторонъ, бросаются на аттаку ихъ лагеря; при этомъ одна часть воиновъ засыпала рвы, другая — вырывала палисадины и бросала ихъ въ ровъ; ожесточенныхъ позоромъ [4]) воиновъ поощряло не

---

[1]) См. примѣч. къ VIII 30. [2]) Т.-е. со стороны Папирія. Дѣло въ томъ, что Папирій своимъ поведеніемъ предъ послами тарентинцевъ подалъ самнитянамъ надежду на то, что послушается пословъ и прекратитъ войну. (См. начало этой главы). [3]) Къ числу явленій, по которымъ римляне выводили заключеніе объ ожидающемъ ихъ будущемъ, принадлежало также и всякое простое, сказанное кѣмъ-либо слово, въ данномъ случаѣ слова самнитянъ; при этомъ обращалось вниманіе не на смыслъ, въ которомъ было сказано слово, а лишь на то, какъ понималось оно тѣмъ, къ кому было обращено, или кто услыхалъ его; такимъ образомъ вполнѣ зависѣло отъ личнаго произвола, какой смыслъ придать слову, смотря по тому, желательно-ли было видѣть въ немъ благопріятное для себя предзнаменованіе ,или неблагопріятное. [4]) Имѣется въ виду все тотъ же Кавдинскій миръ со всѣми сопровождавшими его обстоятельствами.

только врожденное имъ мужество, но также и гнѣвъ. „Здѣсь нѣтъ“, кричалъ каждый изъ нихъ, „Кавдинскихъ тѣснинъ, нѣтъ непроходимыхъ ущелій, гдѣ коварство надменно побѣдило ошибку [1]), но римская доблесть, удержать которую не могутъ ни валъ, ни рвы!“ Они убивали одинаково и тѣхъ, кто сопротивлялся, и тѣхъ, кто былъ обращенъ въ бѣгство, и безоружныхъ, и вооруженныхъ, рабовъ и свободныхъ, взрослыхъ и малолѣтнихъ, людей и скотъ; и не осталось бы ни одного живого существа, если бы консулы не подали сигнала къ отступленію и приказаніями и угрозами не выгнали изъ непріятельскаго лагеря жаждущихъ убійства воиновъ. Такъ какъ воины были раздражены тѣмъ, что имъ помѣшали въ ихъ сладостномъ упоеніи гнѣвомъ, то консулы тотчасъ же обратились къ нимъ съ рѣчью, чтобы разъяснить имъ, что они, консулы, никому изъ воиновъ не уступали и не уступятъ нисколько въ ненависти къ непріятелю; что, напротивъ, они были бы руководителями какъ на войнѣ, такъ и въ ненасытимой жаждѣ мести, если бы ихъ не удерживала мысль о шестистахъ всадниковъ, содержимыхъ въ качествѣ заложниковъ въ Луцеріи [2]); они опасаются, какъ бы враги, совершенно потерявъ надежду на милосердіе и желая прежде погубить, чѣмъ погибать, въ ослѣпленіи не убили ихъ. Воины восхваляли эту рѣчь консуловъ, радовались тому, что ихъ гнѣву было оказано противодѣйствіе, и сознавались, что лучше претерпѣть все, чѣмъ подвергать опасности спасеніе столькихъ знатныхъ лицъ изъ римской молодежи.

15. Послѣ того какъ собраніе было распущено, состоялся совѣтъ о томъ, всѣми ли силами осаждать Луцерію, или же съ однимъ изъ войскъ, во главѣ съ его вождемъ, сдѣлать нападеніе на окрестныхъ апулійцевъ, народъ дотолѣ сомнительнаго образа мыслей. Выступивъ съ цѣлью обойти Апулію, консулъ Публій въ одинъ походъ покорилъ нѣсколько племенъ ея силою оружія или принялъ въ союзъ путемъ заключенія договоровъ. Осуществились вскорѣ и надежды Папирія, остававшагося осаждать Луцерію: дѣло въ томъ, что самнитяне, стоявшіе гарнизономъ въ Луце-

---

[1]) Коварство самнитянъ состояло въ томъ, что они устроили римлянамъ какъ бы ловушку въ Кавдинскомъ ущельѣ; ошибка со стороны римлянъ заключалась въ томъ, что они пошли къ Луцеріи тою именно дорогою, которая вела чрезъ это ущелье, тогда какъ могли идти другой. См. гл. 2. [2]) См. гл.12.

ріи, будучи побѣждены голодомъ, вслѣдствіе того, что всѣ пути, по которымъ подвозился изъ Самнія провіантъ, были отрѣзаны, отправили пословъ къ римскому консулу, предлагая ему получить обратно всадниковъ, бывшихъ причиной войны, и снять осаду. Папирій отвѣчалъ посламъ, что имъ слѣдовало бы спросить у Понтія, сына Геренція, по совѣту котораго они заставили римлянъ пройти подъ ярмомъ, что, по его мнѣнію, должны потерпѣть побѣжденные; „впрочемъ“, продолжалъ Папирій, „такъ какъ вы предпочли собственному относительно себя рѣшенію, чтобы вами распорядились по справедливости враги, я приказываю вамъ объявить жителямъ Луцеріи слѣдущее: оружіе, обозъ, вьючный скотъ и всю неспособную къ войнѣ толпу гражданъ должны они оставить въ стѣнахъ города, воиновъ же я, не нанося новаго, а мстя за нанесенное безчестія, заставлю въ однѣхъ рубашкахъ пройти подъ ярмомъ!“ Ни на что не послѣдовало отказа: семь тысячъ воиновъ были проведены подъ ярмомъ; въ Луцеріи захвачена громадная добыча, при чемъ были взяты обратно всѣ значки и оружіе, потерянныя у Кавдія, и (что превосходило всякую радость) возвращены всадники, которыхъ, какъ заложниковъ за соблюденіе мира, самнитяне передали для охраны въ Луцерію. Едва ли есть другая побѣда римскаго народа, болѣе извѣстная внезапною перемѣною обстоятельствъ, если ужъ даже вождь самнитянъ Понтій, сынъ Геренція, какъ я нахожу въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, чтобы загладить позоръ, понесенный консулами вмѣстѣ съ прочими, былъ проведенъ подъ ярмомъ. Впрочемъ, не столько я удивляюсь тому обстоятельству, что не разъясненъ вопросъ, дѣйствительно-ли непріятельскій полководецъ сдался и былъ проведенъ подъ ярмомъ; гораздо удивительнѣе сомнѣніе въ томъ, совершилъ ли подвиги у Кавдія, а затѣмъ у Луцеріи диктаторъ Луцій Корнелій вмѣстѣ съ начальникомъ конницы Л. Папиріемъ Курсоромъ, и былъ ли этотъ единственный мститель за нанесенный римлянамъ позоръ почтенъ тріумфомъ, можетъ быть, самымъ заслуженнымъ до сего времени послѣ тріумфа Фурія Камилла [1]), или же эта честь принадлежитъ консуламъ и главнымъ образомъ Папирію. За этимъ недоразумѣніемъ слѣдуетъ другое, а именно: Папирій ли Курсоръ

[1]) См. V 49.

на ближайшихъ комиціяхъ былъ вмѣстѣ съ Кв. Авліемъ Церретаномъ, отправлявшимъ должность во второй разъ, избранъ консуломъ въ третій разъ, удержавъ за удачу при Луцеріи должность и на слѣдущій годъ, или же избранъ былъ Л. Папирій Мугиланъ, при чемъ ошибка произошла въ прозвищахъ?

16. Не подлежитъ сомнѣнію, что уже затѣмъ война была доведена до конца консулами. Авлій однимъ счастливымъ сраженіемъ окончилъ войну съ френтанами и самый городъ ихъ, куда собралось разбитое войско, принялъ на капитуляцію и приказалъ доставить заложниковъ. Съ одинаковымъ успѣхомъ другой консулъ велъ дѣло съ сатриканцами, которые, будучи римскими гражданами, отпали послѣ кавдинскаго пораженія на сторону самнитянъ и приняли ихъ гарнизонъ въ свой городъ. Когда войско было придвинуто къ стѣнамъ Сатрика, оттуда были отправлены къ консулу послы, съ цѣлью вымолить себѣ миръ, но получили отъ него суровый отвѣтъ не возвращаться къ нему, если не будетъ перебитъ или выданъ самнитскій горнизонъ; слова эти напугали колонистовъ болѣе, чѣмъ самая война. Поэтому, тотчасъ-же затѣмъ послы спросили консула, какимъ образомъ, по его мнѣнію, могутъ они, немногочисленные и слабые, употребить силу противъ такого могучаго и вооруженнаго горнизона? Получивъ приказаніе просить совѣту у тѣхъ же, по наущенію которыхъ они приняли въ свой городъ горнизонъ, послы были отпущены и, съ трудомъ добившись у консула позволенія посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ сенатомъ и принести ему отвѣтъ, возвратились во-свояси. Сенатъ раздѣлялся на двѣ партіи: во главѣ одной стояли виновники отпаденія отъ римскаго народа, другая состояла изъ вѣрныхъ намъ гражданъ; но и тѣ и другіе, съ цѣлью снова снискать миръ, наперерывъ старались услужить консулу; одна партія, въ виду того, что горнизонъ самнитянъ, вслѣдствіе совершенной неподготовленности выдерживать осаду, намѣренъ былъ въ слѣдующую ночь выйти изъ города, сочла достаточнымъ извѣстить консула, въ какой часъ ночи, какими воротами и на какую дорогу выйдетъ непріятель; другая, противъ воли которой произошло отпаденіе на сторону самнитянъ, въ ту же ночь даже отворила консулу ворота и ночью тайно пустила въ городъ вооруженныхъ людей. Такимъ образомъ, вслѣдствіе двойной измѣны, и горнизонъ самнитянъ былъ захваченъ нечаянно, такъ какъ въ

лѣсистыхъ мѣстахъ около дороги была устроена засада, и со стороны города, наполненнаго врагами, поднялся крикъ; въ теченіе одного часа симпитяне были перебиты, Сатрикъ взятъ, и все очутилось во власти консула. Произведя слѣдствіе о томъ, при чьемъ содѣйствіи произошло отпаденіе, консулъ наказалъ розгами тѣхъ, кого нашелъ виновными, и отрубилъ имъ головы и, поставивъ сильный гарнизонъ, отнялъ оружіе у сатриканцевъ. Затѣмъ Папирій Курсоръ, по свидѣтельству писателей, которые сообщаютъ, что подъ его предводительствомъ была вновь взята Луцерія, и самнитяне проведены подъ ярмомъ, отправился въ Римъ праздновать тріумфъ. И дѣйствительно, Папиріи былъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, достойный всякой воинской славы, отличавшійся не только мощью духа, но и физической силой; особенно же замѣчательна была въ немъ быстрота ногъ, отъ которой онъ и получилъ свое прозвище [1]); говорятъ, что онъ побѣждалъ въ бѣгѣ всѣхъ своихъ современниковъ, и что, вслѣдствіе громадной физической силы, или вслѣдствіе тѣлесныхъ упражненій, онъ много ѣлъ и пилъ. И ни съ кѣмъ другимъ, говорятъ, военная служба не была тяжелѣе, какъ для пѣхотинца, такъ и для всадника, потому что самъ онъ обладалъ сложеніемъ неутомимымъ въ перенесеніи физическихъ трудовъ. Такъ, однажды всадники осмѣлились попросить у него за успѣшное дѣло облегчить нѣсколько ихъ трудъ; на это Папирій отвѣтилъ: „для того, чтобы вы не говорили, что я ни въ чемъ не сдѣлалъ вамъ облегченія, я позволяю вамъ, слѣзая съ лошадей, не тереть непремѣнно спины руками!“ Громадна также была въ этомъ человѣкѣ способность повелѣвать, какъ союзниками, такъ и согражданами; пренестинскій преторъ [2]), вслѣдствіе робости, слишкомъ медленно вывелъ своихъ воиновъ изъ резервовъ въ первую линію; Папирій, расхаживая передъ своей палаткой, приказалъ позвать его и велѣлъ ликтору приготовить сѣкиру. Ни живъ, ни мертвъ стоялъ при этихъ словахъ пренестинецъ. „Ну-ка, ликторъ“, сказалъ Папирій, „сруби этотъ пень, неудобный для гуляющихъ!“ И, напугавъ претора смертной казнью, Папирій наложилъ на него денежный штрафъ и отпу-

1) „Курсоръ“ значитъ „бѣгунъ“, „ходокъ“. 2) Начальникъ вспомогательныхъ пренестинскихъ когортъ въ римскомъ войскѣ.

стилъ. Безъ сомнѣнія, даже въ тѣ времена, болѣе всѣхъ другихъ изобиловавшія людьми доблестными, не было ни одного человѣка, которой бы служилъ для римскаго государства большею опорою, чѣмъ Папирій; мало того, въ немъ видитъ вождя, равнаго по мужеству великому Александру, если бы тотъ, покоривъ Азію, обратилъ свое оружіе на Европу.

17. Можно замѣтить, что съ самаго начала этого труда я не имѣлъ никакого желанія отступать болѣе, чѣмъ это позволительно, отъ порядка событій и вовсе не стремился къ тому, чтобы, украшая свой трудъ введеніемъ въ него разнообразныхъ предметовъ, дать такимъ образомъ и читателямъ пріятные, какъ бы состоящіе внѣ связи съ текстомъ, разсказы, и душѣ своей отдохновеніе. Несмотря на это, упоминаніе о такомъ великомъ царѣ и полководцѣ вызываетъ на свѣтъ тѣ, втайнѣ хранимыя, размышленія, которыя часто занимали мой умъ: хотѣлось бы изслѣдовать, какова была бы судьба римскаго государства, если бы пришлось воевать съ Александромъ. Наибольшее значеніе на войнѣ имѣетъ, повидимому, многочисленность и доблесть воиновъ, искусство полководцевъ и счастье, играющее важную роль во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, въ особенности же въ дѣлахъ, касающихся войны. Если разсмотрѣть эти условія и каждое порознь, и всѣ вмѣстѣ, то на основаніи ихъ легко поручиться за то, что римское государство, не побѣжденное другими царями и народами, не было бы побѣждено и Александромъ. Прежде всего, чтобы начать со сравненія полководцевъ, я съ своей стороны не отрицаю того, что Александръ былъ превосходный полководецъ, но слава его еще болѣе увеличилась отъ того, что онъ былъ одинъ [1]), и что умеръ онъ юношей въ моментъ возрастанія своего могущества, еще не извѣдавъ немилостей судьбы. Оставляя въ сторонѣ другихъ славныхъ царей и вождей, великіе примѣры человѣческихъ несчастій, что другое, какъ не долгая жизнь, подвергала превратностямъ судьбы особенно восхваляемаго греками Кира, какъ недавно Великаго Помпея? Пересчислять ли мнѣ римскихъ полководцевъ, не всѣхъ конечно и не всѣхъ временъ, но хотя тѣхъ самыхъ, съ которыми, какъ съ консулами или диктаторами, пришлось бы воевать Александру, а

1) Какъ царь, Александръ былъ единственный глава своего войска; не то было въ Римѣ. См. гл. 18.

именно: М. Валерія Корва, Г. Марція Рутила, Г. Сульпиція, Т. Манлія Торквата, Кв. Публилія Филона, Л. Папирія Курсора, Кв. Фабія Максима, двухъ Деціевъ, Л. Волумнія и Манія Курія? Непосредственно за ними слѣдуютъ великіе мужи, съ которыми пришлось бы имѣть дѣло Александру, если бы онъ прежде, чѣмъ воевать съ Римомъ, началъ войну съ Карѳагеномъ [1]) и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ переправился въ Италію. Каждаго изъ нихъ природа надѣлила мужествомъ и умомъ такими же точно, какъ и Александра, и военая дисциплина, передаваемая отъ одного другому съ самаго основанія города Рима, обратилась какъ-бы въ науку, опредѣляемую постоянными правилами. Такъ вели войны цари, такъ вели ихъ потомъ изгнавшіе царей Юніи и Валеріи [2]), такъ затѣмъ—Фабіи, Квинктіи и Корнеліи, такъ, наконецъ, велъ войны Фурій Камиллъ, котораго видѣли старикомъ тѣ юноши, которымъ пришлось бы воевать съ Александромъ. Что же касается личнаго участія Александра въ сраженіи, обстоятельства, также служащаго въ достаточной мѣрѣ основаніемъ его славы, то въ этомъ, разумѣется [3]), уступили бы ему, представъ въ качествѣ противниковъ на полѣ битвы, Манлій Торкватъ или Валерій Корвъ [4]), которые, прежде чѣмъ стать знаменитыми вождями, прославились въ качествѣ простыхъ воиновъ?! Уступили бы ему Деціи [5]), которые, обрекши себя на смерть, кидались на врага?! уступилъ ли бы Папирій Курсоръ [6]), обладавшій замѣчательной физической силой и такой же твердостью духа?! Благоразуміе одного юноши могло бы восторжествовать, чтобы не называть отдѣльныхъ личностей, надъ тѣмъ сенатомъ римскимъ, надлежащее представленіе о которомъ усвоилъ себѣ только тотъ [7]), кто сказалъ, что онъ состоитъ изъ царей?! Впрочемъ, опасность заключалась, вѣроятно, въ томъ, что Александръ искуснѣе, чѣмъ кто либо изъ названныхъ мною, изберетъ мѣсто для лагеря, приметъ лучшія мѣры къ доставкѣ провіанта, искуснѣе предостережется отъ засады, улу-

---

1) Объ объявленіи войны карѳагенянамъ при разрушеніи Тира говоритъ Курцій Руфъ (IV 19, 18). 2) См. II 2 (конецъ). 3) Начиная отсюда и до конца этой главы рѣчь Ливія дышитъ ироніей. 4) См. VII 10. 26. 5) См. VIII 9. 6) См. 16 гл. 7) Это былъ нѣкто Кинеасъ, родомъ изъ Ѳессаліи, состоявшій на службѣ у Пирра царя Эпирскаго. Во время войны Пирра съ римлянами, а именно, послѣ побѣды, одержанной имъ при Гераклеѣ, Кинеасъ былъ отправленъ въ Римъ съ предложеніемъ римлянамъ мира; посольство это не имѣло успѣха: сенатъ, несмотря на опасность, грозившую государству со стороны Пирра, горделиво отвергъ его предложенія, а Кинеасу велѣлъ немедленно

чить болѣе удобное время для битвы, лучше построитъ войско въ боевой порядокъ и подкрѣпитъ его резервами?! Нѣтъ, Александръ сказалъ бы, что имѣетъ дѣло не съ Даріемъ [1]): тотъ тащилъ за собой толпу женщинъ и евнуховъ, утопалъ въ пурпурѣ и золотѣ, обремененный внѣшними аттрибутами своего счастья, и Александръ вѣрнѣе захватилъ его, какъ добычу, чѣмъ побѣдилъ, какъ врага, не проливъ капли крови, только удачно взявъ на себя смѣлость презрѣть пустой призракъ его величія! Если бы увидалъ Александръ ущелья Апуліи и горы Луканіи, гдѣ еще свѣжи слѣды его семейнаго несчастія, такъ какъ тамъ погибъ недавно дядя его Александръ [2]), царь Эпира, то видъ Италіи показался бы ему далеко не такимъ, каковъ былъ видъ Индіи [3]), по которой онъ пошелъ съ пьянымъ войскомъ, съ музыкой и пляскою. **18.** Притомъ, говоря объ Александрѣ, мы имѣемъ въ виду то время, когда онъ еще не былъ опьяненъ счастіемъ, переносить которое онъ былъ менѣе способенъ, чѣмъ кто-либо другой. Если же судить о немъ по характеру его новаго положенія и по новому, такъ сказать, образу мыслей, который онъ воспринялъ послѣ побѣдъ, то станетъ яснымъ, что онъ явился бы въ Италію болѣе похожимъ на Дарія, чѣмъ на Александра, и привелъ бы войско, забывшее о Македоніи и уже перерождающееся, воспринимающее персидскіе нравы [4]). Говоря о такомъ великомъ царѣ, прискорбно вспоминать о кичливой перемѣнѣ одежды, о требованіяхъ рабскаго себѣ почтенія съ земными поклонами [5]), тяжелыхъ для македонянъ даже въ томъ случаѣ, если бы они были побѣждены, тѣмъ болѣе тяжелыхъ для нихъ, какъ побѣдителей, о гнусныхъ казняхъ [6]), объ убій-

---

выѣхать изъ Рима. Тогда-то Кинеасъ, прибывши къ Пирру, объявилъ ему, что сенатъ римскій показался ему, какъ бы собраніемъ царей. 1) Это былъ царь Персовъ, побѣжденный Александромъ. 2) См. VII 24. 3) Александръ В. предпринималъ походъ также и въ Индію, гдѣ покорилъ нѣкоторыя воинственныя племена, и даже переходилъ Индъ. 4) Говоря это, Ливій имѣлъ въ виду стремленіе Александра сблизить македонянъ съ покоренными имъ народами, Западъ съ Востокомъ. 5) Покоривъ Персію, Александръ, какъ извѣстно, завелъ при своемъ дворѣ обычаи и обстановку персидскихъ царей: такъ напр., сталъ одѣваться по-персидски, требовалъ, чтобы ему воздавали по персидскому обычаю поклоненіе и т. д. 6) Стремленіе Александра сблизить Западъ съ Востокомъ вооружило противъ него македонянъ: они тяготились тѣмъ, что персы были поставлены наравнѣ съ ними, возмущались азіатскою роскошью, которою окружилъ себя Александръ, и его пристрастіемъ къ персидскимъ обычаямъ. Негодованіе это дошло до того, что на жизнь Александра былъ составленъ заговоръ въ средѣ его приближенныхъ; къ числу заговорщиковъ принадлежалъ, между прочимъ, и нѣкто Филотъ съ отцомъ своимъ, престарѣ-

ствахъ друзей во время попоекъ и пировъ [1]) и о тщетныхъ стараніяхъ придумать себѣ родословное древо [2]). Что, если бы страсть къ вину день ото дня становилась все сильнѣе и сильнѣе, если бы гнѣвъ—грозный и пламенный—(говорю только о томъ, въ чемъ согласны между собою писатели), увеличивался со дня на день? Неужели можемъ мы признать это совершенно безвреднымъ для доблести полководца? Но, можетъ быть, какъ утверждаютъ обыкновенно наиболѣе легкомысленные изъ грековъ, превозносящіе похвалами, съ цѣлью умалить славу римлянъ, даже пароянъ [3]), опасность состояла въ томъ, что римскій народъ не могъ бы устоять противъ величія имени Александра, который, полагаю, не былъ извѣстенъ имъ даже и по слуху, и что изъ такого множества знатнѣйшихъ римлянъ никто не произнесъ бы свободно слова, противъ котораго дерзнули [4]) (памятникомъ этого служатъ рѣчи) свободно говорить въ Аѳинахъ, государствѣ, сокрушенномъ македонскимъ оружіемъ, видѣвшемъ въ то время передъ собою дымящіяся развалины Ѳивъ [5]). Представляйте себѣ какое угодно величіе человѣка, все-же величіе это будетъ величіемъ одного человѣка, пріобрѣтеннымъ немного болѣе, чѣмъ десятилѣтнимъ счастіемъ. Тѣ, которые превозносятъ это величіе на томъ основаніи, что римскій народъ-де, хотя и не былъ побѣжденъ ни въ одной войнѣ, однако терпѣлъ неудачи во многихъ сраженіяхъ, а у Александра всѣ битвы кончались счастливо,—такіе люди не понимаютъ, что сравниваютъ подвиги человѣка, и притомъ юноши, съ подвигами народа, ведущаго войны уже восьмисотый годъ. Можемъ-ли мы удивляться тому, что, тогда какъ съ нашей стороны считается больше вѣковъ, чѣмъ съ его—годовъ, судьба въ такой долгій промежутокъ мѣнялась чаще, чѣмъ въ теченіе тринадцати лѣтъ? Почему

лымъ Парменіономъ; заговоръ этотъ былъ открытъ, заговорщики подвергались сначала пыткѣ, а потомъ были казнены. Эти то казни, вѣроятно, и имѣлъ въ виду Ливій. [1]) Здѣсь имѣется въ виду убійство Александромъ во время пирушки его друга Клита, спасшаго нѣкогда ему жизнь. [2]) Александръ старался доказать свое происхожденіе отъ Юпитера (См. Curt. VIII 17, 5). [3]) Парояне жили въ странѣ, лежащей къ югу отъ береговъ Каспійскаго моря; они вели съ римлянами ожесточенныя войны, иногда кончавшіяся не въ пользу Рима. Особенно сильное пораженіе въ войнѣ съ пароянами потерпѣлъ Крассъ (701 г.), а затѣмъ Антоній (718 г. отъ осн. Р). [4]) Здѣсь имѣются въ виду знаменитые ораторы Греціи, Демосѳенъ (385/4—322 до Р. Х.), всю свою жизнь посвятившій борьбѣ съ Македоніей, Ликургъ и др. [5]) Ѳивы, столица Беотіи, разрушенная македонянами.

не сравнивать человѣка съ человѣкомъ, вождя съ вождемъ, счастіе со счастіемъ. Сколькихъ вождей римскихъ я могу назвать, для которыхъ судьба битвы никогда не была неблагопріятной! Можно просмотрѣть въ лѣтописяхъ и спискахъ должностныхъ лицъ страницы консуловъ и диктаторовъ, доблесть и счастье которыхъ ни разу не подало римскому народу повода къ неудовольствію, и они заслуживаютъ тѣмъ большаго удивленія, сравнительно съ Александромъ, или какимъ-нибудь другимъ царемъ, что нѣкоторые изъ нихъ отправляли должность диктатора по десяти или двадцати дней, и никто не отправлялъ должности консула болѣе года! Наборы встрѣчали препятствіе со стороны народныхъ трибуновъ; на войну эти вожди шли позже, чѣмъ слѣдовало, раньше времени отзываемы были для созыва комицій; во время самаго разгара войнъ кончался годъ, то необдуманность, то превратный образъ мыслей сотоварища служили препятствіемъ или приносили вредъ; принимали должность послѣ неудачъ предшественника; войско они получали, или состоявшее изъ рекрутовъ, или испорченное дурною дисциплиною. А цари, клянусь Геркулесомъ, не только свободны отъ всякихъ препятствій, но, будучи господами положенія и времени, всѣмъ управляютъ по своей волѣ, а не слѣдуютъ совѣтамъ другихъ. Итакъ, непобѣдимый Александръ воевалъ бы съ непобѣдимыми вождями и поставилъ-бы на карту одинаковые шансы на успѣхъ; мало того, онъ подвергся бы тѣмъ большей опасности, что македоняне имѣли одного Александра, не только подверженнаго многимъ случайностямъ, но даже и подвергавшаго имъ себя, а римлянъ, равныхъ Александру и по славѣ, и по величію подвиговъ, было много, и изъ нихъ каждый могъ, повинуясь велѣнію своей судьбы, жить и умереть безъ опасности для государства.

19. Остается сравнить боевыя силы обѣихъ сторонъ по числу и роду войскъ или по количеству вспомагательныхъ силъ. При переписяхъ того времени въ цензорскіе списки вносилось [1]) по двѣсти пятидесяти тысячъ человѣкъ. Стало-быть, въ случаѣ отпаденія всѣхъ латинскихъ союзниковъ, изъ однихъ почти городскихъ рекрутовъ набиралось десять легіоновъ [2]); въ тѣ годы часто по четыре и по пяти армій.

[1]) См. къ I 44. [2]) Легіонъ состоялъ первоначально изъ 3000 пѣхоты и 300 всадниковъ, впослѣдствіи же онъ состоялъ изъ 4200—6000 человѣкъ.

вели войны въ Этруріи, Умбріи, гдѣ къ нашимъ врагамъ присоединялись и галлы, въ Самніи и въ землѣ лукановъ. Далѣе весь Лацій съ сабинянами, вольсками и эквами, со всей Кампаніей, частью Умбріи и Этруріи, съ пиценами, марсами, пелигнами, вестинами и апулійцами, и также весь населенный греками берегъ Нижняго моря отъ Фурій до Неаполя и Кумъ и далѣе отъ Антія и Остій до земли самнитянъ. Александръ нашелъ бы или мощными союзниками римлянъ, или ихъ врагами, обезсиленными уже войною. Самъ онъ переправился бы черезъ море съ македонскими ветеранами, числомъ не болѣе 30000 человѣкъ, и съ 4000 всадниковъ, преимущественно ѳессалійскихъ; ибо это составляло ядро его войска. Если же бы онъ присоединилъ къ себѣ персовъ, индійцевъ и другіе народы, то въ лицѣ ихъ онъ повлекъ бы за собою скорѣе помѣху, чѣмъ помощь. Прибавь сюда еще и то, что у римлянъ рекруты для пополненія войска были дома, подъ рукою, а у Александра, такъ какъ ему пришлось бы воевать въ чужой землѣ, войско (что потомъ и случилось съ Ганнибаломъ) пришло бы въ упадокъ. Оружіемъ у македонянъ служилъ круглый щитъ и длинное македонское копье, а у римлянъ—продолговатый щитъ, болѣе прикрывавшій тѣло, и дротикъ,—оружіе, дѣйствующее при ударѣ и бросаніи гораздо сильнѣе копья. Воины тѣхъ и другихъ сражались стойко, не разбивая рядовъ; но фаланга македонянъ была неподвижна и однородна, а римская боевая линія была болѣе разнообразна и состояла изъ большаго числа частей; ее легко было разъединить, гдѣ это было нужно, и соединить вновь. Наконецъ, кто могъ сравняться съ римскимъ воиномъ въ работѣ, кто былъ болѣе его способенъ къ перенесенію трудовъ? Будучи побѣжденъ въ одномъ сраженіи, Александръ проигралъ бы войну! А какая битва была бы въ состояніи сокрушить римлянъ, которыхъ не сокрушили ни Кавдій, ни Канны [1]. Да, не одинъ разъ, даже въ случаѣ удачнаго начала предпріятія, пришлось бы Александру вспомнить о персахъ, индійцахъ и неспособныхъ къ войнѣ народахъ Азіи и сказать, что до той поры онъ воевалъ съ женщинами! Послѣднее, какъ говорятъ, высказалъ пораженный смертельною раной Александръ, царь Эпира, сравнивая судьбу войнъ, веденныхъ этимъ самымъ юно-

[1]) См. XXII 46 слд.

шей въ Азіи, съ судьбою его собственныхъ войнъ. Я же, съ своей стороны, припоминая, что въ первую Пуническую войну борьба съ карѳагенянами на морѣ продолжалась 24 года [1]), думаю, что жизни Александра едва хватило бы для одной войны. И, можетъ быть, онъ былъ бы подавленъ одновременно войной съ римлянами и съ карѳагенянами, такъ какъ съ одной стороны, карѳагенское государство было связано съ римскимъ старинными союзами [2]), съ другой стороны, одинаковый страхъ поднялъ бы противъ общаго врага два государства могущественнѣйшихъ по силѣ вооруженія и по числу людей. Хотя и не въ то время, когда вождемъ былъ Александръ, и уже въ періодъ упадка Македоніи, но римляне изъвѣдали борьбу съ македонянами, въ войнѣ противъ Антіоха, Филиппа и Персея [3]), не только не потерпѣвъ при этомъ ни одного пораженія, но даже безъ риска съ своей стороны. Станемъ судить безъ предубѣжденія и забудемъ о междуусобныхъ войнахъ! Никогда мы не уступимъ ни конному, ни пѣшему врагу, ни въ открытомъ бою, ни на мѣстѣ, представляющемъ одинаковыя условія для насъ и для враговъ нашихъ, въ особенности же на позиціи, выгодной для насъ! Обремененный оружіемъ воинъ можетъ бояться всадника, стрѣлъ, непроходимыхъ горъ, мѣстностей, недоступныхъ для подвоза провіанта; но онъ прогонялъ и будетъ прогонять тысячи войскъ сильнѣе, чѣмъ войско македонянъ и Александра, только-бы вѣчно пребывала любовь къ тому миру, среди котораго мы живемъ [4]), и забота о гражданскомъ согласіи.

20. Затѣмъ консулами были избраны М. Фолій Флакцина и Л. Плавтій Венoксъ. Въ этомъ году прибыли отъ многихъ самнитскихъ народовъ послы ходатайствовать о возобновленіи союзнаго договора; повергшись ницъ на землю, они тронули сенаторовъ, и имъ приказано было обратиться къ народу; но здѣсь ихъ просьбы далеко не имѣли такого успѣха. Итакъ, въ союзномъ договорѣ имъ было отказано, но они вымолили себѣ двухлѣтнее перемиріе, послѣ того какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней одолѣвали своими просьбами отдѣльныхъ лицъ. Также и жители городовъ Теанума

[1]) I-я Пуническая война продолжалась съ 490 по 513. гг. отъ осн. Р. [2]) См. VII 27. [3]) Антіохъ III Великій былъ разбитъ римлянами при Магнезіи (въ Лидіи, близь Смирны) въ 564 году, Филиппъ III Македонскій—при Киноскефалахъ (въ Ѳессаліи) въ 557 г. и Персей, сынъ Филиппа III, при городѣ Пиднѣ (въ Македоніи) 586 году. [4]) Имѣется въ виду миръ, водворенный въ Римѣ Августомъ послѣ битвы при Акціи въ 723 г. (См. I 19.

и Канузія въ Апуліи, доведенные до крайности опустошеніями, дали заложниковъ консулу Л. Плавтію и сдались на капитуляцію.

Въ томъ же году впервые въ Капую стали выбирать префектовъ, послѣ того какъ преторъ Л. Фурій далъ имъ законы: о томъ и другомъ [1]), какъ о спасительномъ средствѣ, просили сами жители Капуи, такъ какъ дѣла ихъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ были въ разстройствѣ. Тогда же въ Римѣ прибавлены двѣ трибы: Уфентинская [2]) и Фалернская [3]). Вслѣдствіе шаткости положенія дѣлъ въ Апуліи и театы [4]) апулійскіе явились къ вновь избраннымъ консуламъ, Г. Юнію Бубульку и Кв. Эмилію Барбулѣ, съ просьбою о заключеніи союзнаго договора и поручились за соблюденіе по всей Апуліи мира съ римскимъ народомъ. Благодаря этому смѣлому обѣщанію, они достигли заключенія союзнаго договора, однако не равнаго, а на условіи подчиненія римскому народу. Послѣ покоренія Апуліи, ибо Юній овладѣлъ также и сильно укрѣпленнымъ городомъ Форентомъ, — походъ былъ продолженъ далѣе, въ Луканію; здѣсь благодаря неожиданному прибытію консула Эмилія, взятъ приступомъ городъ Нерулъ: когда между союзниками распространился слухъ о томъ, что благодаря римскимъ распорядкамъ дѣла Капуи пріобрѣли устойчивость, то и для антіатовъ, которые [5]) тоже жаловались на то, что они живутъ безъ опредѣленныхъ законовъ и начальства, сенатъ поручилъ составить законы патронамъ [6]) каждой колоніи. И не только римское оружіе, но и законы римскіе въ отдаленныхъ предѣлахъ являли свою мощь и силу.

438 г. **21**. Въ концѣ года консулы Г. Юній Бубулькъ и Кв. Эмилій Барбула передали легіоны не избраннымъ ими консуламъ, Сп. Навтію и М. Попилію, а диктатору Л. Эмилію. Послѣдній, приступивъ вмѣстѣ съ начальникомъ конницы Л. Фульвіемъ къ осадѣ Сатикулы, тѣмъ подалъ самнитянамъ

---

[1]) Т.-е о назначеніи префекта и изданіи законовъ; послѣднее, по мнѣнію ученыхъ, состояло въ исправленіи, сообразно съ современными обстоятельствами, прежняго законодательства Капуи. [2]) Названіе „Уфентинской (Ufentina) триба эта получила отъ рѣки „Ufens“ въ Лаціи. [3]) „Фалернъ“ была область въ Кампаніи, откуда и названіе Falerna. [4]) Театы, иначе обыкновенно называемые „теаны“, жители гор. Teanum (Teate) въ Апуліи. [5]) О взятіи Антія см. II 65. [6]) Покоренные города и провинціи отдавались подъ защиту и покровительство знатныхъ фамилій въ Римѣ; послѣдніе въ этомъ случаѣ назывались ихъ „патронами“.

поводъ возобновить военныя дѣйствія [1]). Теперь римлянамъ грозила опасность съ двухъ сторонъ: съ одной стороны самнитяне, чтобы освободить отъ осады своихъ союзниковъ, собрали большое войско и расположились станомъ неподалеку отъ римскаго лагеря; съ другой — жители Сатикулы, отворивъ внезапно ворота, съ сильнымъ шумомъ бросились на римскіе аванпосты. Затѣмъ и тѣ и другіе, надѣясь болѣе на постороннюю помощь, чѣмъ на свои собственныя силы, тотчасъ начали правильное сраженіе и стали тѣснить римлянъ; но, хотя сраженіе и происходило на два фронта, однако диктаторъ обезопасилъ боевую линію съ той и другой стороны, — и избравъ такое мѣсто, что непріятелю трудно было обойти его, и сдѣлавъ свой фронтъ двустороннимъ; однако съ большимъ ожесточеніемъ онъ ударилъ на тѣхъ, которые сдѣлали вылазку, и безъ большихъ усилій прогналъ ихъ внутрь стѣнъ; затѣмъ онъ обратилъ все войско на самнитянъ; сраженіе здѣсь было болѣе упорное; побѣда, насколько она запоздала, настолько же была несомнѣнна и рѣшительна; разбитые и прогнанные въ лагерь, самнитяне ночью затушили сторожевые огни и втихомолку ушли; потерявъ надежду спасти Сатикулу, они сами осадили союзную съ Римомъ Плистику, чтобы отплатить врагу такою же непріятностью.

22. По окончаніи года войну продолжалъ диктаторъ Кв. 439 г. Фабій. Новые консулы, какъ и прежніе, оставались въ Римѣ; Фабій же, чтобы принять войско отъ Эмилія, прибылъ съ дополнительнымъ отрядомъ къ Сатикулѣ, такъ какъ и самнитяне не остались у Плистики, но, вызвавъ изъ отечества новыя войска и надѣясь на свою многочисленность, стали лагеремъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли раньше [2]); здѣсь они вызывали римлянъ на сраженіе, пытаясь отвлечь ихъ такимъ образомъ отъ осады. Тѣмъ большія усилія направилъ диктаторъ на непріятельскія стѣны и всѣ военныя дѣйствія сосредоточивалъ исключительно на штурмѣ города; противъ же самнитянъ онъ принялъ меньшія мѣры предосторожности, разставивъ съ ихъ стороны только пикеты, съ цѣлью предотвратить нападеніе на лагерь. Тѣмъ смѣлѣе подъѣзжали самнитяне къ валу и не давали римлянамъ покоя. Когда непріятель былъ уже почти въ воротахъ лагеря,

---

[1]) См. гл. 20 [2]) Т.-е. около Сатикулы. См. гл. 21.

начальникъ конницы Кв. Авлій Церретанъ, не спросясь диктатора, съ большимъ шумомъ выѣхалъ изъ лагеря со всѣми эскадрами конницы и отбросилъ непріятеля. Тутъ въ битвѣ, по самому ея характеру отнюдь не упорной, судьба явила свое могущество тѣмъ, что причиняла съ той и другой стороны страшный уронъ и самимъ вождямъ ниспослала славную смерть. Полководецъ самнитянъ, негодуя на то, что его разбили и обратили въ бѣгство оттуда, куда онъ такъ смѣло подскакалъ, упрашивая и убѣждая всадниковъ, первый возобновилъ сраженіе; на него-то въ тотъ моментъ, когда онъ, выдѣляясь изъ толпы своихъ, побуждалъ ихъ къ битвѣ, бросился съ копьемъ, готовымъ поразить, римскій начальникъ конницы и такъ сильно пришпорилъ своего коня, что однимъ ударомъ замертво сбросилъ самнитскаго вождя съ лошади. Но, вслѣдствіе гибели вождя, масса не смутилась, какъ это обыкновенно бываетъ, а только еще болѣе ожесточилась: всѣ окружавшіе вождя стали бросать стрѣлы въ Авлія, неосторожно заѣхавшаго въ ряды непріятелей: но особенную честь отмстить за самнитскаго полководца боги предоставили его брату. Полный печали и гнѣва, онъ стащилъ съ коня побѣдоноснаго начальника конницы и умертвилъ его; даже тѣло Авлія, павшаго среди непріятельскихъ рядовъ, едва не досталось въ руки самнитянъ; но римляне тотчас спѣшились; то же самое принуждены были сдѣлать и самнитяне, и внезапно образовавшіяся боевыя колонны завязали около труповъ вождей пѣшее сраженіе, въ которомъ римляне безспорно стоятъ выше самнитянъ: отбивъ трупъ Авлія, побѣдители съ радостью, къ которой примѣшивалось чувство горести, отнесли его въ лагерь. Потерявъ вождя и испытавъ свои силы въ конномъ сраженіи, самнитяне покинули Сатикулу, защиту которой считали безполезною, и возвратились къ осадѣ Плистики; въ теченіе немногихъ дней римляне овладѣли Сатикулой: она сдалась имъ на капитуляцію, а самнитяне штурмомъ взяли Плистику.

23. Затѣмъ театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ другое мѣсто: изъ Самнія и Апуліи легіоны были переведены къ Сорѣ, такъ какъ жители ея, перебивъ римскихъ колонистовъ, отпали на сторону самнитянъ. Римское войско раньше самнитянъ большими переходами достигло Соры, съ цѣлью отмстить за убійство согражданъ и возвратить подъ свою власть колонію; но такъ какъ развѣдчики, разсѣянные по дорогамъ, одинъ за другимъ приносили извѣстія о томъ,

что легіоны самнитянъ слѣдуютъ за нимъ и находятся уже не вдалекѣ, то римляне двинулись навстрѣчу непріятелямъ, и у Лавтулъ произошло нерѣшительное сраженіе; ни пораженія, ни бѣгства съ которой-либо стороны не было, а ночь разняла сражающихся, оставивъ ихъ въ невѣдѣніи насчетъ того, побѣждены они, или побѣдили. У нѣкоторыхъ писателей я нахожу извѣстіе, что битва эта была неблагопріятна для римлянъ, и что въ ней палъ начальникъ конницы Кв. Авлій. Назначенный на мѣсто Авлія начальникъ конницы Г. Фабій прибылъ изъ Рима съ новымъ войскомъ и, спросивъ диктатора чрезъ посланныхъ впередъ глашатаевъ о томъ, гдѣ ему остановиться, когда и съ какой стороны напасть на враговъ, остановился въ потаенномъ мѣстѣ, подробно освѣдомившись насчетъ того, какъ ему нужно было поступать въ каждомъ данномъ случаѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ битвы диктаторъ держалъ своихъ за валомъ, имѣя видъ скорѣе осаждeннаго, чѣмъ осаждающаго; затѣмъ внезапно далъ знакъ къ битвѣ. Считая болѣе полезнымъ для воспламененія мужества храбрецовъ сознаніе того, что для каждаго изъ нихъ не осталось никакой надежды на что-либо другое, кромѣ какъ на самого себя, онъ скрылъ отъ воиновъ прибытіе начальника конницы и новаго войска и, какъ будто-бы все спасеніе ихъ заключалось только въ вылазкѣ, сказалъ имъ: „воины! мы захвачены въ тѣсномъ мѣстѣ, и нѣтъ намъ никакой другой дороги кромѣ той, которую мы проложимъ себѣ побѣдой! Мѣсто стоянки нашей достаточно безопасно благодаря своимъ укрѣпленіямъ; но въ же самое время оно внушаетъ опасенія вслѣдствіе недостатка провіанта, такъ какъ, съ одной стороны, всѣ земли кругомъ, откуда можно было-бы подвозить съѣстные припасы, отложились отъ насъ, а съ другой — если бы люди и желали помочь намъ, то мѣстность неудобна для этого. Поэтому, я не стану обольщать васъ тѣмъ, что оставлю здѣсь лагерь, въ который вы могли бы, какъ наканунѣ, укрыться въ случаѣ, если побѣда будетъ не въ вашихъ рукахъ. Воины должны служить защитою укрѣпленіямъ, а не укрѣпленія воинамъ! Пусть владѣютъ лагеремъ и укрываются въ немъ тѣ, которымъ нужно затягивать войну, мы же отнимемъ у себя возможность искать защиты во всемъ другомъ, кромѣ побѣды! Несите знамена на врага! Какъ только войско выйдетъ за валъ, тѣ, кому это приказано, зажгутъ лагерь. Ваши потери, воины, пополнятся добычею со всѣхъ отложив-

шихся отъ насъ окрестныхъ народовъ!" Воспламененные рѣчью диктатора, ясно указывавшей на крайне критическое положеніе, воины выступили противъ враговъ; не мало возбуждалъ ихъ и самый видъ пылающаго сзади ихъ лагеря, хотя огонь, согласно приказанію диктатора, былъ подложенъ только къ ближайшимъ къ нимъ частямъ его. Поэтому они бросились, какъ безумные, и при первомъ же натискѣ привели въ безпорядокъ знамена непріятелей, а начальникъ конницы, увидавъ издали пылающій лагерь (это былъ условный знакъ), во-время напалъ на непріятелей съ тылу; такимъ образомъ, самнитяне были окружены и бросились бѣжать врассыпную, каждый куда могъ; громадная масса ихъ подъ вліяніемъ страха столпилась въ кучу и, мѣшая, вслѣдствіе скученности, сама себѣ, была окружена и перебита. Лагерь непріятельскій былъ взятъ и разграбленъ, а войско, обремененное взятою въ немъ добычею, диктаторъ отвелъ обратно въ римскій лагерь; далеко не такъ воины радовались побѣдѣ, какъ тому, что, кромѣ небольшой части лагеря, уничтоженный пожаромъ, все остальное нашли они, вопреки ожиданію, невредимымъ.

24. Затѣмъ войско возвратилось къ Сорѣ. Новые консулы, М. Петелій и Г. Сульпицій, приняли войско отъ диктатора Фабія, распустили большую часть ветерановъ, а для пополненія войскъ привели новыя когорты [1]). Но, въ виду неприступности мѣстоположенія города, нельзя было составить строго опредѣленнаго плана нападенія, и побѣда или должна была затянуться, или же, въ случаѣ ея ускоренія, представлялась сопряженной съ опасностью [2]); въ это время перебѣжчикъ изъ Соры, тайно уйдя изъ города, добрался до римскихъ аванпостовъ и приказалъ немедленно вести себя къ консуламъ; будучи приведенъ къ нимъ, онъ обѣщалъ передать имъ городъ. Затѣмъ на вопросъ, какимъ образомъ онъ сдѣлаетъ это, далъ, повидимому, небезосновательныя объясненія и тѣмъ побудилъ отодвинуть почти соединенный съ городскими стѣнами римскій лагерь на 6000 шаговъ отъ города, ибо въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, дневные караулы и ночные пикеты будутъ съ меньшею бдительностью охранять городъ. А самъ онъ въ слѣдующую затѣмъ ночь, приказавъ когортамъ засѣсть въ перелѣскахъ

[1]) См. примѣч. къ VII 31. [2]) Т.-е. положеніе города было таково, что его можно было взять или долговременной осадой, или штурмомъ.

подъ городомъ, повелъ съ собою 10 отборныхъ воиновъ по крутымъ и почти непроходимымъ мѣстамъ въ кремль, и куда снесъ заранѣе большее количество метательныхъ копій, чѣмъ того требовало число воиновъ. Къ тому же тамъ были камни, и случайно лежавшія, какъ это обыкновенно бываетъ въ мѣстахъ каменистыхъ, и нарочно снесенные сюда горожанами, чтобы этимъ еще болѣе обезопасить это мѣсто. Остановивъ здѣсь римлянъ и указавъ имъ на узкую и крутую тропинку, поднимавшуюся изъ города въ кремль, онъ сказалъ: „на этомъ мѣстѣ даже трое вооруженныхъ могли бы задержать какую угодно массу людей; а васъ и числомъ 10 и, что еще важнѣе, вы римляне и самые храбрые изъ римлянъ! За васъ будетъ и мѣсто, и ночь, во время которой неизвѣстность представляетъ испуганнымъ людямъ все въ преувеличенномъ видѣ. Вотъ я произведу всеобщій переполохъ, а вы будьте внимательны и оставайтесь въ кремлѣ". Затѣмъ онъ сбѣжалъ съ сильнѣйшимъ, насколько могъ, шумомъ, крича: „помогите, граждане! кремль взятъ врагами! Идите, защищайте его!" Такъ кричалъ онъ, врываясь въ двери старѣйшинъ, такъ кричалъ онъ попадавшимся ему навстрѣчу и тѣмъ, которые въ трепетѣ выбѣгали на улицы. Заразившись страхомъ отъ одного человѣка, масса распространяетъ его по всему городу; встревоженные начальники, слыша отъ посланныхъ къ кремлю лазутчиковъ, что онъ занятъ метательными орудіями и вооруженными людьми (причемъ число ихъ было ими преувеличено), теряютъ надежду вернуть кремль; все обращается въ бѣгство; полусонные и большею частью безоружные жители разламываютъ ворота; черезъ одни изъ нихъ врывается привлеченный криками римскій отрядъ [1]) и убиваетъ бѣгающихъ въ испугѣ по улицамъ людей. Уже Сора была взята, когда на разсвѣтѣ прибыли консулы и приняли на капитуляцію тѣхъ, которыхъ судьба сохранила отъ ночной рѣзни и бѣгства; изъ нихъ 225 человѣкъ, которые единогласно всѣми признавались виновниками и безчеловѣчнаго избіенія колонистовъ, и отпаденія города, въ оковахъ уведены были въ Римъ; остальную массу консулы оставили невредимо въ Сорѣ, помѣстивъ въ ней гарнизонъ. Всѣ, отправленные въ Римъ, были высѣчены на форумѣ розгами и обезглавлены къ величайшему

[1]) Рѣчь идетъ объ отрядѣ, скрывшемся въ лѣсу подъ городомъ.

удовольствію плебеевъ, для которыхъ было весьма важно, чтобы посылаемый всюду въ колоніи народъ вездѣ пользовался безопасностью.

25. Двинувшись изъ-подъ Соры, консулы пошли войною на область и города авзоновъ [1]), потому что тамъ съ приходомъ самнитянъ, послѣ сраженія при Лавтулахъ все пришло въ движеніе, и всюду по Кампаніи составлялись заговоры; даже сама Капуя не была чужда преступленія. Мало того, слѣдствіе было перенесено даже въ Римъ и притомъ противъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ. Впрочемъ, племя авзоновъ подчинилось намъ, какъ и Сора, вслѣдствіе измѣны со стороны городовъ. Было три города: Авзона, Ментурны и Весція; изъ этихъ городовъ 12 юношей, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ, составивъ между собою заговоръ, съ цѣлью предать свои города, явились къ консуламъ и сообщили имъ, что ихъ соотечественники уже давно ожидали прибытія самнитянъ и, лишь только услыхали о битвѣ при Лавтулахъ, сочли римлянъ побѣжденными, а самнитянамъ помогли [2]), предоставивъ имъ вооруженныхъ молодыхъ людей. Затѣмъ послѣ пораженія самнитянъ миръ съ ними не надеженъ: хотя они и не осмѣливаются запереть передъ римлянами ворота, чтобы не навлечь на себя войны, тѣмъ не менѣе твердо рѣшились запереть ихъ, если приблизится римское войско. При такой ихъ нерѣшительности, говорили измѣнники, ихъ можно застать врасплохъ. Слѣдуя ихъ совѣту, римскій лагерь былъ ближе подвинутъ, и въ одно и то же время къ тремъ городамъ были посланы воины — частію вооруженные — съ тѣмъ, чтобы тайно занять мѣсто вблизи стѣнъ, частію въ одеждѣ мирныхъ гражданъ съ скрытыми подъ одеждой мечами — съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтѣ, когда откроются ворота, войти въ городъ. Послѣдніе начали избивать стражу и вмѣстѣ съ тѣмъ подали сигналъ вооруженнымъ воинамъ, чтобы тѣ сбѣгались къ нимъ изъ засады. Такимъ образомъ были заняты ворота, и въ одинъ и тотъ же часъ, по одному и тому же плану взяты три города; но такъ какъ нападеніе было сдѣлано въ отсутствіе вождей, то убійству не было границъ, и племя авзоновъ, вслѣдствіе едва — едва доказанной виновности

[1]) Древнее названіе народовъ Средней и Южной Италіи. [2]) Очевидно, рѣчь идетъ о добровольцахъ, такъ какъ иначе отпаденіе было бы формальнымъ.

его измѣнѣ, было истреблено такъ, какъ будто-бы оно вело борьбу на жизнь и на смерть.

26. Въ этомъ же году Луцерія, предавъ врагамъ римскій гарнизонъ, подчинилась власти самнитянъ. Но измѣнники не долго оставались безнаказанными: неподалеку оттуда находилось римское войско, первымъ натискомъ котораго былъ взятъ расположенный въ равнинѣ городъ. Жители Луцеріи и самнитяне были перебиты всѣ до одного; раздраженіе дошло до того, что даже въ Римѣ, когда въ сенатѣ шло совѣщаніе объ отправкѣ въ Луцерію колонистовъ, многіе были того мнѣнія, что городъ этотъ слѣдуетъ разрушить. Кромѣ ужасной ненависти къ дважды [1]) побѣжденнымъ врагамъ, отказаться отъ мысли объ отправкѣ согражданъ такъ далеко отъ отечества, въ среду столь враждебныхъ народовъ заставляла также и отдаленность Луцеріи. Впрочемъ, верхъ одержало то мнѣніе, чтобы колонисты были отправлены; послано было 2500 человѣкъ. Въ томъ же году, когда вѣрность римлянамъ всюду поколебалась, въ Капуѣ также были составлены тайные заговоры аристократовъ. Когда сенату было доложено о нихъ, то это обстоятельство отнюдь не осталось безъ вниманія, а было назначено слѣдствіе, и для производства слѣдствія рѣшено было избрать диктатора. Диктаторомъ былъ избранъ Г. Меній; начальникомъ конницы онъ назначилъ М. Фолія. Страхъ передъ этимъ сановникомъ былъ весьма великъ; итакъ, бывшіе главарями заговора Калавіи, Овій и Новій, вслѣдствіе ли страха, или въ силу сознанія своей виновности, добровольною, безъ сомнѣнія, смертью избавили себя отъ суда прежде чѣмъ на нихъ былъ сдѣланъ доносъ диктатору. Затѣмъ, лишь только въ Кампаніи изсякъ матеріалъ для слѣдствія, дѣло было перенесено въ Римъ; причиною тому было толкованіе, что сенатъ-де приказалъ произвести слѣдствіе не лично о тѣхъ, кто составлялъ заговоръ въ Капуѣ, а вообще о тѣхъ, которые гдѣ-либо соединялись въ партіи и составляли заговоры противъ государства; что-де и интриги, которыя затѣваются съ цѣлью достиженія почетныхъ должностей, враждебны государству. Слѣдствіе расширилось, какъ по числу дѣлъ, такъ и по количеству привлеченныхъ къ нему лицъ, при чемъ диктаторъ утверждалъ, что его полномочія въ производствѣ слѣдствія безграничны. Поэтому ста-

[1]) См. гл. 15.

ли привлекаться къ суду знатныя лица, и на нихъ аппелляціи къ трибунамъ [1]) никто не оказывалъ имъ помощи, чтобы имена нихъ не заносились въ списки обвиняемыхъ [2]); поэтому знатные и не только тѣ, противъ кого было возбуждено обвиненіе, но всѣ до единаго стали говорить, что это обвиненіе касается лишь „людей новыхъ“ [3]), а не нихъ, лицъ знатныхъ, такъ какъ для нихъ, если не стоитъ на пути никакой коварной интриги [4]), открыта дорога къ почестямъ; что даже диктаторъ и начальникъ конницы сами скорѣе виноваты въ этомъ преступленіи, чѣмъ достойные судьи его; справедливость этого замѣчанія они поймутъ, лишь только сложатъ съ себя должность. Тогда Меній, болѣе заботясь уже о своей репутаціи, чѣмъ о власти, которою былъ облеченъ, явился въ собраніе и сказалъ слѣдующее: „Квириты! Въ лицѣ васъ я имѣю свидѣтелей моей прошлой жизни, и самое предоставленіе мнѣ этой почетной должности свидѣтельствуетъ о моей невинности; въ самомъ дѣлѣ, диктаторомъ для производства слѣдствія надлежало избрать не того, который обладаетъ громкою военною славой (какъ это часто бывало въ другое время, ибо того требовали обстоятельства государства), а того, кто провелъ свою жизнь, болѣе всего удаляясь отъ этихъ интригъ [5]). Но такъ какъ нѣкоторые знатные люди (почему,—объ этомъ лучше судить вамъ, чѣмъ мнѣ, при моемъ положеніи должностного лица, говорить о вещахъ, не вполнѣ доказанныхъ) сначала всѣми силами старались уничтожить самое слѣдствіе, а затѣмъ, когда у нихъ оказалось мало силы для этого, то, чтобы не подвергаться суду, они, будучи патриціями, прибѣгли подъ защиту къ своимъ противникамъ—къ апеляціи и помощи трибуновъ; но, потерпѣвъ и тамъ неудачу, они наконецъ (до такой степени все казалось имъ болѣе надежнымъ, чѣмъ доказательство своей невинности!) набросились на насъ и, будучи частными людьми, не убоялись потребовать диктатора къ суду въ качествѣ обвиняемаго; въ виду всего этого, я слагаю съ себѣ диктатуру; пусть знаютъ всѣ боги и люди, что они прибѣгаютъ даже къ невозможнымъ средствамъ съ цѣлью не давать отчета въ

[1]) См. примѣч. къ VI 37. [2]) Другими словами „чтобы они не привлекались къ суду“. [3]) См. примѣч. къ I 34. [4]) Здѣсь имѣются въ виду противозаконныя домогательства должностей, какъ напр., подкупы, которыми пользовались желавшіе устранить одного кандидата на должность съ тѣмъ, чтобы или провести кандидатуру другого, или самимъ занять эту должность. [5]) См. примѣч. 4.

своей жизни, а я иду навстрѣчу обвиненію и отдаюсь на судъ врагамъ моимъ! А васъ, консулы, прошу, если дѣло это сенатъ поручитъ вамъ, произвести сначала слѣдствіе надо мною и этимъ М. Фоліемъ, чтобы стало очевиднымъ, что мы ограждены отъ этихъ обвиненій собственной невинностью, а не величіемъ ввѣренной намъ почетной должности!“ Затѣмъ онъ слагаетъ съ себя диктатуру, а вслѣдъ за ней и Фолій — начальствованіе надъ конницей. Будучи первыми привлечены къ обвиненію предъ консулами, потому что тѣмъ было поручено сенатомъ это дѣло, они, вопреки свидѣтельству противъ нихъ знати, были блистательно оправданы. Привлекался также къ суду и былъ оправданъ Публилій Филонъ, человѣкъ, совершившій столько подвиговъ и на войнѣ и во время мира, много разъ получавшій высокія почетныя должности, но ненавистный для знати. И, какъ обыкновенно бываетъ, слѣдствіе надъ знатными людьми продолжалось только до тѣхъ поръ, пока было новинкой; затѣмъ оно начало спускаться до людей менѣе важныхъ, пока не было подавлено интригами партій, противъ которыхъ оно и было направлено.

27. Слухъ объ этихъ происшествіяхъ, а еще болѣе надежда на отпаденіе Кампаніи, для чего составленъ былъ заговоръ, отозвала обратившихся было на Апулію самнитянъ снова къ Кавдію, чтобы отсюда, изблизи, отнять у римлянъ Капую, если какое-нибудь волненіе въ народѣ представитъ удобный къ тому случай. Туда явились консулы съ сильнымъ войскомъ; сначала тѣ и другіе оставались близъ ущелій, такъ какъ дорога къ непріятелю съ обѣихъ сторонъ была неудобна; затѣмъ самнитяне, сдѣлавъ небольшой обходъ, по открытымъ мѣстамъ спустили свое войско въ равнину, на поля Кампаніи и здѣсь сначала разбили лагерь въ виду непріятелей, а затѣмъ тѣ и другіе въ легкихъ стычкахъ испытывали чаще конницу, чѣмъ пѣхоту; римляне были вполнѣ довольны и результатомъ этихъ стычекъ, и тою медлительностью, вслѣдствіе которой они затягивали войну; самнитскимъ же вождямъ, напротивъ, казалось, что силы ихъ истощаются, вслѣдствіе незначительныхъ, но ежедневныхъ потерь, и войска лишаются бодрости вслѣдствіе того, что затягивается война. Поэтому они выходятъ на сраженіе, распредѣливъ по флангамъ всадниковъ; послѣднимъ было приказано оставаться на мѣстѣ и съ большимъ вниманіемъ слѣдить за лагеремъ, чтобы на него не было сдѣлано ка-

кого-либо нападенія, чѣмъ за битвой, такъ какъ боевая линія будетъ достаточно обезопашена пѣхотой. Изъ консуловъ—Сульпицій сталъ на правомъ, а Петелій на лѣвомъ флангѣ. Правый флангъ, гдѣ и самнитяне стояли рѣдкими рядами, съ цѣлью-ли обойти врага, или для того, чтобы самимъ не быть окруженными, былъ растянутъ шире; лѣвому же, кромѣ того, что онъ стоялъ болѣе густыми рядами, придала силы неожиданная стратегема Петелія, а именно: онъ тотчасъ выпустилъ въ первую линію резервныя когорты, приберегаемыя обыкновенно на случай болѣе продолжительнаго сраженія, и соединенными силами съ перваго же натиска заставилъ непріятеля отступить. Когда пѣхота самнитянъ была сбита съ позиціи, на мѣсто ея вступила въ битву конница. Когда она неслась наперерѣзъ между двумя боевыми линіями, противъ нея пришпорила лошадей римская конница, привела въ безпорядокъ знамена и ряды пѣхоты и конницы, пока наконецъ не отбросила съ этой стороны всю линію. На этомъ флангѣ присутствовалъ, ободряя воиновъ, не только Петелій, но и Сульпицій: онъ уѣхалъ отъ своихъ, еще не вступавшихъ въ бой, воиновъ, услышавъ крикъ, прежде раздавшійся съ лѣваго фланга; видя здѣсь вѣрную побѣду, онъ съ 1200 человѣкъ направился отсюда къ своему флангу и нашелъ тамъ иное положеніе дѣлъ: римляне были выбиты съ позиціи, а побѣдоносный врагъ несся со своими знаменами противъ разбитыхъ. Впрочемъ, прибытіе консула все вдругъ измѣнило: воины ободрились при видѣ вождя, прибытіе храбрыхъ воиновъ принесло съ собою болѣе значительную помощь, чѣмъ можно было расчитывать, судя по ихъ численности, а подъ вліяніемъ извѣстія о побѣдѣ другого фланга, которую воины вскорѣ даже и увидѣли, они возобновили сраженіе. Затѣмъ на протяженіи всей боевой линіи побѣда была уже въ рукахъ римлянъ, а самнитяне, отказавшись отъ сраженія, гибли и доставались въ плѣнъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые убѣжали въ городъ Малевентъ, нынѣ носящій названіе Беневента[1]). Передаютъ, что самнитянъ было убито или взято въ плѣнъ до 30000 человѣкъ. **28.** Одержавъ блестящую побѣду, консулы тотчасъ повели оттуда свои легіоны на осаду Бовіана; тамъ они оставались на зимнихъ квартирахъ до тѣхъ поръ, пока Г. Петелій, назначенный диктаторомъ новыми консулами, Л. Папиріемъ Курсоромъ, избраннымъ въ пятый разъ, и Г. Юніемъ Бубулькомъ—во второй, вмѣстѣ съ начальникомъ конницы М. Фоліемъ не принялъ отъ нихъ войско. Услыхавъ, что фрегелланскій кремль взятъ самнитянами, Петелій, оставивъ Бовіанъ, отправился къ Фрегелламъ. Взявъ Фрегеллы безъ боя вслѣдствіе бѣгства самнитянъ во время ночи, и поставивъ въ нихъ сильный гарнизонъ, диктаторъ возвратился отсюда въ Кампанію главнымъ образомъ для того, чтобы оружіемъ снова добыть Нолу. Туда къ приходу диктатора собралась за стѣнами города вся масса самнитянъ и ноланскіе поселяне. Осмотрѣвъ мѣстоположеніе города, диктаторъ зажегъ всѣ окружавшія городъ постройки (тамъ было многочисленное населеніе) для того, чтобы доступъ къ стѣнамъ былъ болѣе открытъ; и немного времени спустя, Нола была взята или диктаторомъ Петеліемъ, или консуломъ Г. Юніемъ—существуетъ то и другое извѣстіе. Тѣ, которые честь взятія Нолы приписываютъ консулу, присовокупляютъ, что имъ же взяты Атина и Калатія, а Петелій-де, по случаю возникновенія моровой язвы, былъ назначенъ диктаторомъ для вбитія гвоздя [1]). Въ этомъ же году были выведены колоніи въ Свессу и Понтію. Свесса принадлежала прежде аврункамъ, а вольски населяли Понтіи, островъ, расположенный въ виду ихъ берега. Состоялось также сенатское постановленіе о выводѣ колоніи въ Интерамну сукасиновъ, но только слѣдующіе консулы, М. Валерій и П. Децій, выбрали тріумвировъ [2]) и отправили 4000 колонистовъ. 442г.

29. Самнитская война почти уже приближалась къ концу, но прежде, чѣмъ сенатъ римскій сложилъ заботы о ней, прошелъ слухъ о войнѣ, замышляемой этрусками. Въ то время, послѣ галловъ, тревожившихъ римлянъ своими нападеніями, не было народа, оружіе котораго было бы страшнѣе оружія этрусковъ, какъ вслѣдствіе близости страны, такъ и вслѣдствіе многочисленности населенія. Поэтому, въ то время какъ одинъ изъ консуловъ доканчивалъ войну въ Самніи, Децій, задержанный въ Римѣ тяж-

[1]) Городъ Малевентъ въ Самніи, названный такъ вслѣдствіе своего дурного воздуха, былъ переименованъ въ Беневентъ (съ хорошимъ воздухомъ) послѣ побѣды надъ Пирромъ 479 г. отъ осн. Р.

[1]) См. VII 3. [2]) Т. е. для вывода колоніи; дѣло въ томъ, что колоніи выводились съ особенными церемоніями особыми, на этотъ случай назначенными, лицами; такихъ лицъ обыкновенно выбиралось трое.

кою болѣзнью, назначилъ по приказанію сената диктаторомъ Г. Юнія Бубулька. Послѣдній, какъ того требовала важность дѣла, привелъ къ присягѣ всю молодежь и съ величайшимъ тщаніемъ заготовилъ оружіе и все другое, что было необходимо, но, не увлекаясь такими громадными приготовленіями, онъ и не думалъ начинать войну, намѣреваясь, безъ сомнѣнія, оставаться въ покоѣ, если сами этруски не сдѣлаютъ нападенія. Такія же точно соображенія—готовиться къ войнѣ, но не начинать ея—были и у этрусковъ; итакъ ни тѣ, ни другіе не вышли изъ своихъ предѣловъ.

Въ этомъ году было и славное цензорство Ап. Клавдія и Г. Плавтія; но болѣе славную память у потомковъ пріобрѣло имя Аппія, потому что онъ проложилъ дорогу [1] и провелъ въ городъ воду, исполнивъ это единолично, такъ какъ его товарищъ, вслѣдствіе позорныхъ и возбуждавшихъ ненависть выборовъ въ сенатъ, по чувству скромности отказался отъ должности; Аппій же, по врожденному уже издавна его фамиліи упрямству, одинъ удержалъ за собою цензуру. По предложенію того же Аппія, родъ Потиціевъ, которому принадлежала, какъ фамильная должность, жречество у „Величайшаго“ жертвенника Геркулеса [2], обучилъ государственныхъ рабовъ [3]) обрядамъ этого жертвоприношенія съ тѣмъ, чтобы передать имъ свою обязанность. Затѣмъ преданіе сообщаетъ нѣчто удивительное, что могло бы вселить религіозный страхъ къ измѣненію священныхъ установленій, а именно: хотя въ то время Потиціевъ было 12 фамилій, и въ числѣ ихъ до 30 взрослыхъ лицъ, однако въ теченіе одного года всѣ они погибли вмѣстѣ съ потомствомъ, и не только исчезъ родъ Потиціевъ, но также и цензоръ Аппій, вслѣдствіе мстительнаго гнѣва боговъ, спустя нѣсколько лѣтъ лишился зрѣнія.

---

1) Это была такъ наз. Аппіева дорога; она вела изъ Рима въ Капую и была сдѣлана изъ тесаныхъ четырехугольныхъ камней, плотно сдвинутыхъ между собою, такой ширины, что два воза легко могли разъѣхаться. 2) См. I 7. и примѣч. 3) Такъ назывались рабы, принадлежавшіе римскому государству или обществу (напр. колоніи), которыхъ купила община; также военноплѣнные, которыхъ государство не продавало, дѣлались государственными рабами. Въ сравненіи съ положеніемъ рабовъ частныхъ лицъ, положеніе государственныхъ рабовъ было гораздо лучше, потому что послѣдніе почти всегда могли пріобрѣтать собственность. Пищу и помѣщеніе они получали, конечно, отъ общины. Ихъ обязанности были весьма разнообразны: нѣкоторые помогали служителямъ высшихъ сановниковъ или даже замѣщали ихъ; многіе состояли служителями при храмахъ и помогали приносящимъ жертвы и т. д.

30. Поэтому консулы слѣдующаго года, Г. Юній Бубулькъ, избранный въ третій разъ, и П. Эмилій Барбула, избранный во второй разъ, заявили народному собранію жалобу на то, что сенаторское званіе обезчещено неправильнымъ выборомъ сенаторовъ, вслѣдствіе котораго обойдено [1]) нѣсколько лицъ лучшихъ, чѣмъ избранныя, сказали, что они не будутъ признавать этихъ выборовъ, какъ произведенныхъ пристрастно и произвольно, безъ всякаго различія между справедливостью и несправедливостью, и тотчасъ созвали сенатъ въ томъ составѣ, какой былъ до цензорства Ап. Клавдія и Г. Плавтія. Въ этомъ году предоставлено было власти народа избраніе лицъ на двѣ должности, обѣ относящіяся къ военному дѣлу: закономъ, касающимся первой изъ нихъ, было постановлено, чтобы народъ избиралъ по 16 военныхъ трибуновъ [2]) на 4 легіона; замѣщеніе этихъ должностей до того времени зависѣло вообще отъ милости диктаторовъ и консуловъ, причемъ лишь весьма немногія были предоставляемы выбору народа; предложеніе это внесли народные трибуны Л. Атилій и Г. Марцій. Другимъ закономъ постановлялось, чтобы народъ же избиралъ дуумвировъ [3]) для снаряженія и поправки флота; этотъ плебисцитъ предложилъ народный трибунъ М. Децій.

Я обошелъ бы молчаніемъ одно маловажное событіе этого же года, если бы оно не оказалось имѣющимъ отношеніе къ религіи. Флейтисты [4]), обидясь на то, что послѣдніе цензоры запретили имъ устраивать жертвенныя пиршества [5]) въ храмѣ Юпитера, какъ это принято было издавна, всѣ заразъ удалились въ Тибуръ, такъ что въ городѣ не было никого, кто бы могъ играть при жертвоприношеніяхъ. Религіозныя опасенія по этому поводу овладѣли сенаторами, и они отправили въ Тибуръ пословъ хлопотать о возвращеніи

---

1) „Обойденные сенаторы“ это тѣ, которые, не будучи внесены въ списокъ цензоровъ, тѣмъ самымъ считались удаленными изъ сената. 2) Военные трибуны были предводителями легіона; при каждомъ легіонѣ ихъ было по шести, а всѣхъ—24 человѣка. Избирались они первоначально консулами, но въ 393 г. отъ осн. Р. народъ предоставилъ себѣ право избранія шести (см. VII 5), а съ 443 года отъ осн. Р., по предложенію упомянутаго Атилія, 16 военныхъ трибуновъ. 3) Это была комиссія изъ двухъ лицъ, въ вѣдѣніи которой находилось устройство и поправка кораблей; дуумвиры были, какъ кажется, и предводителями флота. 4) Флейтисты существовали въ Римѣ съ древнѣйшихъ временъ и составляли изъ себя отдѣльную коллегію. 5) По окончаніи собственно жертвоприношенія, оставшіеся въ храмѣ жрецы устраивали великолѣпный пиръ.

этихъ людей римлянамъ. Тибуртинцы охотно пообѣщали имъ это и сначала, пригласивъ флейтистовъ въ курію, уговаривали ихъ возвратиться въ Римъ, но, не будучи въ состояніи убѣдить ихъ, употребили противъ нихъ хитрость, сообразную съ характеромъ этихъ людей: въ праздничный день они пригласили къ себѣ одинъ того, другой другого музыканта, подъ предлогомъ поиграть во время пиршества, и, сильно напоивъ виномъ, до котораго почти всѣ эти люди жадны, усыпили ихъ, положили спящихъ въ повозки и отвезли въ Римъ. И музыканты очнулись только тогда, когда телѣги остановились на форумѣ, и ихъ, совсѣмъ еще хмѣльныхъ, засталъ дневной свѣтъ. Тогда сбѣжался народъ и упросилъ флейтистовъ остаться; за это имъ было дано право ежегодно въ продолженіе трехъ дней ходить по городу съ пѣснями, въ праздничной одеждѣ, при чемъ допускалось полное своеволіе, которое нынѣ стало обычнымъ явленіемъ; тѣмъ же изъ нихъ, которые играютъ во время жертвоприношеній, было возвращено право участія въ жертвенныхъ пиршествахъ въ храмѣ Юпитера. Вотъ что происходило среди хлопотъ о двухъ громадныхъ войнахъ.

31 Консулы раздѣлили между собой театръ военныхъ дѣйствій: Юнію досталось по жребію дѣло съ самнитянами, а Эмилію—съ Этруріей, угрожавшей новою войною. Въ Самніи, въ городѣ Клувіанѣ стоялъ римскій гарнизонъ; не будучи въ состояніи взять его приступомъ, самнитяне голодомъ принудили его къ сдачѣ и, позорно истерзавъ плетьми сдавшихся, убили ихъ. Возмущенный этою жестокостью и считая завоеваніе Клувіана дѣломъ первой важности, Юній взялъ его штурмомъ въ тотъ же день, какъ подошелъ къ его стѣнамъ, и перебилъ всѣхъ взрослыхъ жителей. Отсюда побѣдоносное войско двинулось къ Бовіану. Это была очень богатая, сильная своимъ вооруженіемъ и весьма многолюдная столица пентровъ самнитянъ. Такъ какъ здѣсь не было такого сильнаго раздраженія, какъ противъ Клувіана, то воины овладѣли городомъ, воспламененные лишь надеждой на добычу; поэтому съ врагами поступили не такъ жестоко, добычи же было унесено едва ли не болѣе, чѣмъ когда-либо изъ всего Самнія, и вся она великодушно была предоставлена воинамъ. Послѣ того, какъ никакія войска, ни лагери, ни города не могли удержать мощныхъ оружіемъ римлянъ, заботы всѣхъ старѣйшинъ Самнія устремились на

то, чтобы отыскать мѣсто для засады: нельзя-ли будетъ, расчитывали они, поймать и окружить римское войско, когда оно разсѣется, пользуясь возможностью произвести гдѣнибудь грабежъ. Перебѣжчики изъ поселянъ и нѣкоторые плѣнники, частію попавшіеся случайно, частію нарочно подосланные, приносили консулу непротиворѣчивыя и притомъ справедливыя извѣстія о томъ, что въ лѣсистой и непроходимой мѣстности согнана громадная масса скота, и убѣдили его направить туда налегкѣ легіоны для грабежа. Тамъ въ потаенныхъ мѣстахъ по дорогѣ засѣло огромное непріятельское войско; увидѣвъ, что римляне вошли въ лѣсъ, оно выскочило вдругъ съ крикомъ и шумомъ и врасплохъ напало на нихъ. Сначала, пока воины брались за оружіе и сносили на середину свою поклажу, это неожиданное обстоятельство произвело смятеніе; затѣмъ римляне, лишь только каждый изъ нихъ освободился отъ ноши и надѣлъ оружіе, отовсюду стали сходиться къ знаменамъ, и сама собою, уже безъ чьего-либо приказанія, стала выстраиваться боевая линія, такъ какъ порядокъ построенія былъ хорошо знакомъ въ силу продолжительной службы; тогда консулъ прискакалъ туда, гдѣ успѣхъ битвы представлялся наиболѣе сомнительнымъ, и, спрыгнувъ съ коня, призывалъ Юпитера, Марса и другихъ боговъ въ свидѣтели тому, что онъ зашелъ въ это мѣсто, ища не славы для себя, а добычи для воиновъ, и что его нельзя упрекнуть ни въ чемъ другомъ, кромѣ какъ въ излишней заботливости объ обогощеніи воиновъ на счетъ врага. „Отъ этого позора, говорилъ онъ, меня спасетъ только доблесть воиновъ! Старайтесь только всѣ дружно напасть на врага, побѣжденнаго въ открытомъ сраженіи, лишеннаго лагеря, выгнаннаго изъ городовъ, испытывающаго послѣднюю надежду путемъ устройства воровской засады, полагающагося на условія мѣстности, а не на оружіе. А какую уже мѣстность не въ состояніи преодолѣть римская доблесть?“ Приводились на память фрегелланскій и соранскій кремль и другія мѣстности, гдѣ только римляне, несмотря на невыгодную позицію, имѣли успѣхъ. Воспламененные этими словами, воины забыли о всѣхъ трудностяхъ и ринулись на занимавшее высоты непріятельское войско. Здѣсь пришлось немного потрудиться, пока отрядъ взбирался на возвышеніе; но послѣ того, какъ первая линія заняла вершину плоскогорія, и войско почувствовало, что стоитъ уже на ровномъ мѣстѣ, страхъ тотчасъ же перешелъ

на тѣхъ, которые были въ засадѣ, и вразбродъ и безъ оружія бросились они бѣгомъ въ тѣ самыя трущобы, гдѣ укрывались немного ранѣе; но трудно проходимая мѣстность, подысканная для непріятелей, служила тогда препятствіемъ для нихъ же самихъ, и они сдѣлались жертвою своего собственнаго коварства; поэтому, только весьма немногимъ удалось бѣжать; до двадцати тысячъ человѣкъ было перебито, и побѣдители римляне кинулись врассыпную къ заключавшейся въ скотѣ добычѣ, которую предоставилъ имъ непріятель.

32. Между тѣмъ, какъ въ Самніи происходили эти событія, уже всѣ народы Этруріи, за исключеніемъ арретиновъ, взялись за оружіе и осадою города Сутрія, который находился въ союзѣ съ римлянами и былъ какъ бы ключемъ къ Этруріи, положили начало великой войнѣ. Чтобы освободить союзниковъ отъ осады, туда прибылъ съ войскомъ одинъ изъ консуловъ, Эмилій. Къ приходу римлянъ жители Сутрія съ готовностью доставили провіантъ въ расположенный предъ городомъ римскій лагерь. Этруски провели первый день въ совѣщаніи о томъ, торопиться-ли имъ войною, или замедлить ее; на слѣдующій день, лишь только вожди ихъ предпочли болѣе быстрый планъ дѣйствій плану болѣе безопасному, съ восходомъ солнца былъ данъ сигналъ къ битвѣ, и этруски съ оружіемъ въ рукахъ вышли на сраженіе. Когда объ этомъ извѣстили консула, онъ тотчасъ приказалъ распорядиться насчетъ того, чтобы воины завтракали и, подкрѣпивъ силы пищею, вооружались. Приказъ былъ исполненъ. Увидѣвъ, что воины вооружились и готовы, консулъ приказалъ вынести знамена за валъ и неподалеку отъ непріятеля выстроилъ боевую линію. Нѣкоторое время обѣ стороны стояли насторожѣ, ожидая, чтобы противникъ первый поднялъ крикъ и началъ битву. И прежде солнце склонилось къ полудню, чѣмъ съ той или другой стороны была пущена стрѣла. Затѣмъ, чтобы не уйти ни съ чѣмъ, этруски подняли крикъ; трубы зазвучали и аттака началась. Не менѣе энергично начали битву и римляне. Въ раздраженіи сшиблись они другъ съ другомъ; непріятель превосходилъ числомъ, римляне—храбростью. Въ нерѣшительной битвѣ съ той и другой стороны пало много воиновъ и все самые храбрые; и не прежде рѣшилось дѣло, чѣмъ вторая римская линія заступила мѣсто первой, и свѣжіе смѣнили усталыхъ. Этруски,

такъ какъ ихъ первая боевая линія вовсе не была подкрѣплена свѣжими резервами, всѣ попадали предъ знаменами и около нихъ. Никогда, ни въ какомъ сраженіи не было бы менѣе случаевъ бѣгства и большей рѣзни, если бы этрусковъ, твердо рѣшившихся умереть, не прикрыла ночь, такъ что побѣдители прежде побѣжденныхъ положили конецъ сраженію. Послѣ захода солнца былъ данъ сигналъ съ отступленію; ночью и тѣ и другіе возвратились въ свои лагери. Затѣмъ въ этомъ году у Сутрія не произошло ничего, достойнаго упоминанія, потому что и изъ непріятельскаго войска была уничтожена въ одномъ сраженіи вся первая боевая линія, при чемъ остались только резервы, чего едва было достаточно для охраны лагеря, и у римлянъ было столько раненыхъ, что послѣ битвы отъ ранъ умерло болѣе, чѣмъ пало въ сраженіи. **33.** Консулъ слѣдующаго года, Кв. Фабій, принялъ веденіе войны у Сутрія; въ товарищи Фабію былъ данъ Г. Марцій Рутилъ. Впрочемъ, и Фабій привелъ изъ-подъ Рима рекрутовъ для пополненія войска, и къ этрускамъ прибыло вытребованное изъ дому новое войско.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ между сановниками изъ патриціевъ и народными трибунами не было никакой борьбы [1]), какъ вдругъ начинаетъ борьбу членъ той фамиліи, которая какъ бы судьбою обречена была на вражду съ трибунами и народомъ. По прошествіи 18 мѣсяцевъ, времени, опредѣленнаго закономъ Эмилія [2]) для цензуры, цензора Аппія Клавдія [3]) никакою силою не могли заставить отказаться отъ должности, хотя товарищъ его Г. Плавтій сложилъ съ себя должность. Народнымъ трибуномъ былъ П. Семпроній; онъ взялъ на себя войти съ предложеніемъ объ ограниченіи цензуры положеннымъ по закону временемъ, предложеніемъ, столько же пріятнымъ народу, сколько и справедливымъ, заслуживавшимъ одинаковую благодарность, какъ со стороны народа, такъ и со стороны каждаго благонамѣреннаго [4]) человѣка. Прочитавъ нѣсколько разъ законъ Эми-

[1]) Предшествовавшая борьба патриціевъ съ плебеями упомянута Ливіемъ въ VIII кн. 23 гл. подъ 427 г. отъ осн. Р. Цензорство Аппія Клавдія продолжалось съ 442 по 444 годъ; значитъ, перерывъ въ борьбѣ патриціевъ съ плебеями продолжался около 17 лѣтъ. [2]) Законъ этотъ относится къ 320 г. отъ осн. Р. (цензорство Р. Фурія и М. Геганія—См. IV 24). [3]) См. гл. 29. [4]) Подъ людьми „благонамѣренными“ (viri boni. optimi) разумѣются сторонники аристократической партіи, не желавшіе крайняго развитія демократіи, консерваторы.

лія и превознеся похвалами его виновника, диктатора Мамерка Эмилія, за то, что онъ ограничилъ полутора годами цензуру, ранѣе отправлявшуюся въ теченіе пяти лѣтъ и бывшую, вслѣдствіе ея продолжительности, властью господствовавшей надъ другими, Семпроній сказалъ: „ну-ка, Аппій Клавдій, скажи, что бы ты сдѣлалъ, если бы былъ цензоромъ въ то время, когда цензорами были Г. Фурій и М. Геганій?“ На это Аппій заявилъ, что вопросъ трибуна не имѣетъ прямого отношенія къ его дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ Эмилія и былъ обязателенъ для тѣхъ цензоровъ, въ правленіе которыхъ онъ былъ предложенъ, въ виду того, что народъ утвердилъ этотъ законъ послѣ ихъ избранія, и что законную силу имѣетъ послѣднее по времени народное постановленіе, то все-таки законъ этотъ не можетъ быть обязаннымъ ни для него, Аппія, ни для кого изъ тѣхъ, которые были избраны цензорами послѣ предложенія этого закона [1]).

34. Въ то время, какъ Аппій, не встрѣчая ни отъ кого одобренія, мудрствовалъ такъ лукаво, Семпроній сказалъ: „вотъ, квириты, потомокъ того Аппія, который, будучи избранъ децемвиромъ [2]) на одинъ годъ, на другой годъ избралъ самъ себя, а на третій, не будучи избранъ ни самимъ собой, ни кѣмъ-либо другимъ, въ качествѣ частнаго человѣка, удержалъ за собою завѣдываніе дѣлами [3]) и власть и только тогда отказался отъ занятія и впредь этой должности, когда палъ подъ бременемъ незаконно пріобрѣтенной, преступно отправляемой и насильственно удержанной власти [4]). Это та же самая фамилія, квириты, насиліемъ и обидами которой вы были вынуждены оставить отечество и занять Священную гору [5]); та, противъ которой вы пріобрѣли себѣ помощь въ лицѣ трибуновъ; та, изъ-за которой вы два раза, будучи воинами, занимали Авентинскій холмъ [6]); та, которая всегда ратовала противъ законовъ о процентахъ и противъ законовъ аграныхъ [7]). Она отвергала законность брака между патриціями и плебеями [8]), она преграждала плебеямъ путь къ курульнымъ должностямъ [9]). Родъ этотъ для

[1]) Хитрая рѣчь Аппія находитъ себѣ объясненіе въ возраженіи на нее народнаго трибуна Публія Семпронія. [2]) См. III 33 гл. [3]) См. гл. 8 примѣч.; ср. II 1 примѣч. [4]) По свидѣтельству однихъ, Аппій кончилъ жизнь самоубійствомъ (см. III 58), а попоказанію другихъ, былъ казненъ. [5]) См. II 32. [6]) См. III 50, 51. [7]) См. II 29, 30; 44; 61; VI 40. [8]) См. IV 1. [9]) Такъ назывались высшія должности: консуловъ, преторовъ, курульныхъ эдиловъ, диктатора и

нашей свободы гораздо враждебнѣе рода Тарквиніевъ. Наконецъ, неужели и вправду, Ап. Клавдій, хотя уже сотый годъ идетъ со времени диктаторства Мамерка Эмилія [1]), и было столько цензоровъ, людей знатнѣйшихъ и доблестнѣйшихъ, никто изъ нихъ не читалъ двѣнадцати таблицъ [2])? Неужели никто не зналъ, что законъ составляетъ послѣднее по времени опредѣленіе народа? Напротивъ, всѣ знали и потому скорѣе повиновались Эмиліеву закону, чѣмъ тому прежнему, на основаніи котораго впервые были избраны цензоры [3]), потому что этотъ законъ [4]) народъ утвердилъ послѣднимъ по времени, потому что тамъ, гдѣ существуютъ два противорѣчащихъ одинъ другому закона, новый всегда уничтожаетъ старый. Или ты, Аппій, говоришь, что народъ не обязанъ исполнять законъ Эмилія, или — что народъ обязанъ, а ты одинъ стоишь внѣ закона? Законъ Эмилія былъ обязателенъ для тѣхъ свирѣпыхъ цензоровъ, Г. Фурія и М. Геганія, которые показали, сколько зла можетъ принести государству эта магистратура, когда, въ гнѣвѣ на ограниченіе срока ихъ власти, они причислили къ разряду эраріевъ [5]) Мамерка Эмилія, человѣка перваго съ своего время и на войнѣ и во время мира; обязателенъ онъ былъ затѣмъ для всѣхъ цензоровъ въ продолженіе ста лѣтъ; обязателенъ онъ и для твоего товарища, Г. Плавтія, избраннаго при тѣхъ же авспиціяхъ, съ такими же, какъ и ты, правами! Или его народъ избралъ, облекши не всѣми правами цензора, а ты одинъ такой отмѣнный человѣкъ, что по отношенію къ тебѣ имѣетъ значеніе эта привилегія? Какимъ образомъ могъ бы ты избрать кого-нибудь царемъ-жрецомъ [6])? Опираясь на слово „Царство“, онъ скажетъ, что избранъ полноправнымъ царемъ Рима! Кто, по твоему мнѣнію, удовольствуется шестимѣсячной [7]) диктатурой? кто удовольствуется пятидневнымъ междуцарствіемъ [8])? кто бы ты могъ безбоязненно избрать диктаторомъ для вбитія гвоздя [9]) или для устройства игръ [10])? Какими, по вашему мнѣнію, глупцами и простецами кажутся ему [11]) тѣ, которые,

начальника конницы, потому что эти лица имѣли право на такъ называемое „курульное кресло“. Это былъ стулъ безъ спинки, съ 4 перекрещивающимися между собою ножками; онъ дѣлался сначала изъ слоновой кости, а позднѣе изъ металла и часто имѣлъ художественныя украшенія [1]) См. IV 24. [2]) См. III 57, ср. 34 [3]) См. IV 8. [4]) Т.-е. законъ Эмилія. [5]) См. IV 24, примѣч. 2. [6]) См. II 2. [7]) Это былъ предѣльный срокъ для диктатуры. [8]) См. I 17. [9]) См. VII 3. [10]) См. VIII 40. [11]) Т.-е. Эмилію.

совершивъ великія дѣянія, въ двадцатый день отказывались отъ диктатуры, или тѣ, которые слагали съ себя должность, будучи ненадлежаще избраны [1])? Но зачѣмъ я припоминаю то, что было давно? Недавно, въ эти 10 лѣтъ диктаторъ Г. Меній [2]), получивъ со стороны враговъ упрекъ въ прикосновенности къ тому преступленію, о которомъ онъ самъ производилъ слѣдствіе, по той причинѣ, что онъ производилъ его строже, чѣмъ то было безопасно для нѣкоторыхъ сильныхъ людей, сложилъ съ себя диктатуру для того, чтобы, въ качествѣ честнаго человѣка, идти на встрѣчу обвиненію. Я не требую отъ тебя такой скромности; не будь выродкомъ изъ фамиліи, въ высшей степени властолюбивой и надменной! Ни днемъ, ни часомъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ, не слагай съ себя должности, только не преступай опредѣленнаго срока! Достаточно прибавить къ времени, положенному для цензуры, день или мѣсяцъ? „Нѣтъ, говоритъ онъ, тремя годами и шестью мѣсяцами долѣе, чѣмъ то позволено закомомъ Эмилія, я буду отправлять должность цензора и буду отправлять одинъ!“ Это уже похоже на царскую власть! Или ты предложишь избрать тебѣ товарища, котораго нельзя избирать даже на мѣсто умершаго [3])? Вѣдь тебѣ мало того, что ты, благочестивый цензоръ, низвелъ на степень рабскаго занятія священный обрядъ, самый древній и одинъ только установленный тѣмъ самымъ богомъ, въ честь котораго онъ совершается, отнявъ его исполненіе отъ знатнѣйшихъ предстоятелей этого священнодѣйствія [4]); мало того, что изъ-за тебя и твоего цензорства въ теченіе года съ корнемъ былъ уничтоженъ родъ [5]), древнѣйшій по своему происхожденію, чѣмъ этотъ городъ, священный, благодаря гостепріимнымъ отношеніямъ съ безсмертными богами [6]); ты хочешь все государство впутать въ такое нечестивое дѣло, которое даже предчувствовать страшно; городъ нашъ былъ взятъ врагами въ то пятилѣтіе, когда Л. Папирій Курсоръ послѣ смерти своего товарища, цензора Г. Юлія, чтобы не оставлять должности, предложилъ народу избрать себѣ въ товарищи М. Корнелія Малугинскаго. А насколько его честолюбіе было умѣреннѣе твоего, Аппій? Л. Папирій не одинъ отправлялъ должность цензора и не долѣе опре-

[1]) См. примѣч. къ VII 27. [2]) См. гл. 26. [3])Съ 362 г. отъ осн. Р. См. V 31. [4]) См. I 7. [5]) Т.-е. родъ Потиціевъ (см. гл. 29). [6]) Т. е. съ Геркулесомъ; см. I 7.

дѣленнаго закономъ срока; однако, онъ не нашелъ никого, кто бы послѣдовалъ потомъ его примѣру: всѣ послѣдующіе цензоры, послѣ смерти своего товарища, слагали съ себя должность; а тебя не удерживаетъ ни то, что истекъ срокъ цензорства, ни то, что товарищъ твой отказался отъ должности, ни законъ, ни стыдъ! Ты полагаешь добродѣтель въ гордости, дерзости, въ презрѣніи боговъ и людей! Въ виду величія той должности, которую занималъ ты, и благоговѣя предъ нею, я не только не хотѣлъ бы оскорбить тебя, Ап. Клавдій, дѣйствіемъ, но даже назвать сколько-нибудь грубымъ словомъ; но, какъ съ одной стороны то, что я говорилъ до сихъ поръ, вынуждено было твоимъ упрямствомъ и заносчивостью, такъ съ другой—если ты не будешь повиноваться закону Эмилія, я прикажу тебя отвести въ темницу и не допущу, чтобы ты одинъ отправлялъ должность цензора, такъ какъ одинъ ты не можешь быть избраннымъ въ цензоры, въ силу того, что нашими предками установлено: „если въ комиціяхъ для избранія цензоровъ оба кандидата не получатъ законнаго числа голосовъ, то комиціи должны быть отложены безъ провозглашенія одного изъ кандидатовъ“ [1]). Сказавъ въ такомъ смыслѣ рѣчь, Семпроній приказалъ схватить цензора и отвести его въ темницу. Въ то время, какъ шесть трибуновъ одобряли дѣйствія своего товарища, трое изъ нихъ поддержали обратившагося къ нимъ съ просьбою о помощи Аппія, и Аппій, несмотря на величайшее негодованіе всѣхъ сословій, одинъ сталъ отправлять цензуру.

35. Между тѣмъ, какъ въ Римѣ происходили эти событія, этруски уже осаждали Сутрій. Въ то время, какъ консулъ Фабій, съ цѣлью подать помощь союзникамъ и атаковать, если представится гдѣ-нибудь возможность, укрѣпленія враговъ, велъ у подошвы горъ свои войска, навстрѣчу ему вышло построенное въ боевой порядокъ непріятельское войско. На широкой равнинѣ, прилегавшей къ подножію горъ, видно было громадное множество непріятелей; поэтому консулъ, чтобы помочь своей малочисленности условіями мѣстности, повернулъ немного свое войско на возвышенія (то были неровныя, покрытыя камнями мѣста) и затѣмъ обратилъ знамена на непріятеля. Позабывъ обо всемъ, кромѣ

[1]) Т.-е. того, который получилъ необходимое число голосовъ.

своей многочисленности, на которую одну они только и полагались, этруски такъ быстро и страстно начали битву, что бросали дротики, съ цѣлью скорѣе вступить въ рукопашный бой, и, идя на непріятеля, обнажали мечи свои; а римляне, напротивъ, метали то стрѣлы, то камни, которыми въ изобиліи снабжала ихъ самая мѣстность. Удары [1]) по щитамъ и шлемамъ приводили въ замѣшательство даже тѣхъ, которые не были ими ранены; да и не легко было врагамъ подойти, чтобы сражаться на болѣе близкомъ разстояніи; не имѣли они и дротиковъ, чтобы дѣйствовать ими издали. Неподвижно стояли они, открытые для ударовъ, такъ какъ ничто уже не защищало ихъ въ достаточной мѣрѣ; нѣкоторые стали даже отступать; войско колебалось и нетвердо стояло на мѣстѣ; тогда наши гастаты и принципы [2]) вновь испустивъ крикъ и обнаживъ мечи, бросились на непріятеля. Не выдержали этруски этого натиска и, повернувъ знамена, вразсыпную кинулись въ лагерь. Но когда римская конница, вкось пересѣкши равнину, предстала предъ бѣгущими врагами, они бросили дорогу къ лагерю и устремились въ горы, отсюда, почти безоружные и изнемогая отъ ранъ, пробрались въ Циминскій лѣсъ. Перебивъ много тысячъ этрусковъ и захвативъ 38 военныхъ знаменъ, римляне овладѣли также непріятельскимъ лагеремъ вмѣстѣ съ громадной добычей; затѣмъ стали думать о преслѣдованіи враговъ.

36. Циминскій лѣсъ былъ тогда непроходимѣе и страшнѣе, чѣмъ въ послѣднее время покрытыя лѣсомъ горы Германіи, и даже ни одинъ купецъ дотолѣ не проникалъ въ него. Войти въ этотъ лѣсъ почти никто не осмѣливался, кромѣ самого полководца; у всѣхъ другихъ было еще живо воспоминаніе о Кавдинскомъ пораженіи [3]). Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ, братъ консула М. Фабій (другіе называютъ его Цезономъ, а нѣкоторые Г. Клавдіемъ, братомъ консула по матери), вызвался пойти на рекогносцировку и принести въ скоромъ времени вѣрныя извѣстія обо всемъ. Получивъ воспитаніе у близкихъ знакомыхъ [4]) въ Церѣ, Фабій былъ обученъ этрусской наукѣ [5]) и хорошо зналъ

[1]) Наносимые римлянами врагамъ. [2]) См. VIII 8. [3]) См. гл. 2 и слѣд. [4]) Въ текстѣ говорится о лицахъ, съ которыми заключенъ гостепріимный союзъ; см. II 22 и примѣч. 2. [5]) Трудно рѣшить, какую науку имѣлъ здѣсь въ виду Ливій; едва ли это было искусство производить гаданія, которымъ такъ славились вообще всѣ этруски.

этрусскій языкъ. Я имѣю подъ руками писателей, удостовѣряющихъ, что вообще въ то время дѣти римлянъ обучались обыкновенно этрусской грамотѣ, какъ теперь греческой; но ближе къ истинѣ предположеніе, что было нѣчто особенное въ этомъ человѣкѣ, который путемъ такого смѣлаго притворства вмѣшался въ средину враговъ. У него былъ, какъ говорятъ, одинъ спутникъ—рабъ, воспитанный вмѣстѣ съ нимъ и потому хорошо знавшій тотъ же самый этрусскій языкъ. Отправляясь въ путь, они справлялись только въ общихъ чертахъ о природѣ страны, куда нужно было пробраться, и объ именахъ народныхъ старѣйшинъ для того, чтобы не попасться, оказавшись во время разговора несвѣдущими въ чемъ-нибудь общеизвѣстномъ. Шли они въ одеждѣ пастуховъ, вооруженные крестьянскими орудіями, косами и тяжелыми копьями, по два на каждаго. Но не столько спасли ихъ знаніе языка, видъ одежды и оружія, сколько то обстоятельство, что казалось невѣроятнымъ, чтобы какой-нибудь иноземецъ проникъ въ Циминскіе лѣса. Говорятъ, что они пробрались до умбровъ камеринскихъ [1]); тамъ римлянинъ осмѣлился сознаться, кто они такіе, и, будучи введенъ въ сенатъ, отъ имени консула сталъ вести переговоры о заключеніи дружественнаго союза. Затѣмъ ему было оказано радушное гостепріимство и приказано возвѣстить римлянамъ, что для ихъ войска, если оно явится въ эти мѣста, будетъ готовъ провіантъ на 30 дней, и что вооруженная молодежь умбровъ камеринскихъ будетъ готова къ исполненію ихъ приказаній. Когда объ этомъ было донесено консулу, онъ, пославъ въ первую стражу [2]) впередъ обозъ, приказалъ за обозомъ идти легіонамъ, а самъ съ конницею остался на мѣстѣ и на слѣдующій день, на разсвѣтѣ подскакалъ къ непріятельскимъ аванпостамъ, расположеннымъ внѣ горъ [3]). Довольно долго задержавъ непріятеля, онъ возвратился въ лагерь и, выйдя въ другія ворота [4]), до наступленія ночи нагналъ свое войско. На слѣдующій день, на разсвѣтѣ онъ занималъ уже вершины Циминскаго

[1]) Т.-е. до города Камерина (въ Умбріи). [2]) Ночные караулы въ римскомъ лагерѣ, продолжавшіеся съ 6 час. веч. до 6 ч. утра, дѣлились на 4 стражи (смѣны), по 3 часа каждая. [3]) Т.-е. по сю сторону горнаго хребта. [4]) Въ римскомъ лагерѣ было четверо воротъ: однѣ на сторонѣ, противоположной непріятелямъ, черезъ которыя римское войско входило въ лагерь, другія — на сторонѣ, обращенной къ непріятелю, которыми войско выходило изъ лагеря, и двое боковыхъ воротъ. Здѣсь имѣются въ виду, конечно, первыя.

горнаго хребта; увидѣвъ отсюда богатыя поля Этруріи, онъ выслалъ туда своихъ воиновъ. Когда уже много скота было угнано, на встрѣчу римлянамъ внезапно выбѣжали возбужденныя старѣйшинами этой страны наскоро собранныя когорты изъ этрусскихъ поселянъ, до такой степени нестройныя, что, явившись съ цѣлью отнять добычу, онѣ сами едва не сдѣлались добычею; убивъ или обративъ ихъ въ бѣгство, побѣдоносные римляне на широкомъ пространствѣ опустошили мѣстность и, обогащенные массою всякаго добра, возвратились въ лагерь. Случайно туда пришли пять пословъ съ двумя народными трибунами, съ цѣлью объявить Фабію отъ имени сената, чтобы онъ не переходилъ Циминскихъ горъ. Довольные тѣмъ, что они пришли слишкомъ поздно для того, чтобы своимъ приходомъ помѣшать экспедиціи, послы возвратились въ Римъ вѣстниками побѣды.

37. Эта экспедиція консула не положила конца войнѣ, а скорѣе расширила театръ военныхъ дѣйствій, потому что и страна, лежавшая у подошвы Циминскаго горнаго хребта, также испытала на себѣ опустошеніе и, негодуя на это, взволновала не только народы Этруріи, но и сосѣднія части Умбріи; поэтому къ Сутріи пришло такое громадное войско, какого прежде никогда не бывало, и не только лагерь этрусковъ былъ выдвинутъ изъ лѣса впередъ, но даже войско ихъ было переведено на равнины вслѣдствіе страстнаго желанія сразиться, какъ можно скорѣе. Затѣмъ, построившись въ боевой порядокъ, войско этрусковъ сначала оставалось на своемъ мѣстѣ, давъ врагу время съ своей стороны расположиться въ боевомъ порядкѣ; потомъ, замѣтивъ, что враги уклоняются отъ сраженія, оно подошло къ валу. Здѣсь, увидѣвъ, что и аванпосты наши введены внутрь укрѣпленій, этруски вдругъ подняли вокругъ своихъ вождей крикъ, требуя отъ нихъ, чтобы они приказали принести имъ туда изъ лагеря продовольствіе на этотъ день: что они останутся подъ оружіемъ и ночью или, во всякомъ случаѣ, на разсвѣтѣ атакуютъ непріятельскій лагерь. Отнюдь не спокойнѣе было и римское войско, но его сдерживало приказаніе полководца. Былъ уже почти десятый часъ дня, когда консулъ велѣлъ воинамъ приниматься за ѣду, приказавъ быть вооруженными въ какой бы часъ дня или ночи онъ ни подалъ сигналъ; онъ обратился къ войску съ небольшою рѣчью, восхвалялъ военныя дѣйствія самнитянъ и унижалъ

этрусковъ: „не слѣдуетъ, говорилъ онъ, равнять одного врага съ другимъ, численность однихъ съ численностью другихъ: есть, кромѣ того, другое оружіе—тайное; въ свое время вы узнаете его, а между тѣмъ нужно молчать о немъ!“ Этими намеками консулъ давалъ понять, что среди враговъ есть измѣна, съ цѣлью тѣмъ самымъ возстановить духъ своихъ воиновъ, устрашенныхъ многочисленностью непріятеля; а такъ какъ послѣдній расположился станомъ безъ укрѣпленій, то выдумка эта тѣмъ болѣе походила на правду. Подкрѣпившись пищею, воины легли отдыхать и, пробужденные безъ шума около четвертой стражи, взялись за оружіе. Обознымъ служителямъ были розданы кирки, чтобы срывать валъ и наполнять рвы. Внутри укрѣпленія было выстроено въ боевомъ порядкѣ войско, а отборныя когорты размѣщены у выходовъ изъ воротъ. Затѣмъ по сигналу, данному не задолго до разсвѣта (въ лѣтнія ночи это время самаго глубокаго сна), войско наше повалило тынъ, бросилось изъ-за укрѣпленій и напало на лежащихъ тамъ и сямъ непріятелей. Смерть застала однихъ недвижимыми, другихъ полусонными въ ихъ постеляхъ, большинство же въ то время, когда они въ испугѣ бросались къ оружію; немногіе имѣли время вооружиться; но и этихъ послѣднихъ, такъ какъ у нихъ не было ни опредѣленныхъ сигналовъ, ни полководца, римляне разбили на-голову, обратили въ бѣгство и преслѣдовали; они бѣжали въ разныя стороны, одни къ лагерю, другіе къ лѣсу. Лѣса дали болѣе безопасное убѣжище, потому что лагерь, расположенный на равнинѣ, въ тотъ же день былъ взятъ римлянами. Золото и серебро было приказано отнести къ консулу; прочая добыча досталась воинамъ. Въ этотъ день было перебито или взято въ плѣнъ до 60000 непріятелей. Нѣкоторые писатели говорятъ, что эта столь славная битва произошла по ту сторону Циминскаго лѣса, около Перузіи, и что римскіе граждане были въ большомъ страхѣ за то, какъ бы войско ихъ, отрѣзанное такими опасными горами, не было уничтожено поднявшимися со всѣхъ сторонъ этрусками и умбрами. Но гдѣ бы ни произошло сраженіе, побѣдителями были римляне; вслѣдствіе этого, послы отъ городовъ Перузіи, Кортоны и Арретія, стоявшихъ въ то время какъ разъ во главѣ народовъ Этруріи, просили у римлянъ мира и союза, но получили только перемиріе на 30 лѣтъ.

38. Между тѣмъ, какъ въ Этруріи происходили эти со-

бытія, другой консулъ, Г. Марцій Рутилъ, взялъ у самнитянъ штурмомъ Аллифы; многія другія крѣпости и селенія или были разрушены имъ, какъ враждебныя, или нетронутыми перешли въ его власть. Въ то же самое время и римскій флотъ, подъ предводительствомъ П. Корнелія, которому сенатъ поручилъ начальство надъ морскимъ побережьемъ, отплылъ въ Кампанію. Когда онъ присталъ къ Помпеямъ, экипажъ его отправился изъ этого города грабить Нуцерійскія владѣнія; быстро опустошивъ ближайшія мѣстности, откуда безопасно можно было бы возвратиться къ кораблямъ, римскіе воины, какъ это обыкновенно случается, соблазнились добычей, зашли дальше и заставили подняться враговъ. Пока они бродили по полямъ, никто не попадался имъ навстрѣчу, несмотря на то, что ихъ можно было перебить наповалъ; но когда они толпою безъ предосторожностей возвращались назадъ, ихъ настигли неподалеку отъ кораблей поселяне и, отнявъ добычу, многихъ убили; остальная масса, уцѣлѣвшая отъ рѣзни, въ страхѣ была прогнана къ кораблямъ. Сколько опасеній причинила въ Римѣ экспедиція Ав. Фабія за Циминскій лѣсъ, столько же радости слухъ о ней принесъ врагамъ въ Самніи; слыша, что римское войско отрѣзано отъ своихъ и находится въ осадномъ положеніи, они припоминали Кавдинское ущелье [1]), какъ образъ будущаго пораженія; та же безразсудная смѣлость, говорили они, завела въ непроходимыя горы римлянъ, страстно стремящихся все впередъ и впередъ; преграда положена имъ не столько оружіемъ враговъ, сколько неблагопріятными условіями мѣстности. Уже къ радости стала примѣшиваться нѣкоторая зависть по поводу того, что славу въ войнѣ съ римлянами судьба отняла отъ самнитянъ и предоставила этрускамъ; итакъ, собравъ свои войска и оружіе, быстро стекаются они, чтобы уничтожить консула Г. Марція, имѣя намѣреніе пройти отсюда чрезъ земли марсовъ и сабинянъ, далѣе въ Этрурію, если Марцій будетъ уклоняться отъ сраженія. Консулъ вышелъ имъ навстрѣчу. Битва съ той и другой стороны была упорная, при чемъ результатъ ея остался нерѣшеннымъ, и, хотя рѣзня была обоюдною, однако молва приписала неудачу римлянамъ. Причиною этого была потеря нѣкоторыхъ всадниковъ и военныхъ трибуновъ, также одного легата [2]) и, что̀ было всего значительнѣе,

1) См. гл. 2 и слѣд. 2) Въ войскѣ легаты были помощниками полководца, одинъ изъ нихъ заступалъ его мѣсто, въ случаѣ его отсутствія или смерти.

рана самого консула. Молва, по обыкновенію, еще преувеличила это, а потому отцами овладѣлъ сильный страхъ, и рѣшено было назначить диктатора. Ни у кого не было сомнѣнія насчетъ того, что диктаторомъ будетъ назначенъ Курсоръ Папирій, которому въ то время наиболѣе довѣряли въ ратномъ дѣлѣ; но съ одной стороны, въ виду всеобщаго враждебнаго настроенія, не были вполнѣ увѣрены въ томъ, что извѣстіе объ этомъ можно съ безопасностью передать въ Самній, а съ другой—недостаточно довѣряли и тому, что консулъ Марцій живъ. Другой консулъ, Фабій, [1]) былъ въ личныхъ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Папиріемъ. Чтобы эта вражда не мѣшала общему благу [2]), сенатъ рѣшилъ отправить къ Фабію пословъ изъ числа бывшихъ консуловъ, съ цѣлью убѣдить его не только авторитетомъ государства, но и своимъ собственнымъ забыть вражду для блага отечества. Когда послы, отправившись къ Фабію, передали ему постановленіе сената и присоединили къ этому соотвѣтствующую данному имъ порученію рѣчь, консулъ, потупивъ глаза въ землю, удалился отъ пословъ, оставивъ ихъ въ неизвѣстности насчетъ того, какъ онъ намѣренъ поступить; затѣмъ, среди ночной тишины, какъ водится [3]), онъ назначилъ Л. Папирія диктаторомъ. Когда послы стали благодарить его за блистательную побѣду надъ самимъ собою, Фабій хранилъ упорное молчаніе и отпустилъ пословъ безъ отвѣта, не обмолвившись ни словомъ о своемъ поступкѣ: видно было, что сильный духъ превозмогалъ нестерпимыя страданія. Начальникомъ конницы Папирій назначилъ Г. Юнія Бубулька; когда онъ предлагалъ на утвержденіе курій [4]) законъ о врученіи ему власти [5]), то рѣшеніе дѣла, вслѣдствіе печальнаго предзнаменованія, было отложено до другого дня; дѣло въ томъ, что первой подавала голоса Фавційская [6]) курія, отмѣченная двумя несчастіями: взятіемъ Рима [7]) и Кавдинскимъ миромъ [8]), такъ какъ въ тотъ и другой годъ первою

1) Фабій былъ въ то время въ Этруріи. 2) Такъ какъ избраніе диктатора сенатъ поручалъ обыкновенно консуламъ, то ихъ взаимная непріязнь, дѣйствительно, могла вредно отозваться на интересахъ государства. 3) Ср. VIII 23. 4) Т.-е. народнаго собранія, въ которомъ народъ подавалъ голоса по куріямъ; (куріатскія комиціи); всѣхъ курій было 30. См. I 13. 5) Т.-е. Папирію; это было необходимымъ условіемъ при назначеніи диктатора, равно какъ и консуловъ 6) По преданію, куріи были названы именами похищенныхъ сабинянокъ (см. I 13). Намъ извѣстны лишь немногія названія. 7) Галлами. 8) См. гл. 2 и слѣд.

подавала голоса та же самая курія. Макръ Лициній [1]) признаетъ необходимымъ сторониться этой куріи, какъ предвѣстницы несчастія, еще и вслѣдствіе третьяго пораженія, полученнаго у Кремеры [2]).

39. На слѣдущій день диктаторъ вновь произвелъ авспиціи и провелъ законъ. Выступивъ съ легіонами, набранными недавно, во время опасеній, возникшихъ вслѣдствіе перехода войскъ черезъ Циминскій лѣсъ, онъ достигъ Лонгулы и, принявъ отъ консула Марція старую армію, вывелъ войска на сраженіе; непріятели также, повидимому, не уклонялись отъ битвы. Ночь застала тѣхъ и другихъ въ строю и подъ оружіемъ не начинавшими еще сраженія. Въ теченіе нѣкотораго времени оба войска оставались спокойными и, вполнѣ надѣясь на свои собственныя силы и не презирая врага, стояли лагеремъ вблизи другъ отъ друга. А въ Этруріи между тѣмъ шли битвы [3]): во первыхъ, произошло открытое сраженіе съ войскомъ умбровъ; но враги скорѣе были обращены въ бѣгство, чѣмъ разбиты, такъ какъ не выдержали горячо начатой битвы; а во-вторыхъ, этруски собрали войско на основаніи священнаго закона—каждый воинъ избиралъ себѣ товарища—и у Вадимонскаго озера [4]) вступили въ битву съ такой многочисленной арміей и вмѣстѣ съ такимъ воодушевленіемъ, съ какими раньше не вступали они въ битву никогда и нигдѣ. Обоюдное ожесточеніе во время битвы было такъ велико, что ни та, ни другая сторона не бросала дротиковъ; битва началась мечами, и притомъ весьма ожесточенно; самый бой, нѣкоторое время нерѣшительный, увеличивалъ ожесточеніе, такъ что битва, казалось, происходила не съ этрусками, столько разъ побѣжденными, а съ какимъ то новымъ народомъ. Ни одна сторона не помышляетъ о бѣгствѣ; падаютъ стоящіе передъ знаменами и, чтобы знамена не остались безъ защитниковъ, изъ второй линіи образуется первая; затѣмъ вызываются воины изъ послѣднихъ резервовъ; утомленіе и опасность дошли до послѣдней степени, такъ что римскіе всадники оставили лошадей и черезъ оружіе и трупы пробрались къ первымъ рядамъ пѣхоты. Эта боевая линія, явившаяся какъ

1) См. примѣч. къ VII 9. 2) См. II 49. 3) Это предложеніе вставка, но она едва ли восполняетъ весь пропускъ, образвавшійся въ древнѣйшихъ рукописяхъ; событія въ Самніи, предшествовашія разсказанному въ нач. 40 гл., остаются неизвѣстными. 4) Небольшое круглое священное озеро въ Этруріи; на его берегахъ этруски устраивали свои собранія.

бы свѣжей среди утомленныхъ, разстроила знамена этрусковъ. Затѣмъ остальная масса, какъ ни была она утомлена, послѣдовала однако за движеніемъ конницы и разорвала наконецъ ряды непріятелей. Тогда упорство враговъ стало поддаваться; нѣкоторые манипулы [1]) стали отступать, и стоило имъ только разъ обратить свой тылъ, какъ началось уже болѣе рѣшительное бѣгство. Этотъ день впервые сокрушилъ могущество этрусковъ, изстари въ изобиліи награжденныхъ дарами судьбы; въ сраженіи былъ перебитъ цвѣтъ ихъ войска; въ тотъ же разъ былъ взятъ и разграбленъ ихъ лагерь.

40. Такая же опасная и такъ же славно окончившаяся война происходила вскорѣ затѣмъ въ землѣ самнитянъ, которые, кромѣ прочихъ приготовленій къ войнѣ, позаботились о томъ, чтобы войско ихъ блестѣло новыми украшеніями на оружіи. У нихъ было двѣ арміи: щиты одной изъ нихъ они покрыли чеканной золотой работой, а другой—серебряной; форма щита была слѣдующая: къ верху, гдѣ прикрываются грудь и плечи, онъ былъ шире, и верхняя линія его была прямая, а къ низу для удобоподвижности онъ болѣе заострялся на подобіе клина. Покровомъ для груди служилъ панцырь, а лѣвая голень была прикрыта поножью; шлемы были снабжены султанами, съ цѣлью придать росту болѣе внушительный видъ. Туники у воиновъ съ позолоченными щитами были цвѣтныя съ отливомъ, а у воиновъ съ посеребреными щитами – бѣлыя полотняныя; послѣдніе занимали правый флангъ, первые стояли на лѣвомъ. Римлянамъ уже извѣстно было, что значитъ блестящее вооруженіе, да и вожди указали имъ, что воинъ долженъ внушать страхъ, что онъ не долженъ быть убранъ въ золото и серебро, а долженъ полагаться на оружіе и храбрость, потому что это золото и серебро составляютъ скорѣе добычу, нежели служатъ оружіемъ; блестящее до битвы, оно теряетъ свой видъ, когда льется кровь и наносятся раны; украшеніемъ воинамъ служитъ мужество, а все остальное достается побѣдителямъ, и богатый врагъ—награда, хотя бы и бѣднымъ, побѣдителямъ! Воодушевивъ этими словами своихъ воиновъ, Курсоръ ведетъ ихъ въ битву; самъ онъ становится на правомъ флангѣ, а командованіе лѣвымъ поруча-

1) См. VIII 8 примѣч.

етъ начальнику конницы. Жарка была битва съ врагами уже въ самомъ началѣ схватки, и не менѣе горячо было соперничество между диктаторомъ и начальникомъ конницы о томъ, съ котораго фланга начнется побѣда. Случайно Юній первый заставилъ непріятелей отступить, а именно своимъ лѣвымъ флангомъ ихъ правый, состоявшій изъ воиновъ, обрекшихъ себя, по обычаю самнитянъ, на смерть [1]), и потому отличавшихся бѣлой одеждой и одинаковымъ съ нею по бѣлизнѣ оружіемъ. Напавъ на нихъ со словами: „я обрекаю ихъ Орку“ [2]), Юній разстроилъ ихъ ряды и заставилъ флангъ рѣшительно отступить. Лишь только замѣтилъ это диктаторъ, то сказалъ: „неужели начало побѣдѣ положитъ лѣвый флангъ, правый же—войско диктатора—пойдетъ по чужимъ слѣдамъ, а не пріобрѣтетъ главную часть побѣды?“ Онъ воодушевляетъ своихъ воиновъ, и всадники не уступаютъ въ мужествѣ пѣхотѣ, а легаты вождямъ въ усердіи. Къ всадникамъ, расположеннымъ на флангахъ, подъѣзжаютъ—на правой сторонѣ М. Валерій, а на лѣвой—П. Децій, оба бывшіе консулы; они увѣщеваютъ ихъ вмѣстѣ съ ними пріобрѣсти себѣ часть славы и бросаются наперерѣзъ на непріятельскіе фланги. Такимъ образомъ, въ придачу къ прежнему, новый ужасъ овладѣлъ непріятельскимъ войскомъ, при видѣ нападенія съ той и другой стороны; чтобы устрашить враговъ, римскіе легіоны вновь испустили крикъ и кинулись на нихъ; тогда самнитяне бросились бѣжать. Поле стало уже покрываться кучами труповъ и блестящаго оружія; испуганные самнитяне укрылись сначала въ своемъ лагерѣ, а затѣмъ даже и его не удержали за собою: еще до наступленія ночи онъ былъ взятъ, разграбленъ и подожженъ. Диктаторъ, по постановленію сената, получилъ тріумфъ, и наибольшій блескъ его тріумфу доставило взятое у непріятелей оружіе; его нашли настолько великолѣпнымъ, что позолоченные щиты раздавали владѣльцамъ банкирскихъ конторъ [3]) для украшенія фору-

---

1) Ср. гл. 39 и IV 26. 2) Такъ называлось подземное царство и божество, управлявшее этимъ царствомъ. 3) Банкиры въ Римѣ были общественные и частные. Первые занимались своими дѣлами подъ покровительствомъ государства; они должны были пробовать монеты, заботиться о помѣщеніи государственныхъ денегъ, мѣнять и вы давать деньги, при чемъ могли заниматься и частными дѣлами. Вторые были частными мѣнялами и принимали на себя всѣ поручавшіяся имъ торговыя и денежныя операціи: мѣняли иностранныя деньги на туземныя и наоборотъ, дѣлали переводъ денегъ въ другой городъ на тамошняго банкира, производили платежи, списывая въ своей книгѣ деньги

ма [1]). Отсюда, говорятъ, получилъ начало обычай украшать при содѣйствіи эдиловъ форумъ во время слѣдованія по нему колесницы съ изображеніями боговъ [2]). Такимъ образомъ, что касается римлянъ, то они воспользовались блестящимъ оружіемъ непріятелей для воздания почестей богамъ; жители же Кампаніи, вслѣдствіе презрительнаго отношенія къ самнитянамъ и ненависти къ нимъ, вооружили этимъ оружіемъ гладіаторовъ [3]), дававшихъ свои представленія во время пировъ, и назвали ихъ самнитянами. Въ томъ же году консулъ Фабій сражался съ остатками этрусковъ у Перузіи, которая также нарушила перемиріе, и одержалъ побѣду рѣшительную и безъ труда. Онъ взялъ бы и самый городъ (ибо онъ побѣдоносно подошелъ къ его стѣнамъ), если бы не вышли послы съ тѣмъ, чтобы сдать его. Поставивъ въ Перузіи гарнизонъ и отправивъ впередъ въ Римъ къ сенату пословъ Этруріи, просившихъ о заключеніи съ ними дружественнаго союза, консулъ съ тріумфомъ вступилъ въ городъ, одержавъ побѣду еще болѣе блестящую, чѣмъ побѣда диктатора; да и самую честь побѣды надъ самнитянами приписали въ
45,446 г.[4]) большей ея части легатамъ, П. Децію и М. Валерію, которыхъ народъ на слѣдующихъ затѣмъ комиціяхъ провозгласилъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ одного консуломъ, а другого—преторомъ.

41. Фабію за славное покореніе Этруріи консульство

съ капитала одного и записывая ихъ на другого, подобно тому, какъ это дѣлается и у нашихъ банкировъ, участвовали въ торговыхъ дѣлахъ, какъ маклеры и т. п. Какъ частные, такъ и общественные банкиры составляли изъ себя замкнутую корпорацію и имѣли свое бюро на форумы, въ особыхъ лавкахъ. Ср. VII 21 и примѣч. 1) Разумѣется, въ торжественные дни. 2) Это было во время празднованія такъ называемыхъ „ludi Circenses“, т. е. общественныхъ игръ, названныхъ такъ по мѣсту ихъ исполненія (циркъ) и составу (состязаніе въ бѣгѣ, гимнастическія упражненія, пѣшее и конное сраженіе и т. п.). Игры эти отличались своею пышною обстановкой и великолѣпіемъ; онѣ открывались торжественной процессіей, которая направлялась по улицамъ города черезъ форумъ къ цирку. Впереди везли на особой колесницѣ, украшенной золотомъ и слоновою костью, подъ балдахиномъ, изображенія боговъ; затѣмъ слѣдовали государственные сановники. Придя въ циркъ, процессія обходила „spina“ (стѣна, построенная по срединѣ ристалища вдоль), затѣмъ приносились жертвы и начинались самыя игры. 3) Такъ назывались рабы, большею частью военноплѣнные, которые на потѣху народа или частныхъ лицъ должны были давать свои представленія въ циркѣ или на пирахъ; представленія эти состояли или въ борьбѣ другъ съ другомъ или съ дикими животными и кончались обыкновенно смертью когонибудь изъ борцовъ. 4) Начиная отсюда, Ливій отстаетъ на 2 года (первый такой пропускъ сдѣланъ VIII 37—430 г.), такъ какъ диктатура Папирія, по показанію капитолійскихъ фастъ, занимаетъ цѣлый годъ, а третье консульство Фабія падаетъ на 446, а не на 444 г.

было продолжено на слѣдующій годъ, и онъ былъ назначенъ товарищемъ Деція. Валерій въ четвертый разъ былъ избранъ преторомъ. Консулы раздѣлили между собою театръ военныхъ дѣйствій: Децію досталась Этрурія, а Фабію — Самній; Фабій, двинувшись къ Нуцеріи Альфатернской, съ презрѣніемъ отвергъ просьбы ея жителей о мирѣ, такъ какъ они не пожелали воспользоваться имъ въ то время, когда имъ предлагали его, и осадою принудилъ ихъ къ сдачѣ. Съ самнитянами произошло открытое сраженіе; въ незначительной схваткѣ враги были побѣждены; объ этой битвѣ не сохранилось бы и воспоминаній, если бы въ ней впервые не воевали съ римлянами марсы. Отложившіеся по примѣру марсовъ пелигны потерпѣли ту же участь. Военное счастіе благопріятствовало и другому консулу, Децію: угрозами онъ принудилъ жителей Тарквиній доставить войску провіантъ и просить перемирія на 40 лѣтъ. Взявъ штурмомъ нѣсколько укрѣпленій у вульсинійцевъ, онъ разрушилъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы они не служили убѣжищемъ для непріятелей. Распространивъ повсюду военныя дѣйствія, Децій вселилъ къ себѣ такой страхъ, что всѣ народы Этруріи просили консула о заключеніи союза. Правда, этого они не добились, зато имъ было даровано перемиріе на одинъ годъ. Враги заплатили римскому войску жалованье за этотъ годъ, и съ нихъ вытребовали по двѣ туники на каждаго воина; это было вознагражденіемъ за перемиріе.

Спокойствіе, уже водворившееся въ Этруріи, нарушило неожиданное отпаденіе умбровъ, народа, не испытавшаго на себѣ бѣдствій войны, кромѣ того, что ихъ область страдала отъ перехода черезъ нее войска. Поднявъ на ноги всю свою молодежь и склонивъ къ возобновленію войны большую часть этрусковъ, умбры составили такое огромное войско, что высокопарно говорили о себѣ и съ пренебреженіемъ о римлянахъ и хвастались, что, оставивъ Деція позади себя въ Этруріи, они пойдутъ оттуда осаждать Римъ. Лишь только до консула Деція дошелъ слухъ объ этихъ замыслахъ умбровъ, онъ большими переходами двинулся къ Риму и расположился въ землѣ Пупинійской, внимательно слѣдя за слухами о врагахъ. И въ Римѣ не относились съ пренебреженіемъ къ войнѣ съ умбрами: самыя угрозы ихъ возбудили опасенія въ римлянахъ: вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго имъ галлами, они по опыту знали, какъ не

безопасенъ городъ, въ которомъ они живутъ. Поэтому къ консулу Фабію были отправлены послы съ приказаніемъ поспѣшно вести войско въ Умбрію, если война съ самнитянами нѣсколько поутихла. Консулъ повиновался приказанію и большими переходами двинулся къ Меваніи, гдѣ въ то время находились войска умбровъ. Неожиданное прибытіе консула, который, какъ думали умбры, находился далеко отъ Умбріи, занятый другою войною въ Самніи, такъ поразило ихъ, что одни изъ нихъ считали необходимымъ отступить къ укрѣпленнымъ городамъ, а нѣкоторые полагали нужнымъ прекратить войну. Одинъ кантонъ (сами они называли его Матерной) не только удержалъ прочихъ подъ оружіемъ, но и немедленно понудилъ ихъ къ сраженію. Они напали на Фабія въ то время, когда тотъ обносилъ лагерь палисадомъ. Увидѣвъ, что они въ безпорядкѣ кидаются на укрѣпленія, консулъ отозвалъ воиновъ отъ работъ и выстроилъ ихъ въ боевой порядокъ, насколько позволяла природа мѣстности и время. Онъ ободрялъ своихъ воиновъ, осыпалъ ихъ заслуженными похвалами за подвиги, совершенные ими въ Этруріи и Самніи, предлагалъ имъ порѣшить съ этой небольшой прибавкой къ этрусской войнѣ и наказать враговъ за ихъ дерзкія рѣчи, въ которыхъ они грозили осадить Римъ. Слова эти воины выслушали съ такимъ удовольствіемъ, что невольно вырвавшійся крикъ прервалъ рѣчь полководца. Прежде чѣмъ данъ былъ приказъ, прежде чѣмъ заиграли трубы и рожки, вразсыпную бросились они на враговъ, бросились не какъ на людей или вооруженныхъ, но — удивительно сказать! — сначала стали отнимать знамена у знаменосцевъ, затѣмъ потащили къ консулу самихъ знаменосцевъ, перетаскивали вооруженныхъ воиновъ изъ войска въ войско, а если гдѣ нибудь и было сраженіе, то дѣйствовали больше щитами, чѣмъ мечами, и враги, поражаемые въ плечи ударами щитовъ, были опрокидываемы. Больше было взято въ плѣнъ, чѣмъ убито, и одинъ только голосъ, голосъ приказывавшихъ сложить оружіе [1], носился по всей непріятельской линіи. Такимъ образомъ главные зачинщики войны сдались среди самаго сраженія. На другой день и въ слѣдующіе за нимъ дни сдались и остальные народы Умбріи; а съ жителями Окрикула былъ

[1] Ливій хочетъ сказать, что предложенія одного человѣка сложить оружіе было достаточно для того, чтобы прекратило бой все умбрское войско.

заключенъ на частномъ поручительствѣ [1]) дружественный союзъ.

42. Побѣдоносно окончивъ войну, веденіе которой принадлежало по жребію другому [2]), Фабій отвелъ войско назадъ въ свою область [3]). За такое удачное веденіе дѣла сенатъ, несмотря на сопротивленіе,—особенно Аппія [4]), продлилъ Фабію срокъ главнаго начальства надъ войскомъ и на слѣдующій годъ, въ который консулами были Аппій Клавдій
447г. и Л. Волумній, подобно тому, какъ въ предыдущій годъ [5]) народъ продлилъ ему срокъ консульства. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ я нахожу, что Аппій, будучи еще цензоромъ, домогался консульства, и что народный трибунъ Л. Фурій противился его выбору, пока тотъ не сложилъ съ себя должности цензора. Въ то время, какъ товарищу Аппія было поручено веденіе новой войны, гдѣ врагами явились саллентины, самъ онъ, будучи избранъ консуломъ, остался въ Римѣ, чтобы увеличить свое значеніе, пользуясь для этого своею опытностью въ дѣлахъ государственныхъ, тогда какъ въ распоряженіи другихъ была военная слава. Волумнію не пришлось сожалѣть о возложенномъ на него порученіи: онъ далъ много удачныхъ сраженій и взялъ штурмомъ нѣсколько непріятельскихъ городовъ. Онъ щедро раздавалъ добычу и къ добротѣ, уже самой по себѣ пріятной, присоединилъ ласковое обхожденіе, а этими своими качествами возбудилъ въ воинахъ жажду опасностей и военныхъ трудовъ. Проконсулъ Кв. Фабій [6]), встрѣтившись подъ городомъ Аллифами съ войскомъ самнитянъ, сразился съ нимъ. Дѣло было рѣшительное: враги были обращены въ бѣгство и загнаны въ лагерь; не удержали бы они за собою и лагеря, если бы не позднее время дня. Тѣмъ не менѣе еще до наступленія ночи лагерь былъ окруженъ, и на ночь разставлены караулы, чтобы никто не могъ уйти изъ него.

---

[1]) Такъ назывался договоръ, заключенный не отъ имени государства, но однимъ изъ должностныхъ лицъ; сенатъ и народъ не были связаны этимъ договоромъ, они могли дать свое согласіе и не дать. Въ послѣднемъ случаѣ должностное лицо выдавалось иностранному государству, чтобы оно поступило съ нимъ по своему усмотрѣнію (ср. гл. 8 и слѣд.). [2]) Война съ умбрами была возложена на другого консула, Деція; Фабій же завѣдывалъ, собственно, войною въ Самніи (см. 41 гл). [3]) Въ Самній. [4]) Это былъ церзоръ Аппій Клавдій, о которомъ см. гл. 29 и 33. [5]) См. начало 41 гл. [6]) Проконсулами назывались лица, уполномоченныя вмѣсто консула, обыкновенно бывшіе уже консулами, или лица, за которыми по окончаніи срока ихъ консульства оставлялась должность главнокомандующаго войсками, какъ это и было въ данномъ случаѣ.

На слѣдующій день, едва забрезжилъ свѣтъ, началась сдача. Было условлено, чтобы тѣ, которые принадлежали къ самнитянамъ, были выпущены въ одномъ только платьѣ; всѣхъ ихъ заставили пройти подъ ярмомъ [1]); относительно союзниковъ самнитянъ не было сдѣлано никакой оговорки: до 7000 ихъ было продано въ рабство; тѣ, которые назвались герникскими гражданами, содержались особо подъ стражей; всѣхъ ихъ Фабій отправилъ въ Римъ къ сенату. Послѣ того, какъ было произведено слѣдствіе о томъ, по набору ли попавъ въ войска, или въ качествѣ добровольцевъ сражались они за самнитянъ противъ римлянъ, ихъ передали подъ стражу народамъ латинскаго племени, и новые консулы, П. Корнелій Арвина и Кв. Марцій Тремулъ (ибо они были 448г.
уже избраны), получили приказаніе вновь сдѣлать докладъ сенату объ этомъ дѣлѣ. Герники обидились на это, и жители города Анагніи собрали въ циркѣ, который они называли „Морскимъ", совѣтъ изъ всѣхъ народныхъ общинъ, и всѣ, принадлежавшіе къ племени герниковъ, за исключеніемъ жителей городовъ Алетрія, Ферентина и Верулъ, объявили войну римскому народу.

43. Въ Самніи, вслѣдствіе удаленія оттуда Фабія, также начались новыя волненія. Калатія, Сора и находившіеся въ нихъ римскіе гарнизоны [2]) были взяты съ бою, и плѣнные воины подверглись безобразнымъ истязаніямъ; поэтому туда былъ отправленъ съ войскомъ П. Корнелій, а Марцію поручено веденіе войны съ новыми врагами, такъ какъ жителямъ Анагніи и другимъ герникамъ была уже объявлена война. Сначала непріятели перехватили всѣ выгодные пункты между лагерями консуловъ, такъ что даже гонецъ налегкѣ не могъ проскользнуть, и оба консула въ теченіе нѣсколькихъ дней оставались въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, одинъ не зная о положеніи другого. Страхъ проникъ и въ Римъ, такъ что вся молодежь была приведена къ присягѣ, и на случай неожиданнаго оборота въ дѣлахъ, сформировано два формально набранныхъ [3]) войска. Впрочемъ, война съ герниками отнюдь не соотвѣтствовала ни страху, возбужденному ими въ настоящемъ случаѣ, ни древней славѣ этого народа;

---

[1]) См. III 28. [2]) См. гл. 23, 24 и 28. [3]) Въ противоположность добровольцамъ и вспомогательнымъ войскамъ, войско, надлежаще укомплектованное и вооруженное.

ни разу не отважились они на какое нибудь предпріятіе, достойное упоминанія, и, потерявъ въ теченіе немногихъ дней три лагеря, заключили перемиріе на 30 дней съ тѣмъ, чтобы отправить въ Римъ къ сенату пословъ, обязавшись при этомъ заплатить полугодовое жалованье войску, доставить провіантъ и дать по одной туникѣ на каждаго воина. Сенатъ отослалъ пословъ назадъ къ Марцію, которому сенатскимъ постановленіемъ было предоставлено рѣшить дѣло о герникахъ, и тотъ принялъ этотъ народъ на капитуляцію. И другой консулъ, находившійся въ Самніи, также превосходилъ силами врага, но былъ въ болѣе стѣсненномъ положеніи по условіямъ занимаемой имъ мѣстности. Непріятели отрѣзали всѣ дороги и заняли удобопроходимые лѣса, чтобы ниоткуда нельзя было подвозить провіанта, и, хотя консулъ каждый день выносилъ знамена на бранное поле, однако не могъ вызвать ихъ на бой; вполнѣ очевидно было, что ни самнитяне въ настоящее время не выдержатъ сраженія, ни римляне—проволочки въ войнѣ. Прибытіе Марція, который послѣ покоренія герниковъ поспѣшилъ на помощь своему товарищу, лишило непріятелей возможности медлить битвой: не признавая себя равносильными на полѣ битвы даже одному войску и будучи убѣждены въ томъ, что для нихъ не остается никакой надежды, въ случаѣ если они допустятъ соединеніе двухъ консульскихъ войскъ, они напали на Марція въ то время, какъ онъ подходилъ съ войскомъ, не построеннымъ въ надлежащій порядокъ. Быстро снесена была на середину поклажа и, насколько позволяло время, войско выстроилось въ боевой порядокъ. Сначала крикъ, донесшійся до стоянки другого консула, а затѣмъ пыль, замѣченная издали, произвели тревогу въ его лагерѣ. Тотчасъ отдавъ приказаніе браться за оружіе и быстро выведя своихъ воиновъ въ бой, онъ ударилъ наперерѣзъ на непріятельское войско, которое и безъ того было уже занято другимъ сраженіемъ. „Превеликій будетъ срамъ“, кричалъ онъ своимъ, „если вы уступите другому войску обѣ побѣды и не удержите за собою славы побѣдителей въ назначенной вамъ войнѣ!“ Прорвавшись въ томъ мѣстѣ, куда было сдѣлано нападеніе, Корнелій черезъ средину войска непріятелей устремился въ ихъ лагерь, взялъ его, такъ какъ онъ лишенъ былъ защитниковъ, и зажегъ. Лишь только увидѣли воины Марція, что лагерь пылаетъ, и оглянулись назадъ враги, какъ началось повсюду бѣгство самни-

тянъ. Но во всѣхъ мѣстахъ идетъ рѣзня, и ни въ одну сторону нѣтъ безопаснаго убѣжища. Уже 30000 враговъ было убито, консулы велѣли дать сигналъ къ отступленію и собирали въ одно мѣсто свои войска, поздравляя другъ друга съ побѣдой, какъ вдругъ вдали показались новыя когорты непріятелей, набранныя для пополненія войска, и возобновили сраженіе. Безъ приказанія консуловъ и безъ сигнала пошли на нихъ побѣдители, крича, что надо дать самнитянамъ горькій урокъ военнаго искусства. Консулы не удерживали воинскаго пыла легіоновъ: они прекрасно знали, что непріятельскіе новобранцы, видя ветерановъ, лишившихся, вслѣдствіе бѣгства, присутствія духа, не въ состояніи будутъ даже покуситься на сраженіе; и они не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: всѣ войска самнитянъ—и старое и новое—бѣгомъ устремились въ близъ лежащія горы. Туда взобралось и римское войско, и не было для побѣжденныхъ ни одного достаточно безопаснаго мѣста; они были сбиты съ занятыхъ ими возвышеній, и уже всѣ въ одинъ голосъ стали просить мира. Тогда имъ было приказано доставить на три мѣсяца провіантъ, заплатить войску годовое жалованье и дать на каждаго воина по одной туникѣ; затѣмъ были отправлены къ сенату послы съ предложеніемъ мира. Корнелій остался въ Самніи, а Марцій съ тріумфомъ за побѣду надъ герниками возвратился въ городъ. Рѣшено было поставить на форумѣ его конную статую, которая находится теперь передъ храмомъ Кастора [1]). Тремъ общинамъ герниковъ—жителямъ городовъ Алетрія, Ферентина и Верулъ—были оставлены ихъ собственные законы, такъ какъ они предпочли это праву гражданства [2]), и даровано право на признаніе законными ихъ взаимныхъ между собою браковъ [3]), каковое право имѣли нѣкоторое время изъ герни-

---

[1]) Это былъ сынъ Тиндарея и Леды, братъ Поллукса, искусный наѣздникъ и вмѣстѣ съ братомъ помѣщенный, по преданію древнихъ, на небо въ видѣ созвѣздія близнецовъ. Первоначально оба они были, вѣроятно, древне-пеласгійскія божества свѣта. [2]) Имѣется въ виду право римскаго гражданства. [3]) Законнымъ бракомъ, т. е. такимъ, рожденные въ которомъ дѣти слѣдовали состоянію отца, по римскому гражданскому праву считался первоначально только тотъ бракъ, который былъ заключенъ между членами одного и того же класса, т.-е., напр., бракъ патриція съ патриціанкой признавался законнымъ, бракъ же патриція съ плебейкой незаконнымъ: но въ 300 году законами Канулея было опредѣлено, что бракъ между патриціями и плебеями долженъ считаться законнымъ римскимъ бракомъ (см. IV 1 слд). Впослѣдствіи это право было распространено вмѣстѣ съ правомъ гражданства на всю Италію.

ковъ одни они. Жителямъ Анагніи и другимъ, которые шли войною противъ римлянъ, были дарованы права гражданства безъ права подачи голоса; право собирать народныя собранія и право на признаніе законности ихъ взаимныхъ браковъ были у нихъ отняты; отмѣнены также были всѣ должности, кромѣ тѣхъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось наблюденіе за жертвоприношеніями. Въ томъ же самомъ году цензоръ Г. Юній Бубулькъ сдалъ подрядъ на постройку храма богини Спасенія, воздвигнуть который онъ далъ обѣтъ, будучи консуломъ, во время войны съ самнитянами. Онъ же и его товарищъ, М. Валерій Максимъ, проложили на общественный счетъ проселочныя дороги. Въ томъ же году и съ карѳагенянами былъ возобновленъ въ третій разъ союзный договоръ [1]) и посламъ ихъ, которые пришли съ этою цѣлью, были предупредительно предложены дары.

44. Въ томъ же году былъ диктаторомъ П. Корнелій Сципіонъ, а начальникомъ конницы П. Децій Мусъ. Они предсѣдательствовали въ комиціяхъ для выбора консуловъ, что и составляло цѣль ихъ избранія, такъ какъ ни одинъ изъ консуловъ не могъ отлучиться съ театра военныхъ дѣй- 449г.
ствій. Консулами были избраны Л. Постумій и Тиб. Минуцій. Пизонъ [2]) ставитъ этихъ консуловъ непосредственно за Кв. Фабіемъ и П. Деціемъ, опустивъ тѣ два года, въ теченіе которыхъ, какъ мы сообщали, консулами были Клавдій съ Волумніемъ и Корнелій съ Марціемъ. Неизвѣстно, забылъ ли онъ при составленіи своей лѣтописи объ этихъ четырехъ консулахъ, или намѣренно обошелъ ихъ, признавая упоминаніе о нихъ ошибочнымъ. Въ этомъ же году самнитяне произвели набѣгъ на Стеллатскій округъ, что въ Кампанской области. Поэтому оба консула были отправлены въ Самній. Они направились въ разныя стороны: Постумій въ Тифернъ, а Минуцій въ Бовіанъ. Сраженіе произошло сначала у Тиферна подъ предводительствомъ Постумія. Одни передаютъ, что самнитяне потерпѣли рѣшительное пораженіе, и что 20000 человѣкъ было взято въ плѣнъ, другіе говорятъ, что битва осталась нерѣшенной, а Постумій,

---

1) Ливій до сихъ поръ упомянулъ лишь объ одномъ договорѣ съ карѳагенянами—VII 27. 2) Л. Кальпурній Пизомъ былъ консуломъ въ 621 г. отъ основ. Р. Онъ написалъ „Лѣтопись“, которой много пользовались Ливій и другіе историки.

притворившись струсившимъ, ночью тихонько отвелъ свои войска въ горы, непріятель же будто-бы послѣдовалъ за нимъ и расположился лагеремъ также въ укрѣпленномъ мѣстѣ, въ 2000 шагахъ отъ него. Консулъ, чтобы подать видъ, будто онъ искалъ безопаснаго, богатаго провіантомъ мѣста для лагеря (а оно и на самомъ дѣлѣ было такимъ), укрѣпивъ свой лагерь и снабдивъ его запасами всего необходимаго, оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ и около третьей стражи [1]) повелъ ближайшей дорогой налегкѣ легіоны къ своему товарищу, который также стоялъ лагеремъ противъ другого самнитскаго войска. Тамъ, по совѣту Постумія, Минуцій вступилъ въ битву съ врагами; нерѣшительное сраженіе продолжалось значительную часть дня; тогда Постумій съ своими свѣжими легіонами напалъ неожиданно на утомившееся уже непріятельское войско. Утомленіе и раны не позволяли даже бѣжать, и потому враги были перебиты наповалъ; захвативъ 21 знамя, римляне направились отсюда къ лагерю Постумія. Тамъ два побѣдоносныхъ войска, напавъ на враговъ, уже лишенныхъ энергіи, вслѣдствіе слуховъ о пораженіи другой своей арміи, разбили и обратили ихъ въ бѣгство; было захвачено 26 военныхъ знаменъ; вождь самнитянъ Статій Геллій и много другихъ попались въ плѣнъ; оба лагеря взяты. Также и городъ Бовіанъ, къ осадѣ котораго приступили на слѣдующій день, былъ взятъ въ непродолжительномъ времени, и консулы съ великой славой получили тріумфъ за свои подвиги. Нѣкоторые сообщаютъ, что консулъ Минуцій, тяжело раненый, былъ отнесенъ въ лагерь и тамъ умеръ, а М. Фульвій, избранный консуломъ на его мѣсто, былъ отправленъ къ войску Минуція и взялъ Бовіанъ. Въ этомъ году снова были отняты отъ самнитянъ Сора, Арпинъ и Цезеннія. На Капитоліи поставлена и освящена большая статуя Геркулеса.

45. Въ консульство П. Сульпиція Саверріона и П. 450г.
Семпронія Софа самнитяне, желая ли положить конецъ войнѣ, или отсрочить ее, прислали въ Римъ пословъ просить мира. На ихъ смиренныя рѣчи былъ данъ отвѣтъ, что, если бы самнитяне не просили такъ часто мира, готовясь въ то же время къ войнѣ, то можно было бы посред-

---

1) См. гл. примѣч. къ 36.

ствомъ переговоровъ покончить дѣло о мирѣ; теперь же, такъ какъ до сихъ поръ слова ихъ не имѣли дѣйствительнаго значенія, надо держаться фактовъ. Консулъ П. Семпроній скоро будетъ съ войскомъ въ Самніи; его нельзя будетъ обмануть, къ войнѣ ли склонны они, или къ миру; обо всемъ, что узнаетъ, онъ доложитъ сенату; когда консулъ будетъ уходить изъ Самнія, за нимъ должны слѣдовать послы. Такъ какъ войско римское, пройдя черезъ Самній, нашло его въ полномъ спокойствіи, и самнитяне радушно снабжали его провіантомъ, то имъ былъ возвращенъ въ этомъ году прежній союзный договоръ. Затѣмъ римляне обратили свое оружіе противъ старинныхъ враговъ — эквовъ, которые, впрочемъ, много лѣтъ оставались спокойными, по виду сохраняя миръ, но ненадежный. Пока племена герниковъ оставались независимыми, они вмѣстѣ съ ними посылали вспомогательныя войска самнитянамъ; а когда герники были покорены, то почти весь народъ эквовъ, не скрывая, что это было дѣломъ общаго рѣшенія, отпалъ на сторону враговъ. Когда же, послѣ заключенія въ Римѣ союзнаго договора съ самнитянами, къ эквамъ пришли феціалы требовать удовлетворенія, то они стали говорить, что ихъ испытываютъ, не согласятся ли они, испугавшись войны, сдѣлаться римскими гражданами. А насколько это желательно, доказали герники тѣмъ, что тѣ изъ нихъ, которымъ это было возможно, предпочли свои законы правамъ римскаго гражданства, а тѣмъ, которымъ не было возможности выбрать то, что они предпочтутъ, неизбѣжныя права гражданства будутъ вмѣсто наказанія! Такъ какъ эти рѣчи говорились публично, въ собраніяхъ, то римскій народъ приказалъ объявить эквамъ войну; оба консула, отправившись для веденія этой новой войны, расположились въ 4000 шагахъ отъ непріятельскаго лагеря. Войско эквовъ, которые не вели въ теченіе весьма многихъ лѣтъ войны самостоятельно, походило на наскоро собранное ополченіе, безъ опредѣленныхъ вождей и начальниковъ; оно волновалось; одни полагали, что слѣдуетъ вступить въ битву, другіе—что нужно защищать лагерь. Большую часть смущало предстоящее опустошеніе полей, а затѣмъ разрушеніе городовъ, оставленныхъ со слабыми гарнизонами. Поэтому, услыхавъ въ числѣ многихъ другихъ мнѣній и такое, — оставить попеченіе объ общихъ интересахъ и позаботиться каждому о своихъ собственныхъ, —всѣ съ замѣча-

тельнымъ единодушіемъ приняли это мнѣніе: уйти въ первую стражу изъ лагеря по разнымъ направленіямъ, съ цѣлью снести въ свои города все имущество и защищать ихъ стѣнами. Когда враги разсѣялись по полямъ, римляне на разсвѣтѣ вынесли знамена и построились въ боевой порядокъ. Никто не выходилъ на встрѣчу имъ; тогда римляне скорымъ шагомъ направились къ непріятельскому лагерю; но, не видя тамъ караульныхъ пикетовъ передъ воротами, не замѣчая никого на валу и не слыша обычнаго въ лагерѣ шума, они остановились, смущенные необычайною тишиною и страшась засады. Перейдя затѣмъ валъ и найдя тамъ полное запустѣніе, они двинулись далѣе по слѣдамъ враговъ; но слѣды, ведшіе одинаково во всѣ стороны, какъ это естественно, когда разбѣгаются по различнымъ направленіямъ, приводили ихъ сначала въ недоумѣніе; затѣмъ, узнавъ чрезъ лазутчиковъ о планахъ враговъ и перенося военныя дѣйствія съ одного города на другой, римляне взяли штурмомъ въ теченіе 50 дней 31 городъ, изъ которыхъ большая часть была разрушена и сожжена; племя эквовъ было уничтожено почти съ корнемъ, надъ ними былъ отпразднованъ тріумфъ. Пораженіе, понесенное эквами, послужило урокомъ, такъ что марруцины, марсы, пелигны и френтаны послали въ Римъ пословъ просить мира и дружественнаго союза. Съ этими народами былъ заключенъ, согласно ихъ просьбѣ, союзный договоръ.

46. Въ томъ же году былъ курульнымъ эдиломъ Гн. Флавій, сынъ Гнея, государственный писецъ [1]), человѣкъ низкаго происхожденія, имѣвшій отцомъ вольноотпущенника, но хитрый и краснорѣчивый. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ я нахожу, что Флавій, состоя на службѣ у эдиловъ и видя, что по счету голосовъ трибъ, онъ получаетъ эдильство [2]), предсѣдатель же собранія не соглашается на это, въ виду того, что онъ занимаетъ должность писца, положилъ свою доску и поклялся въ томъ, что не будетъ писцомъ. Макръ Лициній утверждаетъ, что Флавій гораздо раньше отказался отъ должности писца, когда еще до этого былъ трибуномъ и членомъ коллегій тріумвировъ—одинъ разъ коллегіи, въ

1) Это были секретари, состоявшіе при разныхъ должностныхъ лицахъ.
2) Рѣчь идетъ о народномъ собраніи, которое избирало плебейскихъ эдиловъ. Подача голосовъ происходила здѣсь по трибамъ.

вѣдѣніи которой находилось наблюденіе за безопасностью города въ ночное время, а другой разъ—для отвода колоніи. Впрочемъ (и въ этомъ согласны всѣ) Флавій упорно боролся со знатью, презиравшей его низкое происхожденіе; онъ обнародовалъ правила гражданскаго судопроизводства, скрывавшіяся въ тайнѣ понтификами [1]), разставилъ вокругъ форума бѣлыя доски съ росписью на нихъ судебныхъ дней, чтобы знать, когда по закону можно хлопотать о дѣлахъ [2]); освятилъ и открылъ на „Вулкановой площади" [3]), къ величайшему негодованію знати, храмъ богини „Согласія", и единодушнымъ рѣшеніемъ народа верховный понтификъ Корнелій Бородатый вынужденъ былъ говорить передъ нимъ установленныя для этого слова [4]), хотя онъ и заявилъ, что по обычаю предковъ освящать храмъ можетъ только консулъ или главнокомандующій. Вслѣдствіе этого, по рѣшенію сената, было сдѣлано предложеніе народу, чтобы никто не освящалъ храма или жертвенника безъ приказанія сената или большинства народныхъ трибуновъ. Теперь разскажу я объ одномъ, не важномъ само по себѣ, обстоятельствѣ, если бы оно не служило доказательствомъ свободомыслія плебеевъ въ ихъ борьбѣ съ гордостью знать. Флавій пришелъ къ своему больному товарищу навѣстить его. Сидѣвшіе тамъ знатные юноши сговорились не вставать передъ нимъ; тогда Флавій велѣлъ принести туда свое курульное кресло и съ своего почетнаго мѣста поглядывалъ на враговъ своихъ, мучимыхъ завистью. Впрочемъ, Флавія избрала эдиломъ партія самыхъ низкихъ людей [5]), получившая значеніе, благодаря цензорству Аппія Клавдія, который первый осквернилъ сенатъ, избравъ въ него сыновей вольноотпущенниковъ; когда же никто не призналъ этихъ выборовъ правильными [1]), и онъ не достигъ въ сенатѣ того вліянія на городъ, къ которому стремился [2]), онъ распредѣлилъ по всѣмъ трибамъ людей низкаго происхожденія и тѣмъ сдѣлалъ подкупнымъ форумъ и Марсово поле [3]). Избраніе Флавія возбудило такое негодованіе, что большинство знатныхъ лицъ сняли съ себя золотыя кольца и бляхи [4]). Съ этого времени граждане распались на двѣ партіи: народъ благонамѣренный, уважавшій и почитавшій людей знатнаго происхожденія, имѣлъ одну цѣль, а партія людей низкихъ—другую, пока не были избраны цензорами Кв. Фабій и П. Децій, и первый изъ нихъ—отчасти для того, чтобы водворить согласіе, а отчасти съ тою цѣлью, чтобы выборы не были въ рукахъ людей самаго низкаго происхожденія,—не выдѣлилъ всю эту толпу и не составилъ изъ нея 4 трибы, названныя имъ „городскими". Мѣра эта, говорятъ, была принята съ такою благодарностью, что за эту разумную организацію сословій Фабій получилъ прозваніе „Величайшаго", чего не получилъ за столько побѣдъ. Онъ же, говорятъ, установилъ торжественныя процессіи [5]) всадниковъ въ квинктильскія иды [6]).

---

[1]) Хотя право въ общихъ чертахъ и было извѣстно плебеямъ уже изъ законовъ XII таблицъ, тѣмъ не менѣе патриціи и понтифики все еще исключительно обладали юридическими знаніями и скрывали ихъ отъ народа, чтобы такимъ образомъ отнять у него средства судебной самозащиты. [2]) По римскимъ законамъ судъ могъ совершаться не каждый день; были такіе дни, когда судбище не дозволялось. [3]) Такъ называлась небольшая площадка въ Римѣ на форумѣ. [4]) Освященіе и затѣмъ открытіе храма совершалось или однимъ изъ консуловъ, или лицомъ, построившимъ храмъ по обѣту, или же двумя нарочно для этого избранными представителями народа. Они вмѣстѣ съ жрецомъ, приложивъ руки къ косякамъ дверей, повторяли вслѣдъ за первосвященникомъ произносившуюся имъ, письменно составленную формулу освященія. [5]) До сихъ поръ эти люди не принадлежали къ одному изъ 5 классовъ (см. I 43) и, какъ бѣдняки, не принимали участія въ голосованіи. Сообщаемое ниже нововведеніе Аппія кореннымъ образомъ измѣнило порядокъ: допустивъ въ трибы людей безъ всякаго имущественнаго ценза, каковыхъ всегда было большинство, Аппій открылъ широкій просторъ для подкуповъ.

[1]) См. гл. 39. [2]) См. гл. 42. [3]) Т. е. comitia tributa и comitia centuriata, такъ какъ мѣстомъ засѣданія первыхъ былъ форумъ, а вторыхъ—Марсово поле. [4]) Золотыя бляхи, даваемыя въ награду за подвиги во время войны, всадники надѣвали на ремнѣ поверхъ панцыря. О кольцахъ см. примѣч. къ гл. 7. [5]) Процессіи эти, въ которыхъ участвовали только всадники, направлялись отъ храма Марса черезъ форумъ въ Капитолій. Участники были въ полномъ парадномъ одѣяніи. [6]) 15-го іюля.

КНИГА X.

---

1. Въ консульство Л. Генуція и Сер. Корнелія не было почти вовсе внѣшнихъ войнъ. Въ Сору и Альбу были выведены колоніи. Въ Альбу, въ землю эквовъ, было набрано 6000 колонистовъ. Сора входила въ составъ вольсской территоріи, но была во власти самнитянъ; туда отправлено было 4000 человѣкъ. Въ томъ же году жителямъ городовъ Арпина и Требулы дарованы были права гражданства. У жителей города Фрузинона конфискована третья часть ихъ земли за то, что они, какъ это было дознано, подстрекали герниковъ; зачинщики же этого заговора, послѣ того какъ консулы произвели, на основаніи сенатскаго постановленія, слѣдствіе о немъ, были наказаны розгами и обезглавлены. Впрочемъ, провести годъ вполнѣ мирно помѣшала консуламъ небольшая экспедиція, состоявшаяся въ Умбріи по поводу извѣстій о томъ, что изъ одной пещеры шайка вооруженныхъ людей производитъ набѣги на поля. Римляне со знаменами вошли въ эту пещеру, и, такъ какъ въ ней было темно, то многіе получили раны, особенно отъ ударовъ каменьями, пока, наконецъ, не найденъ былъ другой выходъ изъ пещеры (она была проходная); тогда, заваливъ оба отверстія деревьями, подожгли ихъ. Такимъ образомъ до 2000 вооруженныхъ людей погибло внутри пещеры отъ дыма и жара: стараясь вырваться, они кидались подъ конецъ въ самое пламя. 451 г.

Въ консульство М. Ливія Дентра и М. Эмилія вновь началась война съ эквами. Они негодовали на основаніе колоніи, видя въ ней какъ бы крѣпость, воздвигнутую въ ихъ предѣлахъ, и потому съ величайшими усиліями пытались овладѣть ею, но были прогнаты самими колонистами. 452 г.

Впрочемъ, трудно было вѣрить, чтобы эквы, при такомъ разстройствѣ въ дѣлахъ своихъ, сами по себѣ начали войну; поэтому своимъ возстаніемъ они произвели въ Римѣ такой переполохъ, что былъ назначенъ диктаторъ—Г. Юній Бубулькъ. Двинувшись въ походъ вмѣстѣ съ начальникомъ конницы М. Титиніемъ, онъ разбилъ эквовъ въ первой же схваткѣ и, возвратившись на восьмой день съ тріумфомъ въ Римъ, освятилъ храмъ богини Спасенія; обѣтъ построить этотъ храмъ далъ онъ, будучи консуломъ, сдалъ подрядъ на постройку его, будучи цензоромъ, освятилъ, будучи диктаторомъ.

2. Въ томъ же году греческій флотъ подъ начальствомъ Клеонима Лакедемонскаго присталъ къ берегамъ Италіи и взялъ городъ Ѳуріи, въ землѣ саллентиновъ. Противъ этого врага былъ отправленъ консулъ Эмилій. Давъ одно только сраженіе, онъ обратилъ грековъ въ бѣгство и загналъ ихъ на корабли. Ѳуріи были возвращены прежнимъ обитателямъ, и землѣ саллентиновъ дарованъ миръ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ я нахожу извѣстіе, что къ саллентинамъ былъ посланъ диктаторъ Юній Бубулькъ, и что Клеонимъ еще до битвы съ римлянами удалился изъ Италіи. Затѣмъ онъ обогнулъ Брундизійскій мысъ; вѣтеръ несъ его по серединѣ Адріатическаго моря; по лѣвую руку его были не имѣющіе гаваней берега Италіи, а по правую – иллирійцы, либурны и истры, народы дикіе, пріобрѣтшіе себѣ дурную славу главнымъ образомъ морскими разбоями; страшась ихъ, онъ уплылъ въ отдаленный конецъ моря и достигъ побережья венетовъ. Высадивъ здѣсь небольшое число людей съ цѣлью изслѣдовать мѣстность, онъ услыхалъ отъ нихъ, что берегъ представляетъ изъ себя узкую косу, за которой находятся болота, орошаемыя прибоями волнъ съ моря, что сейчасъ же за этими болотами, невдалекѣ виднѣется равнина, еще дальше, повидимому, холмы, а немного поодаль—устье весьма глубокой рѣки (то была рѣка Медуакъ), куда, какъ они видѣли, входятъ корабли, находя тамъ безопасную гавань. Введя сюда свой флотъ, Клеонимъ приказалъ ему подниматься вверхъ по рѣкѣ, но самыя тяжелыя изъ судовъ не прошли по руслу рѣки; поэтому воины пересѣли на болѣе легкіе корабли и такимъ образомъ добрались до мѣстности, густо населенной, ибо въ этой части берега были расположены три приморскихъ села патавинійцевъ. Высадившись здѣсь и оставивъ на судахъ небольшой отрядъ, греки

овладѣли селами, зажгли строенія, угнали добычу, состоявшую изъ людей и скота и, увлекшись грабежемъ, уходили все дальше и дальше отъ своихъ кораблей. Когда объ этомъ сообщили въ Патавій, то его жители, вынужденные своими сосѣдями галлами быть всегда подъ оружіемъ, раздѣлили свою молодежь на два отряда: одинъ изъ нихъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ, по полученнымъ извѣстіямъ, происходилъ неистовый грабежъ, а другой, чтобы не попасться въ руки кому-либо изъ грабителей, двинулся окольною дорогою къ къ тому мѣсту, гдѣ стояли корабли, въ 14 миляхъ отъ города. Перебивъ стражу, отрядъ этотъ напалъ на небольшіе корабли, и испуганные корабельщики были вынуждены переправить суда на другой берегъ рѣки. Одинаково успѣшна была и сухопутная битва съ разсѣявшимися повсюду грабителями: когда эти послѣдніе кинулись обратно къ тому мѣсту, гдѣ стояли ихъ корабли, венеты преградили имъ путь. Такимъ образомъ непріятели были со всѣхъ сторонъ окружены и перебиты; часть ихъ, взятая въ плѣнъ, показала, что вождь ихъ Клеонимъ съ флотомъ находится въ трехъ миляхъ разстоянія. Поэтому, передавъ плѣнныхъ подъ охрану въ ближайшее селеніе, патавинійцы посадили свое войско частью на рѣчныя плоскодонныя суда, приспособленныя къ плаванію по мелководнымъ озерамъ, частью же на корабли, захваченные у непріятелей, и, двинувшись къ греческому флоту, со всѣхъ сторонъ напали на неподвижно стоявшіе корабли, которыхъ болѣе страшила незнакомая имъ мѣстность, чѣмъ враги. Греческій флотъ не столько думалъ о сопротивленіи, сколько спѣшилъ уйти въ открытое море. Патавинійцы преслѣдовали его вплоть до устьевъ рѣки, при чемъ захватили и сожгли нѣсколько непріятельскихъ судовъ, которыя второпяхъ наскочили на мель, и побѣдоносно возвратились во-свояси. Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ Адріатическаго моря, Клеонимъ удалился отсюда, сохранивъ едва пятую часть своихъ кораблей. Еще живы многіе, видѣвшіе въ старомъ храмѣ Юноны, въ Патавіи, прибитые корабельные носы и оружіе, захваченное у лакедемонянъ. Въ воспоминаніе объ этой морской битвѣ ежегодно въ день ея годовщины, при торжественной обстановкѣ, происходитъ на рѣкѣ, протекающей черезъ середину города, корабельный бой.

3. Въ томъ же году въ Римѣ былъ заключенъ договоръ съ вестинами, просившими дружественнаго союза. Затѣмъ

гроза надвинулась съ разныхъ сторонъ: было получено извѣстіе о томъ, что Этрурія возобновила войну; возстаніе это началось смутами въ Арретіи, гдѣ народъ взялся за оружіе, чтобы изгнать родъ Цильніевъ, обладавшій большими богатствами и потому возбуждавшій къ себѣ зависть; въ то же время марсы насильственно удерживали за собою областьКарсеолъ, куда была выведена колонія, послѣ того какъ записалось 4000 человѣкъ. Вслѣдствіе этихъ волненій былъ избранъ диктаторъ М. Валерій Максимъ; въ начальники конницы онъ взялъ себѣ М. Эмилія Павла. Это мнѣніе я считаю болѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то, будто Валерію былъ подчиненъ Кв. Фабій, человѣкъ старый, удостоившійся такихъ великихъ почестей. Впрочемъ, причиною ошибки послужило, по всей вѣроятности, прозвище „Максимъ“ [1]. Выступивъ съ войскомъ, диктаторъ въ одномъ сраженіи разбилъ марсовъ на голову; затѣмъ, загнавъ ихъ въ укрѣпленные города Миліонію, Плестину и Фрезилію, онъ взялъ ихъ въ теченіе немногихъ дней и, отнявъ у марсовъ въ наказаніе часть ихъ земли, возобновилъ съ ними союзный договоръ. Затѣмъ военныя дѣйствія были направлены противъ этрусковъ. Въ то время, какъ диктаторъ отправился въ Римъ, чтобы произвести новыя гаданія [2], начальникъ конницы, выйдя на фуражировку, попался въ засаду и былъ окруженъ; потерявъ нѣсколько знаменъ, послѣ ужасной рѣзни и бѣгства войска, онъ былъ прогнанъ въ лагерь. Подобная трусливость не идетъ къ Фабію не только потому, что его прозвище вполнѣ соотвѣтствовало какъ другимъ его качествамъ, такъ въ особенности его воинской славѣ, но еще и потому, что, помня строгость Папирія [3], онъ никогда бы не рѣшился вступить въ сраженіе безъ приказанія диктатора.

4. Извѣстіе объ этомъ пораженіе вызвало въ Римѣ большую панику, чѣмъ того заслуживало самое дѣло: подобно тому, какъ это бываетъ въ случаѣ уничтоженія войска, суды были объявлены закрытыми, у воротъ разставлены караулы, по улицамъ ходили патрули; оружіе и стрѣлы снесены на стѣны; вся молодежь приведена къ присягѣ, и къ

---

[1]) Прозвище „Максимъ“ („Величайшій“) имѣлъ и Квинтъ Фабій. [2]) Производство новыхъ гаданій было вызвано тѣмъ, что предстояла война съ другими врагами, этрусками; война съ марсами, предъ началомъ которой также, безъ сомнѣнія, были произведены гаданія, уже окончилась. [3]) См. VIII 30—35.

войску послан диктатор; он нашел все в большем, чѣм ожидал, спокойствіи; все было приведено в порядок трудами начальника конницы: лагерь был перенесен в болѣе безопасное мѣсто; когорты, потерявшія знамена, были оставлены внѣ вала и без палаток, войско жаждало битвы, чтобы тѣм скорѣе смыть с себя позор. Поэтому диктатор немедленно двинул лагерь в область Руссел. Туда пошли за ним и враги; хотя под вліяніем успѣха, они питали большія надежды на свои силы также и в открытом сраженіи, но тѣм не менѣе сдѣлали попытку заманить непріятеля и в засаду, опыт которой раз вполнѣ удался им [1]). Неподалеку от римскаго лагеря находились полуразрушенныя жилища одного сожженнаго во время опустошенія полей селенія. Скрыв здѣсь отряд вооруженных воинов, непріятели на виду у римских форпостов, которыми начальствовал легат Гн. Фульвій, выгнали скот. С римскаго поста никто не выходил на эту приманку; тогда один из пастухов подошел к самым укрѣпленіям и громко закричал другим пастухам, медленно отгонявшим скот от развалин селенія: „к чему вы медлите, когда можно безопасно гнать стада через середину римскаго лагеря?!“ Когда нѣкоторые из церитов перевели эти слова легату, воинами всѣх манипулов овладѣло сильное негодованіе, но без приказанія они не смѣли двинуться с мѣста; тогда Фульвій приказал лицам, хорошо знавшим этрусскій язык, обратить вниманіе на то, какую рѣчь болѣе напоминает собою разговор пастухов, рѣчь крестьян, или горожан. Когда ему сообщили, что произношеніе, осанка и костюм изящнѣе, чѣм у простых пастухов, он сказал: „ступайте-же, скажите им, пусть оставят они свои тщетно скрываемыя козни: римлянам извѣстно все, и хитростью одолѣть их уже так же трудно, как и побѣдить в сраженіи!“ Как только враги услыхали это и передали тѣм, которые находились в засадѣ, они поднялись вдруг из своих тайных убѣжищ и вынесли свои знамена на равнину, со всѣх сторон открытую для взоров. Войско это показалось легату слишком большим, чтобы его отряд мог устоять против него; поэтому он немедленно послал к диктатору за подкрѣпленіями, а сам

[1]) См. гл. 3 кон.

между тѣм сдерживал напор врагов. **5**. Получив извѣстіе об этом, диктатор приказал нести вперед знамена, а войску слѣдовать за ними с оружіем. Впрочем, все свершилось почти с большею быстротою, чѣм послѣдовало самое приказаніе: воины немедленно схватили знамена и оружіе, и их едва удерживали от того, чтобы они не бросились в атаку бѣгом. Их подстрекали с одной стороны гнѣв, вызванный недавним пораженіем, а с другой — доходившій до слуха крик, становившійся все сильнѣе и сильнѣе, вслѣдствіе того, что бой разгарался; тѣсня друг друга, они убѣждают знаменосцев идти скорѣе; но чѣм болѣе поспѣшности видит диктатор, тѣм настойчивѣе удерживает он войско и приказывает ему идти не торопясь. Напротив, этруски, воспламенившись с самаго начала битвы, пустили в дѣло всѣ свои войска. Гонцы один за другим дают знать диктатору, что в битву вступили всѣ легіоны этрусков, и что римское войско уже не может сопротивляться им; да и сам он с возвышенія видит в каком критическом положеніи находится отряд; но, надѣясь на то, что легат все-таки еще в состояніи выдерживать битву, и зная, что, находясь сам невдалекѣ, он может выручить его в случаѣ опасности, он желал, чтобы враги утомились как можно болѣе, с цѣлью напасть на уставших со свѣжими силами. Хотя воины и медленно подвигались, однако для разбѣга, и особенно коннице, оставалось уже немного мѣста. Впереди несли знамена легіонов, чтобы враги не боялись какой-либо тайны или неожиданности; но между рядами пѣхоты были оставлены промежутки [1]), гдѣ можно было пустить во весь опор лошадей на довольно порядочном разстояніи. В одно и то же время войско подняло крик, конница двинулась и понеслась во весь опор на непріятелей, поразив их внезапным ужасом, потому что ряды их не были сомкнуты так, как требовалось это для встрѣчи бурной атаки конницы. Таким образом, хотя отряд был почти уже окружен, и помощь для него едва не запоздала, однако с этой минуты его совершенно оставили в покоѣ: в битву вступили свѣжія войска; но она продолжалась недолго, и результат ея был несомнѣнен:

[1]) Не так, как разсказано VIII 8, а между *всѣми* рядами были сквозные промежутки.

разбитые на-голову, враги кинулись назадъ въ свой лагерь, попятились предъ вступавшими уже въ него римлянами и кучей бросились въ самую отдаленную часть лагеря. Во время бѣгства они стѣснились въ узкихъ воротахъ и остановились; многіе взобрались на валъ и палисады, расчитывая-ли на то, что съ мѣста, болѣе возвышеннаго, имъ можно будетъ защищать себя, или же надѣясь на возможность перелѣзть гдѣ-нибудь и убѣжать. Случайно въ одномъ мѣстѣ плохо укрѣпленный валъ обвалился въ ровъ отъ тяжести стоявшихъ на немъ. Этимъ путемъ и бросились бѣжать враги съ крикомъ, что боги открываютъ имъ дорогу для бѣгства; безоружныхъ тутъ было болѣе, чѣмъ вооруженныхъ. Въ этомъ сраженіи вторично [1]) были сокрушены силы этрусковъ. Подъ условіемъ уплаты войску годового жалованья и доставки провіанта на два мѣсяца, диктаторъ позволилъ имъ отправить въ Римъ пословъ съ просьбою о мирѣ. Въ мирѣ имъ было отказано, но даровано перемиріе на два года. Диктаторъ съ тріумфомъ возвратился въ Римъ. Я имѣю подъ руками писателей, свидѣтельствующихъ, что диктаторъ усмирилъ Этрурію, не давъ при этомъ ни одной достойной упоминанія битвы, а только уладивъ внутреннія волненія арретинцевъ и помиривъ семейство Цильніевъ съ плебеями. Непосредственно послѣ своей диктатуры М. Валерій былъ избранъ консуломъ. Нѣкоторые передаютъ, что онъ былъ избранъ, хотя самъ не только не искалъ этого, но даже заочно, и что комиціи были созваны междуцаремъ. Единственно, что не подлежитъ сомнѣнію, это то, что онъ отправлялъ должность консула вмѣстѣ съ Апулеемъ Пансою.

6. Въ консульство М. Валерія и Кв. Апулея извнѣ го- (453 [2]) 454
сударство пользовалось миромъ. неудачи на войнѣ и перемиріе заставляли этрусковъ соблюдать спокойствіе, и самнитяне, смирившіеся вслѣдствіе пораженій, претерпѣваемыхъ ими въ теченіе многихъ лѣтъ, довольствовались пока недавно заключеннымъ союзнымъ договоромъ [3]). Также и въ Римѣ успокоивала и облегчала плебеевъ отправка въ колоніи массы народа. Впрочемъ, повсемѣстному полному спокойствію помѣшали раздоры, поселенные народными трибунами Кв. Гн. Огульніями между знатнѣйшими лицами въ государствѣ изъ патриціевъ и плебеевъ. Ища повсюду случая очернить патриціевъ передъ плебеями, они, послѣ другихъ тщетныхъ попытокъ, затѣяли дѣло, которымъ разгорячили не подонки народа, а самихъ его представителей, именно тѣхъ плебеевъ, которые отправляли должности консуловъ и получали тріумфы, и почестямъ которыхъ недоставало только жречества, которое не было еще общедоступнымъ. Поэтому, такъ какъ въ то время было 4 авгура и 4 понтифика, и число жрецовъ желали увеличить, они обнародовали предложеніе относительно прибавки 4 понтификовъ и 5 авгуровъ и избранія ихъ изъ плебеевъ. Какимъ образомъ число авгуровъ въ этой коллегіи могло дойти до четырехъ, я могу объяснить только смертью двоихъ изъ нихъ, такъ какъ у авгуровъ существуетъ неизмѣнное правило, по которому число ихъ должно быть нечетнымъ съ тѣмъ, чтобы три старинныя трибы, Рамны, Тиціи и Люцеры [1]), имѣли каждая своего авгура, или же увеличивали число авгуровъ, въ случаѣ надобности, такъ, чтобы они распредѣлялись между тремя этими трибами поровну. Такъ именно было увеличено число авгуровъ прибавкою къ четыремъ прежнимъ пятерыхъ новыхъ, что довело число ихъ до 9, и такимъ образомъ на каждую трибу приходилось ихъ по три человѣка. Впрочемъ, такъ какъ они должны были избираться изъ плебеевъ, то патриціи отнеслись къ этому дѣлу съ такимъ же почти огорченіемъ, съ какимъ встрѣтили они предложеніе сдѣлать общедоступной должность консула. Они лицемѣрно увѣряли, что это дѣло касается скорѣе боговъ, чѣмъ ихъ; что боги сами позаботятся о томъ, чтобы ихъ священнодѣйствія не подвергались поруганію, а что они, патриціи, желаютъ только того, чтобы не приключилось съ государствомъ какой-нибудь бѣды. Впрочемъ, сопротивленіе ихъ было не особенно энергично, ибо они привыкли уже терпѣть пораженія въ подобнаго рода борьбѣ; къ тому же, предъ ихъ глазами были противники, уже не стремящіеся только къ достиженію высокихъ почетныхъ должностей, на полученіе которыхъ въ былое время они съ трудомъ могли расчитывать, но уже достигшіе всего того, за что ранѣе вели борьбу съ сомнительной надеждой на успѣхъ, получавшіе уже много разъ должности консуловъ, цензоровъ и тріумфы.

---

1) См. IX 39. 2) См. IX 40 кон. и примѣч. 3) См. IX 45.

---

1) См. I 13.

7. Тѣмъ не менѣе особенно ожесточенныя пренія за и противъ этого законопроекта происходили, говорятъ, между Ап. Клавдіемъ и П. Деціемъ Мусомъ. Послѣ того какъ съ той и другой стороны было высказано относительно правъ патриціевъ и плебеевъ почти то же, что было нѣкогда сказано за и противъ Лициніева законопроекта, когда вопросъ шелъ о допущеніи плебеевъ къ должности консула [1], Децій, говорятъ, воскресилъ въ своей рѣчи образъ своего отца, какимъ видѣли его многіе изъ присутствовавшихъ на собраніи, препоясаннымъ по-габински [2] и стоящимъ на копьѣ, въ томъ именно видѣ, какъ обрекъ онъ себя на смерть за народъ и легіоны римскіе. „Тогда консулъ П. Децій", сказалъ онъ, „явился предъ очами безсмертныхъ боговъ такимъ же непорочнымъ и благочестивымъ, какимъ явился бы его товарищъ Т. Манлій, еслибы онъ обрекъ себя на смерть! Такъ неужели того же П. Деція нельзя было бы вполнѣ законно избрать для исполненія обрядовъ общественнаго богослуженія римскаго народа? Не того-ли опасаются, что моимъ молитвамъ боги стали бы внимать менѣе, чѣмъ молитвамъ Аппія Клавдія? Неужели Аппій съ большею, чѣмъ я, душевною чистотою совершаетъ обряды частнаго богослуженія и съ чувствомъ болѣе горячимъ поклоняется богамъ?!.. Кто недоволенъ тѣми обѣтами, которые давали за государство столько консуловъ и диктаторовъ изъ плебеевъ, или отправляясь на войну, или во время самой войны? Пересчитайте полководцевъ за тѣ года, какъ войны начали вести подъ личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ плебеевъ, сочтите ихъ тріумфы,—и вы увидите, что плебеи уже не имѣютъ причины оставаться недовольными даже знатностью своего сословія? Я увѣренъ, что если вспыхнетъ вдругъ какая-нибудь война, то для сената и народа римскаго не больше будетъ надежды на полководцевъ изъ патриціевъ, чѣмъ на полководцевъ изъ плебеевъ! А если это такъ, то кому изъ боговъ или людей можетъ показаться возмутительнымъ тотъ фактъ, что вы прибавляете знаки отличія понтификовъ и авгуровъ [3] тѣмъ мужамъ, которыхъ вы почтили правомъ возсѣдать на курульныхъ креслахъ [4])

[1]) См. VI 35—41; ср. нач. IV кн. [2]) См. примѣч. къ V 46; объ упоминаемомъ здѣсь фактѣ см. VIII 9. [3]) Внѣшнимъ знакомъ отличія жрецовъ вообще былъ плащъ, обшитый пурпуровою каймой, жезлъ въ родѣ посоха и шерстяная шапка. [4]) См. къ IX 34.

и носить тогу претексту [1]), тунику, украшенную изображеніями пальмъ, тогу, вышитую золотомъ, тріумфальный и лавровый вѣнокъ [2]), жилища которыхъ вы отличили отъ другихъ тѣмъ, что повѣсили въ нихъ оружіе, отнятое у враговъ?!.. Неужели того человѣка, который въ блескѣ украшеній всеблагого и всемогущаго Юпитера, на позолоченной колесницѣ слѣдовалъ по городу и взошелъ на Капитолій, не увидимъ мы съ жертвенной чашей въ рукахъ и жезломъ [3]), съ покрытою головою, закалающимъ жертвенное животное или производящимъ съ кремля наблюденія [4])?!.. Неужели взоры читателей не перенесутъ того, если вы прибавите, что былъ авгуромъ или понтификомъ тотъ, въ надписи подъ изображеніемъ [5]) котораго равнодушно будутъ читать о его консульствѣ, цензорствѣ и тріумфахъ? Что касается меня, то я надѣюсь,—да не прогнѣваются на меня боги!—что милостью къ намъ римскаго народа мы поставлены уже въ такое положеніе, что нашимъ собственнымъ достоинствомъ принесемъ жреческимъ должностямъ не менѣе чести, чѣмъ получимъ отъ нихъ сами. И не столько ради самихъ насъ, сколько ради боговъ добиваемся мы права поклоняться отъ имени государства тѣмъ, кому мы поклоняемся лично отъ себя! **8.** Но зачѣмъ я говорилъ до сихъ поръ такъ, какъ будто дѣло съ патриціями о жречествѣ еще вовсе не начиналось, и въ нашемъ распоряженіи не находится уже одна самая важная жреческая должность? Мы видимъ плебеевъ въ числѣ духовныхъ децемвировъ [6]), этихъ толкователей Сивиллиныхъ предсказаній и судебъ нашего народа; мы видимъ ихъ предстоятелями культа Аполлона и другихъ священнодѣйствій! Ни тогда, когда въ интересахъ плебеевъ увеличено было число духовныхъ дуумвировъ [7]), патриціямъ не было причинено никакой обиды, и теперь трибунъ, человѣкъ энергичный и дѣятельный, предлагаетъ прибавить 5 вакансій авгуровъ и 4 - понтификовъ, имѣя въ виду назначать на нихъ плебеевъ, не для того, Аппій, чтобы вытѣснить васъ съ занимаемыхъ вами мѣстъ, но для того, чтобы плебеи помогали вамъ такъ же и въ заботахъ вашихъ о томъ, что

[1]) Т. е. окаймленную пурпуровою полосой; такую тогу носили высшія должностныя лица. [2]) Туника, украшенная изображенія мильпамъ (символъ побѣды), тога, вышитая золотомъ, и тріумфальный вѣнокъ надѣвались тріумфаторомъ при его вступленіи въ Римъ и брались со статуи Юпитера въ Капитоліи. [3]) Такъ называемый lituus; см. I 18. [4]) См. I 18. [5]) См. I 34 и примѣч. [6]) См. примѣч. къ III 10. [7]) См. VI 42.

касается боговъ, какъ помогаютъ они вамъ, каждый по мѣрѣ силъ, во всемъ томъ, что касается людей. Не стыдись, Аппій, имѣть товарищемъ въ должности жреца того, кого ты могъ имѣть товарищемъ въ должности цензора и консула, при которомъ, какъ диктаторѣ, ты можешь состоять въ качествѣ начальника конницы такъ же, какъ можешь ты быть диктаторомъ, а онъ при тебѣ начальникомъ конницы! Древніе патриціи приняли въ свою среду пришельца сабинянина, родоначальника вашей знатности, Аттія Клавза, или, если это вамъ болѣе нравится, Аппія Клавдія [1]): не побрезгай же принять насъ въ число жрецовъ! Много отличій приносимъ мы съ собою, или лучше все то же, что сдѣлало васъ надменными: Л. Секстій [2]) первый изъ плебеевъ былъ избранъ консуломъ, Г. Лициній Столонъ началникомъ конницы [3]), Г. Марцій Рутилъ—диктаторомъ [4]) и цензоромъ [5]), Кв. Публилій Филонъ — преторомъ [6]). Всегда слышались однѣ и тѣ же рѣчи, что вамъ принадлежитъ право производить авспиціи, что вы одни имѣете родъ [7]), что вамъ однимъ принадлежитъ законная власть главнокомандующаго и право производить отъ имени государства гаданія на войнѣ и во время мира! Но до сихъ поръ счастье благопріятствовало одинаково, какъ плебеямъ, такъ и патриціямъ, то же будетъ и впредь. Слышали ли вы когда-нибудь, что первыми патриціями были не съ неба сошедшіе люди, а тѣ, которые могли назвать своего отца [8]), то есть, свободнорожденные, и болѣе ничего? Я уже могу указать на консула, какъ на своего отца, а сынъ мой будетъ уже въ состояніи указать на него, какъ на дѣда. Все дѣло, квириты, заключается только въ томъ, чтобы намъ силою добиваться всего того, въ чемъ намъ отказали; патриціи ищутъ только борьбы и не заботятся о томъ, какой результатъ будетъ имѣть эта борьба! Я полагаю,—да послужитъ это на пользу, счастіе и благополучіе вамъ и государству!—что этотъ законъ слѣ-

---

[1]) См. II 16 и IV 3. [2]) См. VII 1. [3]) См. VI 39. [4]) См. VII 17. [5]) См. VII 22. [6]) См. VIII 15. [7]) Понятіе „родъ" („gens") Цицеронъ (top. 6) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „родъ" составляли тѣ, которые имѣли одно общее имя, происходили отъ свободнорожденныхъ, ни одинъ изъ предковъ которыхъ не былъ рабомъ и не подвергался лишенію гражданскихъ правъ. Въ древнѣйшія времена „gentes" могли быть только у патриціевъ, такъ какъ они были единственные полноправные граждане, и, вѣроятно, когда-нибудь существовало извѣстное, опредѣленное число такихъ „gentes" въ трехъ коренныхъ трибахъ. [8]) Ливій дѣлаетъ попытку объяснить этимологію слова „patricius" отъ „pater" —„отецъ" и „ciere"—„называть по имени"; иначе I 8.

дуетъ принять въ той формѣ, какъ предлагаютъ его!" **9**. Народъ требовалъ, чтобы тотчасъ-же были созваны трибы, и законъ, очевидно, былъ бы принятъ; но этотъ день пропалъ вслѣдствіе протеста трибуновъ [1]). На слѣдующій же день трибуновъ припугнули, и законъ былъ принятъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Понтификами были избраны: П. Децій Мусъ, предложившій этотъ законъ, П. Семпроній Софъ, Г. Марцій Рутилъ и М. Ливій Дентръ, а авгурами пятеро также плебеевъ: Г. Генуцій, П. Элій Петъ, М. Минуцій Фезъ, Г. Марцій и Т. Публилій. Такимъ образомъ, число понтификовъ дошло до восьми, а авгуровъ—до девяти.

Въ томъ же году консулъ М. Валерій внесъ законопроектъ, касавшійся болѣе строгаго подтвержденія ненарушимости закона объ аппелляціи къ народу [2]). Послѣ изгнанія царей вопросъ объ этомъ законѣ поднимался тогда въ третій разъ [3]) и всегда членами одной и той же фамиліи. Причиною такого слишкомъ частаго повторенія, полагаю, было единственно то, что могущество немногихъ отдѣльныхъ лицъ брало перевѣсъ надъ свободой плебеевъ, а между тѣмъ противъ тѣлеснаго наказанія гражданъ существовалъ, кажется, одинъ только Порціевъ законъ, такъ какъ имъ запрещалось подъ страхомъ тяжкой кары подвергать тѣлесному наказанію или убивать римскаго гражданина. Валеріевъ же законъ, запретивъ наказывать розгами и обезглавливать того, кто аппеллировалъ къ народу, присовокупляетъ къ этому только то, что „если кто-нибудь поступитъ противъ этого закона, то это будетъ безчестный поступокъ". Судя по тому, что въ тѣ времена у людей было развито чувство справедливости, это, полагаю, въ достаточной степени гарантировало соблюденіе закона; теперь же едва ли какой-нибудь рабъ погрозитъ такъ своему господину [4]).

Тотъ же самый консулъ велъ войну съ возставшими эквами; но война эта не заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ у эквовъ отъ ихъ старинной славы не оставалось ничего, кромѣ дерзости. Другой консулъ, Апулей, осадилъ городъ

---

[1]) См. примѣч. къ VI 37 ср. V 29. [2]) См. I 26. [3]) См. II 8, III 55. [4]) Т.-е. въ настоящее время даже рабъ позволяетъ себѣ употреблять предъ своимъ господиномъ, отъ котораго онъ долженъ переносить все, выраженія болѣе сильныя, чѣмъ въ тѣ времена могущественнѣйшій народъ—предъ своимъ правительствомъ.

455 г. Неквинъ въ Умбріи. Мѣстность была крутая, съ одной стороны обрывистая, (теперь тамъ расположена Нарнія,) и ея нельзя было взять ни штурмомъ, ни осадою. Поэтому новые консулы, М. Фульвій Петъ и Т. Манлій Торкватъ, приняли это дѣло незаконченнымъ. Макръ Лициній [1]) и Туберонъ [2]) передаютъ, что, когда всѣ центуріи хотѣли избрать консуломъ на этотъ годъ Кв. Фабія, хотя онъ лично и не искалъ этого, Фабій будто бы самъ предложилъ отсрочить ему консульство до того года, когда будетъ больше войнъ, говоря, что въ томъ году онъ принесетъ государству больше пользы, если его дѣятельность будетъ сосредоточена въ городѣ. Такимъ будто бы образомъ Фабій былъ назначенъ вмѣстѣ съ Л. Папиріемъ Курсоромъ курульнымъ эдиломъ несмотря на то, что самъ онъ не искалъ этого, хотя, съ другой стороны, и не скрывалъ того, что было бы для него пріятнѣе. Не признавать этого за истину понуждаетъ меня болѣе древній анналистъ—Пизонъ [3]), который передаетъ, что курульными эдилами въ этомъ году были: Гн. Домицій Кальвинъ, сынъ Гнея, и Спурій Карвилій Максимъ, сынъ Квинта. Это-то прозвище, по моему мнѣнію, и было причиною ошибки касательно эдиловъ, а затѣмъ была придумана въ объясненіе ошибки басня, при чемъ перепутаны были комиціи для выбора эдиловъ и консуловъ. Въ этомъ же году цензорами П. Семпроніемъ Софомъ и П. Сульпиціемъ Саверріономъ была принесена, по окончаніи переписи, очистительная жертва [4]) и прибавлены двѣ трибы: Аніенская и Теретинская. Таковы были событія въ Римѣ.

10. Впрочемъ, между тѣмъ, какъ подъ городомъ Неквиномъ время проходило въ медленно тянувшейся осадѣ, двое изъ горожанъ, дома которыхъ примыкали къ стѣнѣ, сдѣлали подкопъ и этою секретною дорогой пробрались до римскихъ аванпостовъ. Когда затѣмъ ихъ привели къ консулу, то они стали увѣрять его въ своемъ намѣреніи впустить внутрь окоповъ и стѣнъ города вооруженный отрядъ. Обстоятельство это показалось, съ одной стороны, заслуживающимъ вниманія, а съ другой—не такимъ, чтобы можно было слѣпо положиться на него. Съ однимъ изъ пришедшихъ (другой былъ задержанъ въ качествѣ заложника) отправили двоихъ черезъ подкопъ на рекогносцировку. Когда черезъ нихъ довольно хорошо разузнали обо всемъ, 300 вооруженныхъ во главѣ съ перебѣжчикомъ вошли ночью въ городъ и захватили ближайшія ворота; когда же они были разломаны, консулъ и римское войско безъ боя вступили въ городъ. Такимъ образомъ Неквинъ перешелъ во власть римскаго народа. Отправленная туда для защиты отъ умбровъ колонія была названа по имени рѣки [1]) Нарніей. Войско съ большой добычей вернулось въ Римъ.

Въ томъ же году этруски, вопреки перемирію [2]), приготовились къ войнѣ, но въ то время, такъ какъ они затѣвали это, громадное войско галловъ вступило въ ихъ предѣлы и тѣмъ отвлекло ихъ на нѣкоторое время отъ задуманнаго предпріятія. Затѣмъ, въ надеждѣ на свои большія денежныя средства, они попытались сдѣлать галловъ изъ враговъ союзниками съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ къ себѣ ихъ войско, пойти войною на римлянъ. Отъ союза варвары не отказались; рѣчь пошла о вознагражденіи. Договорившись насчетъ платы и получивъ ее, галлы, послѣ того какъ этруски окончили прочія приготовленія къ войнѣ и приказали имъ слѣдовать за собою, стали увѣрять, что они выговорили себѣ плату не за то, чтобы идти на римлянъ войною, а что все, полученное ими, взяли за то, чтобы не опустошать этрусской земли и не тревожить земледѣльцевъ войною; но что, если этруски непремѣнно того хотятъ, они согласны нести военную службу только не за какое-либо другое вознагражденіе, а за то, чтобы имъ уступили часть земли и они могли бы, наконецъ, остановиться на какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ жительства. Много разъ собирались народы Этруріи на совѣщанія объ этомъ предметѣ и не могли прійти ни къ какому положительному рѣшенію не столько потому, что имъ было страшно уменьшеніе ихъ территоріи, сколько потому, что каждый боялся имѣть сосѣдями людей такого дикаго племени. Такимъ образомъ галлы были отпущены, унеся съ собою громадныя деньги, пріобрѣтенныя безъ труда и опасности. Слухъ о томъ, что къ войнѣ съ этрусками присоединилось еще и внезапное напа-

1) См. примѣч. къ VII 9. 2) Это былъ Квинтъ Элій Туберонъ, ораторъ и историкъ. Онъ написалъ исторію Рима отъ основанія города до 2-й гражданской войны. 3) См. примѣч. къ IX 44. 4) См. I 44.

1) Нара. 2) См. гл 5.

деніе галловъ, вызвалъ въ Римѣ панику: съ тѣмъ меньшими проволочками былъ заключенъ союзъ съ народомъ пицентскимъ. **11**. Консулу Т. Манлію досталось по жребію вести войну въ Этруріи. Едва вступивъ въ предѣлы непріятелей, онъ во время упражненій съ всадниками, повернувъ на всемъ скаку своего коня, слетѣлъ съ него и тотчасъ же едва не испустилъ духъ: третій послѣ этого несчастія день былъ для консула послѣднимъ въ его жизни. Случай этотъ этруски приняли какъ бы за счастливое для себя предзнаменованіе въ войнѣ: они говорили, что за нихъ стали ратовать боги, и ободрились. Въ Римѣ же это извѣстіе вызвало скорбь; жалѣли какъ о самомъ погибшемъ, такъ и о томъ, что случилось это не во-время, такъ что отцовъ удержало отъ назначенія диктатора только то обстоятельство, что комиціи для выбора новаго консула на мѣсто умершаго прошли согласно желанію старѣйшихъ изъ нихъ: консуломъ всѣ центуріи единогласно назначили М. Валерія, котораго сенатъ намѣренъ былъ избрать диктаторомъ. Затѣмъ ему приказано было немедленно отправиться въ Этрурію къ легіонамъ. Его прибытіе до того стѣснило этрусковъ, что никто изъ нихъ не рѣшался выйти за валъ. Страхъ, испытываемый ими, былъ похожъ на тотъ, который испытываютъ осажденные, и новый консулъ не могъ вызвать ихъ на сраженіе ни опустошеніемъ полей, ни сожженіемъ строеній, хотя повсюду дымились отъ пожаровъ не только усадьбы, но и многолюдныя селенія.

Въ то время, какъ война эта тянулась съ большею, чѣмъ предполагали, медленностью, пронесся слухъ о другой войнѣ, бывшей, вслѣдствіе пораженій, понесенныхъ той и другой стороною, поистинѣ ужасной. Слухъ этотъ сообщили новые союзники, пиценты: они передовали, что самнитяне готовы взяться за оружіе и вновь начать войну, что они подстрекали и ихъ. Пицентовъ поблагодарили, и сенатъ перенесъ большую часть своихъ заботъ съ Этруріи на Самній. Кромѣ того, государство озабочено было еще и дороговизной съѣстныхъ припасовъ, и дѣло, какъ сообщаютъ писатели, стоящіе за то, что эдиломъ въ этомъ году былъ Фабій Максимъ, дошло бы до крайности, если бы человѣкъ этотъ, отправляя тогда гражданскую должность, не выказалъ такой же дѣятельности въ завѣдываніи продовольствіемъ, заготовляя и доставляя хлѣбъ, какую проявлялъ онъ въ продолженіе долгаго времени въ дѣлахъ, касавшихся войны. Въ этомъ году (причину не сообщаютъ) было междуцарствіе. Междуцарями были Ап. Клавдій, а затѣмъ П. Сульпицій. Послѣдній предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ для выбора консуловъ. Консулами выбралъ онъ П. Корнелія Сципіона и Гн. Фульвія.

Въ началѣ этого года къ новымъ консуламъ явились по- 456г. слы лукановъ съ жалобою на то, что самнитяне, не будучи въ состояніи склонить ихъ предложеніемъ выгодныхъ условій къ союзу по оружію, враждебно вступили въ ихъ предѣлы съ войскомъ и опустошаютъ ихъ землю, принуждая войною къ войнѣ. „Для луканскаго народа“, говорили послы, „слишкомъ достаточно того, что онъ однажды [1]) впалъ въ заблужденіе, теперь же въ его душѣ твердое рѣшеніе лучше переносить и терпѣть все, чѣмъ оскорблять когда-бы то ни было на будущее время римскій народъ“. Они просятъ отцовъ принять лукановъ подъ свое покровительство и оберечь ихъ отъ насилія и обидъ со стороны самнитянъ, изъявляютъ готовность дать заложниковъ, хотя вѣрность по отношенію къ римлянамъ стала для нихъ неизбѣжной уже потому, что они предприняли войну противъ самнитянъ.

12. Совѣщанія сената были непродолжительны: всѣ до одного высказались за необходимость заключить союзъ съ луканами и потребовать отъ самнитянъ удовлетворенія. Луканамъ былъ данъ ласковый отвѣтъ, и съ ними заключенъ союзъ. Были посланы феціалы [2]) съ тѣмъ, чтобы приказать самнитянамъ удалиться съ полей римскихъ союзниковъ и увести свои войска изъ луканскихъ предѣловъ. На встрѣчу имъ самнитяне выслали пословъ объявить, что, если они явятся въ какое-нибудь народное собраніе въ Самніи, то не уйдутъ цѣлыми. Когда объ этомъ услыхали въ Римѣ, то и сенатъ высказался, и народъ приказалъ объявить самнитянамъ войну. Консулы раздѣлили между собой театръ военныхъ дѣйствій: Сципіону досталась Этрурія, а Фульвію— Самній, и они отправились въ разныя стороны, каждый для веденія назначенной ему войны. Сципіонъ ожидалъ, что война пойдетъ медленно и будетъ походить на кампанію прошлаго года; но у Волатерръ на встрѣчу ему враги вышли

---

1) См. VIII 25 и 27. 2) См. I 24.

съ войскомъ, готовымъ къ бою. Сраженіе продолжалось большую часть дня, и съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ. Ночь застала ихъ въ неизвѣстности, на чьей сторонѣ побѣда. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня обнаружилось, кто побѣдитель, и кто побѣжденный, такъ какъ этруски въ тишинѣ ночи покинули свой лагерь. Выйдя на битву и видя, что, вслѣдствіе удаленія непріятеля, побѣда предоставлена имъ, римляне двинулись къ пустому лагерю и, такъ какъ онъ служилъ мѣстомъ продолжительной стоянки и былъ оставленъ второпяхъ, овладѣли имъ вмѣстѣ съ громадной добычей. Отведя отсюда войска въ область фалисковъ и оставивъ въ Фалеріяхъ обозъ подъ прикрытіемъ небольшого гарнизона, римляне съ войскомъ налегкѣ отправились опустошать предѣлы непріятелей. Все было предано опустошенію огнемъ и мечемъ; добычу гнали отовсюду и оставили врагу не только землю разоренную, но даже сожгли всѣ крѣпостцы и селенія, отъ осады же тѣхъ городовъ, куда страхъ загналъ этрусковъ, воздержались. Консулъ Гн. Фульвій далъ славное и кончившееся рѣшительной побѣдой сраженіе въ Самніи подъ Бовіаномъ. Осадивъ затѣмъ Бовіанъ, онъ взялъ его штурмомъ, а немного времени спустя и Ауфидену.

13. Въ томъ же году была выведена колонія въ Карсеолы, въ землю эквикуловъ. Консулъ Фульвій праздновалъ тріумфъ надъ самнитянами. Когда подходило время комицій для выбора консуловъ, разнесся слухъ о томъ, что этруски и самнитяне набираютъ громадныя войска, что на всѣхъ собраніяхъ открыто порицаютъ старѣйшихъ этрусковъ за то, что они не склонили, на какихъ бы то ни было условіяхъ, галловъ въ войнѣ, и бранятъ правительство самнитянъ за то, что оно выставило противъ римлянъ войско, приготовленное противъ враговъ луканцевъ; что такимъ образомъ непріятель поднимается на войну со всѣми своими и союзническими силами, и что предстоитъ выдержать отнюдь неравную борьбу. Страхъ передъ этой опасностью заставилъ всѣхъ, несмотря на то, что консульства домогались знаменитые мужи, обратиться къ Кв. Фабію Максиму. Въ началѣ только не домогаясь этого, онъ затѣмъ, лишь только увидѣлъ, что желаніе приняло характеръ рѣшенія, сталъ даже отказываться. „Къ чему“, говорилъ онъ, „безпокоите вы меня, уже старика, потрудившагося и получившаго за труды награды? Нѣтъ во мнѣ прежней силы ни тѣлесной,

ни душевной, и я боюсь за самое свое счастіе, какъ бы не показалось оно кому-нибудь изъ боговъ уже слишкомъ великимъ и болѣе постояннымъ, чѣмъ позволяетъ то жребій человѣка. И я воспитался на славѣ старшихъ, и съ удовольствіемъ усматриваю, что и другіе поднимаются на высоту моей славы. Въ Римѣ нѣтъ недостатка ни въ великихъ почестяхъ для людей доблестныхъ, ни въ доблестныхъ людяхъ для почестей!“ Этою скромностью онъ еще болѣе разжигалъ столь справедливыя къ себѣ симпатіи. Полагая, что слѣдуетъ сдержать римлянъ уваженіемъ передъ законами, онъ велѣлъ прочитать законъ, которымъ запрещалось избирать вторично въ консулы одно и то же лицо ранѣе десяти лѣтъ [1]). За шумомъ едва выслушали этотъ законъ, и народные трибуны говорили, что это отнюдь не будетъ служить препятствіемъ, что они предложатъ народу освободить его отъ обязательной силы законовъ. Фабій же съ своей стороны продолжалъ упорствовать въ отказѣ, спрашивая, къ чему издавать законы, если ихъ обходятъ тѣ же, кто и издалъ ихъ; уже законы не господствуютъ, а находятся въ подчиненіи! Тѣмъ не менѣе, народъ сталъ подавать голоса, и каждая центурія, по мѣрѣ того, какъ приглашали ее войти внутрь [2]), не колеблясь избирала въ консулы Фабія. Тогда, наконецъ, уступая единогласному рѣшенію гражданъ, Фабій сказалъ: „Квириты! да благословятъ боги то, что вы дѣлаете и намѣрены дѣлать. Впрочемъ, такъ какъ со мною намѣрены вы поступить согласно вашему желанію, то мнѣ вы сдѣлайте одолженіе въ выборѣ сотоварища: изберите, прошу васъ, консуломъ вмѣстѣ со мною П. Деція, человѣка, извѣстнаго мнѣ дружелюбнымъ отношеніемъ ко мнѣ, какъ товарищъ мой по должности, человѣка, достойнаго васъ, достойнаго отца“! Рекомендація показалась основательною: всѣ оставшіяся центуріи [3]) избрали консулами Кв. Фабія и П. Деція. Въ томъ году эдилы привлекли многихъ къ суду за то, что они владѣли количествомъ земли большимъ, чѣмъ то было установлено закономъ [4]); почти никто не былъ оправданъ, и на неумѣренную жадность надѣты были крѣпкія оковы.

14. Въ то время, какъ новые консулы, Кв. Фабій Ма- 457г.

[1]) См. VII 42. [2]) Т.-е. въ такъ назыв. ovile (saepta). [3]) Не подававшія еще своихъ голосовъ. [4]) См. VI 35; ср. VII 16.

ксимъ, избранный въ четвертый разъ, и П. Децій Мусъ—въ третій, уговаривались другъ съ другомъ о томъ, чтобы одному взять на себя веденіе войны съ самнитянами, а другому съ этрусками, и рѣшали вопросъ, сколько потребно войскъ на тотъ или другой театръ военныхъ дѣйствій, кто изъ нихъ и для какой войны былъ болѣе подходящимъ полководцемъ, прибыли послы отъ Сутрія, Непете и Фалерій; своимъ сообщеніемъ о томъ, что народы Этруріи держатъ совѣтъ насчетъ того, чтобы просить мира, они обратили всю тяжесть войны на Самній. Выступивъ въ походъ, консулы повели свои легіоны въ Самній—Фабій черезъ соранскіе предѣлы, а Децій черезъ сидицинскіе, для того, чтобы облегчить подвозъ провіанта и поставить непріятелей въ большую неизвѣстность насчетъ того, съ которой стороны начнутся военныя дѣйствія. Едва вступивъ въ предѣлы непріятелей, тотъ и другой начали тамъ и сямъ опустошать ихъ. Однако они производили рекогносцировки дальше, чѣмъ опустошеніе; поэтому не укрылось отъ нихъ, что подъ Тиферномъ въ потаенной долинѣ выстроились непріятели, готовясь напасть съ высотъ на римлянъ, если бы они вошли туда. Удаливъ обозъ въ безопасное мѣсто и оставивъ при немъ небольшій гарнизонъ, Фабій предупредилъ воиновъ, что предстоитъ сраженіе и, построивъ свое войско въ карре, подошелъ къ тому вышеупомянутому мѣсту, гдѣ скрывался непріятель. Потерявъ надежду застать врага врасплохъ, самнитяне и сами предпочли вступить въ регулярное сраженіе, разъ уже дѣло должно было рѣшиться воткрытую. Поэтому они спускаются въ равнину и, скорѣе съ отвагою, чѣмъ съ надеждою, отдаются на волю судьбы. Впрочемъ, потому ли, что они собрали отъ всѣхъ самнитскихъ племенъ, какія только были, отборныя войска, или потому, что опасность, которой подвергалось благосостояніе всего ихъ государства, увеличивала ихъ мужество, только и въ открытомъ бою они произвели большое смятеніе. Видя, что непріятель нигдѣ не подается, Фабій приказываетъ военнымъ трибунамъ, сыну своему Максиму и М. Валерію, вмѣстѣ съ которыми онъ выбѣжалъ къ передней линіи, идти къ всадникамъ и убѣждать ихъ постараться явить въ этотъ именно день непобѣдимую славу ихъ сословія, если они помнятъ хоть одинъ такой случай, когда государство нашло себѣ поддержку въ помощи всадниковъ. Въ сраженіи съ пѣхотой враги остаются непоколебимы: вся, послѣдняя

надежда заключается въ атакѣ конницы! При этомъ онъ и самихъ посылаемыхъ юношей, того и другого съ одинаковою любезностью, осыпалъ то похвалами, то обѣщаніями. Впрочемъ, признавая необходимымъ въ случаѣ, если не будетъ имѣть успѣха и эта попытка атаки, дѣйствовать хитростью тамъ, гдѣ безполезны силы, онъ приказалъ легату Сципіону вывести изъ боевой линіи гастатовъ перваго легіона и отвести ихъ кругомъ, какъ можно незамѣтнѣе, къ ближайшимъ горамъ; затѣмъ, поднимаясь скрытыми отъ взоровъ мѣстами, направить отрядъ вверхъ на горы и внезапно явиться съ тылу у непріятелей. Внезапное появленіе передъ знаменами всадниковъ, съ трибунами во главѣ, произвело среди враговъ замѣшательство немногимъ болѣе сильное, чѣмъ среди своихъ. Непоколебимо стояло самнитское войско передъ несшимися во весь опоръ эскадронами конницы, и ни въ одномъ пунктѣ нельзя было ни обратить его въ бѣгство, ни пробиться черезъ него. Послѣ того, какъ попытка эта не удалась, всадники, отступивъ за знамена, вышли изъ сраженія. Мужество непріятелей вслѣдствіе этого возросло, и первая линія не могла бы выдержать такого продолжительнаго сраженія и увеличивавшейся вслѣдствіе самоувѣренности энергіи непріятелей, если бы вторая линія по приказанію консула не заступили мѣсто первой [1]. Тогда свѣжія силы заставили наступавшихъ уже самнитянъ остановиться, а показавшіяся во-время на горахъ знамена и поднявшійся крикъ поразили не пустымъ только страхомъ умы самнитянъ: дѣло въ томъ, что и Фабій воскликнулъ, что приближается его товарищъ Децій, и всѣ воины кричали внѣ себя отъ радости: „вотъ другой консулъ, вотъ легіоны!“ Заблужденіе это, выгодное для римлянъ, поразило самнитянъ ужасомъ и заставило ихъ обратиться въ бѣгство: они боялись главнымъ образомъ того, какъ бы другое войско, свѣжее и нетронутое, не смяло ихъ утомленныхъ; и такъ какъ они кинулись бѣжать вразсыпную, то убитыхъ было меньше, чѣмъ можно было ожидать, принимая во вниманіе такую побѣду. Убито было 3400, почти 830 взято въ плѣнъ, а военныхъ знаменъ захвачено 23.

15. Съ самнитянами еще до сраженія соединились бы

---

[1]) О построеніи войска см. VIII 8.

апулійцы, если бы консулъ П. Децій не расположился противъ нихъ лагеремъ при Малевентѣ, а потомъ, заставивъ выйти на сраженіе, не разбилъ ихъ. Здѣсь также больше было бѣжавшихъ, чѣмъ убитыхъ. Убито было 2000 апулійцевъ. Пренебрегши этими врагами, Децій повелъ легіоны въ Самній. Здѣсь два консульскихъ войска, переходя въ разныхъ направленіяхъ съ мѣста на мѣсто, въ теченіе пяти мѣсяцевъ совершенно опустошили все. Въ Самніи было 45 мѣстъ, на которыхъ стоялъ лагеремъ Децій, а гдѣ стоялъ другой консулъ — 86, и остались не только слѣды вала и рвовъ, но памятники гораздо болѣе примѣтные: запустѣлыя окрестности и разоренныя мѣста. Фабій взялъ также городъ Циметру; здѣсь было захвачено въ плѣнъ 2900 вооруженныхъ, и убито съ сраженіи приблизительно 930. Отправившись отсюда въ Римъ для созыва комицій, Фабій поспѣшилъ окончить это дѣло. Въ то время, какъ всѣ, приглашенныя первыми [1]), центуріи избирали консуломъ Кв. Фабія, Ап. Клавдій, бывшій консулъ, человѣкъ горячій и честолюбивый, выступивъ кандидатомъ и воспользовавшись какъ своимъ собственнымъ вліяніемъ, такъ и вліяніемъ всей знати, сталъ добиваться избранія своего въ консулы вмѣстѣ съ Кв. Фабіемъ не столько ради собственной чести, сколько для того, чтобы патриціи снова получили въ свои руки оба консульскихъ мѣста. Сначала Фабій отказывался, говоря относительно себя почти то же, что и въ предыдущемъ году [2]). Вся знать обступила его кресло и просила вырвать консульское достоинство изъ плебейской грязи и возвратить прежнее величіе какъ этой почетной должности, такъ и патриціанскимъ родамъ. Водворивъ молчаніе, Фабій рѣчью, носившей нейтральный характеръ, успокоилъ волненіе патриціанской партіи: онъ-де допустилъ бы кандидатуру двухъ патриціевъ, если бы видѣлъ, что консуломъ избираютъ не его, а другого, теперь же онъ не допуститъ въ комиціяхъ своей собственной кандидатуры, такъ какъ это было бы противозаконно, и не подастъ тѣмъ самаго дурного примѣра! Такимъ образомъ, консуломъ вмѣстѣ съ Ап. Клавдіемъ былъ избранъ изъ плебеевъ Л. Волумній; они были товарищами также и по первому консульству [3]). Знать укоряла Фабія въ томъ, что онъ уклонился быть товарищемъ Ап. Клавдія

[1]) Т.-е. къ подачѣ голосовъ. [2]) См. гл. 13. [3]) Въ 447 г.; см. IX 42.

по должности, такъ какъ тотъ, безъ сомнѣнія, превосходилъ его даромъ слова и опытностью въ дѣлахъ государственныхъ.

16. По окончаніи комицій прежніе консулы получили приказаніе вести войну въ Самніи, при чемъ имъ было продолжено главное начальство надъ войскомъ на шесть мѣсяцевъ [1]). Такимъ образомъ, и въ слѣдующемъ году, въ кон- 458г.
сульство Л. Волумнія и Ап. Клавдія, П. Децій, оставленный своимъ товарищемъ въ Самніи, еще будучи консуломъ, не переставалъ, и сдѣлавшись проконсуломъ, опустошать поля до тѣхъ поръ, пока окончательно не выгналъ изъ страны нигдѣ не вступавшее въ битву войско самнитянъ. Бѣглецы направились въ Этрурію и въ расчетѣ на то, что при помощи такой толпы вооруженныхъ, присоединивъ къ просьбамъ угрозы, они вѣрнѣе добьются того, чего часто безъ успѣха добивались отправляя посольства, потребовали собранія старѣйшинъ Этруріи. Когда оно собралось, самнитяне поставили ему на видъ, въ теченіе скольких лѣтъ ведутъ они войну съ римлянами за свободу. „Мы испробовали", говорили они, „всѣ средства, нельзя ли своими собственными силами вынести тяжесть такой войны, обращались также къ слабымъ вспомогательнымъ войскамъ сосѣднихъ народовъ; не будучи въ состояніи выносить войны, просили мира у римскаго народа и снова возстали, такъ какъ миръ подъ условіемъ рабства тяжелѣе, чѣмъ война для людей свободныхъ. Одна, послѣдняя надежда остается намъ — на этрусковъ; мы знаемъ, что вы самый сильный народъ Италіи оружіемъ, людьми и деньгами, что вы имѣете сосѣдями галловъ, рожденныхъ среди желѣза и оружія и отважныхъ, какъ по собственной своей природѣ, такъ въ особенности противъ римскаго народа, о которомъ хвастливо, и не безъ причины, говорятъ, что онъ былъ въ ихъ рукахъ и откупился золотомъ [2]). Если есть у этрусковъ такое мужество, какое было нѣкогда у Порсены [3]) и ихъ предковъ, то вы, безъ сомнѣнія, прогоните римлянъ изъ всѣхъ странъ по сю сторону [4]) Тибра и заставите ихъ сражаться не за тяжелое для Италіи владычество надъ ней, а за собственную без-

[1]) См. VIII 23; обыкновенно власть продолжалась на годъ; см. IX 41 примѣч.: такое лицо именовалось проконсуломъ. [2]) См. V 48 слд. [3]) См. II 9—13. [4]) Съ точки зрѣнія этрусковъ; Тибръ въ прежнее время составлялъ границу Этруріи. См. I 3, 5.

опасность. Къ вашимъ услугамъ здѣсь самнитское войско, готовое, снабженное оружіемъ и жалованьемъ: оно тотчасъ послѣдуетъ за вами, даже если вы поведете его осаждать самый городъ Римъ!"

17. Въ то время, какъ самнитяне произносили въ Этруріи эти хвастливыя рѣчи и такъ интриговали, отечество ихъ страдало отъ войны съ римлянами, которая велась въ ихъ странѣ. Дѣло въ томъ, что П. Децій, узнавъ черезъ лазутчиковъ о выступленіи самнитскаго войска, созвалъ военный совѣтъ и сказалъ: „зачѣмъ блуждаемъ мы по полямъ, распространяя военныя дѣйствія съ одного селенія на другое? почему не напасть намъ на городъ и укрѣпленія? никакое войско не защищаетъ уже Самнія: оно удалилось изъ своихъ предѣловъ и само себя обрекло на изгнаніе?" Съ всеобщаго одобренія онъ повелъ войско на атаку сильно укрѣпленнаго города Мургантіи. Вслѣдствіе любви къ вождю и надежды на большую добычу, чѣмъ та, которая получалась при разграбленіи полей, воодушевленіе въ воинахъ было такъ велико, что въ теченіе одного дня они взяли этотъ городъ вооруженною силою. Тамъ 2100 самнитянъ было окружено во время сраженія и взято въ плѣнъ; кромѣ того, было захвачено и множество другой добычи. Чтобы эта послѣдняя не затрудняла своею громоздкостью движенія арміи, Децій приказалъ созвать воиновъ и сказать имъ: „неужели вы хотите удовольствоваться одною этой побѣдой и этой добычей? Хотите, чтобы надежды ваши соотвѣтствовали вашей доблести? Всѣ города самнитянъ и имущество, оставленное въ городахъ, принадлежатъ вамъ, такъ какъ вы, наконецъ, выгнали изъ страны легіоны ихъ, столько разъ разбитые въ сраженіяхъ! Продайте это и заинтересуйте купцовъ барышемъ, чтобы они слѣдовали за войскомъ, а я тотчасъ же еще предоставлю вамъ, что продать! Пойдемъ отсюда къ городу Ромулеѣ, гдѣ васъ ожидаетъ трудъ не большій, а добыча еще бо́льшая!" Распродавъ добычу и сами ободряя полководца, воины идутъ къ Ромулеѣ. Здѣсь также, не прибѣгая ни къ осаднымъ работамъ, ни къ метательнымъ орудіямъ, воины, лишь только знамена приблизились къ стѣнамъ, быстро придвинули лѣстницы и, гдѣ каждому было всего ближе, забрались на стѣны: не удержала ихъ отъ стѣнъ никакая сила. Городъ былъ взятъ и разграбленъ. До 2300 было убито, 6000 взято въ плѣнъ. Овладѣвъ огромной добычей, воины вынуждены были продать ее, какъ и прежнюю. Отсюда войско съ чрезвычайною бодростью, хотя ему не было дано никакого отдыха, двинулось къ Ферентину. Впрочемъ, здѣсь пришлось болѣе потрудиться и подвергаться большой опасности, такъ какъ и стѣны были защищаемы съ величайшими усиліями, и мѣстность была обезпечена укрѣпленіями и своими природными свойствами. Но воины, привыкшіе получать добычу, превозмогли все. До 3000 враговъ было убито вокругъ стѣнъ, а добыча отдана воинамъ. Большая доля славы взятія этихъ городовъ приписывается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ Максиму: передаютъ, что Децій взялъ Мургантію, а Фабій—Ферентинъ и Ромулею. Нѣкоторые приписываютъ эту славу новымъ консуламъ, а иные—не обоимъ имъ, а одному Л. Волумнію: ему-де досталось вести войну въ Самніи.

18. Между тѣмъ, какъ въ Самніи совершались, подъ чьимъ-бы то ни было личнымъ предводительствомъ и главнымъ начальствомъ, эти событія, въ Этруріи готовилась римлянамъ грозная война, въ которой принимали участіе многіе народы. Зачинщикомъ ея былъ самнитянинъ Геллій Эгнатій. Этруски почти всѣ рѣшились воевать; ихъ заразительный примѣръ увлекъ за собою ближайшіе къ нимъ народы Умбріи; предложеніе платы подняло и галльскія вспомогательныя войска. Вся эта громада стекалась къ лагерю самнитянъ. Когда въ Римъ дошла вѣсть объ этомъ неожиданномъ возстаніи, то, въ виду того, что консулъ Л. Волумній со вторымъ и третьимъ легіонами и 15000 союзниковъ уже отправился въ Самній, рѣшено было, чтобы въ Этрурію шелъ, какъ можно скорѣе, Ап Клавдій. За нимъ послѣдовали два римскихъ легіона, первый и четвертый, и 12000 союзниковъ; лагерь былъ разбитъ неподалеку отъ непріятелей. Впрочемъ, больше пользы принесло своевременное прибытіе, чѣмъ какіе-либо подвиги, достаточно умѣло или удачно совершенные тамъ подъ руководствомъ консула, такъ что страхъ передъ римскимъ именемъ остановилъ нѣкоторые народы Этруріи, уже собиравшіеся было взяться за оружіе. Много битвъ произошло на невыгодныхъ позиціяхъ и въ неблагопріятное время, и подаваемыя ими надежды дѣлали враговъ опаснѣе день ото дня, воины уже почти потеряли вѣру въ своего вождя, а вождь—въ воиновъ. Въ трехъ лѣтописяхъ я нахожу извѣстіе о томъ, что Аппій послалъ письмо къ своему товарищу, съ цѣлью призвать

его изъ Самнія. Но я не рѣшаюсь выдавать это за вѣрное, такъ какъ именно это обстоятельство и послужило предметомъ спора между консулами римскаго народа, уже вторично занимавшими одну и ту же почетную должность: Аппій говорилъ, что онъ не посылалъ письма, а Волумній увѣрялъ, что былъ вызванъ письмомъ Аппія. Уже Волумній овладѣлъ въ Самніи тремя крѣпостями, гдѣ было убито до 3000 непріятелей и почти половина этого числа взята въ плѣнъ, и, къ величайшему удовольствію оптиматовъ, подавилъ внутреннія волненія лукановъ, вожаками и зачинщиками которыхъ были плебеи и бѣдняки, отправивъ туда, въ качествѣ проконсула, Кв. Фабія съ старымъ войскомъ. Предоставивъ Децію опустошеніе непріятельскихъ полей, самъ онъ со своими войсками отправился къ товарищу въ Этрурію. Прибытіе его всѣми было встрѣчено съ радостью; настроенія же Аппія, по моему мнѣнію, обусловливалось состояніемъ его совѣсти: если онъ ничего не писалъ, то гнѣвъ его имѣлъ полное основаніе, если же онъ нуждался въ помощи, то его притворство было дѣломъ низкой неблагодарной души. Дѣло въ томъ, что, выйдя на встрѣчу Волумнію и едва отвѣтивъ на его привѣтствіе, онъ спросилъ, „все ли благополучно, Л. Волумній? въ какомъ положеніи дѣла въ Самніи? какая причина заставила тебя удалиться съ назначеннаго тебѣ театра военныхъ дѣйствій?“ Волумній отвѣчалъ, что дѣла въ Самніи идутъ счастливо, а что пришелъ онъ, будучи вызванъ его письмомъ; если оно было подложно, и въ Этруріи нѣтъ надобности въ немъ, то онъ тотчасъ же, повернувъ знамена, уйдетъ назадъ. „Такъ уходи“, отвѣчалъ Аппій, „тебя никто не удерживаетъ; совсѣмъ не къ лицу тебѣ хвастаться тѣмъ, что ты пришелъ сюда подать помощь другимъ въ то время, какъ тебя можетъ статься, едва хватаетъ для войны, тебѣ порученной“! „Да обратитъ это Геркулесъ къ доброму концу“, сказалъ Волумній, „пусть лучше пропадутъ даромъ труды мои, чѣмъ случится что-нибудь такое, почему бы для Этруріи недостаточно было одного консульскаго войска“. **19.** Когда консулы хотѣли уже разойтись, ихъ окружили легаты и трибуны изъ Аппіева войска. Часть ихъ молила своего вождя не отталкивать добровольно предложенной помощи товарища, къ которой самому слѣдовало бы обратиться; большая же часть ихъ стала на дорогѣ уходящему Волумнію и заклинала его не подвергать государство опасности изъ-за неумѣстнаго спора

съ товарищемъ. Если случится какое-нибудь несчастіе, то большая вина падетъ на покинувшаго, чѣмъ на покинутаго. Положеніе дѣлъ таково, что вся слава и безчестіе за удачу или неудачу въ Этруріи лежитъ на отвѣтственности Л. Волумнія. Никто не будетъ спрашивать о томъ, что говорилъ Аппій, но о томъ, какова была судьба войска; его, Волумнія, отпускаетъ Аппій, а удерживаетъ войско и государство: пусть онъ испытаетъ только желаніе воиновъ! Благодаря этимъ просьбамъ и увѣщаніямъ, почти насильно увлекли они консуловъ въ собраніе. Здѣсь произнесены были болѣе длинныя рѣчи въ томъ же почти смыслѣ, какой имѣли споры, происходившіе въ небольшихъ группахъ. Имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ по существу дѣла, Волумній оказался не лишеннымъ также и дара слова предъ отмѣнно краснорѣчивымъ своимъ товарищемъ, а Аппій, подшучивая надъ нимъ, говорилъ, что воины ему должны быть обязаны тѣмъ, что ихъ консулъ изъ молчаливаго и лишеннаго дара слова сдѣлался даже краснорѣчивымъ; ибо во время перваго консульства, особенно въ первые его мѣсяцы, онъ не умѣлъ и рта раскрыть, а теперь уже говоритъ рѣчи передъ народомъ. Тогда Волумній сказалъ: гораздо пріятнѣе было бы мнѣ, если бы не я научился отъ тебя искусству говорить, а ты отъ меня — основательности въ дѣйствіяхъ! Наконецъ, я предлагаю мѣру, которая рѣшитъ, кто изъ насъ лучше, не какъ ораторъ, — не этого вѣдь требуетъ государство, — а какъ главнокомандующій. Театромъ военныхъ дѣйствій служатъ Этрурія и Самній; выбирая любой изъ нихъ; я же со своимъ войскомъ буду воевать хоть въ Самніи, хоть въ Этруріи!“ Тогда воины подняли крикъ, требуя, чтобы оба консула вмѣстѣ взялись за войну съ этрусками. Замѣтивъ это единодушіе, Волумній сказалъ: „такъ какъ я ошибся въ объясненіи намѣреній моего товарища, то не допущу, чтобы остались невыясненными ваши желанія: покажите криками, хотите ли вы, чтобы я остался, или ушелъ?“ И тутъ-то поднялся такой сильный крикъ, что онъ вызвалъ непріятелей изъ лагеря: схвативъ оружіе, они выходятъ на сраженіе. Волумній также приказалъ дать сигналъ и выносить знамена изъ лагеря. Аппій, говорятъ, колебался, видя, что, станетъ ли онъ сражаться, или останется спокойнымъ, побѣда все равно будетъ принадлежать его товарищу. Затѣмъ, будто бы, боясь, что и его легіоны послѣдуютъ за Волумніемъ, онъ, потребованію своихъ, тоже приказалъ дать сигналъ. Ни

съ той, ни съ другой стороны войско не было построено надлежащимъ образомъ: вождь самнитянъ, Геллій Эгнатій, ушелъ съ немногими когоргами на фуражировку, такъ что воины начали битву скорѣе по собственному побужденію, чѣмъ подъ чьимъ-либо предводительствомъ или по чьему-либо приказанію; римскія же войска двинулись не сразу оба, къ тому же и времени для построенія было недостаточно. Волумній вступилъ въ битву прежде, чѣмъ Аппій могъ дойти до непріятеля, а потому схватка произошла неровнымъ фронтомъ; и будто какой-то рокъ перемѣшалъ привыкшихъ другъ къ другу непріятелей: этруски схватились съ Волумніемъ, а замедлившіе немного вслѣдствіе отсутствія вождя самнитяне — съ Аппіемъ. Въ самый критическій моментъ битвы Аппій, говорятъ, ставши такъ, чтобы его видѣли въ первыхъ рядахъ, и поднявъ руки къ небу, произнесъ слѣдующую молитву: „Беллона! если ты сегодня даруешь намъ побѣду, я даю обѣтъ построить тебѣ храмъ!“ Помолившись такъ, и самъ онъ, какъ бы вдохновляемый богинею, не уступалъ въ мужествѣ своему товарищу, и войско его — своему вождю. И вожди исполняютъ обязанности главнокомандующихъ, и воины напрягаютъ всѣ свои силы къ тому, чтобы другое войско не начало побѣждать первымъ. И вотъ они разбиваютъ на-голову и обращаютъ въ бѣгство враговъ, съ трудомъ выдерживавшихъ напоръ большей массы, чѣмъ та, съ которою они обыкновенно вступали въ битву. Тѣсня отступавшихъ и преслѣдуя разсѣявшихся, римляне загнали ихъ въ лагерь. Тутъ, благодаря прибытію Геллія и сабелльскихъ когоргъ, битва не надолго возобновилась. Быстро разбивъ и этихъ, побѣдители приступили уже къ осадѣ лагеря, и въ то время, какъ Волумній самъ производилъ нападеніе на ворота, Аппій воспламенялъ мужество воиновъ тѣмъ, что неоднократно возсылалъ хвалу Беллонѣ — побѣдительницѣ. Черезъ валъ и рвы ворвались они въ лагерь, который былъ взятъ и разграбленъ. Добыча досталась огромная: ее уступили воинамъ, 7800 враговъ было убито, 2120 взято въ плѣнъ.

20. Между тѣмъ, какъ оба консула и всѣ силы Рима заняты были преимущественно войною съ этрусками, въ Самніи сформировались новыя войска и, перейдя черезъ землю весциновъ въ Кампанію и Фалернскую область, съ цѣлью опустошенія границъ римскаго государства, захватили тамъ громадную добычу. Большими переходами Волумній

возвращался въ Самній, такъ какъ для Фабія и Деція истекалъ уже срокъ продленія ихъ власти, но слухъ о самнитскомъ войскѣ и опустошеніяхъ Кампанской области заставилъ его обратиться на защиту союзниковъ. Прибывъ въ Каленскую область, онъ и самъ увидѣлъ свѣжіе слѣды бѣдствія, да и каленцы разсказали ему, что непріятель тащитъ за собою уже массу добычи и при движеніи едва можетъ поддерживать въ войскѣ порядокъ; что поэтому вожди его уже открыто говорятъ, надо-де немедленно идти въ Самній, чтобы оставить тамъ добычу, и тогда продолжать кампанію, а не пускать въ битву войска, до такой степени обремененнаго. Хотя эти сообщенія были правдоподобны, тѣмъ не менѣе Волумній, считая необходимымъ разузнать вѣрнѣе, разослалъ всадниковъ ловить грабителей, поодиночкѣ блуждавшихъ въ поляхъ. Изъ разспросовъ ихъ онъ узналъ, что непріятель расположился у рѣки Вультурна, откуда намѣренъ двинуться въ третью стражу, и что путь ему лежитъ въ Самній. Получивъ эти довольно точныя свѣдѣнія, Волумній выступилъ и расположился на такомъ разстояніи отъ непріятелей, чтобы, съ одной стороны, нельзя было вслѣдствіе особенной близости замѣтить его прибытія, а съ другой, имѣть возможность напасть на враговъ при ихъ выступленіи изъ лагеря. Задолго до разсвѣта онъ подошелъ къ непріятельскому лагерю и послалъ знающихъ осскій[1]) языкъ развѣдать, что тамъ дѣлается. Вмѣшавшись въ средину враговъ, что было легко во время ночной безурядицы, они узнали, что знамена выступили изъ лагеря въ сопровожденіи небольшого числа вооруженныхъ; что добыча и тѣ, которые охраняли ее, также оставляютъ лагерь; что войско вяло, каждый дѣйствуетъ самостоятельно, безъ всякаго согласія съ другими и безъ болѣе или менѣе опредѣленной команды. Время, повидимому, было весьма удобно для нападенія, къ тому же приближался уже и разсвѣтъ. Итакъ Волумній приказалъ дать сигналъ и ударилъ на непріятельское войско. Связанные добычею и въ большинствѣ невооруженные, самнитяне одни прибавляли шагу, гоня предъ собою добычу, другіе же стояли, недоумѣвая, что безопаснѣе, идти ли впередъ, или возвратиться въ лагерь, и во время этого колебанія были уничтожены. Римляне уже перешли черезъ

1) На которомъ говорили самнитяне.

валъ, и въ лагерѣ происходила рѣзня и смятеніе. Кромѣ тревоги, причиненной непріятелемъ, самнитское войско было смущено еще и неожиданнымъ возстаніемъ плѣнныхъ. Одни изъ нихъ, освободившись сами, снимали оковы съ другихъ, другіе хватали оставленное среди поклажи оружіе и, вмѣшавшись въ войско, производили въ немъ сумятицу еще болѣе ужасную, чѣмъ самое сраженіе. Затѣмъ они совершили подвигъ, достойный упоминанія: напавъ на вождя Статія Минація въ то время, какъ тотъ объѣзжалъ ряды и ободрялъ ихъ, и разсѣявъ бывшихъ съ нимъ всадниковъ, они окружили его, взяли въ плѣнъ и на конѣ повлекли къ римскому консулу. Услыхавъ этотъ шумъ, возвратился передовой отрядъ самнитянъ, и битва, уже рѣшенная, возобновилась; но особенно долгое сопротивленіе было невозможно. До 6000 человѣкъ было убито, 2500 взято въ плѣнъ, въ томъ числѣ 4 военныхъ трибуна; захвачено 30 военныхъ знаменъ и, что было всего радостнѣе для побѣдителей, возвращены 7400 плѣнниковъ и огромная добыча, отнятая у союзниковъ. Эдиктомъ Волумнія были вызваны владѣльцы для распознанія и полученія назадъ своего имущества; тѣ же вещи, на которыя не нашлось хозяевъ, по миновапіи назначеннаго срока, были предоставлены воинамъ; но имъ велѣно было продать добычу, чтобы ихъ мысли не сосредоточивались ни на чемъ другомъ, какъ только на оружіи.

21. Это опустошеніе Кампанской области произвело въ Римѣ большую тревогу. Въ то же почти время изъ Этруріи получилось извѣстіе о томъ, что, послѣ удаленія оттуда Волумніева войска, Этрурія, а также и полководецъ самнитянъ Геллій Эгнатій, взялись снова за оружіе; что склоняютъ къ отпаденію умбровъ и увлекаютъ, предлагая громадныя деньги, галловъ. Встревоженный этими извѣстіями, сенатъ приказалъ объявить суды закрытыми и произвести наборъ изъ людей всякаго рода; и не только лица благороднаго происхожденія и молодежь были приведены къ присягѣ, но даже изъ стариковъ сформированы были когорты, и вольноотпущенники раздѣлены на центуріи. Принимались также мѣры къ защитѣ города, и главная забота объ этомъ была возложена на претора П. Семпронія. Впрочемъ, письмо Волумнія, изъ котораго узнали о полномъ пораженіи кампанскихъ грабителей, разсѣяло отчасти безпокойство сената; поэтому, въ честь консула за удачное веденіе дѣла назначено было благодарственное молебствіе, и

отмѣнено закрытіе судовъ, продолжавшееся 18 дней. Молебствіе было чрезвычайно радостное. Затѣмъ стали думать о защитѣ опустошенной самнитянами страны. Итакъ, рѣшено было основать вблизи Весцинской и Фалернской областей двѣ колоніи: одну при устьяхъ рѣки Лириса—колонія эта получила имя Ментурны,—а другую, названную впослѣдствіи римскими колонистами Синуэссою, въ лѣсистыхъ Весцинскихъ горахъ, граничащихъ съ Фалернской областью, тамъ, гдѣ былъ, говорятъ, греческій городъ Синопъ. Народнымъ трибунамъ поручили уполномочить плебисцитомъ [1]) претора П. Семпронія избрать тріумвировъ [2]) для вывода въ эти мѣста колоній. Но желающіе записаться въ число колонистовъ отыскивались съ трудомъ, такъ какъ они были того убѣжденія, что ихъ отправляютъ не съ цѣлью надѣлить землею, но для безпрерывнаго почти караула страны, подверженной нападенію враговъ.

Отъ этихъ заботъ сенатъ отвлекла все болѣе и болѣе усиливавшаяся война въ Этруріи и частыя письма Аппія, совѣтовавшаго не пренебрегать движеніемъ въ этой странѣ. „Четыре народа", писалъ Аппій, „соединили свое оружіе: этруски, самнитяне, умбры и галлы. Они расположились лагеремъ уже въ двухъ мѣстахъ, такъ какъ одно мѣсто не въ состояніи вмѣстить такой массы". Вслѣдствіе этого, а также и для созыва комицій—время ихъ уже приближалось—консулъ Л. Волумній былъ отозванъ въ Римъ. Прежде чѣмъ пригласить центуріи къ подачѣ голосовъ, Волумній созвалъ народъ на собраніе и много говорилъ о важности войны съ этрусками. „Уже въ то время", говорилъ онъ, „когда я дѣйствовалъ тамъ совмѣстно и одновременно съ товарищемъ, война была такъ велика, что ее нельзя было вести одному полководцу или съ однимъ войскомъ; а послѣ того, говорятъ, присоединились еще умбры и громадное войско галловъ. Помните же, что сегодня выбираются консулы, которымъ предстоитъ быть вождями противъ четырехъ народовъ! Если бы я не былъ увѣренъ въ томъ, что по общему согласію народа римскаго будетъ назначенъ консуломъ тотъ, который считается въ настоящее время безспорно самымъ лучшимъ изъ всѣхъ полководцевъ, то я не медля назначилъ бы диктатора"! **22**. Ни у кого не было сомнѣнія

[1]) См. III 55; ср. VIII 12. [2]) См. IX 28 примѣч.

въ томъ, что по общему согласію будетъ назначенъ въ пятый разъ Кв. Фабій; и дѣйствительно, всѣ центуріи, какъ тѣ, которымъ принадлежало право подавать голоса прежде всѣхъ [1]), такъ и вызванные къ подачѣ голосовъ прежде другихъ [2]) избирали консуломъ Фабія вмѣстѣ съ Волумніемъ. Фабій говорилъ то же, что и два года тому назадъ [3]). Затѣмъ, уступая единодушному желанію, онъ, наконецъ, сталъ просить себѣ въ товарищи П. Деція, говоря, что это будетъ опорою его старости; прослуживъ вмѣстѣ съ нимъ цензоромъ и дважды консуломъ, онъ на опытѣ убѣдился въ томъ, что для обезпеченія безопасности государства нѣтъ ничего надежнѣе согласія между сослуживцами; къ новому товарищу по власти старый человѣкъ едва ли можетъ привыкнуть; съ тѣмъ же, характеръ котораго извѣстенъ, ему легче будетъ дѣлиться своими мыслями. Консулъ одобрилъ его рѣчь, съ одной стороны, воздавъ заслуженныя похвалы П. Децію, а съ другой стороны, упомянувъ, какая польза является результатомъ согласія консуловъ, и какое зло въ управленіи военнымъ дѣломъ происходитъ отъ ихъ раздоровъ, и припомнивъ, какъ недавно размолвка между нимъ и его товарищемъ чуть было не привела къ самой ужасной катастрофѣ [4]): онъ убѣждалъ Деція и Фабія жить единымъ сердцемъ и единою душею. „Кромѣ того", говорилъ онъ, „они люди, рожденные для для военной службы, великіе своими подвигами, но неискусные въ словесныхъ состязаніяхъ и плохіе ораторы: такія свойства присущи консуламъ; людей же ловкихъ и изворотливыхъ, знающихъ законы и краснорѣчивыхъ, каковъ Ап. Клавдій, слѣдуетъ имѣть начальниками надъ городомъ и форумомъ и избирать преторами для производства суда". Въ такихъ разсужденіяхъ прошелъ день, на слѣдующій же по приказанію консула состоялись комиціи для выбора и консуловъ и преторовъ. Консулами были избраны Кв. Фабій и П. Децій, а преторомъ — Ап. Клавдій, всѣ заочно; Л. Волумнію, на основаніи сенатскаго постановленія и рѣшенія плебеевъ, главное начальство надъ войскомъ было продолжено на одинъ годъ.

23. Въ этомъ году было много чудесныхъ знаменій;

[1]) Т. е. центуріи всадниковъ; см. I. 43. [2]) Т.-е. центуріи перваго класса; См. ibd. [3]) См. гл. 13 и 15. [4]) См. гл. 18 слд.

чтобы предотвратить ихъ [1]), сенатъ назначилъ двухдневное молебствіе. Вино и ладанъ были доставлены на общественный счетъ. На молебствіе пришло много мужчинъ и женщинъ. Молебствіе это было ознаменовано споромъ, возникшимъ между матронами въ часовнѣ патриціанской богини „Стыдливости", что на Бычачьемъ рынкѣ возлѣ круглаго храма Геркулеса. Матроны устранили отъ жертвоприношеній дочь Авла, Вергинію, патриціанку, вышедшую замужъ за плебея, консула Л. Волумнія, потому что она изъ-за этого брака вышла изъ сословія патриціевъ. Возникшій отсюда незначительный споръ перешелъ, вслѣдствіе свойственной женщинамъ вспыльчивости, въ сильное раздраженіе: Вергинія съ кичливостью, вполнѣ справедливою, говорила, что она вошла въ храмъ патриціанской богини „Стыдливости", во-первыхъ, какъ патриціанка, во-вторыхъ, какъ женщина цѣломудренная и въ-третьихъ, какъ жена одного мужа, къ которому проводили ее дѣвицею [2]); что она довольна и своимъ мужемъ, и почестями, ему оказываемыми, и его подвигами! Затѣмъ къ величавымъ словамъ она присоединила прекрасный поступокъ: въ одной части занимаемаго ею дома, что на Длинной улицѣ, она отдѣлила столько мѣста, чтобы его хватило для устройства небольшой часовни, и поставила тамъ жертвенникъ. Созвавъ плебейскихъ матронъ, она жаловалась имъ на обиду, причиненную ей патриціанками, и сказала: „жертвенникъ этотъ я посвящаю плебейской богинѣ „Стыдливости" и прошу васъ о томъ, чтобы между матронами было такое же соревнованіе въ цѣломудріи, какое господствуетъ въ нашемъ государствѣ среди мужчинъ въ доблести. Старайтесь, чтобы про этотъ жертвенникъ говорили, что его почитаютъ, если это возможно, съ большимъ благочестіемъ, чѣмъ тотъ, и женщины болѣе цѣломудренныя". Почитаніе этого жертвенника обставлено было тѣми же почти обрядами, какъ и прежняго, такъ что лишь матроны испытаннаго цѣломудрія и бывшія за однимъ мужемъ имѣли право приносить на немъ жертвы. Съ теченіемъ времени доступъ къ священнодѣйствію получили личности порочныя и не однѣ только матроны, но женщины всякаго

[1]) Всякій разъ, какъ замѣчали какое-нибудь чудесное знаменіе, особенно, если оно предвѣщало несчастіе, то считали необходимымъ при помощи молитвъ и жертвоприношеній отвратить отъ себя угрожающее бѣдствіе. [2]) Выраженіе это всецѣло заимствовано изъ свадебныхъ обычаевъ римлянъ: вечеромъ послѣ свадьбы невѣсту съ факелами и флейтами провожали въ домъ жениха.

рода, и, наконецъ, оно пришло въ забвеніе. Въ томъ же году курульные эдилы, Гн. и Кв. Огульніи, привлекли къ суду нѣсколькихъ ростовщиковъ. Наказавъ ихъ конфискацией имущества, Огульніи на эти деньги, поступившія въ государственное казначейство, сдѣлали бронзовые пороги въ Капитоліи и серебряные сосуды на три стола въ святилищѣ [1]) храма Юпитера, поставили на верху этого храма статую Юпитера въ колесницѣ, запряженной четверкою лошадей, а у Руминальской смоковницы [2])—изображеніе младенцевъ-основателей города, представленныхъ лежащими у груди волчицы, и выстлали каменными четырехугольными плитами дорогу для пѣшеходовъ отъ Капенскихъ воротъ до храма Марса; плебейскіе же эдилы, Л. Элій Петъ и Г. Фульвій Курвъ, такъ же на штрафныя деньги, взысканныя съ осужденныхъ гуртовщиковъ [3]), устроили игры и поставили золотыя чаши въ храмѣ Цереры.

24. Затѣмъ въ должность консуловъ вступили Кв. Фабій—въ пятый разъ и П. Децій—въ четвертый; они были три раза товарищами по консульству и цензурѣ и знамениты столько же великою славой своихъ подвиговъ, сколько и согласіемъ между собою. Безпрерывному существованію этого согласія помѣшали распри, происшедшія, по моему мнѣнію, скорѣе между сословіями, чѣмъ между ними самими; дѣло въ томъ, что патриціи настаивали, чтобы веденіе войны въ Этруріи было поручено Фабію внѣ порядка [4]), плебеи же совѣтовали Децію рѣшить дѣло жребіемъ. Споръ объ этомъ происходилъ, конечно, въ сенатѣ; послѣ же того, какъ перевѣсъ склонился здѣсь на сторону Фабія, дѣло перенесено было на рѣшеніе народа. Въ собраніи, какъ подобаетъ военнымъ людямъ, полагающимся болѣе на дѣла, чѣмъ на слова, произнесены были краткія рѣчи. Фабій говорилъ, что непристойно другому собирать плоды подъ тѣмъ деревомъ, которое посадилъ онъ; онъ открылъ Циминскій лѣсъ [5]) и проложилъ дорогу римскому оружію черезъ непроходимыя горы. Если они намѣрены были вести войну подъ предводительствомъ другого вождя, то къ чему безпокоили его въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ? „Безъ

[1]) Такъ называлось то мѣсто въ храмѣ, гдѣ стояла статуя бога. [2]) См. I 4 и примѣч. [3]) Рѣчь идетъ о тѣхъ лицахъ, занимавшихся скотоводствомъ, которыя держали на государственныхъ пастбищахъ болѣе скота, чѣмъ было позволено (ср. VI 35) или чѣмъ они показали. [4]) См. примѣч. къ III 2. [5]) См. IX 36 слд.

сомнѣнія“, продолжалъ Фабій, переходя мало-по-малу къ упрекамъ, „я выбралъ себѣ не товарища по власти, а противника; опостылѣло Децію то согласіе, въ которомъ пребывали мы, три раза служа вмѣстѣ. Наконецъ, я и не ищу ничего другого, кромѣ того, чтобы вы отправили меня на театръ военныхъ дѣйствій, если считаете меня достойнымъ этого. Я покорился рѣшенію сената, подчинюсь и приговору народа!“ Публій же Децій, жалуясь на несправедливость сената, говорилъ: „патриціи, пока могли, всѣ свои силы напрягали къ тому, чтобы не было плебеямъ доступа къ высокимъ почетнымъ должностямъ. Послѣ же того, какъ доблесть своими собственными силами добилась, чтобы ее уважали въ людяхъ всякаго рода, они изыскиваютъ средства сдѣлать недѣйствительными не только голосъ народа, но даже приговоръ судьбы, и отдать все это въ распоряженіе немногихъ лицъ. Всѣ бывшіе до меня консулы театръ военныхъ дѣйствій получали по жребію, а теперь сенатъ отдаетъ его Фабію безъ жребія. Если это дѣлается для того, чтобы оказать Фабію честь, то его услуги мнѣ и государству настолько значительны, что я готовъ содѣйствовать его славѣ, лишь бы только блескъ ея не покоился на личномъ моемъ позорѣ. Но когда предстоитъ одна только тяжелая и трудная война, и ее поручаютъ одному изъ консуловъ безъ жребія, кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что другой консулъ признается лишнимъ и безполезнымъ? Фабій кичится своими подвигами, совершенными имъ въ Этруріи; П. Децій также ищетъ случая къ тому, чтобы и ему было чѣмъ кичиться; и, быть можетъ, онъ потушитъ тотъ огонь, который Фабій оставилъ подъ пепломъ, и который то и дѣло производитъ неожиданно новые пожары! Наконецъ, добровольно я уступилъ бы своему товарищу почести и награды изъ уваженія къ его лѣтамъ и величію; но разъ предстоитъ вести изъ-за этого рискованную борьбу, то по своей собственной волѣ я не уступаю и не уступлю! И если изъ этой борьбы я не вынесу ничего другого, то, по крайней мѣрѣ, добьюсь, чтобы то, что принадлежитъ власти народа, было сдѣлано по приказанію народа, а не по милостивому одолженію отцовъ. Молю всеблагого и всемогущаго Юпитера и безсмертныхъ боговъ о томъ, чтобы они, если имъ благоугодно даровать мнѣ одинаковыя съ моимъ товарищемъ мужество и счастіе въ завѣдываніи войною, ниспослали мнѣ и одинаковую съ нимъ долю. Безъ сомнѣнія, и само по себѣ

справедливо, и, какъ примѣръ, полезно, и въ интересахъ славы римскаго народа имѣть такихъ консуловъ, чтобы войну съ этрусками можно было безбоязненно вести подъ руководствомъ любого изъ нихъ!" Фабій попросилъ народъ только выслушить доставленное изъ Этруріи письмо претора Ап. Клавдія, прежде чѣмъ трибы будутъ позваны внутрь[1]), для подачи голосовъ, и удалился изъ собранія; и народъ не съ меньшимъ, чѣмъ сенатъ, единодушіемъ назначилъ театръ военныхъ дѣйствій въ Этруріи Фабію безъ жребія.

25. Послѣ этого къ консулу стеклась почти вся молодежь, и каждый добровольно хотѣлъ записаться въ войско: такъ сильно было желаніе нести военную службу подъ его начальствомъ. Окруженный этою толпою, Фабій сказалъ; „я намѣренъ набрать только 4000 пѣхотинцевъ и 600 всадниковъ и поведу съ собою тѣхъ изъ васъ, которые запишутся сегодня и завтра: не столько забочусь я о томъ, чтобы вести войну съ многочисленнымъ войскомъ, сколько о томъ, чтобы всѣхъ привести назадъ богатыми!" Выступивъ съ войскомъ, необходимымъ для веденія войны и имѣвшимъ тѣмъ болѣе смѣлости и надежды, что не было нужды въ большомъ числѣ воиновъ, Фабій двинулся къ лагерю претора Аппія, къ городу Агаріѣ, не вдалекѣ отъ котораго находились враги. Близъ лагеря, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него навстрѣчу Фабію попались воины, вышедшіе подъ прикрытіемъ конвоя за дровами. Увидѣвъ, что впереди идутъ ликторы, и узнавши, что то былъ консулъ Фабій, они внѣ себя отъ радости стали благодарить боговъ и римскій народъ за то, что они послали имъ его въ главнокомандующіе; когда же, окруживъ консула, они привѣтствовали его, Фабій спросилъ ихъ, куда они идутъ; они отвѣчали, что идутъ за дровами. Тогда Фабій сказалъ: „какъ? развѣ лагерь у васъ не обнесенъ палисадомъ?" Послѣ того, какъ на это послѣдовалъ громогласный отвѣтъ, что лагерь окруженъ даже двойнымъ палисадомъ и рвомъ и все-таки находится въ сильномъ страхѣ, Фабій сказалъ: „такъ у васъ довольно дровъ: идите назадъ и разбирайте палисадъ!" Они возвратились въ лагерь и тамъ, разбирая палисадъ, навели ужасъ, какъ на воиновъ, оставшихся въ лагерѣ, такъ и на самого Аппія. Тогда они стали говорить другъ другу, что

[1]) См. гл. 13 и примѣч.

дѣлаютъ это по приказанію консула Кв. Фабія. На слѣдующій затѣмъ день лагерь былъ снятъ съ мѣста, и преторъ Аппій отосланъ въ Римъ. Съ этого времени римляне нигдѣ не имѣли продолжительной стоянки; Фабій говорилъ, что для войска вредно оставаться на одномъ мѣстѣ, что отъ походовъ и перемѣны мѣста оно дѣлается живѣе и здоровѣе. Переходы же дѣлались такіе, какіе позволяла еще не окончившаяся зима. Затѣмъ, въ самомъ началѣ весны, оставивъ второй легіонъ у Клузія, который нѣкогда называли Камарсомъ, и поручивъ начальство надъ лагеремъ пропретору Л. Сципіону, самъ Фабій возвратился въ Римъ для совѣщаній относительно войны. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это самъ добровольно, такъ какъ въ виду была война болѣе серьезная, чѣмъ онъ представлялъ ее себѣ на основаніи слуховъ; или же онъ былъ приглашенъ по сенатскому постановленію—у писателей находятся указанія на то и на другое. Нѣкоторые хотятъ представить дѣло такъ, будто Фабій былъ отозванъ преторомъ Ап. Клавдіемъ, ибо послѣдній, какъ это дѣлалъ онъ постоянно въ письмахъ, и въ сенатѣ, и передъ народомъ преувеличивалъ ужасъ войны съ этрусками; онъ говорилъ, что не хватитъ противъ четырехъ народовъ одного вождя и одной арміи; соединенными ли силами нападутъ враги на одного его, или поведутъ войну въ разныхъ пунктахъ, надо опасаться, что одинъ онъ не въ состояніи будетъ присмотрѣть одновременно за всѣмъ. Онъ оставилъ тамъ два римскихъ легіона, да съ Фабіемъ пришло менѣе 5000 пѣхоты и конницы. Его мнѣніе таково, чтобы консулъ П. Децій отправлялся какъ можно скорѣе къ товарищу, въ Этрурію, а Л. Волумнію было поручено веденіе войны въ Самніи; если же консулъ Децій предпочитаетъ идти на отведенный ему театръ военныхъ дѣйствій [1]),то пусть Волумній отправляется въ Этрурію къ консулу Фабію съ формально набраннымъ консульскимъ войскомъ [2]). Такъ какъ рѣчь претора на многихъ производила впечатлѣніе, то П. Децій, говорятъ, высказался за то, чтобы Кв. Фабію сохранена была во всемъ полная свобода дѣйствій, пока онъ или самъ прибудетъ въ Римъ, если въ состояніи будетъ сдѣлать это безъ ущерба для государства, или пришлетъ кого-нибудь изъ легатовъ, отъ котораго бы сенатъ

[1]) Т.-е. въ Самніи; см. гл. 24. [2]) См. IX 43 и примѣч.

могъ узнать, какъ велика война въ Этруріи, съ какими силами надо вести ее, и сколько для этого требуется вождей.

26. По возвращеніи въ Римъ Фабій и въ сенатѣ, и передъ народомъ держалъ рѣчь нейтральнаго характера: очевидно было, что онъ не преувеличивалъ и не умалялъ слуховъ о войнѣ и, если и принималъ къ себѣ въ товарищи другого полководца, то въ этомъ случаѣ скорѣе оказывалъ снисхожденіе опасеніямъ другихъ, чѣмъ думалъ объ опасности, грозившей ему или государству. „Впрочемъ", говорилъ онъ, „если мнѣ даютъ помощника въ веденіи войны и товарища по власти, то какъ могъ бы я забыть о консулѣ П. Деціи, столько разъ испытанномъ мною сослуживцѣ? никого изъ всѣхъ болѣе, чѣмъ его, я не желаю имѣть своимъ товарищемъ! Съ П. Деціемъ для меня и войска хватитъ, и никогда не будетъ слишкомъ много враговъ! Если же сотоварищъ мой предпочитаетъ этому что нибудь другое, то дайте мнѣ въ помощники Л. Волумнія!" И народъ, и сенатъ, и самъ сотоварищъ Фабія предоставили все это дѣло на его усмотрѣніе. Когда же П. Децій заявилъ о своей готовности идти хоть въ Самній, хоть въ Этрурію, то проявилась такая радость и раздались такія поздравленія, что умамъ уже заранѣе представлялась побѣда, и консуламъ, казалось, назначена была не война, а тріумфъ.

У нѣкоторыхъ историковъ я нахожу, что Фабій и Децій отправились въ Этрурію тотчасъ по вступленіи въ должность консуловъ, при чемъ не упоминается ни о раздѣлѣ театра военныхъ дѣйствій по жребію, ни объ изложенныхъ мною спорахъ между сотоварищами. Нѣкоторые же не удовольствовались даже изложеніемъ этихъ споровъ, а прибавили, что преторъ Аппій заочно клеветалъ передъ народомъ на консула Фабія, упорно не переставая дѣлать это и въ его присутствіи, и что между сотоварищами происходилъ еще другой споръ, въ которомъ Децій настаивалъ на томъ, чтобы каждый оставался на театрѣ военныхъ дѣйствій, доставшемся ему по жребію. Достовѣрныя извѣстія начинаются съ того момента, какъ оба консула отправились на войну.

Впрочемъ, еще до прибытія консуловъ въ Этрурію галлы сеноны огромною толпою явились къ Клузію, съ цѣлью напасть на римскій легіонъ и на лагерь. Начальствовавшій надъ римскимъ лагеремъ Сципіонъ, признавая необходимымъ помочь малочисленности своихъ воиновъ выгодной позиціей, направилъ отрядъ вверхъ на холмъ, находившійся между городомъ и лагеремъ; но, какъ естественно въ дѣлѣ, заставшемъ врасплохъ, онъ двинулся, не изслѣдовавъ хорошенько дорогу къ возвышенію, которое уже заняли враги, подойдя съ другой стороны. Такимъ образомъ легіонъ Сципіона былъ разбитъ съ тылу и, такъ какъ враги напирали со всѣхъ сторонъ, то и очутился въ срединѣ, будучи окруженъ. Нѣкоторые писатели сообщаютъ, что римскій легіонъ подвергся здѣсь даже полному уничтоженію, такъ что не осталось даже человѣка, который бы извѣстилъ объ этомъ, и что слухъ о пораженіи тогда только дошелъ до консуловъ, находившихся уже неподалеку отъ Клузія, когда въ виду ихъ появились галльскіе всадники, которые везли головы убитыхъ ими римлянъ привязанными къ груди лошадей и воткнутыми на копья и, по своему обычаю, выражали радость пѣснею. Нѣкоторые передаютъ, что то были не галлы, а умбры, и что пораженіе, понесенное римлянами, не было такъ велико; что окружены были только фуражиры вмѣстѣ съ легатомъ Л. Манліемъ Торкватомъ, но что преторъ Сципіонъ пришелъ къ нимъ изъ лагеря на помощь; что по возобновленіи битвы побѣдители умбры были разбиты, и у нихъ отняли плѣнныхъ и добычу. Ближе къ истинѣ, что пораженіе это было нанесено врагами галлами, а не умбрами; ибо, какъ часто въ другое время, такъ въ особенности въ этомъ году государство находилось въ страхѣ отъ грозившаго городу нашествія галловъ. Итакъ, кромѣ того, что на войну отправились оба консула съ четырьмя легіонами, многочисленною римскою конницей, тысячью отборныхъ кампанскихъ всадниковъ, посланныхъ на эту войну, и съ войскомъ союзниковъ и народовъ латинскаго племени, превышавшихъ численностью самое римское войско, кромѣ всего этого, еще и другія двѣ арміи выставлены были противъ Этруріи невдалекѣ отъ города: одна—въ области фалисковъ, другая—на Ватиканскомъ полѣ. Пропреторы Гн. Фульвій и Л. Постумій Мегеллъ оба получили приказаніе расположить въ этихъ мѣстахъ свои лагери.

27. Консулы прибыли къ врагамъ, перешедшимъ Апеннинскій хребетъ, въ область города Сентина и здѣсь на разстояніи почти четырехъ миль отъ нихъ разбили свой лагерь. Затѣмъ между врагами начались совѣщанія, и они рѣшили не соединяться всѣмъ вмѣстѣ въ одномъ лагерѣ и не вступать одновременно въ битву; къ самнитянамъ присое-

динили галловъ, а къ этрускамъ—умбровъ. Назначили день битвы. Самнитянамъ и галламъ поручили битву, а этрускамъ и умбрамъ приказали осадить во время самого сраженія римскій лагерь. Планы эти разрушили трое перебѣжчиковъ изъ Клузія: тихонько ночью пришли они къ консулу Фабію и открыли ему намѣренія враговъ. Ихъ отпустили съ подарками съ тѣмъ, чтобы они, лишь только у враговъ состоится какое-нибудь новое рѣшеніе, разузнали о немъ и тотчасъ же донесли. Консулы написали Фульвію и Постумію, чтобы они—первый изъ области фалисковъ, а второй съ Ватинскаго поля—двинули свои войска къ Клузію и всѣми силами опустошали предѣлы непріятелей. Слухъ объ этомъ опустошеніи заставилъ этрусковъ двинуться съ территоріи города Сентина на защиту своихъ границъ. Послѣ этого консулы стали настаивать [1]) на томъ, чтобы дать битву въ отсутствіе этрусковъ. Въ продолженіе двухъ дней вызывали они непріятеля на битву; въ продолженіе двухъ дней не произошло ничего достойнаго разсказа: съ той и другой стороны было немного убитыхъ, и только духъ воиновъ воспламенился: они ждали настоящаго сраженія, до рѣшительной же битвы дѣло не дошло. На третій день тѣ и другіе со всѣми своими войсками вышли на бранное поле. Когда войска стояли готовыми къ бою, лань, выгнанная волкомъ изъ горъ, кинулась, убѣгая отъ него черезъ поле, между двумя войсками. Затѣмъ животныя эти побѣжали въ разныя стороны: лань направила свой путь къ галламъ, а волкъ къ римлянамъ. Волку дали дорогу между рядами, а лань галлы убили. Тогда одинъ изъ стоявшихъ передъ знаменами римскихъ воиновъ сказалъ; „пораженіе и бѣгство обратились туда, гдѣ вы видите распростертымъ животное, посвященное Діанѣ; здѣсь же посвященный Марсу побѣдитель волкъ, цѣлый и невредимый, напомнилъ намъ о потомкѣ Марса [2]), о нашемъ основателѣ. На правомъ флангѣ стали галлы, на лѣвомъ—самнитяне. Противъ самнитянъ Кв. Фабій выстроилъ первый и третій легіоны, такъ что они образовали собою правый флангъ; а противъ галловъ Децій выстроилъ пятый и шестой легіоны, такъ что они образовали лѣвый флангъ; второй же и четвертый легіоны

[1]) Вѣроятно, въ военномъ совѣтѣ. [2]) Т.-е. о Ромулѣ, отцомъ котораго, по преданію, былъ богъ войны Марсъ. См. I 4.

съ проконсуломъ Л. Волумніемъ вели войну въ Самніи. При первой схваткѣ боевыя силы были до такой степени одинаковы, что, если бы были тутъ еще этруски и умбры, то пришлось бы потерпѣть пораженіе всюду, куда бы ни направились они, будь то на полѣ битвы, или въ лагерѣ. **28.** Впрочемъ, хотя до сихъ поръ успѣхъ въ битвѣ былъ одинаковъ на той и другой сторонѣ, и судьба еще не рѣшила, кому дать перевѣсъ, однако битва на правомъ и лѣвомъ флангѣ была далеко не одинакова. Тамъ, гдѣ находился Фабій, римляне дѣйствовали скорѣе оборонительно, чѣмъ наступательно, и старались затянуть сраженіе, по возможности, до самаго поздняго времени дня, такъ какъ вождь ихъ былъ того убѣжденія, что и самнитяне, и галлы отважны при первомъ натискѣ; что достаточно устоять передъ ними, при дальнѣйшемъ же ходѣ битвы мужество самнитянъ мало-по-малу остываетъ; а у галловъ ослабѣваетъ даже самое тѣло, будучи неспособнымъ къ перенесенію трудовъ и зноя; въ началѣ битвы они храбры болѣе, чѣмъ то свойственно мужамъ, а въ концѣ ея становятся слабѣе женщинъ. Поэтому Фабій старался сохранить какъ можно болѣе свѣжими силы своихъ воиновъ на то время, когда враги обыкновенно уступали побѣдѣ. Болѣе же горячій и по своимъ лѣтамъ, и по своему пылкому темпераменту Децій истратилъ всѣ, какія только были у него, силы въ началѣ битвы и, такъ какъ пѣшее сраженіе, казалось ему, шло слишкомъ медленно, двинулъ въ битву конницу, а самъ, вмѣшавшись въ эскадронъ наиболѣе храброй молодежи, сталъ упрашивать знатныхъ юношей ударить вмѣстѣ съ нимъ на непріятеля; они-де покроютъ себя сугубою славой, если побѣду начнетъ лѣвый флангъ и конница. Два раза обращали они въ бѣгство галльскую конницу; въ третій разъ заѣхали слишкомъ далеко и начинали уже бой въ рядахъ пѣхоты, когда были приведены въ ужасъ сраженіемъ неизвѣстнаго имъ дотолѣ характера [1]): стоя на боевыхъ колесницахъ [2]) и телѣгахъ, съ страшнымъ грохотомъ, производимымъ лошадьми и колесами, явились вооруженные непріятели и напугали непривыкшихъ къ подобному шуму римскихъ лошадей. Такимъ

[1]) Странно, что римляне, столько разъ имѣвшіе дѣло съ галлами, до сихъ поръ не были знакомы съ галльскими боевыми колесницами. [2]) „Essedum" называлась двух-или четырехколесная боевая колесница галловъ и британцевъ, снабженная серпами, прикрѣпленными къ осямъ колесъ.

образомъ подъ вліяніемъ страха, точно обезумѣвшая, разсѣивается побѣдоносная конница; при этомъ неосмотрительномъ бѣгствѣ, стараясь уйти отсюда, валятся на землю люди съ лошадьми. Вслѣдствіе этого пришли въ замѣшательство также знамена легіоновъ, и многіе изъ стоявшихъ передъ знаменами воиновъ были смяты натискомъ лошадей и колесницъ, несшихся черезъ войско. Замѣтивъ испугъ непріятелей, войско галловъ погналось за ними, не давая имъ ни минуты времени, чтобы перевести духъ и оправиться отъ страха. Децій кричитъ воинамъ, спрашивая ихъ, куда бѣгутъ они, или на что надѣются они при этомъ бѣгствѣ; онъ становится на дорогѣ бѣгущимъ, зоветъ назадъ разсѣявшихся; затѣмъ, не будучи въ состояніи никакими силами удержать оторопѣвшихъ воиновъ, Децій, призывая имя отца своего П. Деція, сказалъ: „къ чему мнѣ далѣе откладывать то, что предопредѣлено судьбою нашей фамиліи? Таковъ удѣлъ рода нашего, чтобы мы служили искупительною жертвою для устраненія всеобщей опасности! Вотъ я принесу вмѣстѣ съ собою въ жертву Землѣ и богамъ Манамъ легіоны непріятелей". Послѣ этихъ словъ онъ велѣлъ понтифику М. Ливію, которому, выходя на битву, запретилъ отходить отъ себя, говорить ему слова, повторяя которыя онъ долженъ былъ обречь себя и легіоны враговъ на смерть за войско римскаго народа квиритовъ. Затѣмъ, обреченный на смерть тѣми же молитвами и въ томъ же одѣяніи, какъ раньше отецъ его, П. Децій, велѣвшій обречь себя на смерть у Везера во время войны съ латинянами [1]), Децій послѣ обычныхъ моленій присовокупилъ, что ему предшествуютъ ужасъ и бѣгство, убійство и кровопролитіе, гнѣвъ боговъ небесныхъ и подземныхъ. Смертельными проклятіями поразитъ онъ знамена, стрѣлы и оружіе непріятелей, и одно и тоже мѣсто станетъ мѣстомъ гибели и для него, и для галловъ и самнитянъ! Съ такими клятвами на себя и враговъ Децій, пришпоривъ коня, поскакалъ въ ту сторону, гдѣ видѣлъ густые ряды галловъ, бросился на подставленныя копья и былъ убитъ. **29**. Послѣ этого битва, казалось, стала непосильной для человѣка. Потерявъ вождя, что въ другое время обыкновенно возбуждаетъ ужасъ, римляне прекратили бѣгство и желали сызнова начать битву; галлы же, и

[1]) См. VIII 9.

въ особенности толпа, окружавшая тѣло консула, какъ бы лишившись разсудка, безцѣльно, на-авось метали свои стрѣлы; нѣкоторые же пришли въ оцѣпенѣніе и забыли и о сраженіи, и о бѣгствѣ. А съ другой стороны понтификъ Ливій, которому Децій передалъ ликторовъ и велѣлъ быть за претора, громко кричалъ, что римляне побѣдили, отдѣлавшись смертью консула, а галлы и самнитяне—достояніе Матери-Земли и боговъ Мановъ; что Децій зоветъ и насильно влечетъ къ себѣ войско, обреченное вмѣстѣ съ нимъ на смерть; что у враговъ все исполнено безумія и страха. Затѣмъ въ то время, какъ римляне снова начинали битву, къ нимъ подошли еще съ подкрѣпленіемъ изъ аріергарда Л. Корнелій Сципіонъ и Г. Марцій, посланные по приказанію консула Кв. Фабія на помощь товарищу. Здѣсь услыхали они о судьбѣ П. Деція, и это чрезвычайно возбудило ихъ отважиться ради государства на все. Такъ какъ галлы стояли густыми рядами, сомкнувъ передъ собою щиты, и рукопашная битва казалась трудной, то, по приказанію легатовъ, воины собрали валявшіеся тамъ и сямъ на землѣ межъ двумя войсками дротики и бросили ихъ въ непріятельскую черепаху [1]). Хотя большая часть дротиковъ вонзилась въ щиты и только немногіе—въ самое тѣло, однако фаланга [2]) была опрокинута, такъ что большинство, не будучи ранеными, какъ громомъ пораженные, попадали на землю. Таковы были превратности судьбы на лѣвомъ флангѣ римлянъ. На правомъ флангѣ Фабій сначала, какъ сказано выше [3]), цѣлый день медлилъ, а затѣмъ, когда уже и крикъ враговъ, и ихъ натискъ, и пущенныя ими стрѣлы не имѣли, повидимому, прежней силы, онъ велѣлъ начальникамъ конницы вести отряды ея въ обходъ къ тому флангу, гдѣ стояли самнитяне, чтобы по данному сигналу ударить на нихъ какъ можно сильнѣе наискось; своимъ же онъ приказалъ понемногу наступать и оттѣснять непріятеля. Увидѣвъ, что враги не сопротивляются и безъ сомнѣнія устали, Фабій, собравъ всѣ резервы, которые приберегъ на это время,

[1]) Такъ называлась, по сходству формы, крыша изъ щитовъ надъ головами воиновъ, шедшихъ на непріятеля; здѣсь же подъ этимъ словомъ разумѣется рядъ щитовъ, которые воины держали передъ собою, плотно сомкнувъ ихъ одинъ съ другимъ. [2]) Это былъ особый, свойственный галламъ и германцамъ, видъ боевого строя. Онъ представлялъ собою продолговатый четырехугольникъ, наше „карре", въ которомъ щиты передъ туловищами воиновъ или надъ головами ихъ плотно прикладывались одинъ къ другому. [3]) См. гл. 28.

быстро двинулъ легіоны и подалъ сигналъ всадникамъ къ нападенію на непріятеля. Не выдержали самнитяне натиска и, оставивъ въ сраженіи своихъ товарищей, мимо самаго войска галловъ врассыпную неслись къ лагерю, а галлы, образовавъ черепаху, стояли плотно сомкнутыми рядами. Тогда Фабій, услыхавъ о смерти своего товарища, приказалъ вспомогательному отряду кампанцевъ, состоявшему почти изъ 500 всадниковъ, выйти изъ сраженія и, объѣхавъ галльское войско, ударить на него съ тылу; потомъ принципамъ [1]) третьяго легіона велѣлъ слѣдовать за кампанцами и, нападая на непріятельское войско тамъ, гдѣ увидятъ его пришедшимъ въ безпорядокъ отъ натиска конницы, рубить испуганныхъ враговъ. А самъ, давъ Юпитеру Побѣдоносцу обѣтъ воздвигнуть храмъ и посвятить непріятельскіе доспѣхи, двинулся къ лагерю самнитянъ, куда спѣшила вся масса оробѣвшихъ враговъ. Подъ самымъ валомъ нѣкоторые изъ непріятелей, отрѣзанные отъ толпы своихъ товарищей, вслѣдствіе того, что ворота не пропускали такой массы людей, попытались вступить въ битву. Здѣсь палъ главнокомандующій самнитянъ Геллій Эгнатій. Затѣмъ самнитянъ загнали внутрь вала и послѣ небольшого сраженія лагерь былъ взятъ, и галлы окружены съ тылу. Въ этотъ день убито было 25000 непріятелей, а въ плѣнъ взято 8000. И римлянамъ побѣда не обошлась безъ потерь, такъ какъ изъ войска П. Деція было убито 7000, а изъ войска Фабія 1700 человѣкъ. Разославъ воиновъ отыскать трупъ своего товарища, Фабій собралъ въ кучу взятые у непріятелей доспѣхи и сжегъ ихъ въ честь Юпитера Побѣдоносца. Въ этотъ день не могли отыскать трупа консула, такъ какъ онъ былъ заваленъ нагроможденными на него тѣлами галловъ. На слѣдующій день его нашли и отнесли въ лагерь; воины при этомъ заливались слезами. Затѣмъ Фабій отложилъ въ сторону заботу обо всемъ другомъ и устроилъ торжественныя похороны своему товарищу, воздавъ ему всевозможныя почести и осыпавъ его заслуженными похвалами. **30**. И въ Этруріи въ тѣ же самые дни у пропретора Гн. Фульвія дѣла шли превосходно: онъ не только причинилъ непріятелю страшный вредъ опустошеніемъ его полей, но и, кромѣ того, далъ славное сраженіе, при чемъ

---

1) См. VIII 8.

было убито болѣе 3000 перузійцевъ и клузійцевъ и взято до 20 военныхъ знаменъ. Когда самнитское войско бѣжало черезъ землю пелигновъ, они окружили его, и изъ пяти тысячъ человѣкъ около тысячи было убито. Велика слава того дня, когда произошла битва на территоріи города Сентина, даже и въ томъ случаѣ, если станемъ держаться истины. Но нѣкоторые своими преувеличеніями превзошли мѣру вѣроятія: они пишутъ, что въ войскѣ непріятелей была 1000000 пѣхоты, 46000 всадниковъ и 1000 двухколесныхъ повозокъ, считая въ этомъ числѣ, конечно, умбровъ и этрусковъ, ибо и эти, по ихъ словамъ, принимали участіе въ сраженіи. Мало того, чтобы увеличить также и римскія войска, они присоединяютъ къ консуламъ въ роли проконсула полководца Л. Волумнія, а къ легіонамъ консуловъ—войско этого послѣдняго. Въ большей части лѣтописей эта побѣда приписывается двумъ консуламъ, а Волумній между тѣмъ велъ войну въ Самніи. Онъ загналъ самнитское войско на Тифернскую гору и, не устрашась неблагопріятной мѣстности, разбилъ его и обратилъ въ бѣгство.— Кв. Фабій, оставивъ войско Деція для охраны Этруріи, увелъ свои легіоны къ городу Риму и получилъ тріумфъ за побѣду надъ галлами, этрусками и самнитянами. Во время его тріумфальнаго шествія съ нимъ шли воины. Въ грубыхъ солдатскихъ пѣсняхъ прославляли они столько же побѣду Кв. Фабія, сколько и славную кончину П. Деція; вспоминали родителя этого послѣдняго; признавали равными его подвиги и подвиги сына по значенію ихъ для государства и лично для нихъ. Воинамъ роздали изъ добычи по 82 асса [1]), по сагѣ [2]) и туникѣ, награда за военную службу по тому времени отнюдь недурная!

31. Несмотря на такія обстоятельства, мира все еще не было ни въ землѣ самнитянъ, ни въ Этруріи. Дѣло въ томъ, что и перузійцы своими подстрекательствами вновь подняли войну послѣ того, какъ консулъ увелъ войско, и самнитяне спускались для грабежа въ области Весціи и Формій съ одной стороны и въ область Эзерніи и въ мѣстности вдоль рѣки Вультурна—съ другой. Противъ нихъ былъ посланъ преторъ Ап. Клавдій съ войскомъ Деція. Въ возобновившей войну Этруріи Фабій убилъ еще 4500 перузійцевъ и

---

1) См. I 43 примѣч. 2) Длинный шерстяной солдатскій плащъ.

взялъ въ плѣнъ до 1740 человѣкъ. Плѣнники были выкуплены за 310 ассовъ каждый, а вся остальная добыча была предоставлена воинамъ. Легіоны самнитянъ, преслѣдуемые частію преторомъ Ап. Клавдіемъ, частію проконсуломъ Л. Волумніемъ, собрались въ Стеллатскій округъ. Здѣсь остановились и всѣ самнитяне, и разбили общій лагерь Аппій съ Волумніемъ. Бой былъ весьма ожесточенный, такъ какъ съ одной стороны чувство гнѣва подстрекало противъ тѣхъ, которые такъ часто поднимали мятежи, а съ другой—бились, полагая въ этомъ свою послѣднюю надежду. Итакъ, со стороны самнитянъ убито было 16300 человѣкъ, а въ плѣнъ взято 2700; изъ римскаго же войска пало 2700 человѣкъ. Счастливый въ отношеніи военныхъ дѣлъ, годъ этотъ былъ тяжелымъ вслѣдствіе моровой язвы и тревожнымъ въ виду появленія чудесныхъ знаменій. Такъ, было получено извѣстіе о томъ, что во многихъ мѣстахъ шелъ земляной дождь, а въ войскѣ Ап. Клавдія весьма многіе были убиты молніей. Поэтому обратились къ книгамъ [1]). Въ этомъ году сынъ консула Кв. Фабій Гургесъ подвергъ денежному штрафу нѣсколькихъ матронъ, осужденныхъ предъ народомъ за безнравственное поведеніе, и на эти штрафныя деньги велѣлъ построить храмъ Венерѣ, что возлѣ цирка.

Еще и теперь не покончили мы съ Самнитскими войнами, о которыхъ повѣствуемъ безпрерывно уже въ четвертой книгѣ и которыя тянутся сорокъ шесть лѣтъ, со времени консульства М. Валерія и А. Корнелія, впервые начавшихъ войну съ Самніемъ [2]). И чтобы не говорить теперь ни о пораженіяхъ, понесенныхъ обоими народами въ теченіе столькихъ лѣтъ, ни о трудахъ, которые переносили они, которые однако не могли сломить суроваго ихъ духа, я напомню только, что въ ближайшемъ, прошломъ году самнитяне разбиты были четырьмя римскими арміями и четырьмя полководцами; въ области города Сентина, въ землѣ пелигновъ, у Тиферна и въ Стеллатскомъ округѣ, и сами по себѣ съ своими собственными легіонами, и вмѣстѣ съ чужими; что они потеряли славнѣйшаго вождя своего народа; что они видѣли своихъ товарищей по войнѣ—этрусковъ, умбровъ и галловъ, въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находились сами, и, хотя уже не могли держаться ни собственными силами, ни силами посторонними, однако не прекращали войны: такъ мало надоѣдала имъ даже и неудачная защита свободы, и они предпочитали быть побѣжденными, чѣмъ отказаться отъ попытки побѣдить! Кому же изъ описывающихъ или читающихъ объ этихъ войнахъ можетъ надоѣсть продолжительность ихъ, когда она не утомила людей, ведшихъ ихъ?!

1) См. III 10 примѣч. 2) См. VII 29.

32. Вслѣдъ за Кв. Фабіемъ и П. Деціемъ консулами 460 г.
были Л. Постумій Мегеллъ и М. Атилій Регулъ. Веденіе войны съ Самніемъ поручили имъ обоимъ, въ виду слуховъ о томъ, что враги набрали три арміи, изъ которыхъ одна вторично отправляется въ Этрурію, другая снова принимается за опустошеніе Кампаніи, а третья готовится для охраны границъ. Нездоровье удержало Постумія въ Римѣ, Атилій же выступилъ немедленно, чтобы застать враговъ—такъ было угодно отцамъ—въ Самніи, пока они не вышли изъ него. Какъ бы по уговору, римляне встрѣтились съ врагами въ такомъ мѣстѣ, что и сами не имѣли возможности опустошать самнитскую землю, и самнитянамъ мѣшали перейти отсюда въ мирныя страны и въ предѣлы союзниковъ римскаго народа. Когда оба лагеря соединились, самнитяне—такую отвагу породило крайнее отчаяніе!—рѣшились на то, на что едва осмѣливались римляне, бывшіе столько разъ побѣдителями, а именно: напасть на римскій лагерь; и, хотя такое смѣлое предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ, однако не осталось и совершенно безъ результата. До поздняго часа дня стоялъ такой густой туманъ, что не давалъ возможности пользоваться дневнымъ свѣтомъ, такъ какъ нельзя было не только видѣть впереди, за валомъ, но даже и близко сойдясь разглядѣть другъ друга. Полагаясь на это, какъ бы на убѣжище для засады, самнитяне, лишь только забрежжилъ свѣтъ, къ тому же еще омрачаемый туманомъ, подошли къ стоявшему въ воротахъ и лѣниво отправлявшему караулы сторожевому римскому посту. Застигнутые врасплохъ часовые не имѣли достаточно ни мужества, ни силъ, чтобы оказать сопротивленіе. Нападеніе было произведено съ задней стороны лагеря, черезъ заднія ворота [1]). Такимъ образомъ была взята палатка квестора, и въ ней убитъ квесторъ Л. Опимій Панса. Послѣ этого раздался призывъ

1) См. IX 36 примѣч.

къ оружію. **33**. Пробужденный шумомъ, консулъ велитъ двумъ когортамъ союзниковъ, Луканской и Суэсской, которыя случайно находились ближе всѣхъ, охранять преторій [1]), а манипулы [2]) легіоновъ ведетъ главной [3]) улицей. Едва приготовивъ, какъ слѣдуетъ, оружіе, воины строятся въ ряды и скорѣе узнаютъ непріятелей по ихъ крику, чѣмъ видятъ ихъ. Нельзя также было опредѣлить и того, какъ велико число враговъ. Сначала, будучи неувѣрены въ своемъ положеніи, римляне отступаютъ и пропускаютъ враговъ внутрь, въ середину лагеря. Затѣмъ, когда консулъ громкимъ голосомъ сталъ спрашивать ихъ, не хотятъ ли они, будучи прогнаны за валъ, штурмовать потомъ свой собственный лагерь, они, поднявъ крикъ, сначала оказываютъ энергичное сопротивленіе врагамъ, затѣмъ наступаютъ, оттѣсняютъ непріятелей и, когда тѣ отступили, объятые такимъ же ужасомъ, какъ и въ началѣ преслѣдованія, прогоняютъ ихъ за ворота и валъ. Далѣе идти и преслѣдовать непріятелей они не рѣшились, такъ какъ мракъ заставлялъ опасаться скрытой гдѣ-нибудь поблизости засады; удовольствовавшись тѣмъ, что выручили свой лагерь, римляне отступили за валъ, убивъ почти триста непріятелей. Со стороны римлянъ погибло 730 человѣкъ форпостовыхъ воиновъ, стражей и тѣхъ, что были захвачены около квесторской палатки. Удавшееся отважное предпріятіе придало духу самнитянамъ: они не позволяли римлянамъ не только двинуться далѣе, но даже и добывать провіантъ на ихъ поляхъ. Фуражиры ходили за провіантомъ назадъ, въ мирную область Соры. Слухъ объ этомъ, еще болѣе тревожный, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, дошелъ до Рима и понудилъ консула Л. Постумія, едва оправившагося отъ болѣзни, выступить изъ города. Но, прежде чѣмъ выйти, онъ предписалъ воинамъ собраться въ Сору, а самъ освятилъ храмъ Побѣды, который, въ бытность свою курульнымъ эдиломъ, приказалъ выстроить на штрафныя деньги. Послѣ этого онъ отправился къ войску и изъ-подъ Соры двинулся въ Самній, къ лагерю своего товарища. Послѣ того какъ самнитяне отступили, не надѣясь на возможность сопротивленія двумъ арміямъ, консулы отсюда разошлись въ разныя стороны опустошать поля и осаждать города. **34**. Постумій, приступивъ къ осадѣ Миліо-

---

[1]) Такъ называлась палатка полководца. [2]) См. VIII 8 примѣч. [3]) См. примѣч. къ IV 19.

ніи, сначала пытался взять ее открытой силой и штурмомъ; затѣмъ, мало успѣвая въ этомъ, онъ овладѣлъ, наконецъ, ею при помощи осадныхъ машинъ и виней [1]), подведенныхъ къ стѣнамъ. Здѣсь, уже по взятіи города, во всѣхъ частяхъ его отъ четвертаго и почти до восьмого часа происходилъ бой, результатъ котораго долгое время оставался сомнительнымъ. Наконецъ, римляне овладѣли городомъ. Самнитянъ было убито 3200, а въ плѣнъ, кромѣ прочей добычи, взято 4700 человѣкъ. Послѣ этого легіоны были отведены къ Феритру, откуда горожане тихонько ночью вышли черезъ заднія ворота со всѣмъ своимъ имуществомъ, которое можно было унести и увести. Итакъ, тотчасъ по прибытіи, консулъ подошелъ сначала къ стѣнамъ такимъ стройнымъ маршемъ и въ такомъ боевомъ порядкѣ, какъ будто бы предстояло такое же сраженіе, какъ и подъ Миліоніей. Затѣмъ, увидѣвъ, что въ городѣ мертвая тишина, и что ни на стѣнахъ, ни на башняхъ нѣтъ ни оружія, ни людей, онъ сталъ удерживать воиновъ, жаждавшихъ напасть на покинутыя стѣны, опасаясь того, какъ бы они не сдѣлались, по своей неосторожности, жертвою какого-нибудь тайнаго коварства. Онъ велитъ двумъ эскадронамъ союзниковъ латинскаго племени объѣхать кругомъ стѣнъ и все разузнать. Всадники видятъ на одной и той же сторонѣ, невдалекѣ одни отъ другихъ двое воротъ, растворенныхъ настежь, и по дорогѣ изъ нихъ — слѣды ночного бѣгства непріятелей. Затѣмъ мало-по-малу подъѣзжаютъ они къ воротамъ и видятъ, что городъ безъ опасности можно пройти напрямикъ. Они доносятъ консулу, что городъ покинутъ, какъ это видно по несомнѣнному безлюдью и по свѣжимъ слѣдамъ бѣгства, а также по множеству вещей, оставленныхъ тамъ и сямъ во время ночной суматохи. Услыхавъ объ этомъ, консулъ ведетъ войско въ обходъ къ той части города, которую осмотрѣли всадники. Остановившись съ войскомъ неподалеку отъ воротъ, онъ велитъ пяти всадникамъ войти въ городъ и, пройдя немного впередъ, троимъ остаться на мѣстѣ, если они признаютъ это безопаснымъ для себя, а двоимъ — сообщить ему, что узнаютъ. Когда посланные вернулись и сообщили, что они доходили до такого мѣста, откуда видно было во всѣ стороны, и повсюду замѣчали тишину и безлюдье, консулъ тотчасъ повелъ когорты налегкѣ въ городъ,

---

[1]) См. примѣч. къ II 17.

а остальнымъ приказалъ укрѣпить между тѣмъ лагерь. Разломавъ двери и войдя въ дома, воины нашли немногихъ стариковъ или больныхъ и такія вещи, которыя были оставлены потому, что ихъ трудно было унести. Всѣ онѣ были разграблены. Отъ плѣнныхъ узнали, что по общему совѣту жители нѣсколькихъ окрестныхъ городовъ рѣшили бѣжать; что ихъ граждане выступили въ первую стражу; и въ другихъ городахъ, вѣроятно, окажется такое же безлюдье. Слова плѣнниковъ подтвердились. Консулъ овладѣлъ покинутыми городами.

35. У другого консула, М. Атилія, война была отнюдь не такъ легка. Когда онъ велъ легіоны къ Луцеріи, которую, по дошедшимъ до него слухамъ, осаждали самнитяне, на границѣ ея территоріи встрѣтился ему непріятель. Тутъ ожесточеніе уравняло силы обѣихъ сторонъ. Битва происходила съ перемѣннымъ счастіемъ и осталась нерѣшенной; однако, болѣе печальной по своему результату была она для римлянъ, какъ потому, что они не привыкли быть побѣжденными, такъ и потому, что, удаляясь съ поля битвы, они сильнѣе, чѣмъ во время самаго сраженія, сознали, насколько больше было на ихъ сторонѣ раненыхъ и убитыхъ. Поэтому въ лагерѣ произошла такая паника, что, если бы она явилась во время самой битвы, то пришлось бы потерпѣть страшное пораженіе. Даже и теперь ночь прошла въ тревогѣ: римляне полагали, что самнитяне или тотчасъ же нападутъ на лагерь, или же придется схватиться съ побѣдителями на разсвѣтѣ. У враговъ было меньше потери, но мужества не больше. Какъ только разсвѣло, они захотѣли уйти безъ боя; но для бѣгства существовала одна только дорога, да и та шла мимо непріятелей. Когда они двинулись по ней, римлянамъ представилось, что они идутъ прямо на атаку ихъ лагеря. Консулъ приказываетъ воинамъ взять оружіе и слѣдовать за нимъ за валъ, а легатамъ, трибунамъ и начальникамъ союзныхъ войскъ велитъ, что каждый долженъ дѣлать. Всѣ увѣряютъ, что они-то исполнятъ все, но что воины пали духомъ. „Вся ночь“, говорили они, „прошла безъ сна среди стоновъ раненыхъ и умирающихъ! Если бы непріятель явился къ лагерю до разсвѣта, то произошла бы такая паника, что воины бѣжали бы; въ настоящую же минуту чувство стыда удерживаетъ ихъ отъ бѣгства, но вообще они имѣютъ видъ побѣжденныхъ!“ Услыхавъ это, консулъ счелъ нужнымъ самъ обойти и ободрить воиновъ.

Подходя къ тѣмъ, которые медлили взяться за оружіе, онъ бранилъ ихъ. „Къ чему медлите“, говорилъ онъ имъ, „и уклоняетесь? если вы не выйдете изъ лагеря, то непріятель придетъ въ лагерь, и если не хотите сражаться передъ валомъ, то вамъ придется сражаться передъ вашими палатками! Для того, кто вооруженъ и сражается, побѣда сомнительна, а для того, кто обнаженный и безъ оружія ждетъ врага, удѣлъ смерть или рабство!“ На эту его брань и упреки воины отвѣчали, что они изнурены вчерашней битвой, что у нихъ не осталось ни капли крови, ни силъ, а враговъ видна еще бо́льшая масса, чѣмъ было наканунѣ. Между тѣмъ непріятельское войско приближалось, и римляне уже на болѣе близкомъ разстояніи яснѣе различали предметы; они увѣряли, что самнитяне несутъ съ собою колья и, безъ сомнѣнія, окружатъ лагерь палисадомъ. Тогда консулъ сталъ громко кричать, что потерпѣть такой позоръ и безславіе отъ самаго трусливаго непріятеля поистинѣ возмутительно. „Неужели“, говорилъ онъ, „мы будемъ, въ довершеніе всего, еще и окружены въ нашемъ лагерѣ, чтобы лучше позорно умереть отъ голода, чѣмъ, если это необходимо, съ доблестью отъ оружія? дай Богъ, чтобы это было къ лучшему! Дѣлайте то, что каждый считаетъ достойнымъ себя! Консулъ М. Атилій, если никто другой не послѣдуетъ за нимъ, и одинъ пойдетъ на враговъ и скорѣе падетъ среди знаменъ самнитскихъ, чѣмъ увидитъ, что римскій лагерь обносятъ палисадомъ! Легаты, трибуны, всѣ эскадроны конницы и центуріоны первыхъ рядовъ одобрили рѣчь консула. Тогда воины, побѣжденные чувствомъ стыда, лѣниво берутся за оружіе, лѣниво выходятъ изъ лагеря. Длиннымъ и несплошнымъ строемъ, печальные и почти побѣжденные идутъ они на враговъ, имѣвшихъ не болѣе ихъ надежды и мужества. Итакъ, лишь только самнитяне завидѣли римскія знамена, какъ отъ ихъ авангарда и до аріергарда пронесся крикъ, что римляне—а этого именно они и боялись—вышли преградить имъ путь. „Отсюда“ кричали они, „нѣтъ никакой дороги даже для бѣгства: необходимо или пасть здѣсь, или, положивъ враговъ на мѣстѣ, уйти по ихъ трупамъ!“

36. Побросавъ на середину поклажу и вооружившись, они строятся, каждый въ своемъ ряду, въ боевой порядокъ. Уже между двумя войсками оставался небольшой промежутокъ; они стояли, выжидая, пока противникъ первый подниметъ крикъ и начнетъ наступленіе. Ни тѣ, ни другіе не рѣша-

лись на битву. Они разошлись бы въ разныя стороны цѣлыми и невредимыми, если бы не боялись того, что противникъ нападетъ на отступающаго. При робкомъ и недружномъ крикѣ сама собою началась вялая битва между людьми, которые уклонялись отъ нея и сражались по неволѣ. Никто не двигался съ мѣста. Тогда римскій консулъ, чтобы оживить дѣло, выслалъ изъ строя нѣсколько эскадроновъ конницы. Большая часть всадниковъ попадала съ лошадей, другіе пришли въ замѣшательство. Тутъ и изъ самнитскаго войска кинулись впередъ убивать упавшихъ, и римляне поспѣшили на выручку своихъ. Послѣ этого битва нѣсколько оживилась; впрочемъ, самнитяне кинулись впередъ съ гораздо большей энергіей и въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ римляне; къ тому же растерявшіеся всадники сами смяли испуганными лошадьми пришедшіе къ нимъ на помощь отряды. Начавшееся отсюда бѣгство принудило отступить и все римское войско. Уже самнитяне поражали въ тылъ бѣгущихъ, когда консулъ, проскакавъ на конѣ впередъ къ лагернымъ воротамъ и поставивъ здѣсь караулъ изъ всадниковъ съ приказаніемъ считать врагомъ всякаго, кто бы ни подошелъ къ валу, будь то римлянинъ или самнитянинъ, остановилъ своихъ, въ безпорядкѣ спѣшившихъ въ лагерь, слѣдующею грозною рѣчью: „куда идете вы, воины? и здѣсь найдете вы вооруженныхъ и мужей! Пока живъ вашъ консулъ, вы войдете въ лагерь не иначе, какъ побѣдителями! Итакъ, выбирайте, съ кѣмъ предпочитаете сражаться,—съ согражданами, или съ врагами?“ Въ то время, какъ консулъ говорилъ это, всадники съ копьями наготовѣ окружили пѣхоту и заставили ее возвратиться на поле битвы. Консулу помогла не только храбрость, но и случай. Дѣло въ томъ, что самнитяне не преслѣдовали римлянъ по пятамъ, и у нихъ было мѣсто, гдѣ повернуть знамена и оборотить войско отъ лагеря въ сторону непріятелей. Тогда они стали уговаривать другъ друга возобновить битву. Вырвавъ знамена у знаменосцевъ, центуріоны шли съ ними на непріятелей, ставя на видъ своимъ воинамъ то обстоятельство, что враги идутъ въ небольшомъ числѣ, въ безпорядкѣ и нестройными рядами. Между тѣмъ консулъ, поднимая къ небу руки, громкимъ голосомъ вовсе услышаніе давалъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Юпитеру Статору, если римское войско прекратитъ бѣгство и, возобновивъ сраженіе, разобьетъ и побѣдитъ легіоны самнитянъ. Всѣ—и вожди, и воины, и пѣ-

хота, и конница—употребляли общія усилія къ тому, чтобы возобновить сраженіе. Казалось, даже божественная воля вступилась за римскій народъ: такъ легко дѣла приняли благопріятный для нихъ оборотъ: враги были отражены отъ лагеря и вскорѣ затѣмъ прогнаны назадъ къ тому мѣсту, гдѣ началась битва. Здѣсь, встрѣтивъ препятствіе въ лежавшей передъ ними кучѣ поклажи, которая была свалена на средину, они остановились и затѣмъ, чтобы предохранить свое имущество отъ расхищенія, оцѣпили его вооруженными воинами. Тогда пѣхота стала тѣснить ихъ съ фронта, а съ тылу заѣхали всадники. Очутившись такимъ образомъ въ срединѣ, они были перебиты и взяты въ плѣнъ. Число плѣнныхъ было 7800 человѣкъ, и всѣхъ ихъ заставили обнаженными пройти подъ ярмомъ; убитыхъ же оказалось, по донесеніямъ, около 4800 человѣкъ. Не радостна была побѣда и для римлянъ: когда консулъ сталъ пересчитывать потери, понесенныя въ теченіе двухъ дней, то число погибшихъ воиновъ было опредѣлено въ 7800 человѣкъ.

Между тѣмъ, какъ въ Апуліи происходили эти событія, самнитяне съ другимъ своимъ войскомъ пытались занять римскую колонію Интерамну, расположенную по Латинской дорогѣ. Города они не взяли, а поля опустошили. Гоня отсюда въ числѣ прочей добычи, состоявшей изъ людей и скота, также и плѣнныхъ колонистовъ, они наткнулись на побѣдоноснаго консула, возвращавшагося изъ-подъ Луцеріи, и не только лишились добычи, но и сами были разбиты, вслѣдствіе того, что шли длиннымъ, безпорядочнымъ строемъ и были обременены поклажею. Вызвавъ эдиктомъ въ Интерамну для распознаванія и полученія обратно своихъ вещей ихъ владѣльцевъ, консулъ оставилъ здѣсь войско и отправился въ Римъ для созыва комицій. Когда онъ сталъ хлопотать о назначеніи ему тріумфа, то получилъ отказъ, съ одной стороны, потому, что потерялъ столько тысячъ воиновъ, а съ другой—потому, что безъ договора [1]) заставилъ плѣнныхъ пройти подъ ярмомъ.

37. Другой консулъ, Постумій, въ виду того, что въ землѣ самнитянъ не было поводовъ къ войнѣ, перевелъ

---

[1]) Имѣется въ виду договоръ, который консулъ обязанъ былъ заключить съ непріятелями, и гдѣ, въ числѣ прочихъ условій добровольной сдачи, нужно было указать также и на то, что враги должны пройти подъ ярмомъ. Такой договоръ, напр., заключили консулы при Кавдіи; см. IX 5.

войско въ Этрурію и сначала опустошилъ территорію города Вульсиній, а затѣмъ, когда вульсинійцы вышли на защиту своихъ границъ, сразился съ ними неподалеку отъ стѣнъ ихъ города. 2800 этрусковъ было убито, остальныхъ спасла близость города. Войско было переведено въ область города Руселлъ. Здѣсь не только поля были опустошены, но взятъ приступомъ и самый городъ. Болѣе 2000 человѣкъ было взято въ плѣнъ и около 2000 убито вокругъ стѣнъ. Впрочемъ, въ этомъ году не настолько славна и значительна была въ Этруріи война, сколько миръ, пріобрѣтенный ею: три могущественнѣйшихъ города, стоявшихъ во главѣ Этруріи, Вульсиній, Перузія и Арретій, просили мира и, выхлопотавъ у консула позволеніе отправить въ Римъ пословъ, подъ условіемъ доставить для римскихъ воиновъ одежду и провіантъ, добились перемирія на сорокъ лѣтъ. Немедленно на каждый городъ наложена была пеня въ 500000 ассовъ За эти-то свои подвиги консулъ просилъ сенатъ назначить ему тріумфъ, не столько въ надеждѣ получить его, сколько потому, что это было въ обычаѣ. Видя, что въ тріумфѣ одни отказываютъ ему изъ-за того, что онъ слишкомъ поздно выступилъ изъ города, другіе—потому, что онъ безъ приказанія сената перешелъ изъ Самнія въ Этрурію—частію его недруги, частію друзья его товарища, желавшіе утѣшить такимъ образомъ этого послѣдняго въ полученномъ имъ при подобномъ же случаѣ отказѣ [1],—онъ сказалъ: „не до такой степени, сенаторы, буду я помнить о вашемъ значеніи, чтобы забыть о томъ, что я консулъ! По праву той же власти, въ силу которой я велъ войны, теперь я буду праздновать свой тріумфъ, счастливо окончивъ ихъ, покоривъ Самній и Этрурію, одержавъ побѣду и добившись мира.“ Съ этими словами консулъ покинулъ сенатъ. Затѣмъ возникъ споръ между народными трибунами: одни говорили, что будутъ протестовать противъ тріумфа, примѣра которому до сихъ поръ еще не было, а другіе говорили, что станутъ поддерживать тріумфатора противъ своихъ сотоварищей. Дѣло это обсуждалось въ народномъ собраніи. Будучи приглашенъ туда, Постумій говорилъ, что консулы М. Горацій и Л. Валерій [2], а недавно Г. Марцій Рутилъ [3], отецъ того самого, который въ то время былъ цензоромъ, праздновали тріумфъ не по распоряженію сена-

1) См. гл. 36. 2) См. III 63. 3) См. VII 17.

та, а по приказанію народа; самъ онъ внесъ бы предложеніе объ этомъ въ народное собраніе, если бы не зналъ, что народные трибуны, рабы патриціевъ, воспротивятся этому законопроекту! Воля и благорасположеніе сочувствующаго ему народа замѣняютъ и будутъ замѣнять для него всякія приказанія!“ На слѣдующій же день при содѣйствіи трехъ народныхъ трибуновъ консулъ, несмотря на протестъ семи трибуновъ и вопреки общему мнѣнію сената, отпраздновалъ свой тріумфъ, и народъ провелъ этотъ день въ торжествахъ. Разсказы о событіяхъ и этого года несогласны между собою: Клавдій сообщаетъ, что Постумій, взявъ въ Самніи нѣсколько городовъ, въ Апуліи былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство и раненый принужденъ былъ бѣжать съ немногими воинами въ Луцерію; въ Этруріи же, по его словамъ, дѣйствовалъ Атилій; онъ-то и получилъ тріумфъ. А Фабій пишетъ, что въ Самніи и подъ Луцеріей вели войну оба консула, что отсюда войско было переведено—но, кѣмъ изъ консуловъ, не прибавляетъ—въ Этрурію, и что подъ Луцеріей убито было съ той и другой стороны много воиновъ; что въ этой-то битвѣ и былъ данъ обѣтъ построить храмъ Юпитеру Статору, подобно тому, какъ раньше [1]) далъ такой же обѣтъ Ромулъ. Но существовало только fanum, т. е. мѣсто, назначенное для храма. Впрочемъ, такъ какъ государство [2]) дважды повинно было исполнить одинъ и тотъ же обѣтъ, то въ этомъ наконецъ году чувство совѣсти заставило сенатъ приказать и построить самый храмъ.

461г. **38**. Въ слѣдующемъ году былъ и знаменитый консулъ, а именно Л. Папирій Курсоръ, извѣстный столько же благодаря славѣ отца, сколько и своей собственной, и война великая, и побѣда такая, какой никто еще до сего времени не одерживалъ надъ самнитянами, кромѣ Л. Папирія, отца консула [3]). Случайно самнитяне приготовились къ войнѣ такъ же старательно, какъ прежде, и заготовили оружіе, блиставшее всевозможнымъ великолѣпіемъ. Мало того, они призвали еще и боговъ себѣ на помощь тѣмъ, что, приведя своихъ воиновъ къ присягѣ по одному древнему обряду, какъ бы посвятили ихъ на таинственное служеніе божеству [4]).

1) См. I 12. 2) Въ лицѣ царя Ромула и консула М. Атилія. 3) См. IX 40. 4) Имѣются въ виду т. н. „mysteria“, т. е. таинственные культы. Древніе вѣрили, что посвященіемъ въ эти таинства пріобрѣтается внутренняя святость и сила, побѣждающая бѣдствія человѣческой жизни. Въ данномъ мѣстѣ таинственный обрядъ приведенія къ присягѣ сопоставленъ съ этими „mysteria“.

Во всемъ Самніи былъ произведенъ наборъ по новому закону, гласившему, что, кто изъ молодыхъ людей не явится по указу полководцевъ или уйдетъ безъ ихъ приказанія, голова того посвящается Юпитеру. Затѣмъ всему войску велено было собраться въ Аквилонію. Собралось до 40000 воиновъ, все, что было сильнаго въ Самніи. Здѣсь почти по серединѣ лагеря было мѣсто, огороженное плетеными щитами и покрытое холстомъ. Оно занимало приблизительно 200 футовъ и было во всѣ стороны одинаковаго размѣра. Тутъ по указаніямъ, прочитаннымъ изъ старой, писанной на холстѣ, книги жрецомъ, какимъ-то Овіемъ Пакціемъ, человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, была принесена жертва; онъ увѣрялъ, что заимствуетъ это священнодѣйствіе изъ древняго богослуженія самнитянъ, которое нѣкогда было въ употребленіи у ихъ предковъ, въ то именно время, когда они тайно задумали отнять у этрусковъ Капую [1]). По окончаніи жертвоприношенія, главнокомандующій черезъ своего курьера отдавалъ приказъ приглашать каждаго наиболѣе знаменитаго по своему происхожденію и подвигамъ воина. Ихъ вводили поодиночкѣ. Кромѣ прочихъ приготовленій къ жертвоприношенію, расчитанныхъ на то, чтобы исполнить сердца религіознымъ трепетомъ, на серединѣ отовсюду закрытаго мѣста воздвигнуты были алтари, а кругомъ валялись убитыя жертвенныя животныя, и стояли сотники [2]) съ обнаженными мечами. Воина, походившаго скорѣе на жертву, чѣмъ на участника священнодѣйствія, подводили къ алтарямъ и подъ присягою обязывали не разсказывать того, что онъ увидитъ или услышитъ здѣсь. Затѣмъ его заставляли клясться словами страшной клятвенной формулы, гдѣ онъ предавалъ проклятію себя самого, свою семью и родъ въ томъ случаѣ, если не пойдетъ въ ту битву, куда поведутъ его вожди, или если онъ самъ убѣжитъ съ поля битвы, или, видя кого-нибудь бѣгущимъ, тотчасъ же не убьетъ его. Сначала нѣкоторые отказались произнести такую клятву и были убиты около алтарей, а затѣмъ, лежа между кучами жертвенныхъ животныхъ, служили для другихъ примѣромъ, предостерегавшимъ отъ отказа. Когда знатнѣйшіе изъ самнитянъ были связаны такою клятвою, главнокомандующій поименно выбралъ изъ нихъ десять человѣкъ и приказалъ

---

1) Ср. VII 38. 2) Полагаютъ, что то были низшіе жрецы; ср. гл. 41.

имъ выбирать отъ себя другихъ, пока число ихъ не дойдетъ до 16000. Этотъ отрядъ былъ названъ „холстянымъ“ легіономъ (legio linteata) отъ покрышки той изгороди, гдѣ были посвящены знатные люди Чтобы отличить ихъ отъ прочихъ, имъ было дано особенно украшенное оружіе и шлемы съ султанами. Въ остальномъ войскѣ было немногимъ болѣе 20000 человѣкъ; по наружному своему виду, военной славѣ и блеску вооруженія оно нисколько не уступало „холстяному“ легіону. Такое число людей, представлявшихъ собою все, что было сильнаго, расположилось подъ Аквилоніей.

39. Консулы отправились изъ Рима—сначала Сп. Карвилій, которому назначены были старые легіоны, оставленные М. Атиліемъ, прошлогоднимъ консуломъ, въ области города Интерамны. Двинувшись съ ними въ Самній, Карвилій, пока враги заняты были исполненіемъ суевѣрныхъ обрядовъ и вырабатывали секретные планы, взялъ у самнитянъ штурмомъ городъ Амитернъ. Здѣсь убито было почти 2800 человѣкъ, а въ плѣнъ взято 4270. Папирій же, набравъ, согласно рѣшенію, новое войско, завоевалъ городъ Дуронію. Онъ взялъ въ плѣнъ меньшее число людей, нежели его товарищъ, но убилъ гораздо больше. Въ томъ и другомъ мѣстѣ была захвачена богатая добыча. Затѣмъ консулы обошли весь Самній и особенно сильно опустошили территорію города Атины. Послѣ этого Карвилій подошелъ къ Коминію, а Папирій къ Аквилоніи, гдѣ были главныя силы самнитянъ. Здѣсь въ теченіе нѣкотораго времени, хотя военныя дѣйствія совершенно и не прекращались, однако горячихъ битвъ не было. День проходилъ въ томъ, что, если враги были спокойны, ихъ задирали, а если они оказывали сопротивленіе, передъ ними отступали, словомъ, скорѣе грозили битвой, чѣмъ вступали въ нее. Такъ какъ военныя дѣйствія начинались и снова прекращались, то и результатъ всѣхъ, даже незначительныхъ, столкновеній отсрочивался со дня на день. Во всѣхъ предпріятіяхъ участвовали и другой римскій лагерь, находившійся на разстояніи 20 миль, и отсутствующій товарищъ Папирія Карвилій своими совѣтами; по мѣрѣ увеличенія опасности, онъ обращалъ больше вниманія на Аквилонію, чѣмъ на осаждаемый имъ Коминій. Л. Папирій, будучи уже во всѣхъ отношеніяхъ достаточно готовымъ къ сраженію, посылаетъ къ своему товарищу гонца съ извѣстіемъ о томъ, что на слѣдующій день онъ намѣренъ, если позволятъ

гаданія, сразиться съ непріятелемъ: нужно-де и ему, насколько возможно, сильнѣе штурмовать Коминій, чтобы самнитяне не имѣли никакого отдыха и не могли отправить въ Аквилонію подкрѣпленій. Употребивъ день на дорогу, посланный возвратился ночью и сообщилъ, что товарищъ консула одобряетъ это рѣшеніе. Отправивъ гонца, Папирій тотчасъ же созвалъ воиновъ на сходку. Онъ много разсуждалъ объ общемъ характерѣ войны и о тогдашнемъ вооруженіи непріятелей, блестящая внѣшность котораго представлялась скорѣе безполезной, чѣмъ имѣющей вліяніе на исходъ битвы. Ранятъ вѣдь не султанами, а римскій дротикъ пройдетъ и сквозь разрисованные и позолоченные щиты! Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ оружіемъ, обагряется кровью и войско, сіяющее бѣлизною своихъ туникъ. Нѣкогда [1]) отецъ его на-голову разбилъ самнитское войско, залитое золотомъ и серебромъ, и это золото и серебро принесло больше чести въ качествѣ добычи побѣдоносному врагу, нежели имъ самимъ въ смыслѣ оружія. Его имени и роду суждено, быть можетъ, противостоять въ званіи вождя самнитянамъ въ моментъ наибольшихъ ихъ усилій и получать отъ нихъ добычу, которая можетъ служить отличнымъ украшеніемъ даже общественныхъ мѣстъ! За римлянъ безсмертные боги, ибо самнитяне столько разъ просили союза и столько разъ нарушали его! Затѣмъ, если возможно какое-нибудь предположеніе, касающееся образа мыслей боговъ, то они никогда и ни къ какому войску не относились болѣе враждебно, чѣмъ къ этому: совершивъ нечестивое жертвоприношеніе, оно обагрило себя кровью животныхъ, смѣшанной съ человѣческой кровью, и вдвойнѣ предало себя божественному гнѣву, опасаясь, съ одной стороны, боговъ, свидѣтелей заключенныхъ съ римлянами союзныхъ договоровъ, а съ другой—клятвы, данной въ присягѣ, направленной противъ этихъ союзныхъ договоровъ. Давъ клятву противъ воли, оно ненавидитъ присягу и въ одно и то же время трепещетъ передъ богами, передъ соражданами и передъ врагами!"

40. Послѣ этой рѣчи, заключавшей въ себѣ свѣдѣнія, добытыя изъ показаній перебѣжчиковъ, и сказанной имъ предъ лицомъ воиновъ, которые уже сами по себѣ находились въ раздраженномъ состояніи духа, они, полные надежды

1) См. IX 40.

на боговъ и вмѣстѣ на людей, единодушнымъ крикомъ требуютъ битвы. Они недовольны тѣмъ, что бой отложенъ до слѣдующаго дня; имъ ненавистно замедленіе на цѣлый день и ночь. Въ третью стражу, уже получивъ отъ товарища отвѣтъ, Папирій тихо встаетъ и посылаетъ пулларія [1]) произвести гаданія. Въ лагерѣ не было ни одного человѣка, который бы не желалъ битвы: самые высшіе и самые низшіе съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали ея; вождь наблюдалъ жажду битвы въ воинахъ, а воины—въ вождѣ. Эта общая жажда битвы овладѣла даже тѣми, которые были при гаданіяхъ: такъ, несмотря на то, что цыплята не ѣли, пулларій осмѣлился дать ложное показаніе относительно гаданій и объявилъ консулу, что куры клевали кормъ съ такою жадностью, что онъ падалъ изъ ихъ клювовъ на землю. Обрадованный консулъ объявилъ, что предзнаменованія благопріятны, что дѣло начнется подъ руководствомъ боговъ, и далъ сигналъ къ битвѣ. Какъ разъ въ то время, когда онъ выходилъ уже на бой, перебѣжчикъ сообщилъ ему, что 20 самнитскихъ когортъ, изъ которыхъ каждая состояла приблизительно изъ 400 человѣкъ, отправились въ Коминій. Чтобы его товарищъ не остался въ невѣдѣніи насчетъ этого, онъ тотчасъ же посылаетъ къ нему гонца, а самъ, отведя заранѣе каждому изъ резервовъ свое мѣсто и назначивъ имъ начальниковъ, велитъ еще скорѣе нести знамена впередъ. Командованіе правымъ флангомъ поручилъ онъ Л. Волумнію, а лѣвымъ—Сципіону; начальство же надъ конницей ввѣрилъ другимъ легатамъ, Г. Цедицію и Т. Требонію; Спурію же Навтію велитъ снять съ муловъ вьючныя сѣдла и поспѣшно вести ихъ въ обходъ вмѣстѣ съ тремя вспомогательными когортами на виднѣвшійся холмъ, а затѣмъ, во время самаго сраженія, показаться съ ними, поднявъ какъ можно больше пыли. Въ то время, какъ главнокомандующій былъ занятъ этими дѣлами, между пулларіями возникъ споръ по поводу гаданій того дня. Услыхавъ о немъ и считая это обстоятельство заслуживающимъ вниманія, римскіе всадники сообщили племяннику консула, Сп. Папирію, что насчетъ гаданій возникло сомнѣніе. Молодой человѣкъ, который родился еще до появленія ученія, презрительно относящагося къ богамъ [2]), чтобы не сообщить чего-нибудь недосто-

1) См. VIII 30 примѣч. 2) Ср. III 20 и VI 41.

вѣрнаго, изслѣдовалъ это дѣло и увѣдомилъ о немъ консула. Консулъ отвѣчалъ ему: „исполать тебѣ за твои добрыя качества и аккуратность! Впрочемъ, если присутствующій при гаданіяхъ сообщаетъ какія-нибудь ложныя свѣдѣнія, то онъ навлекаетъ этимъ вину на самаго себя! Мнѣ же было сообщено, что куры жадно хватали кормъ—благопріятное для римскаго народа и войска предзнаменованіе!“ Послѣ этого онъ приказалъ центуріонамъ поставить пулларіевъ въ первомъ ряду. Двигаютъ впередъ знамена и самнитяне; за знаменами слѣдуетъ войско съ такимъ красивымъ оружіемъ, что оно даже для враговъ предоставляло великолѣпное зрѣлище. Прежде чѣмъ поднялся крикъ, и началась схватка, пулларій, пораженный случайно брошеннымъ копьемъ, палъ передъ знаменами. Когда объ этомъ сообщили консулу, онъ сказалъ: „въ битвѣ боги! виновникъ наказанъ!“ Въ то время какъ консулъ говорилъ это, впереди его громко прокричалъ воронъ. Обрадованный этимъ предзнаменованіемъ, консулъ сталъ увѣрять, что боги никогда еще не принимали болѣе явнаго участія въ человѣческихъ дѣлахъ, и приказалъ дать сигналъ и поднять крикъ.

41. Начался ужасный бой, но при этомъ душевное настроеніе сражающихся было далеко не одинаково: римлянъ, жаждавшихъ непріятельской крови, влекло въ бой чувство гнѣва, надежда и пламенное желаніе сразиться; большинство же самнитянъ необходимость и религіозныя опасенія заставляли скорѣе противъ воли обороняться, чѣмъ нападать. Привыкнувъ въ теченіе уже столькихъ лѣтъ терпѣть пораженія, они не выдержали бы перваго крика и натиска римлянъ, если бы иной, болѣе сильный страхъ, запавшій въ ихъ душу, не удерживалъ отъ бѣгства: предъ ихъ глазами стояла вся обстановка того тайнаго священнодѣйствія: вооруженные жрецы, груды тѣлъ человѣческихъ, перемѣшанныхъ съ тѣлами животныхъ, алтари, орошенные законною и незаконною [1]) кровью, страшная клятва и тѣ, вызывающія ужасъ, слова клятвенной формулы, которыми предавались проклятію семья и родъ. Связанные этими оковами, не допускавшими бѣгства, они стояли, боясь не столько враговъ, сколько своихъ согражданъ, а римляне, наступая съ обоихъ фланговъ и

1) Т.-е. кровью животныхъ и людей.

съ центра арміи, рубили ихъ, объятыхъ страхомъ предъ богами и людьми. Самнитяне, какъ люди, которыхъ лишь страхъ удерживалъ отъ бѣгства, сопротивлялись слабо. Уже рѣзня дошла почти до знаменъ, какъ вдругъ съ боку показалась пыль, поднятая какъ бы движеніемъ громадной арміи. То былъ Сп. Навтій (по словамъ другихъ—Октавій Мецій) во главѣ вспомогательныхъ когортъ. Онѣ поднимали больше пыли, чѣмъ можно было ожидать, имѣя въ виду число ихъ: сидя на мулахъ, погонщики тащили по землѣ вѣтви, покрытыя листьями. Впереди въ полумракѣ мелькали оружіе и знамена, а поднимавшаяся за ними еще выше густая пыль заставляла думать, что за войскомъ идетъ конница. Обманулись не только самнитяне, но даже римляне; къ тому же и консулъ поддержалъ это заблужденіе: находясь въ первыхъ рядахъ, онъ кричалъ, такъ что слова его долетали даже до враговъ, что Коминій взятъ, и побѣдоносный товарищъ здѣсь. Пусть всѣми силами воины стараются побѣдить, пока слава не сдѣлалась достояніемъ другого войска! Такъ говорилъ онъ, сидя на конѣ. Затѣмъ велѣлъ трибунамъ и центріонамъ очистить дорогу для конницы, Требонія же и Цедиція онъ еще раньше лично предупредилъ о томъ, чтобы они, какъ только увидятъ его потрясающимъ поднятое вверхъ копье, какъ можно сильнѣе пришпорили лошадей на враговъ. Все исполняется немедленно, такъ какъ было приготовлено заранѣе: расширяются промежутки между рядами, вылетаетъ конница, держа копья на-готовѣ, мчится въ середину непріятельскаго войска и, гдѣ ни ударитъ, разрываетъ ряды его. Волумній и Сципіонъ идутъ за нею, побивая ошеломленныхъ враговъ. Теперь сила боговъ и людей была уже побѣждена: разсѣиваются „холстяныя“ когорты; бѣгутъ и тѣ, которые давали присягу, и тѣ, которые не давали ея; никого уже не боятся они, кромѣ враговъ. Пѣхота, пережившая битву, была загнана въ лагерь или въ Аквилонію; конница, и знать бѣжали въ Бовіанъ. Конницу преслѣдуетъ конница, пѣхоту—пѣхота, фланги же направляются въ разныя стороны: правый—къ самнитскому лагерю, лѣвый—къ городу. Волумній овладѣлъ лагеремъ значительно раньше; а Сципіонъ встрѣтилъ у города большее сопротивленіе не потому, чтобы у побѣжденныхъ было больше мужества, но потому, что стѣны болѣе задерживали воиновъ, нежели валъ: съ нихъ соажденные прогоняли враговъ каменьями. Полагая, что осада укрѣпленнаго города затянется въ случаѣ, если

дѣло не будетъ окончено въ первыя минуты страха, прежде чѣмъ враги соберутся съ духомъ, Сципіонъ спрашиваетъ своихъ воиновъ, неужели они равнодушно перенесутъ то обстоятельство, что другой флангъ овладѣлъ лагеремъ, а ихъ, побѣдителей, гонятъ отъ воротъ города. При всеобщихъ громогласныхъ возраженіяхъ, онъ самъ, поднявъ надъ головою щитъ, первымъ идетъ къ воротамъ. За нимъ идутъ другіе; образовавъ черепаху [1]), они врываются въ городъ и, прогнавъ самнитянъ, овладѣваютъ стѣною по обѣимъ сторонамъ воротъ. Проникнуть внутрь города они не осмѣлились, такъ какъ ихъ было очень немного. **42.** Сначала консулъ не зналъ этого и думалъ отозвать войско назадъ, такъ какъ солнце было уже на закатѣ, и наступавшая ночь дѣлала все опаснымъ и подозрительнымъ даже для побѣдителей. Проѣхавъ далѣе, онъ направо отъ себя видитъ взятый лагерь, налѣво—слышитъ въ городѣ крикъ, смѣшанный съ воплемъ сражащихся и оробѣвшихъ: какъ разъ въ то именно время происходило сраженіе у воротъ. Затѣмъ, подъѣхавъ ближе и видя своихъ на стѣнахъ, онъ понялъ, что разсуждать уже больше не о чемъ, такъ какъ безразсудная смѣлость немногочисленнаго отряда доставила ему удобный случай совершать великое дѣло, и приказалъ кликнуть отозванныя войска и сдѣлать нападеніе на городъ. Вступивъ въ ближайшую часть его, они, въ виду приближенія ночи, спокойно расположились здѣсь. Ночью враги покинули городъ. Въ тотъ день подъ Аквилоніей убито было 20340 самнитянъ, а въ плѣнъ взято 3870 человѣкъ; военныхъ знаменъ захвачено 97. Между прочимъ существуетъ разсказъ и о томъ, что ни одинъ почти полководецъ не казался болѣе веселымъ [2]) во время битвы, или по складу своего характера, или вслѣдствіе увѣренности въ успѣхѣ. Въ силу той же твердости характера, гаданіе сомнительнаго свойства не могло отклонить его отъ сраженія, и въ самую критическую минуту, когда обыкновенно даютъ обѣты безсмертнымъ богамъ воздвигнуть храмы, онъ далъ обѣтъ пожертвовать Юпитеру Побѣдоносцу въ томъ случаѣ, если разобьетъ легіоны враговъ, стаканчикъ подслащеннаго вина передъ тѣмъ, какъ станетъ пить вино. Обѣтъ этотъ пришелся по сердцу богамъ, и гаданія приняли благопріятный оборотъ.

[1]) См. примѣч. къ гл. 29. [2]) Т.-е. чѣмъ Папирій.

43. Такъ же счастливо шли дѣла и другого консула подъ Компіемъ. Придвинувъ на разсвѣтѣ свои войска къ стѣнамъ, онъ обложилъ городъ со всѣхъ сторонъ и, чтобы не произошло какой-либо вылазки, поставилъ передъ воротами сильные вспомогательные отряды. Уже онъ подавалъ сигналъ къ битвѣ, когда получилъ отъ товарища тревожное извѣстіе о приближеніи 20 когортъ; это удержало его отъ нападенія и заставило отозвать часть войска, уже построенную въ боевой порядокъ и готовую броситься въ атаку. Онъ приказалъ легату Д. Бруту Сцевѣ двинуться съ первымъ легіономъ, десятью вспомогательными когортами и съ конницей навстрѣчу идущему на помощь непріятелямъ отряду. На какомъ-бы мѣстѣ онъ ни повстрѣчался съ нимъ, пусть загородитъ ему дорогу, задержитъ его и, если обстоятельства потребуютъ, пусть даже вступитъ съ нимъ въ рукопашный бой, лишь бы только не дать этому войску возможности подойти къ Компію. Самъ же приказалъ нести со всѣхъ сторонъ къ стѣнамъ города лѣстницы и подъ прикрытіемъ черепахи [1]) подошелъ къ воротамъ. Въ одно и то же время отбивали ворота и со всѣхъ сторонъ производили нападеніе на стѣны. Самнитяне, пока не видѣли на своихъ стѣнахъ непріятельскихъ воиновъ, имѣли довольно мужества, чтобы удерживать враговъ отъ приближенія къ городу; когда же пришлось сражаться уже не издали и не метательными снарядами, а грудь съ грудью, и римляне, съ трудомъ взобравшись съ равнины на стѣны и одолѣвъ мѣстность, которой боялись больше, чѣмъ враговъ, безъ особенныхъ усилій и на одинаковой высотѣ [2]) бились съ уступавшимъ имъ по силѣ непріятелемъ,—тогда они покинули башни и стѣны, сбились всѣ на площади и затѣмъ недолго и въ послѣдній разъ попытали боевое счастье. Послѣ этого до 11400 человѣкъ бросили оружіе и сдались консулу. Убито было около 3880. Такъ шло дѣло подъ Компіемъ и Аквилоніей. Затѣмъ по срединѣ между этими двумя городами, гдѣ ждали третьяго сраженія, непріятелей не оказалось: они были отозваны своими, когда находились отъ Компія въ 7000 шаговъ, и не участвовали ни въ томъ, ни въ другомъ сраженіи. Почти въ началѣ сумерекъ, когда они уже увидѣли лагерь и Аквилонію, ихъ остановилъ крикъ,

[1]) См. примѣч. къ гл. 29. [2]) Т.-е. на стѣнахъ.

долетавшій одновременно съ двухъ сторонъ; а затѣмъ показавшееся въ сторонѣ лагеря, который былъ зажженъ римлянами, широкое пламя не позволило имъ идти далѣе, такъ какъ служило очень вѣрнымъ признакомъ пораженія. Не принявъ мѣръ предосторожности, тамъ и сямъ легли они въ оружіи на этомъ самомъ мѣстѣ и всю ночь провели въ безпокойствѣ, ожидая и боясь разсвѣта. Съ разсвѣтомъ они не знали, въ какую сторону направить путь, и вдругъ объятые ужасомъ, кинулись бѣжать: ихъ замѣтили всадники, которые, преслѣдуя самнитянъ, вышедшихъ ночью изъ города, увидѣли толпу, не защищенную валомъ и не оберегаемую часовыми. Толпу эту замѣтили и со стѣнъ Аквилоніи, и уже когорты легіоновъ также стали преслѣдовать ее. Впрочемъ, пѣхота не могла догнать бѣглецовъ, всадники же убили около 280 человѣкъ изъ аріергарда. Въ страхѣ они оставили много оружія и 18 знаменъ, прочее же войско невредимо, насколько возможно было послѣ такой суматохи, добралось до Бовіана.

44. Радость каждаго изъ римскихъ войскъ въ отдѣльности увеличивалась отъ успѣховъ другого. Оба консула, уступая одинъ желанію другого, отдали завоеванные города на разграбленіе воинамъ и затѣмъ, когда жилища были опустошены, подожгли ихъ. Въ одинъ и тотъ же день сгорѣли Аквилонія и Коминій, и консулы при взаимныхъ поздравленіяхъ легіоновъ, а также и сами обмѣниваясь привѣтствіями, соединили свои лагери. Въ присутствіи обоихъ войскъ и Карвилій похвалилъ и наградилъ своихъ воиновъ, каждаго по его заслугамъ, и Папирій, сражавшійся въ разныхъ мѣстахъ—въ открытомъ полѣ, около лагеря и возлѣ города, наградилъ браслетами и золотыми вѣнками Сп. Навтія, племянника своего Сп. Папирія, четырехъ центуріоновъ и манипулъ гастатовъ [1]); Навтія за его экспедицію, которою онъ напугалъ враговъ такъ, какъ могло бы сдѣлать большое войско, юношу Папирія—за услуги, оказанныя имъ вмѣстѣ съ всадниками, какъ въ сраженіи, такъ и въ ту ночь, когда онъ помѣшалъ бѣгству самнитянъ, тайно ушедшихъ изъ Аквилоніи, центуріоновъ и воиновъ—за то, что они первые овладѣли воротами и стѣнами Аквилоніи, всѣхъ же всадниковъ за ихъ отмѣнныя услуги во многихъ мѣстахъ наградилъ онъ серебряными рожками [2]) и браслетами. За-

[1]) См. VIII 8. [2]) Это было рогообразное украшеніе на шлемѣ.

тѣмъ, такъ какъ наступило уже время увести изъ Самніи войска оба или, по крайней мѣрѣ, одно, то состоялся совѣтъ; признано было за лучшее прежде докончить остальное съ тѣмъ большимъ упорствомъ и жестокостью, чѣмъ болѣе надломлены были силы самнитянъ; при этомъ стремились къ тому, чтобы слѣдующимъ консуламъ можно было передать Самній усмиреннымъ. Но, такъ какъ не было уже ни одного непріятельскаго войска, которое бы представлялось способнымъ вступить въ открытый бой, то оставался одинъ способъ веденія войны, а именно—штурмъ городовъ: разрушая ихъ, можно было обогатить воиновъ добычею и въ конецъ истребить непріятелей, сражающихся за алтари и очаги. Итакъ, пославъ къ сенату и народу римскому письма о своихъ дѣяніяхъ, консулы повели легіоны въ разныя стороны—Папирій къ Сепину, а Карвилій—на осаду Веліи.

45. Письма консуловъ, какъ въ куріи, такъ и въ народномъ собраніи выслушаны были съ величайшею радостью, и то горячее участіе, которое принимали частныя лица въ четырехдневномъ молебствіи, свидѣтельствовало объ общемъ веселіи. Побѣда эта не только была важной для римскаго народа, но еще и пришлась весьма кстати, ибо какъ разъ въ это самое время получено было извѣстіе, что этруски снова взялись за оружіе. Рождался вопросъ о томъ, какъ можно было бы, случись въ Самніи какое-нибудь несчастіе, справиться съ Этруріей, которая, въ виду того, что оба консула и всѣ силы римлянъ обращены были на Самній, ободренная заговоромъ самнитянъ, сочла этотъ недосугъ римскаго народа за удобный случай къ возобновленію войны. Послы союзниковъ, будучи введены преторомъ М. Атиліемъ въ сенатъ, жаловались, что сосѣдніе съ ними этруски жгутъ и опустошаютъ ихъ поля за то, что они не хотятъ отложиться отъ римскаго народа, и умоляли сенатъ защитить ихъ отъ насилія и обидъ, причиняемыхъ общимъ ихъ непріятелемъ. Посламъ отвѣтили, что сенатъ позаботится о томъ, чтобы союзники не раскаивались въ своей вѣрности: въ непродолжительномъ-де времени этрусковъ постигнетъ та же участь, какъ и самнитянъ! Впрочемъ, рѣшеніе дѣла относительно Этруріи затянулось бы долѣе, если бы не пришло извѣстіе, что и фалиски, много лѣтъ состоявшіе въ дружбѣ съ римлянами, также соединили свое оружіе съ оружіемъ этрусковъ. Близость этого народа побудила отцовъ озаботить-

ся скорѣйшимъ постановленіемъ рѣшенія объ отправленіи феціаловъ [1]) съ требованіемъ удовлетворенія. Такъ какъ въ немъ было отказано, то съ утвержденія отцовъ и по приказанію народа объявлена была фалискамъ война, и консуламъ велѣно бросить жребій, кому изъ нихъ перейти съ войскомъ изъ Самнія въ Этрурію. Карвилій взялъ уже у самнитянъ Велію, Палумбинъ и Геркуланеумъ; Веліей овладѣлъ онъ въ теченіе немногихъ дней, а Палумбиномъ—въ тотъ же день, какъ подошелъ къ его стѣнамъ; у Геркуланеума же произошло даже и открытое сраженіе, но Карвилій не имѣлъ въ немъ рѣшительнаго успѣха, а уронъ, понесенный имъ, былъ болѣе значителенъ, чѣмъ у непріятелей. Затѣмъ, расположившись лагеремъ, онъ заключилъ враговъ внутри стѣнъ; городъ былъ атакованъ и взятъ. Въ этихъ трехъ городахъ было взято въ плѣнъ и убито до 10000 человѣкъ, при чемъ плѣнниковъ было немногимъ болѣе, чѣмъ убитыхъ. При раздѣлѣ между консулами театра военныхъ дѣйствій, Карвилію досталась по жребію Этрурія, какъ именно и хотѣлось воинамъ, которые уже не могли переносить сильнаго холода въ Самніи. Подъ Сепиномъ большая масса враговъ оказала сопротивленіе Папирію. Происходили частыя регулярныя битвы, нерѣдко случались стычки во время переходовъ и около самаго города, чтобы отбить вылазки непріятелей. И это была не осада, а настоящая война, такъ какъ самнитяне не только сами защищались за стѣнами, но и самыя стѣны обороняли оружіемъ и людьми. Наконецъ, сраженіями Папирій заставилъ непріятелей выдержать правильную осаду и, обложивъ городъ, взялъ его штурмомъ при помощи осадныхъ машинъ. Итакъ, когда городъ былъ взятъ, то подъ вліяніемъ гнѣва больше убивали, чѣмъ брали въ плѣнъ: убито было 7400, а въ плѣнъ взято менѣе 3000 человѣкъ. Добыча, которая была весьма значительна, такъ какъ самнитяне снесли имущество въ немногочисленные города свои, уступлена была воинамъ.

46. Снѣгъ покрылъ уже все, и оставаться безъ крова было невозможно; поэтому консулъ увелъ войско изъ Самнія. Когда онъ входилъ въ Римъ, ему съ общаго согласія былъ предложенъ тріумфъ. Онъ праздновалъ тріумфъ, оставаясь при исполненіи своей должности, и тріумфъ этотъ съ точки зрѣнія того времени былъ замѣчателенъ. Проходили пѣхотинцы и проѣзжали всадники, украшенные военными наградами; было видно много „гражданскихъ“ вѣнковъ [1]), „валовыхъ“ [2]) и „стѣнныхъ“ [3]). Привлекала взоры взятая у самнитянъ добыча: ее сравнивали по блеску и красотѣ съ тою, которую взялъ отецъ Папирія, и которая была знакома всѣмъ, такъ какъ украшала собою много публичныхъ мѣстъ; вели нѣсколько знатныхъ плѣнниковъ, прославившихся своими личными подвигами и подвигами отцовъ своихъ; провозили 2533000 ассовъ по вѣсу [4]) (деньги эти, какъ говорили, были выручены отъ продажи плѣнниковъ) и 1830 фунтовъ серебра, взятаго изъ городовъ. Всю мѣдь и серебро положили на храненіе въ казначейство, воинамъ же изъ добычи не дали ничего. Это обстоятельство увеличило въ средѣ плебеевъ ненависть, ибо на нихъ наложили еще подать на уплату жалованья воинамъ, тогда какъ, если бы не гнаться за славой, и не вносить въ казначейство взятыя у непріятеля деньги, то изъ добычи можно было бы и раздать воинамъ награду, и заплатить имъ жалованье. Консулъ освятилъ храмъ Квирина. Ни у кого изъ древнихъ писателей я не нахожу извѣстія о томъ, что обѣтъ построить этотъ храмъ далъ онъ во время самаго сраженія; да онъ, клянусь Геркулесомъ, и не могъ бы въ такое короткое время окончить постройку; обѣтъ построить храмъ далъ отецъ его въ бытность свою диктаторомъ, сынъ же, будучи консуломъ, освятилъ этотъ храмъ и украсилъ отнятыми у враговъ доспѣхами. Послѣднихъ было такъ много, что ими не только былъ украшенъ храмъ и форумъ, но ихъ раздавали еще союзникамъ и пограничнымъ колонистамъ для украшенія храмовъ и общественныхъ мѣстъ. Послѣ тріумфа консулъ повелъ свое войско на зимовку въ Весцинскую область, такъ какъ страну эту тревожили самнитяне.

Между тѣмъ въ Этруріи консулъ Карвилій приступилъ сначала къ осадѣ Троила. Отпустивъ 470 самыхъ богатыхъ гражданъ, выговорившихъ себѣ, подъ условіемъ уплаты огромной суммы денегъ, позволеніе уйти отсюда, онъ прочихъ жителей и самый городъ взялъ приступомъ. Затѣмъ онъ завоевалъ пять крѣпостей, занимавшихъ укрѣпленныя позиціи. Здѣсь убито было 2400 непріятелей, а въ плѣнъ взято менѣе 2000. Также и фалискамъ, просившимъ мира,

[1]) См. I 32.

[1]) и [2]) см. примѣч. къ VI 20. [3]) Такой вѣнокъ давался тому, кто первымъ восходилъ на непріятельскій валъ. [4]) См. I 43. примѣч.

онъ даровалъ перемиріе на одинъ годъ, выговоривъ у нихъ 100000 ассовъ по вѣсу и жалованье воинамъ за этотъ годъ. Послѣ этого онъ удалился праздновать тріумфъ; хотя, какъ тріумфъ за побѣду надъ самнитянами, онъ и уступалъ въ славѣ тріумфу его товарища, тѣмъ не менѣе онъ сравнялся съ нимъ, благодаря тому, что сюда прибавилась еще война съ этрусками. 380000 ассовъ по вѣсу Карвилій внесъ въ казначейство, остальными же деньгами распорядился такъ: на деньги, вырученныя отъ продажи добычи, онъ сдалъ подрядъ на постройку храма Фуртунѣ, что возлѣ храма этой богини, освященнаго царемъ Сервіемъ Тулліемъ; изъ добычи же роздалъ: воинамъ по 102 асса, центуріонамъ и всадникамъ — вдвое больше; всѣ принимали этотъ даръ съ еще большею благодарностью, въ виду скупости товарища Карвилія. Въ симпатіяхъ, которыми пользовался консулъ, нашелъ себѣ защиту предъ народомъ легатъ его Л. Постумій, будучи привлеченъ къ суду [1]) народнымъ трибуномъ М. Скантіемъ, онъ, какъ гласила молва, избѣжалъ народнаго суда, благодаря тому, что состоялъ въ должности легата [2]). Такимъ образомъ обвиненіе его могло служить скорѣе темою для разсужденій, чѣмъ быть доведено до конца.

47. Такъ какъ годъ уже истекъ, то въ должность вступили новые народные трибуны; но, въ виду того, что они были ненадлежаще избраны, на ихъ мѣсто, по истеченіи пяти дней, выбраны были другіе. Въ этомъ году была принесена очистительная жертва [3]) цензорами П. Корнеліемъ Арвиной и Г. Марціемъ Рутиломъ. Въ цензорскіе списки внесено было 262321 человѣкъ. Со времени избранія первыхъ цензоровъ это были двадцать шестые цензоры, а очистительная жертва съ того времени—двадцатая. Въ томъ же году впервые смотрѣли „Римскія игры“ [4]) въ вѣнкахъ, полученныхъ за военные подвиги, и тогда же въ первый разъ даны были побѣдителямъ, по заимствованному изъ Греціи обычаю, пальмовыя вѣтви. Въ томъ же году курульные эдилы, устроители этихъ игръ, осудивъ нѣсколькихъ гуртовщиковъ [5]), вымостили [6]) булыжниковъ дорогу отъ храма Марса къ Бовилламъ [7]). А. Папирій предсѣдательствовалъ въ комиціяхъ для выбора консуловъ и избралъ консулами Кв. Фабія Гургеса, сына Максима, и Д. Юнія Брута Сцеву. Самъ Папирій сдѣланъ былъ преторомъ. Много было въ этомъ году радостныхъ событій, но и они едва могли доставить утѣшеніе въ одномъ бѣдствіи—моровой язвѣ, опустошавшей городъ и деревни. Бѣдствіе становилось уже похожимъ на чудовищное предзнаменованіе, и потому обратились къ книгамъ [1]), какой конецъ пошлютъ боги этому несчастію и какое средство укажутъ противъ него. Въ книгахъ отыскали, что надо пригласить изъ Эпидавра въ Римъ Эскулапа [2]). Но въ этомъ году, такъ какъ консулы заняты были войною, ничего не было предпринято по этому дѣлу, а только состоялось однодневное молебствіе въ честь Эскулапа.

---

[1]) Вѣроятно за злоупотребленія по должности. [2]) Легатовъ, какъ и другихъ высшихъ чиновниковъ, можно было привлекать къ суду только по окончаніи годичнаго срока ихъ службы. [3]) См. I 44. [4]) Иначе онѣ назывались „Великія игры“, Ludi Magni. См. I 35. [5]) См. гл. 23 примѣч. [6]) Т.-е. на деньги, взысканныя съ осужденныхъ. [7]) Городокъ въ Лаціи при Аппіевой дорогѣ.

[1]) См. примѣч. къ III 10. [2]) Эпидавръ, городъ въ Арголидѣ, былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ почитанія Эскулапа, бога врачеванія. Въ храмахъ Эскулапа держали змѣй, какъ одно изъ средствъ врачеванія. Одну-то изъ этихъ змѣй, а въ ея образѣ, какъ вѣрили тогда, и самого Эскулапа, и нужно было перевезти теперь въ Римъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Битва при Везерѣ; самопожертвованіе Деція 9. Пораженіе латинянъ 10. Новое пораженіе латинянъ; наказаніе ихъ и ихъ союзниковъ 11. Возстаніе антіатовъ; сосредоточеніе ихъ у Педа; раздоры въ Римѣ 12. Паденіе Педа и усмиреніе Лація 13—14. Война между аврунками и сидицинами; первый преторъ изъ плебеевъ 15. Побѣда римлянъ надъ авзонами; взятіе Калъ 16. Волненіе сидициновъ; война самнитянъ съ Александромъ Эпирскимъ 17. Казнь матронъ, обвиненныхъ въ отравленіи гражданъ 18. Покорность самнитянъ; побѣда надъ фунданцами 19. Взятіе Приверна 20. Рѣшеніе участи привернатовъ 21. Столкновеніе съ Палеполемъ 22. Участіе самнитянъ и переговоры съ ними римлянъ 23. Смерть Александра Эпирскаго 24. Взятіе Палеполя 25—26. Отпаденіе луканов отъ союза съ римлянами 27. Отмѣна рабства за долги 28. Побѣды римлянъ надъ вестинами 29. Побѣда Кв. Фабія надъ самнитянами и гнѣвъ диктатора Папирія 30. Участіе воиновъ къ судьбѣ Фабія; приговоръ диктатора; просьбы народа; помилованіе Фабія 31—35. Примиреніе Папирія съ войскомъ и побѣда надъ самнитянами 36. Возстаніе самнитянъ и война съ Апуліей; примиреніе съ тускуланцами 37. Побѣда надъ самнитянами диктатора А. Корнелія Арвины и покорность самнитянъ 38—40.

IX книга. Понтій убѣждаетъ самнитянъ начать новую войну противъ Рима 1. Движеніе римлянъ къ Луцеріи черезъ Кавдій; безвыходное положеніе ихъ 2. Совѣщанія самнитянъ 3. Римляне приняли позорныя условія міра; участія Капуи 4—6. Уныніе въ Римѣ 7. Совѣщанія въ сенатѣ 8—9. Выдача виновниковъ договора 10. Отказъ самнитянъ принять выданныхъ 11. Взятіе самнитянами Фрегеллъ; движеніе римлянъ къ Луцеріи и въ Самній 12. Побѣда въ Самніи 13. Неудачное посредничество тарентинцевъ 14. Взятіе Луцеріи 15. Побѣда надъ френтанами и взятіе Сатрика римлянами; характеристика Папирія 16. Размышленія о возможномъ исходѣ войны римлянъ съ Александромъ Мак. 17—19. Распространеніе римскаго вліянія въ Апуліи 20. Осада и взятіе римлянами Сатикулы 21—22. Пораженіе самнитянъ у Лавтулъ 23. Взятіе римлянами Соры 24. Истребленіе племени авзоновъ 25. Суровое наказаніе Луцеріи; заговоръ въ Капуѣ

диктаторъ Г. Меній и судъ надъ нимъ 26. Пораженіе самнитянъ у Кавдія 27. Взятіе Фрегеллъ и Нолы; выведеніе колоній въ Свессу, Понтію и Интерамну 28. Приготовленія къ войнѣ съ этрусками; цензура Ап. Клавдія; гибель рода Потиціевъ 29. Возстановленіе сената въ томъ составѣ, какой былъ до цензуры Ап. Клавдія; расширеніе правъ народа; бунтъ флейтистовъ 30. Взятіе Клувіана и Бовіана; пораженіе самнитянъ 31. Битва съ этрусками у Сутрія 32. Борьба противъ единоличной цензуры Ап. Клавдія 33—34. Пораженіе этрусковъ у Сутрія 35. Союзъ съ умбр. гор. Камериномъ 36. Новая побѣда надъ этрусками и покорность этр. городовъ 37. Взятіе римлянами Аллифъ; экспедиція рим. флота къ берегамъ Кампаніи; нерѣшительная битва съ самнитянами; выборъ диктатора 38. Побѣда надъ этрусками у Вадимонскаго озера 39. Побѣда надъ самнитянами; взятіе Перузія 40. Успѣхи римскаго оружія въ Самніи и Этруріи; неудачные замыслы умбровъ 41. Удачная война съ саллентинами; битва съ самнитянами подъ Аллифами 42. Покорность герниковъ послѣ неудачной войны; успѣхи римлянъ въ Самніи 43. Побѣда надъ самнитянами и взятіе Бовіана 44. Покорность самнитянъ; разрывъ съ эквами; взятіе 31 города 45. Избраніе въ эдилы плебея Гн. Флавія; образованіе 4 городскихъ трибъ 46.

X книга. Устройство колоній и покоренныхъ городовъ; экспедиція въ Умбрію; побѣда надъ эквами 1. Экспедиція Клеонима Лакед. къ берегамъ Италіи; побѣда надъ нимъ патавійцевъ 2. Побѣда римлянъ надъ марсами; неудача въ Этруріи 3. Прибытіе диктатора и взятіе этрусскаго лагеря 4—5. Избраніе плебеевъ въ понтифики и авгуры 6—8; подтвержденіе закона объ аппелляціи къ народу; война съ эквами; осада Неквина 9. Взятіе его; неудачная попытка этрусковъ поднять галловъ противъ Рима 10. Опустошеніе Этруріи; вызывающій образъ дѣйствій самнитянъ 11. Союзъ Рима съ Луканіей; побѣды подъ Волатеррами и у Бовіана 12. Этруски и самнитяне готовятся къ новой войнѣ; избраніе въ консулы Кв. Фабія Максима 13. Блестящая побѣда надъ самнитянами 14. Побѣда надъ апулійцами; опустошеніе Самнія 15. Самнитяне стараются поднять этрусковъ 16. Разореніе самн. городовъ и обогащеніе рим. войска добычей 17.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	21 сн.	повѣлъ	повелъ
7	16 „		368г.
9	1 св.	заявли	заявили
11	22 сн.	Велерій	Валерій
12	15 „	сдѣлавъ	сдѣланъ
14	13 св.	сомниваюсь	сомнѣваюсь
„	15 „	вольскими	вольсками
15	8 „	счастливыи	счастливыя
„	10 „	напряженымъ	напряжен-нымъ
20	10 „	ставить	ставитъ
21	12 „	выдачи	выдачѣ
31	1 сн.	созватъ	созвать
34	16 „	Квинтія	Квинктія
41	21 „	вели	велѣлъ
42	12 „	378—843 гг.	378—383 гг.
43	15 „	Секстъ	Секстій
46	10 „	азспицій	авспицій
48	2 „	не могъ бы	могъ бы
69	14 св.	считалъ	считалъ бы
70	16 сн.	аторый	который
73	1 св.	фиціалы	феціалы
74	22 сн.	такъ надъ	такъ и надъ
75	16 св.	400 г.	(399) 400 г.
86	5/6 св.	распря—женіе	распоря-женіе
93	15 св.	Велерій	Валерій
105	примѣч. 4	перенести на	стр. 106.
110	13 св.	домачались	домогались
112	14 „		414 г.
123	6 сн.	пріятелей	непріятелей
127	1 св.	ознаменованный	ознаменован-нымъ
„	13 „	мачальствомъ	начальствомъ
128	7 сн.	окончилось	окончилась
145	7 „	неосматрительность	неосмотри-тельность
146	4 св.	подъ	надъ
150	7 „	штурмовъ	штурмомъ
158	13/14 „	подвержено было	подвергалось
166	1 „		433 г.
169	11 „	за стигла	застигла
174	19 сн.	ласковыя	ласковые
176	14 „		434
179	11 св.	Клавдія	Кавдія
185	16/17 сн.	на то недостатокъ	на то, недо-статокъ,
186	3 св.	водился	водится
189	7 св.		435 г.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
194	19 св.	уговио	угодно
197	16 сн.		436 г.
198	12 св.		437 г.
202	21 „		440 г.
205	1 „	измѣнѣ	въ измѣнѣ
209	3 „		441 г.
211	1 „		443 г.
215	15 „		444 г.
217	11 сн.	кто	кого
219	19 „	Фемпроній	Семпроній
222	21 „	Сутрій	Сутрію
251	5 „	изображенія мильпамъ	изображеніями пальмъ
252	14 св.	начальникамъ	начальникомъ
„ 257 „	9 сн.	но уйдутъ	не уйдутъ
„ 266 „	9 „	лучшѣ	лучше
„ 267 „	1 „	потребованію	по требованію
„ 174 „	17 св.		459 г.
„ 284 „	17 „	непріятелей	непріятелей
„ 285 „	21 сн.	въ бѣгство—	въ бѣгство.—
„ 296 „	16 „	мочами.	мечами.
„ 301 „	2 „	саажденные	осажденные